

ПРЕМИЯ ORANGE

HALF OF
A YELLOW
SUN

ЧИМАМАНДА НГОЗИ
АДИЧИ

ПОЛОВИНА
ЖЕЛТОГО

СОЛНЦА

Annotation

Красавица Оланна из богатой семьи никогда не отличалась дерзостью, как ее сестра-двойняшка Кайнене, но именно Оланна решилась оставить полную комфорта жизнь ради любви. Переезжая в маленький городок, где жил и работал ее будущий муж, профессор местного университета, она вряд ли понимала, что бесповоротно меняет свою судьбу. Деревенский мальчик Угву, поступивший в услужение в профессорский дом, тоже не догадывался, что отныне его жизнь изменится необратимо и непредсказуемо. Застенчивый молодой англичанин Ричард, приехавший в Нигерию, чтобы написать книгу, вовсе не собирался оставаться здесь навсегда. А непокорная и избалованная Кайнене вряд ли думала, что взвалит на свои хрупкие плечи ответственность за жизнь огромного числа людей. Но война, обрушившаяся на страну, не только корежила судьбы людей, но и меняла и их самих, вытаскивая наружу то, что в обычной жизни скрывается за лоском цивилизованности. Оланне, Угву, Ричарду и всем остальным героям романа предстоит пройти сквозь немыслимые ужасы войны, не раз лицом к лицу столкнуться со смертью и вновь обрести себя после страшных испытаний.

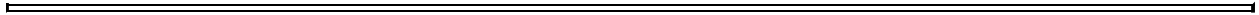
Полный напряженного драматизма роман «Половина желтого солнца» рассказывает истории нескольких людей, — истории, которые сплелись самым поразительным образом. Читатели назвали роман Адичи «африканским "Бегущим за ветром"», а британские критики присудили ему престижнейшую премию «Оранж».

-
- [Чимаманда Нгози Адичи](#)
 - [Часть I](#)
 - [Часть II](#)
 - [Часть III](#)
 - [Часть IV](#)
 - [От автора](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)

- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)

Чимаманда Нгози Адичи

Половина желтого солнца

Оба моих деда, которых я не знала, Нвойе Дэвид Адичи и Аро-Нвеке Феликс Одигве, не дожили до конца войны.

*Мои бабушки, Нвабуоду Регина Одигве и Нваммбафор Агнес Адичи, замечательные женщины, обе пережили войну. Посвящаю эту книгу их памяти: *ka fa podu na ndokwa*.^[1] И Меллитусу, где бы он ни был.*

*Я помню как сейчас —
Иссохший, тонкий, под солнцем
и в пыли в сухой сезон —
Как памятник отваге, воле к жизни.*

*Чинуа Ачебе. «Росток манго» (из сборника
«Рождество в Биафре»)*

Часть I

1

— Хозяин-то слегка того, всю жисть за границей, над книгами горбатился, а когда сидит у себя в кабинете, так сам с собой толкует, и на здрасьте не всегда ответит, а уж волосат-то как...

Угву шел рядом с тетушкой, слушая ее негромкий голос.

— Но человек он добрый, — добавила тетушка. — Будешь работать на совесть — и кормить тебя будут хорошо. Мясо каждый день будешь кушать. — Остановившись, она причмокнула и сплюнула в траву.

Угву не верил, что кто-то, пусть даже хозяин, у которого он теперь станет жить, кушает мясо *каждый день*. Но спорить не стал, поскольку слишком был исполнен радостного предвкушения и слишком занят мечтами о новой жизни вдали от родной деревни. Шли они с тетушкой давно, с тех пор как вылезли из грузовика на стоянке, и полуденное солнце нещадно пекло затылки. Но Угву не унывал. Он готов был идти час за часом, а солнце пускай себе жарит. Никогда прежде он не видел таких улиц, как за воротами университетского городка, — асфальт такой гладкий, что тянуло прижаться к нему щекой. Не подберешь слов, чтобы описать все сестре Анулике. Ярко-голубые домики выстроились в шеренгу, ну точь-в-точь нарядные человечки, а живые изгороди меж ними подстрижены до того ровно, что стали похожи на столики из листьев.

Тетушка шагала чуть впереди, стучая шлепанцами, и шаги ее разносились эхом по тихой улице. Интересно, ей тоже, как и ему, раскаленный асфальт жжет ноги сквозь тонкие подошвы? Миновали табличку «Одим — стрит», и Угву губами произнес «стрит» — он читал вслух все коротенькие английские слова, что ему попадались. Когда подошли к воротам усадьбы, пахнуло чем — то сладким, пряным — наверное, ароматом цветущих у забора кустов, аккуратно подстриженных островерхими холмиками. Трава на лужайке блестела на солнце, вокруг порхали бабочки.

— Я сказала Хозяину, что ты у нас головастый, быстро всему учишься. *Osiso-osiso*,^[2] — предупредила тетушка.

Угву вежливо кивнул, хотя слышал эти слова уже не раз, вместе с историей, как ему выпала удача: неделю назад тетушка подметала пол в

коридоре математического факультета, услышала, что Хозяин ищет слугу, чтобы в доме прибраться, и тут же вызвалась помочь — ни машинистка, ни курьер и рта раскрыть не успели.

— Я буду стараться, тетушка, — пообещал Угву. Он засмотрелся на машину в гараже — ее синий корпус опоясывала блестящая, как ожерелье, полоска металла.

— И смотри, не забывай, когда тебя кличут, отвечать «Да, сэр!».

— Да, сэр! — повторил Угву.

Они стояли перед стеклянной дверью. Угву подмывало потрогать цементную стену, так не похожую на стены маминой хижины-мазанки, хранившие отпечатки ладоней, строивших дом. На миг ему захотелось очутиться в хижине мамы, под тростниковой крышей, в прохладном сумраке. Или в домике тети, единственном в деревне крытом рифленым железом.

Тетушка постучала в стеклянную дверь, затянутую изнутри белой занавеской. Чей-то голос произнес по — английски:

— Входите, открыто.

Угву и тетушка разулись у входа. Угву еще не видал такой огромной комнаты. Коричневые кресла полукругом, столики между ними, шкафы ломятся от книг, в центре большой стол, посередине стола ваза с красными и белыми искусственными цветами, — и все равно в комнате еще полным-полно свободного места. Хозяин, в майке и шортах, сидел в кресле. Сидел не прямо, а как — то боком. Спрятал лицо за книгой и будто вовсе забыл, что к нему пришли.

— Здравствуйте, сэр! Вот он, мальчик, — сказала тетушка.

Хозяин оторвался от книги. Кожа у него была очень темная, как кора старых деревьев, а грудь и ноги в черных волосах. Он снял очки.

— Мальчик?

— Слуга, сэр.

— Ах да, вы привели слугу. *I kpotago ya.*^[3] — Язык игбо в устах Хозяина звучал мягко, напевно — так говорят на игбо те, кто часто говорит по-английски.

— Он прилежный, — заверила тетушка. — Хороший мальчик. Вы просто скажите ему, что делать надо. Спасибо, сэр!

Хозяин что-то промычал в ответ, глядя на Угву и тетушку рассеянно, будто они отвлекали его от важных мыслей. Тетушка потрепала Угву по плечу, шепнула, что все у него получится, и повернула к двери. Едва она вышла, Хозяин снова нацепил очки и уткнулся в книгу, вытянув ноги и все сильнее сползая набок. Даже когда переворачивал страницы, он не смотрел

на своего нового слугу.

Угву ждал у двери. В окна лился солнечный свет, ветерок колыхал занавески. Тишину нарушал только шорох страниц. Постояв немного, Угву стал подбираться к книжной полке, будто желая спрятаться, и неслышно опустился на пол, зажав меж коленок плетеную сумку из волокон пальмы рафии. Посмотрел на потолок, такой высокий, белый-белый. Закрыв глаза и попытался, не глядя, представить эту просторную комнату с диковинной мебелью, но ничего не получилось. Открыл глаза, вновь охваченный изумлением, и повертел головой: не сон ли это? Подумать только, он будет сидеть в этих креслах, мыть этот гладкий, скользкий пол, стирать эти прозрачные занавески!

— *Kedu afa gi?* — спросил вдруг Хозяин, и Угву вздрогнул от неожиданности и встал. — Как тебя зовут? — повторил Хозяин и сел прямо.

Он едва уместился в кресле: мускулистые руки, широкие плечи, густая копна волос. Угву-то думал, что Хозяин старый и слабый, и теперь боялся не угодить этому могучему человеку, которому помощь вроде и не нужна.

— Угву, сэр.

— Угву. Ты из Обукпы?

— Из Опи, сэр.

— А лет тебе... что-то между двенадцатью и тринадцатью. — Хозяин прищурился. — Тринадцать, пожалуй, — добавил он по-английски.

— Да, сэр.

Хозяин вновь углубился в чтение. Угву стоял не шевелясь. Пролистав несколько страниц, Хозяин снова посмотрел на него.

— *Ngwa*,^[4] ступай на кухню, возьми что-нибудь из холодильника, поешь.

— Да, сэр.

В кухню Угву вошел с опаской, шажок за шажком. Увидев белый ящик высотой почти с него самого, он сообразил: холодильник. Угву слышал про такое от тетушки. «Холодный сарай, — объясняла она, — еда в нем не портится». Угву открыл дверцу, и от дохнувшего холода у него перехватило дыхание. На полках пакеты и банки: апельсины, хлеб, пиво, лимонад, а на самом верху — лоснящаяся жиром жареная курица, почти целая, только одной ножки не хватало. Угву потрогал курицу. Холодильник тяжело дышал. Угву снова тронул курицу, облизал палец, отломил вторую ножку — и вскоре в руке осталась только дочиста обглоданная косточка. Потом оторвал большой ломоть хлеба. Ел он торопливо — а вдруг Хозяин передумает? Угву уже покончил с едой и стоял у раковины, вспоминая

тетушкины объяснения, как открывать кран, чтобы вода хлынула как из родника, и тут вошел Хозяин, уже в цветастой рубашке и брюках. Сквозь дырочки в кожаных шлепанцах виднелись пальцы ног — ухоженные, почти женские; такие пальцы бывают у тех, кто всегда ходит в обуви.

— В чем дело? — спросил Хозяин.

— Сэр?.. — Угву смущенно покосился на раковину.

Хозяин шагнул вперед, повернул блестящий металлический кран.

— Пройдись по дому, а сумку поставь в первой комнате по коридору. Я иду на улицу, проветриться, *i nido?*^[5]

— Да, сэр.

Хозяин вышел через заднюю дверь, Угву посмотрел ему вслед. Оказывается, Хозяин не очень высокий; ходит он быстрым, упругим шагом и похож на Эзеагу, первого у них в деревне борца.

Угву закрыл кран, открыл, снова закрыл. Открывал, закрывал и смеялся от радости, дивясь чудо-водопроводу и нежной курятине с хлебом, согревавшей его изнутри. Угву прошел через гостиную в коридор. Всюду книги — на полках и столах в каждой из трех спален, на раковине и тумбочке в ванной, стопки высотой до потолка в кабинете, кипы старых журналов в кладовке, рядом с ящиками колы и коробками пива «Премьер». Некоторые лежали открытые, страницами вниз, — видно, Хозяин взялся читать и отвлекся на что-то другое. Угву пытался прочесть заглавия, хотя многие оказались слишком длинными и трудными. «Непараметрические методы». «Исследование Африки». «Великая цепь бытия». «Влияние норманнского завоевания на Англию». Угву блуждал по комнатам на цыпочках, чтобы не испачкать грязными ногами пол, и чем дальше, тем сильнее хотелось ему угодить Хозяину, остаться в этом доме с прохладными полами и холодильником, набитым всякой едой и даже мясом. Он разглядывал унитаз, поглаживая черное пластмассовое сиденье, когда услышал голос Хозяина:

— Где ты, друг мой? — Слова «друг мой» Хозяин произнес по-английски.

Угву кинулся в гостиную:

— Да, сэр!

— Так как тебя зовут?

— Угву, сэр.

— *Неe апуа*, смотри, Угву. Знаешь, что это такое? — Хозяин указал на металлический ящик, утыканный подозрительными на вид кнопками.

— Нет, сэр.

— Радиола. Новая, отличная. Не надо крутить ручку, как на старых

граммофонах. Ее нужно очень беречь, очень. И чтоб ни капли воды не попало.

— Да, сэр.

— Я иду на теннис, а потом в университетский клуб. — Хозяин взял со стола несколько книг. — Когда вернусь, не знаю. Так что располагайся, отдыхай.

— Да, сэр.

Проводив глазами машину Хозяина, Угву вернулся в дом и стал разглядывать радиолу, не смея коснуться. Потом снова бродил по дому, трогая книги, занавески, мебель, посуду, а когда стемнело, включил свет и диву дался, до чего яркая лампочка светит под потолком, совсем не то, что масляные лампы дома, которые отбрасывают на стены длинные тени. Мама сейчас, наверное, готовит ужин, толчет в ступке акпу.^[6] Чиоке, младшая жена отца, варит жидкий суп в котле, стоящем на огне на трех булыжниках. Дети уже вернулись с речки и носятся наперегонки под хлебным деревом. А Анулика присматривает за ними. Она теперь самая старшая, ей улаживать ссоры младших из-за кусочков вяленой рыбы в супе. Она дождетя, пока доедут акпу, и поделит рыбу — каждому по кусочку, а самый большой возьмет себе, как делал до сих пор Угву.

Угву открыл холодильник и съел еще немножко хлеба и курицы; жевал быстро и снова набивал рот, а сердце колотилось, как от бега. Потом он оторвал несколько кусочков мяса и оба крылышка, засунул в карманы шорт и отправился в спальню. Надо их приберечь до тетушкиного приезда, пусть передаст Анулике.

Ннесиначи тоже. Уж тогда Ннесиначи наверняка обратит на него внимание. Угву не знал точно, кем приходится ему Ннесиначи, знал только, что они из одного рода, поэтому им нельзя жениться. И все равно ему было не по душе, когда мама называла Ннесиначи его сестрой: «Сходи отнеси пальмового масла матушке Ннесиначи, а если ее нет дома — отдай своей сестре».

Ннесиначи всегда говорила с ним рассеянно, блуждая взглядом по сторонам, будто ей дела нет до него. Иногда путала Угву с Чиеджиной, двоюродным его братом, хотя они совсем не похожи, а когда Угву поправлял ее, отвечала: «Прости, Угву, мой брат». Вежливо отвечала, но холодно, чтобы он к ней больше не приставал. И все равно Угву нравилось бегать к ней в дом со всякими поручениями. Он знал, что можно будет увидеть, как Ннесиначи, низко склонившись над очагом, раздувает огонь, или помогает матери резать листья тыквы угу для супа, или просто сидит возле дома и смотрит за малышами, и ее накидка чуть приоткрывает грудь.

С тех пор как стали торчать эти острые груди, Угву было интересно, какие они на ощупь — мягкие или, наоборот, плотные, как незрелые плоды дерева уба.^[7] Жаль, что Анулика такая плоская, — и непонятно почему, ведь они с Ннесиначи почти ровесницы, — а то он потрогал бы сначала ее грудь. Анулика, конечно, хлопнет его по руке, а то и по щеке, но он времени терять не станет: хватать — и убежит. Но будет знать хотя бы, чего ожидать, когда он прикоснется к груди Ннесиначи.

Если вообще когда-нибудь прикоснется. Ведь дядя Ннесиначи пригласил ее в Кано учиться ремеслу. Она уедет на Север к концу года, как только ее младший брат, которого она таскает на себе, встанет на ножки. Угву порадоваться бы за нее вместе со всей родней: как — никак на Севере можно разбогатеть, люди уезжают туда торговать, а воротясь домой, сносят хижины и строят дома с крышами из рифленого железа. Но наверняка Ннесиначи приглянется какому-нибудь толстопузому торговцу, тот явится к ее отцу с пальмовым вином, а Угву тогда останется только попрощаться с грудью Ннесиначи. Угву приберегал их — ее груди — напоследок в те ночи, когда ласкал себя, сперва потихоньку, потом все сильней, покуда не вырывался глухой стон. Вначале он всегда воображал ее лицо, круглые щеки, зубы, капельку желтоватые, как слоновою костью, потом — ее объятия и уже под конец — ее груди; он представлял их то упругими — так бы и куснул, — то такими мягкими, что боялся своими воображаемыми ласками причинить ей боль.

В эту ночь Угву тоже хотел помечтать о ней, но удержался. Только не в первую ночь в доме Хозяина, только не на этой кровати, совсем не похожей на плетеный коврик из рафии, оставшийся дома. Угву пощупал толстый матрас. Посмотрел, сколько на нем слоев разной ткани, — на них спят или убирают перед сном? Подумав, улегся поверх покрывал, сжавшись в комок.

Ему приснилось, будто Хозяин зовет его: «Угву, друг мой!» Он проснулся — Хозяин стоял в дверях и смотрел на него. Значит, это не сон. Угву слез с кровати и оторопело глянул на окна с задернутыми шторами. Уже поздно? Выходит, он разнежился на мягкой кровати и проспал? Обычно он вставал с первыми петухами.

— Доброе утро, сэр!

— Чую жареную курицу.

— Простите, сэр.

— Где курица?

Угву выудил из карманов шорт кусочки курятины.

— У вас в поселке принято есть во сне? — спросил Хозяин. Он был в странном одеянии, смахивающем на женское пальто, и рассеянно теребил

повязанную вокруг пояса веревку.

— Что, сэр?

— Ты хотел позавтракать в постели?

— Нет, сэр.

— Продуктам место на кухне или в столовой.

— Да, сэр.

— Сегодня убери на кухне и в ванной.

— Да, сэр.

Хозяин вышел, а Угву, дрожа всем телом, остался посреди комнаты с куриным крылышком в протянутой руке. Вот досада, что путь в кухню лежит через столовую. Со вздохом сунув свой трофей обратно в карман, Угву потопал из комнаты. Хозяин сидел за столом, перед ним на стопке книг стояла чашка чая.

— Знаешь, кто настоящие убийцы Лумумбы? — спросил он Угву, подняв взгляд от журнала. — Американцы и бельгийцы. А Катанга^[8] ни при чем.

— Да, сэр. — Угву хотелось, чтобы Хозяин продолжал говорить, хотелось слушать и слушать его густой голос, мелодичную смесь игбо с английскими словами.

— Ты мой слуга, — продолжал Хозяин. — Если я прикажу тебе выйти на улицу и избить палкой женщину и ты поранишь ей ногу, кто будет в ответе — ты или я?

Угву смотрел на Хозяина, качая головой: неужто так странно на курицу намекает?

— Лумумба был премьер-министром Конго. Знаешь, где Конго?

— Нет, сэр.

Хозяин вскочил и исчез в кабинете. Угву втянул голову в плечи от стыда и страха. Неужели Хозяин отправит его домой за то, что он по-английски скверно говорит, курицу в карман сует и не знает чужих названий? Хозяин принес большой лист бумаги и разложил на столе, сдвинув в сторону книги и журналы. Начал показывать ручкой:

— Вот наш мир, хотя те, кто чертил карту, свою землю поместили над нашей. На самом деле нет ни верха, ни низа, ясно? — Хозяин свернул лист в трубку — Наша Земля круглая, без конца и края. *Nee anya*, смотри, это все вода, моря-океаны, а здесь Европа, а вот наш континент, Африка. Конго в середине. Чуть выше по карте — Нигерия, а вот Нсукка, на юго-востоке. Здесь мы живем. — Хозяин ткнул ручкой.

— Да, сэр.

— Ты в школу ходил?

— Окончил два класса. Но я всему быстро учусь.

— Два класса? Давно?

— Несколько лет назад, сэр. Но я всему быстро учусь.

— Почему ты бросил школу?

— У отца был неурожай, сэр.

Хозяин задумчиво кивнул.

— И отец не нашел, у кого взять в долг на твою учебу?

— Что, сэр?

— Твой отец должен был занять денег! — отрезал Хозяин и продолжал по-английски: — Образование превыше всего. Как противостоять угнетению, если мы не понимаем его сути?

— Да, сэр! — Угву с готовностью кивнул. Хотелось быть на высоте.

— Я запишу тебя в начальную школу при университете. — Хозяин постукивал ручкой по листу бумаги.

Тетушка обещала Угву, что за хорошую службу Хозяин через несколько лет отдаст его в коммерческое училище, где учат машинописи и стенографии. Про начальную школу при университете она тоже упоминала, но сказала, что там учатся дети преподавателей и ходят они в синей форме и белых узорчатых носках такой тонкой работы, что диву даешься, сколько труда потрачено на безделицу.

— Да, сэр, — отозвался Угву. — Спасибо, сэр.

— Пойдешь в третий класс, наверняка будешь там самым старшим, — продолжал Хозяин. — И чтобы тебя уважали, хочешь не хочешь, а придется стать лучшим. Понял?

— Да, сэр!

— Садись, друг мой.

Угву выбрал самый дальний от Хозяина стул и уселся неловко, ноги вместе. Стоять было удобнее.

— На все, что тебе будут рассказывать в школе об Африке, есть два ответа: правдивый — и тот, что нужен на экзамене. Ты должен читать книги и знать оба ответа. Книги я тебе дам, прекрасные книги. — Хозяин глотнул чаю. — В школе тебе скажут, что реку Нигер открыл белый по имени Мунго Парк.^[9] Ерунда. Наши предки ловили в Нигере рыбу, когда ни Мунго Парка, ни его дедушки на свете не было. Но на экзамене напишешь: Мунго Парк.

— Да, сэр. — Чем этот самый Мунго Парк так досадил Хозяину?

— А кроме «да, сэр» ты ничего не умеешь говорить?

— Сэр...

— Спой мне песню. Какие песни ты знаешь? Давай!

Хозяин снял очки. Брови его были сдвинуты, лицо серьезное. Угву запел старую песню, которую слышал на ферме у отца. Сердце больно колотилось. «*Nzogbo nzogbu, enyimba, enyi...*». ^[10]

Начал Угву тихонько, но Хозяин постучал ручкой по столу: «Громче!» И Угву запел в полный голос, а Хозяин все требовал: «Громче», пока Угву не сорвался на крик. Прослушав песню несколько раз, Хозяин остановил его:

— Хватит, хватит. Умеешь заваривать чай?

— Нет, сэр. Но я быстро учусь. — Пение расслабило Угву, дышать стало легче, и сердце уже не выпрыгивало из груди. И он окончательно убедился, что Хозяин сумасшедший.

— Обедаю я обычно в университетском клубе. Но раз теперь нас двое, буду приносить побольше еды домой.

— Сэр, я умею готовить.

— Умеешь готовить?!

Угву кивнул. Немало вечеров провел он рядом с матерью, когда та стряпала. Разводил для нее огонь, раздувал угли, если пламя затухало. Чистил и толок ямс и маниоку, шелушил рис, выбирал долгоносиков из бобов, чистил лук, молот перец. Часто, когда мать хворала, сильно кашляла, Угву жалел, что ее заменяет не он, а Анулика. Но никому не признавался, даже Анулике, сестра и без того над ним смеялась — мол, вечно ты возишься на кухне с женщинами, так у тебя борода никогда не вырастет.

— Ну, можешь готовить для себя, — сказал Хозяин. — Напиши, что тебе нужно из продуктов.

— Да, сэр.

— Ты ведь не знаешь дорогу до рынка? Попрошу Джомо, он тебе покажет.

— Джомо, сэр?

— Джомо ухаживает за садом, приходит трижды в неделю. Большой чудак: как-то раз при мне разговаривал с кустом кротона. — Хозяин помолчал. — Завтра он будет здесь.

Чуть позже Угву составил список продуктов и отдал Хозяину. Тот долго изучал листок.

— Крайне любопытно, — произнес он по-английски. — Надеюсь, в школе тебя научат не пропускать гласные.

Угву уязвила насмешка на лице Хозяина.

— Нам нужны доски, сэр, — сказал он.

— Какие доски?

— Для ваших книг, сэр. Я бы их расставил.

— А-а, полки. Для полок у нас место найдется — скажем, в коридоре. Я договорюсь с кем-нибудь в мастерской.

— Да, сэр.

— Оденигбо. Зови меня Оденигбо.

Угву недоуменно уставился на Хозяина.

— Сэр...

— Меня зовут не сэр, а Оденигбо.

— Да, сэр.

— Меня зовут Оденигбо. Говорить «сэр» необязательно. Завтра и ты можешь стать сэром.

— Да, сэр... Оденигбо.

Слово «сэр» нравилось Угву больше, оно дышало упругой силой, и несколько дней спустя, когда пришли двое плотников из мастерской прибавить полки в коридоре, Угву попросил их дожидаться, когда придет Сэр, — сам он не мог расписаться на белом листе бумаги с набранными на машинке словами. «Сэр» он произнес с гордостью.

— Его слуга-деревенщина, — презрительно бросил один из мастеров другому, и Угву вполголоса пожелал ему и всем его потомкам до конца дней мучиться жестоким поносом. Позже, расставляя книги Хозяина, Угву дал себе слово научиться подписывать документы.

Шли недели. Угву вдоль и поперек изучил дом и сад; на дереве кешью нашел гнездо диких пчел, а перед домом — местечко, куда в полуденный зной слетались бабочки; столь же внимательно изучал он привычки Хозяина. По утрам подбирал «Дейли тайме» и «Ренессанс», что бросал у дверей разносчик, и оставлял у Хозяина на столе, рядом с хлебом и чашкой чая. Мыл «опель», пока Хозяин завтракал, и еще раз — когда тот, вернувшись с работы, отдыхал перед теннисом. В дни, когда Хозяин час за часом просиживал в кабинете, Угву ходил по дому на цыпочках. Если Хозяин шагал по коридору, громко разговаривая сам с собой, Угву кипятил воду для чая. Полы он мыл каждый день. Жалюзи протирал так старательно, что они сверкали на солнце. Замечал каждую трещинку на ванне и до блеска мыл блюдца, в которых подавал орех кола друзьям Хозяина. Гости бывали в доме каждый день, не меньше двух человек; радиолоа в гостиной играла странную тихую музыку, и сквозь нее до Угву долетали разговоры, смех, звон бокалов, пока он возился на кухне или в коридоре гладил одежду Хозяина.

Угву старался взять на себя побольше работы, чтобы Хозяин во что бы то ни стало держал его при себе, и вот однажды утром он погладил Хозяину

носки. Черные полосатые носки не были мятыми, но Угву решил, что, если их погладить, будет еще лучше. Раскаленный утюг зашипел; Угву поднял его — половина носка приклеилась. Угву окаменел от ужаса. Хозяин сейчас в столовой, доедает завтрак, а через минуту придет обуваться, возьмет с полки папки и помчится на работу. Угву хотел было спрятать носок под стул и достать из шкафа новую пару, но ноги будто приросли к полу. Он стоял с испорченным носком в Руках и обреченно ждал прихода Хозяина.

— Ты погладил носки? — спросил Хозяин. — Жалкий неуч. — Слова «жалкий неуч» прозвучали музыкой.

— Простите, сэр! Простите!

— Я просил не называть меня «сэр». — Хозяин взял с полки папку. — Я опаздываю.

— Принести другую пару, сэр? — предложил Угву, но Хозяин уже сунул ноги в туфли и умчался без носков. Хлопнула дверца машины, взревел мотор. У Угву было тяжело на сердце: ну зачем он погладил носки, нет бы погладить коричневый костюм! Злые духи, вот кто виноват. Злые духи его с толку сбивают. Они всюду маячат. Однажды, когда Угву упал с дерева, и всякий раз, когда он болел лихорадкой, мать растирала его оквумой^[11] и приговаривала: «Мы их победим, они отступят».

Угву вышел во двор, обогнул аккуратно подстриженный газон, по краю выложенный камнями. Злые духи отступят. Он не сдастся. В глубине газона, как островок посреди зеленого моря, темнела круглая проплешина с тощей пальмой. Эта пальма-недомерок с пышными листьями была в диковинку Угву. Вряд ли она давала плоды, слишком уж хилая, на вид совершенно бесполезная, как и большинство растений на участке. Угву поднял камешек и запустил вдаль. Столько земли пропадает зря! В его родном поселке распахивали каждый клочок и сажали полезные растения — овощи, травы. Его бабушке незачем было выращивать свою любимую травку, аригбе, она и так росла повсюду. Бабушка говорила, что аригбе смягчает мужское сердце. Она была второй из трех жен и не имела тех преимуществ, которыми пользуется старшая или младшая жена, и, если надо было попросить мужа о чем-то, варила для него пряную ямсовую кашу с аригбе. По словам бабушки, аригбе ни разу не подводила. Может, эта травка смягчила бы и сердце Хозяина.

Угву обошел усадьбу в поисках аригбе. Посмотрел и под розовыми цветами, и под деревом кешью с губчатым пчелиным гнездом на ветке, и под лимонным деревом, по стволу которого сновали черные муравьи, и под папайями, на которых поспевающие плоды были исклеваны птицами. Но всюду было чисто, ни травинки; Джомо старательно изводил сорняки,

истреблял все, по его мнению, ненужное.

В первый раз увидев Джомо, Угву поздоровался, а тот лишь молча кивнул и продолжал работать. Этот сморщенный человечек словно нуждался в поливе еще сильнее растений, на которые направлял жестяную лейку. Джомо все же поднял глаза на Угву «*Afa m bi Jomo*,^[12] — объявил он, хотя Угву знал его имя. — Еще меня называют Кеньятта, в честь знаменитого кенийца. Я охотник».

Угву растерялся, потому что Джомо сверлил его взглядом, будто ждал рассказа о славных подвигах самого Угву.

— На кого вы охотитесь? — спросил Угву.

Джомо просиял, точно ждал именно этого вопроса, и пустился в рассказы об охоте. Угву слушал, сидя на ступеньках заднего крыльца. С самого начала он не верил историям Джомо — как тот поборол голыми руками леопарда или убил одним выстрелом двух бабуинов, — но слушать было интересно, и он оставлял стирку на те дни, когда приходил Джомо, чтобы стирать на улице, пока Джомо работал. Джомо делал все не спеша, без суеты. Когда он рыхлил, поливал, сажал, каждое его движение было исполнено глубокого смысла. Подстригая живую изгородь, он мог неожиданно поднять взгляд со словами: «Неплохое мясо» — и шел к велосипеду, чтобы нащарить рогатку в сафьяновой сумке, привязанной к багажнику. Как-то раз он камнем сбил с дерева кешью дикого голубя, завернул в листья и спрятал в сумку.

— Без меня к сумке не подходи, — предупредил он Угву. — Там может оказаться человеческая голова.

Угву посмеялся, конечно, но и не сказать, чтобы совсем не поверил Джомо. Сегодня у Джомо был выходной, а жаль. Вот бы у кого узнать про аригбе, а заодно спросить совета, как задобрить Хозяина.

Угву вышел за ворота и стал искать аригбе среди придорожных трав. Ну наконец. Он увидел возле корней казуарины знакомые морщинистые листья. Еще ни разу не учуял он терпкого аромата аригбе в безвкусной еде, что Хозяин приносил из университетского клуба, а вот он приготовит рагу с аригбе, подаст Хозяину с рисом и станет умолять: «Пожалуйста, не прогоняйте меня, сэр. Я отработаю за носок. Я заработаю на новую пару». Вообще-то непонятно, как добыть денег на новые носки, но все равно нужно сказать Хозяину.

Если аригбе смягчит сердце Хозяина, можно будет посадить ее вместе с другими травами на заднем дворе. Нужно спросить у Хозяина разрешения заняться огородом, тем более что в школу ходить пока не надо — директриса не согласилась взять его посреди четверти. Хотя не слишком ли

многого он хочет? Что толку мечтать о грядке с зеленью, если Хозяин не простит ему испорченный носок и выгонит? Угву поспешил на кухню, бросил аригбе на стол и отмерил рису.

Прошло несколько часов; у Угву заняло в животе, когда он услышал скрежет гравия и гул мотора: Хозяин приехал! Угву мешал рагу, до боли стискивая черпак, и внутри у него тоже все сжималось от боли. Вдруг Хозяин и слушать его не станет, а сразу выгонит? Что тогда сказать родне?

— Здравствуйте, сэр... Оденигбо, — выпалил Угву, едва Хозяин переступил порог кухни.

— Здравствуй, здравствуй, — отозвался Хозяин. В одной руке он держал портфель, другой прижимал к груди стопку книг.

Угву кинулся к нему, подхватил книги.

— Сэр, будете кушать? — спросил он по-английски.

— А что ты приготовил?

Внутри у Угву все сжалось еще сильнее. Он боялся лопнуть, когда наклонился к столу положить книги.

— Рагу, сэр. Очень вкусное рагу, сэр.

— Рагу? Ладно, попробую.

— Да, сэр!

— Зови меня Оденигбо! — отрезал Хозяин по пути в ванную.

Подал рагу с рисом, Угву встал в дверях кухни, наблюдая за Хозяином. Тот взял вилку, попробовал кусочек, другой. И воскликнул: «Превосходно, друг мой!»

— Сэр, я могу посадить травы на грядке. Чтобы и дальше готовить рагу.

— На грядке? — Хозяин хлебнул воды, перевернул страницу журнала. — Нет, нет, нет! Твое дело — дом, а садом пусть Джомо занимается. Разделение труда, друг мой. Нужна будет зелень — попросим Джомо.

— Да, сэр, — Угву понравилось, как прозвучало по — английски «разделение труда, друг мой», хотя сам он уже присмотрел втихаря подходящее место для огорода — возле флигеля для слуг, куда Хозяин никогда не ходил. Нельзя доверять Джомо грядку с зеленью, надо ухаживать за ней самому, когда Хозяина нет, — чтобы никогда не переводилась аригбе, трава прощения. Лишь к вечеру Угву понял, что Хозяин забыл про сожженный носок еще до прихода домой.

Стал он догадываться и о многом другом. Понял, что он не совсем обычный слуга. К примеру, слуга доктора Океке из соседнего дома спал не на кровати в отдельной комнате, а на полу в кухне. А слуга из дома в конце

улицы, с которым Угву ходил на рынок, готовил не что ему вздумается, а что прикажут. И никому из слуг хозяева не давали книг со словами: «Отличная вещь, прочти обязательно».

В книгах Угву многое было непонятно, но он рьяно демонстрировал, что читает. Далеко не все понимал он и в разговорах Хозяина с друзьями, но все равно слушал и запоминал, что мир не должен оставаться равнодушным к убийству чернокожих в Шарпвилле; что над Россией сбит самолет-разведчик — и поделом американцам; что де Голль делает глупости в Алжире; что ООН никогда не избавится от Чомбе^[13] в Катанге. То и дело Хозяин вставал, поднимал руку с бокалом и повышал голос. «За храброго чернокожего американца, принятого в Университет Миссисипи!» «За Цейлон и первую в мире женщину-премьера!» «За Кубу, победившую американцев в их же игре!» Угву нравилось слушать перезвон бокалов и пивных бутылок.

По выходным собиралось больше гостей, чем по будням, и, когда Угву приносил им выпить, Хозяин иногда представлял его — ясное дело, по-английски: «Угву помогает мне по хозяйству. Очень смысленный парень». Угву молча откупоривал пиво и кока-колу, а гордость теплой волной разливалась по всему телу от кончиков пальцев. Особенно льстило ему, когда Хозяин представлял его иностранцам — скажем, мистери Джонсону с Карибского моря, который заикался, или профессору Леману, гнусавому белому американцу с глазами пронзительно-зелеными, как молодая листва. В первый раз его увидев, Угву оробел — он думал, глаза цвета травы бывают только у злых духов.

Очень скоро Угву запомнил самых частых гостей и стал приносить их любимые напитки, не дожидаясь приказа Хозяина. Индус доктор Патель всегда пил пиво «Голден Гинеа» с кока-колой. Хозяин называл его Док. Когда Угву приносил орех кола, Хозяин, прежде чем благословить орех на игбо, каждый раз говорил: «Знаете, Док, орех кола по-английски не понимает». Доктор Патель неизменно хохотал от души, откидываясь на спинку дивана и дрыгая коротенькими ножками, будто впервые слышал шутку. Но когда Хозяин, расколов орех, пускал по кругу блюдце, доктор Патель всегда брал дольку и прятал в карман; при Угву он ни разу не съел орех.

Захаживал долговязый профессор Эзека; голос у него был очень сиплый, почти шепот. Свой бокал он всегда подносил к свету, проверяя, хорошо ли Угву его вымыл. Он то приходил с бутылкой джина, то просил чаю и разглядывал сахарницу и банку сгущенки, бормоча: «Свойства бактерий поистине удивительны».

Был еще Океома, заходил чаще всех и засиживался дольше остальных. На вид самый молодой из гостей, он всегда носил шорты, а его густые волосы с косым пробором были еще длиннее, чем у Хозяина, только спутанные, будто их редко касалась расческа. Океома пил фанту. Иногда он читал вслух свои стихи, держа в руках кипу листов, и Угву сквозь щелку в кухонной двери видел, как все слушают с неподвижными лицами, боясь дохнуть. Потом Хозяин, хлопая, восклицал: «Голос поколения!» — и аплодисменты продолжались, пока Океома не обрывал их резко: «Хватит!»

Наконец, была мисс Адебайо; она пила бренди, как Хозяин, и вовсе не походила на сотрудницу университета, какими представлял их Угву. О сотрудницах университета ему рассказывала тетушка. Уж она-то знала, ведь днем работала уборщицей на факультете естественных наук, а по вечерам — официанткой в университетском клубе, и еще преподаватели иногда приглашали ее убирать в своих домах. Тетушка говорила, что женщины из университета держат на полках снимки студенческих лет из Ибадана, Англии и Америки, на завтрак едят недоваренные яйца, носят парики с прямыми волосами и длинные платья по щиколотку. Она рассказывала, как однажды на вечеринку в университетский клуб приехала пара на красивом «пежо-404» — мужчина в модном кремовом костюме и женщина в зеленом платье. Все залюбовались, когда они вылезли из машины и пошли рука об руку, но тут с головы женщины ветром сдуло парик. И все увидели, что она лысая. «А все потому, — говорила тетушка, — что расправляют волосы раскаленными расческами. Вот и остаются без волос».

Угву представлял лысую женщину красавицей со вздернутым носиком, а не с приплюснутым, как у всех. Воображал хрупкость неземную, мысленно видел женщину, у которой смех, голос, дыхание — все нежнее цыплячьего пуха. Но совсем иные женщины встречались ему в гостях у Хозяина, на улице и в магазинах. Почти все носили парики (только некоторые заплетали волосы в косички) и вовсе не походили на хрупкие тростинки. Все шумные, горластые, а самая шумная — мисс Адебайо. По фамилии можно было и так догадаться, что она не игбо, а однажды Угву встретил ее со служанкой на рынке, и обе тараторили на йоруба. Мисс Адебайо предложила подвезти Угву до университетского городка, но Угву поблагодарил и сказал, что возьмет такси, ему надо еще много чего купить. На самом-то деле все нужное он уже купил, просто не хотел ехать с ней в машине, ему не нравилось, что в гостинной она всегда пытается перекричать Хозяина, вызвать на спор. Угву всякий раз сдерживался, чтобы не крикнуть ей из кухни: «Заткнись!» — особенно когда она называла Хозяина

софистом. Угву не знал, что значит софист, но все равно огорчился. Не нравились Угву и ее взгляды в сторону Хозяина. Даже если говорил кто-то другой, она все равно смотрела на Хозяина. Как-то раз Океома разбил бокал, и Угву зашел убрать осколки. Уходить он не спешил — слушать разговоры лучше в гостиной, чем на кухне, тем более что профессора Эзеку из кухни и вовсе не слышно.

— Необходим всеафриканский отклик на события в Южной Африке... — говорил профессор Эзека.

Хозяин перебил его:

— Знаете ли, панафриканизм — на самом деле выдумка европейцев.

— Вы уходите от темы. — Профессор Эзека с обычным самодовольством покачал головой.

— Может быть, и выдумка европейцев, — вмешалась мисс Адебайо, — но по большому счету все мы — одна раса.

— По какому такому счету? — переспросил Хозяин. — По большому счету белого человека! Неужели не видно, что все мы разные и только для белых мы на одно лицо?

Угву замечал, что Хозяин легко срывался на крик, а после третьей рюмки бренди начинал размахивать руками и мало-помалу съезжал на самый краешек кресла. По ночам, когда Хозяин уже спал, Угву садился в его кресло и, подражая ему, беседовал с воображаемыми гостями, тщательно выговаривал слова «деколонизация» и «всеафриканский» и тоже ерзал в кресле, пока не оказывался на самом краю.

— Разумеется, все мы похожи в одном — нас притесняют белые, — сухо сказала мисс Адебайо. — И панафриканизм — самый разумный ответ.

— Да-да, конечно, но я о том, что африканец по — настоящему отождествляет себя лишь со своим племенем, — ответил Хозяин. — Я нигериец, потому что белые создали Нигерию и назвали меня нигерийцем. Я черный, поскольку белые делят людей на расы, чтобы подчеркнуть свое отличие от нас. Но прежде всего я — игбо, ведь наш народ существовал и до прихода белых.

Профессор Эзека, сидевший нога на ногу, хмыкнул, покачал головой.

— Но лишь благодаря белым вы осознали себя как игбо. Национальная идея игбо появилась, чтобы противостоять господству белых. Поймите, племя сегодня — точно такой же продукт колониализма, как государство и раса. — Сняв левую ногу с правой, профессор Эзека забросил правую на левую.

— Национальная идея игбо существовала задолго до белых! — закричал Хозяин. — Расспросите старейшин в родной деревне о вашей

истории!

— Вся беда в том, что Оденигбо — националист до мозга костей, надо его утихомирить, — сказала мисс Адебайо. И изумила Угву до крайности: вскочила со смехом, подошла к Хозяину и зажала ему рот рукой. И простояла, как показалось Угву, целую вечность, прилепив ладонь к губам Хозяина. Угву представил, как на ее пальцах остается слюна Хозяина вперемешку с бренди. Ошеломленный, он собрал осколки бокала. А Хозяин сидел как ни в чем не бывало, покачивая головой, будто находил эту сцену очень забавной.

С той поры мисс Адебайо стала совсем невыносимой и все больше походила на летучую мышь: острая мордочка и цветные платья, хлопающие вокруг нее крыльями. Угву подносил ей бокал в последнюю очередь, а когда она звонила в дверь, не спешил открывать, долго и тщательно вытирая руки кухонным полотенцем. Он боялся, что мисс Адебайо выйдет за Хозяина замуж, приведет в дом горничную йоруба, Уничтожит его грядку с зеленью и станет указывать, Что готовить. Боялся, пока не услышал разговор Хозяина с Океомой.

— Домой она сегодня явно не торопилась, — говорил Океома. — *Nwoke m,*^[14] так ты точно не хочешь с ней переспать?

— Не болтай чепухи.

— Не бойся, в Лондоне никто не узнает.

— Послушай...

— Знаю, она не в твоём вкусе. И вообще ума не приложу, что женщины в тебе находят.

Океома засмеялся, и у Угву отлегло от сердца. Он не хотел, чтобы мисс Адебайо — или другая женщина — водворилась в доме и нарушила привычный ход их жизни. Иногда по вечерам, когда гости расходились раньше обычного, Угву устраивался на полу в гостиной и слушал рассказы Хозяина. Говорил Хозяин обычно о чем-то мудреном, словно из-за бренди забывал, что Угву — не один из его гостей. Но Угву было все равно, лишь бы слушать его густой голос, плавную речь, пересыпанную английскими словами, смотреть, как поблескивают толстые стекла очков.

Угву служил уже четыре месяца, когда однажды Хозяин объявил:

— На выходные ко мне приезжает особенная гостья. Особенная. В доме должна быть чистота. Все блюда я закажу в университетском клубе.

— Но, сэр, я и сам могу приготовить, — вскинулся Угву, почуввав неладное.

— Она вернулась из Лондона, друг мой, и любит рис, приготовленный по-особому. Кажется, жареный. Вряд ли у тебя получится как надо. —

Хозяин направился к двери.

— Получится, сэр, — горячо заверил Угву, хотя впервые услышал про жареный рис. — Можно я приготовлю рис, а вы принесете курицу из университетского клуба?

— Вот оно, искусство переговоров! — произнес по — английски Хозяин. — Ладно уж, готовь рис.

— Да, сэр.

В тот день Угву вымыл полы и вычистил туалет, как всегда, старательно, но Хозяин сказал, что в доме грязно, сбегал еще за одной банкой порошка для ванны и спросил сердито, почему грязь между плитками. Угву вновь принялся драить. С него градом катил пот, рука заняла от усердия. В субботу, стоя у плиты, он злился: никогда еще Хозяин не жаловался на его работу. А всему виной гостья — такая, видите ли, особенная, что он, Угву, недостоин для нее стряпать. Подумаешь, только что из Лондона!

Когда в дверь позвонили, Угву выругался про себя: чтоб ты дерьма объелась! Раздался громкий голос Хозяина, по-детски радостный, потом — тишина, и Угву представил Хозяина в обнимку с той уродиной. Но, услышав ее голос, застыл как вкопанный. Он-то думал, что Хозяин говорит по-английски лучше всех, что с ним никто не сравнится — ни профессор Эзека, которого почти не слышно, ни Океома, говоривший на английском с интонациями и паузами игбо, ни Патель, бубнивший под нос. Даже белому профессору Леману далеко было до Хозяина. Английский в устах Хозяина звучал как музыка, но то, что исходило из уст гостьи, было чудом. Язык высшей пробы, блестящий, благородный; так говорят дикторы по радио — плавно и отчетливо. Она будто нарезала острым ножом ямс: каждое слово, как каждый ломтик, — само совершенство.

— Угву! — позвал Хозяин. — Принеси кока-колу!

Угву вошел в гостиную. От гостьи пахло кокосом.

Угву поздоровался еле слышно, не поднимая глаз.

— *Kedu?*^[15] — спросила она.

— Хорошо, мэм.

Угву так и не взглянул на нее. Пока он откупоривал бутылку, Хозяин что-то сказал, и гостья засмеялась. Угву приготовился налить ей в бокал холодной кока — колы, но она прикоснулась к его руке:

— *Rariba*, не беспокойся, я сама.

Ладонь ее была чуть влажная.

— Да, мэм.

— Твой хозяин рассказывал, как чудесно ты за ним ухаживаешь, Угву

— Ее игбо звучал мягче, чем английский, и Угву был разочарован, услышав, как непринужденно лилась ее речь. Уж лучше бы она изъяснялась на игбо с трудом; Угву не ожидал, что безукоризненный игбо может соседствовать со столь же безупречным английским.

— Да, мэм, — промямлил он, по-прежнему глядя в пол.

— Чем ты нас угостишь, друг мой? — спросил Хозяин, хотя и так знал. Голос у него был такой сладкий, что аж противно.

— Сейчас несу, сэр, — ответил Угву по-английски и сразу пожалел, что не сказал по-другому: «Сию минуту подам». Красивее прозвучало бы, и она обратила бы внимание. Накрывая в столовой, Угву старался не оборачиваться в сторону гостиной, хотя оттуда долетал ее смех и голос Хозяина с новыми, неприятными нотками.

Только когда Хозяин и гостя садились за стол, Угву решился на нее взглянуть. Овальное лицо, гладкая кожа удивительного цвета — как земля после дождя, глаза большие, но не круглые, а сужающиеся к уголкам. Неужели она ходит и разговаривает, как все другие прочие? Ее место — в стеклянном ящике вроде того, что у Хозяина в кабинете, тогда люди могли бы любоваться плавными изгибами ее пышного тела, ее длинными, до плеч, волосами, заплетенными в косички с пушистой кисточкой на кончике. Она часто улыбалась, показывая зубы, такие же ярко-белые, как белки ее глаз. Угву, наверное, целую вечность стоял и таращился на нее, пока Хозяин не сказал:

— Это не самое удачное блюдо Угву. Он делает отличное рагу.

— Рис пресный, но лучше уж пресный, чем невкусный. — Она улыбнулась Хозяину и обратилась к Угву: — Я научу тебя правильно готовить рис, почти без масла.

— Да, мэм, — кивнул Угву.

Не зная, как готовить жареный рис, он просто поджарил его на арахисовом масле, втайне надеясь, что от такого угощения оба сразу побегут в туалет. Зато теперь он мечтал приготовить первоклассный обед — вкусный рис джоллоф^[16] или свое фирменное рагу с аригбе, — чтобы показать ей свое искусство. Угву нарочно медлил с мытьем посуды, чтобы плеск воды не заглушал ее голос. Подавая им чай, он несколько раз переключал печенье на блюде, чтобы подольше задержаться и послушать ее, пока Хозяин не поторопил его: «И так хорошо, друг мой». Звали ее Оланна. Но Хозяин произнес ее имя всего однажды; он все время называл ее *нкем*, «моя женщина». Они обсуждали ссору между премьерами Севера и Запада, и вдруг Хозяин проронил: подождем, пока ты переедешь в Нсукку, ведь осталось всего несколько недель. Угву затаил дыхание. Уж не

ослышался ли он? Хозяин, смеясь, продолжал: «Но мы будем жить здесь вместе, нкем, а квартиру на Элиас — авеню ты тоже можешь оставить».

Она переедет в Нсукку. Она будет жить в этом доме. Угву отошел от двери и устался на кастрюлю на плите. Отныне жизнь его изменится. Он научится готовить жареный рис, будет экономить масло и подчиняться ее приказам. Угву стало грустно, но в его грусти чего — то не хватало; он был и надежды полон, и какой-то непонятной радости.

В тот же вечер, когда Угву стирал белье Хозяина на заднем дворе под лимонным деревом, он поднял глаза от тазика с мыльной водой и увидел ее — она стояла в дверях, глядя на него. Угву решил, что ему померещилось, ведь те, о ком он много думал, часто приходили к нему в мечтах. Он без конца вел воображаемые беседы с Ануликой, а перед сном, когда он ласкал себя, на миг являлась Ннесиначи с загадочной улыбкой. Но Оланну он видел наяву. Она шла к нему через двор. Она была в одном только покрывале, завязанном на груди, и Угву представил ее желтым плодом кешью, спелым и красивым.

— Вам что-нибудь нужно, мэм? — спросил Угву. Казалось, если дотронуться до ее лица, то кожа ее на ощупь будет гладкой, как масло, которое Хозяин достает из бумажной обертки и намазывает на хлеб.

— Давай помогу. — Она указала на простыню, что полоскал Угву, и тот медленно вынул ее из таза. Оланна взялась за один конец и отступила. — Выкручивай.

Они вместе выжимали простыню, держась за концы и глядя, как с нее струйками течет вода. Простыня норовила выскользнуть из рук.

— Спасибо, мэм, — поблагодарил Угву и от ее ответной улыбки будто стал выше ростом.

— Смотри, вон те папайи почти созрели. *Lotekwa*, не забудь собрать.

И голос ее, и сама она казались гладкими, полированными, как камешек на дне ручья, отшлифованный за долгие годы искристой водой, и смотреть на нее было все равно что любоваться таким камешком. Она направилась к дому; и Угву глядел ей вслед.

Он не хотел ни с кем делить заботу о Хозяине, боялся, что привычный порядок их с Хозяином жизни пошатнется, и все же мысль, что он может никогда ее не увидеть, была невыносима. Поздно вечером, после ужина, Угву подкрался на цыпочках к хозяйской спальне и прижался ухом к двери. Из спальни неслись стоны, громкие, хриплые — даже не верилось, что это она так стонет. Угву простоял долго, пока стоны не стихли, и ушел к себе.

Оланна, сидя в машине, кивала в такт музыке хайлайф.^[17] Рука ее покоилась на бедре Оденигбо; она убирала руку, когда он переключал передачи, и смеялась, когда он дразнил ее Афродитой-искусительницей. Весело было ехать с ним рядом в машине с открытыми окнами, вдыхая пыльный воздух, под мечтательные напевы Рекса Лоусона. Оденигбо всего два часа оставалось до лекции, но он все равно предложил отвезти Оланну в аэропорт Энугу, и хотя Оланна отговаривала его для вида, ей было приятно. Когда ехали узкой дорогой через Милликен-Хилл, где с одной стороны зияла пропасть, а с другой нависала скала, она не стала просить Оденигбо сбавить скорость. Не взглянула она и на табличку у дороги, с надписью от руки кривыми буквами: Лучше всюду опоздать, чем успеть на встречу со смертью.

Когда подъезжали к аэропорту, Оланне взгрустнулось при виде стройных белоснежных самолетов, уходивших в небо. Оденигбо поставил машину у входа с колоннадой. Вокруг столпились носильщики, галдя наперебой: «Сэр? Мадам? Ваш багаж?» — но Оланна их почти не слышала, потому что Оденигбо притянул ее к себе.

— Жду не дождусь, нкем, — шепнул он, прижимаясь к ее рту губами со вкусом мармелада. Оланна хотела ответить, что тоже ждет не дождется переезда в Нсукку, но все было ясно без слов, и Оденигбо целовал ее, и по низу ее живота разлилось тепло.

Раздался гудок автомобиля. Носильщик крикнул: «Эй, здесь место для погрузки! Только для погрузки!»

Оденигбо разжал объятия и вылез из машины, чтобы достать из багажника ее сумку. Помог донести до кассы.

— Счастливого пути, *ije ota*, — пожелал он.

— Не лихачь на дороге, — отозвалась Оланна.

Она проводила его взглядом — кряжистого, в брюках цвета хаки и наглаженной рубашке с коротким рукавом. Двигался он решительной поступью человека, который никогда не станет спрашивать дорогу, а твердо знает, что найдет ее сам. Когда его машина скрылась, Оланна, опустив голову, потянула носом. Утром перед отъездом она во внезапном порыве побрызгалась его одеколоном «Олд Спайс», не признавшись Оденигбо — он посмеялся бы, и только. Человек он не суеверный, не поймет, что она взяла с собой частичку его. Как будто запах способен хоть ненадолго заглушить ее сомнения, помочь ей стать похожим на него — прибавить

уверенности, побороть нерешительность.

Оланна повернулась к кассиру и написала на клочке бумаги свою фамилию.

— Добрый день. Мне, пожалуйста, билет до Лагоса в один конец.

— Озобиа? — Рябое лицо кассира расплылось в улыбке. — Дочь господина Озобиа?

— Да.

— Ах! Прекрасно, мадам. Сейчас попрошу швейцара проводить вас в зал ожидания для важных лиц. — Кассир оглянулся. — Икенна! Где этот дурень? Икенна!

Оланна, покачав головой, улыбнулась.

— Спасибо, не надо. — Ей совсем не хотелось сидеть в зале для важных лиц.

Общий зал был битком. Оланна сидела напротив троих бедно одетых ребяташек; они хихикали, а отец грозно посматривал на них. Ближе всех к Оланне сидела их бабушка, мрачная морщинистая старуха, она сжимала сумочку, бормоча под нос. От ее покрывала шел затхлый дух — по такому случаю наряд явно извлекли из сундука. Когда звонкий голос объявил о прибытии самолета «Найджириа Эйрэйз», отец вскочил и снова сел.

— Вы кого-то встречаете? — на игбо спросила у него Оланна.

— Да. Мой брат. Прилетает из-за границы, он учился там четыре года. — Говор выдавал уроженца Оверри и деревенского жителя.

— Вот как. — Оланна хотела спросить, из какой страны прилетает его брат и на кого учился, но раздумала. Мужчина мог и не знать.

К Оланне обратилась бабушка:

— Он первым из нашей деревни уехал за границу, и односельчане приготовили для него танец. Танцоры будут встречать нас в Икедурру. — Она гордо улыбнулась, обнажив коричневые зубы. Ее акцент был еще сильнее, чем у сына, Оланна с трудом ее понимала. — Соседки мне завидуют, но разве я виновата, что у их сыновей пустые головы, а мой сын заслужил стипендию у белых?

Объявили о прибытии еще одного самолета, и отец закричал:

— *Chere!*^[18] Это он? Он!

Дети вскочили, отец велел им сесть, а сам поднялся. Бабушка прижала сумочку к груди. Оланна смотрела, как садится самолет. Он коснулся земли, а когда заскользил по полосе, бабушка с криком выронила сумочку.

Оланна и сама испугалась:

— Что такое? Что случилось?

— Куда он едет? — Бабушка схватилась за голову- *Chi m!* Боже мой!

Горе мне! Куда везут моего сына? Неужто обманули?

— Не волнуйтесь, он остановится. Он так всегда приземляется. — Оланна подняла с пола сумочку и взяла мозолистую бабушкину руку в свою. — Он остановится, — повторила она.

Оланна держала бабушку за руку, пока самолет не остановился. Буркнув что-то о глупцах, которые не умеют строить самолеты, старушка высвободила руку, и семейство устремилось к выходу для встречающих. Идя на посадку, Оланна то и дело оглядывалась, надеясь хоть одним глазком посмотреть на сына, прилетевшего из-за границы, но так его и не увидела.

Полет был тряским. Сосед Оланны громко хрустел горьким орехом кола и все пытался завести с ней разговор, а Оланна отодвигалась дальше и дальше, пока не оказалась прижатой к стенке.

— Я просто хотел сказать, что вы очень красивая, — объяснил сосед.

Оланна с улыбкой поблагодарила и уткнулась в газету. Расскажи она Оденигбо о попутчике, он посмеялся бы, как смеется обычно над ее воздыхателями, со своей всегдашней непоколебимой уверенностью. Именно эта уверенность и покорила ее два года назад в Ибадане, в дождливый июньский полдень, скорее напоминавший синие сумерки. Оланна приехала из Англии на каникулы. У нее был серьезный роман с Мухаммедом. Вначале она не обратила внимания на Оденигбо, стоявшего впереди нее в очереди за билетами в университетский театр. Могла бы и вовсе его не заметить, если бы не билетер, знаком подозревавший седовласого белого, стоявшего за ней. «Позвольте вам помочь, сэр», — выговорил билетер с нелепым «белым» акцентом, излюбленным невеждами.

Оланна была раздосадована, но не слишком — все равно очередь двигалась быстро. Она никак не ожидала столь яростного отпора от человека в коричневом костюме и с книгой в руках — Оденигбо. Он шагнул вперед, вернул белого в очередь и обрушился на билетера:

— Жалкий неуч! Чем белый лучше ваших земляков? Вы должны извиниться перед всей очередью! Сейчас же!

Оланна изучала взглядом его крепкую коренастую фигуру, дуги бровей за стеклами очков, а про себя уже прикидывала, как расстаться с Мухаммедом, причинив ему по возможности меньше боли. Вероятно, она ощутила бы самобытность Оденигбо, даже если б он и не подал голоса; все было ясно уже по прическе, по ореолу торчащих волос. Однако выглядел он ухоженным — явно не из тех, кто подкрепляет радикализм неряшливостью. Когда он проходил мимо, она сказала с улыбкой: «Вы

молодчина!» Впервые в жизни она так расхрабрилась, потребовала внимания от мужчины. Он остановился, представился: «Меня зовут Оденигбо». «А я — Оланна».

Много позже она сказала, что в тот миг ощутила искру между ними, а он признался, что желание причиняло ему тогда физическую боль.

Испытав на себе силу его страсти, Оланна была потрясена. Она не подозревала, что мужские ласки способны доводить до беспамятства, поднимать туда, где ни о чем не думаешь, ничего не помнишь, только чувствуешь. За два года острота ощущений не притупилась, как не ослаб и восторг Оланны перед его чудачествами и твердыми убеждениями. Правда, Оланна опасалась, что причина только в их встречах урывками — они виделись на каникулах, а все остальное время переписывались, перезванивались. А теперь, когда она вернулась в Нигерию и им предстояло жить вместе, его уверенность и отсутствие даже тени страха перед будущим, ставило Оланну в тупик.

Оланне не хотелось ужинать с родителями, тем более что они пригласили господина Оконджи, но мать зашла к ней в комнату и стала упрашивать: ну, пожалуйста, ведь не каждый день мы принимаем министра финансов, а сегодняшний ужин особенный — из-за строительного подряда, которого добивался отец.

— *Viko*,^[19] оденься красиво. Кайнене тоже принарядится, — добавила мать, словно упоминание о сестре-двойняшке к чему-то обязывало.

Теперь, сидя за столом, Оланна расправила салфетку на коленях и улыбнулась слуге, который поставил перед ней тарелку с разрезанным пополам авокадо. Он был в туго накрахмаленной белой форме — брюки как из картона.

— Спасибо, Максвелл.

— Пожалуйста, — проямлил Максвелл и двинулся дальше с подносом.

Оланна обвела взглядом сидящих за столом. Родители, согласно кивая, внимали рассказу господина Оконджи о встрече с премьер-министром Балевой.^[20] Кайнене уставилась в тарелку с лукавой гримаской, будто посмеиваясь над авокадо. Никто из них не поблагодарил Максвелла. А стоило бы, подумала Оланна, ведь это такая малость, знак уважения к тем, кто тебе служит. Как-то раз она уже завела об этом речь, но отец сказал, что им и без «спасибо» хорошо платят; мать возмутилась: начнешь их благодарить — чего доброго, распустятся; Кайнене, как всегда, промолчала со скупающим видом.

— Давненько я не едал такого вкусного авокадо, — похвалил господин Оконджи.

— С одной из наших ферм, — вставила мать. — Под Асабой.

— Попрошу слугу вам завернуть, — предложил отец.

— Отлично, — обрадовался господин Оконджи. — Правда ведь, вкусно, Оланна? Ты так смотришь, будто авокадо кусается. — Он расхохотался грубо, фальшиво, а мать с отцом подхватили.

— Очень вкусно. — Оланна подняла голову. Улыбка господина Оконджи сочилась влагой. В клубе «Икойи» на прошлой неделе, когда он сунул Оланне в руку свою визитку, ей казалось, будто рот у него полон слюны и стоит ему улыбнуться, как по подбородку потянется ниточка.

— Надеюсь, ты подумала и решила работать у нас в министерстве, Оланна. Нам нужны первоклассные специалисты вроде тебя.

— Не каждому предлагает работу сам министр финансов, — заметила мать, будто бы ни к кому не обращаясь, и улыбка осветила ее продолговатое шоколадное лицо красоты настолько безупречной, что подруги прозвали ее Картинкой.

Оланна положила на стол ложку.

— Я решила переехать в Нсукку. Через две недели уезжаю.

От нее не укрылось, что губы отца сжались в ниточку, а рука матери застыла в воздухе, словно ее парализовало.

— Я думала, ты еще не решила...

— Надо спешить, иначе на мое место возьмут кого —нибудь другого.

— В Нсукку? Я не ослышался? Ты переезжаешь в Нсукку? — переспросил господин Оконджи.

— Меня берут преподавателем на факультет социологии, — сказала Оланна. Обычно она не солила авокадо, но сейчас фрукт показался таким пресным, что ее затошнило.

— Вот, значит, как. Ты нас покидаешь, — вздохнул господин Оконджи. Лицо его точно плавиться начало, пошло складками. Повернувшись, он с напускной веселостью обратился к сестре: — А ты, Кайнене?

Кайнене глянула на господина Оконджи в упор, почти враждебно.

— А что я? Мой свеженький диплом тоже без дела не запылится. Я уезжаю в Порт-Харкорт, управлять тамошними папиными предприятиями.

Раньше у Оланны бывали озарения, когда она угадывала мысли Кайнене. В начальной школе они могли посмотреть друг на друга и рассмеяться, не говоря ни слова, потому что им приходила в голову одна и та же шутка. Теперь такие моменты у нее в прошлом, да и у Кайнене наверняка тоже — сестры давно не говорили по душам. Они вообще едва

общались.

— Значит, Кайнене будет управлять цементным заводом? — обратился господин Оконджи к отцу.

— Она будет ведать всем на Востоке — заводами и нашими новыми нефтяными месторождениями. Делового чутья ей не занимать.

— И кто сказал, что иметь дочерей-двойняшек — невезение? — пафосно заявил господин Оконджи.

— Кайнене стоит двух сыновей, — отозвался отец, бросив взгляд на Кайнене, та отвернулась, будто не замечая гордости на его лице, а Оланна спешно уставилась в тарелку, чтобы никто из них не догадался, что она наблюдает. Светло-зеленая тарелка сливалась цветом с авокадо.

— В выходные приходите все вместе ко мне, — предложил господин Оконджи. — Вам стоит отведать рыбного супа с перцем. Мой повар родом из Нембе и знает толк в свежей рыбе.

Отец и мать хором захихикали. Оланна не поняла, что тут смешного, но чего ждать от шутки министра. Пошутить изволил — и на том спасибо.

— Отлично! — воскликнул отец.

— Хорошо бы прийти всей семьей, до отъезда Оланны, — добавила мать.

Оланну кольнули ее слова.

— Я бы рада, но уезжаю на выходные.

— Так скоро? — Во взгляде отца Оланне почудилась мольба. Интересно, как родители обещали господину Оконджи связь с ней в обмен на контракт — прямо или намеком?

— Собираюсь в Кано, повидать дядю Мбези и всех родных, а заодно и Мухаммеда, — объяснила она.

Отец что есть силы ткнул ножом в авокадо.

— Ясно.

После ужина все вышли на балкон выпить. Оланне был по душе этот обычай, она любила постоять у перил в стороне от родителей и гостей, глядя вниз, на высокие фонари вдоль дорожек, такие яркие, что в их свете вода в бассейне серебрилась, а розовые бугенвиллеи и алые гибискусы пламенели. В тот единственный раз, когда Оденигбо гостил у нее в Лагосе, они стояли на балконе вдвоем, глядя на бассейн. Оденигбо бросил вниз винную пробку, и они вместе следили, как она плюхнулась в воду. За ужином он перепил бренди и ввязался в спор, когда отец стал доказывать, что мысль основать университет в Нсукке — бред, поскольку Нигерия не созрела для национального университета, а получать поддержку из Америки вместо серьезного британского университета — глупость

несусветная. Оланна думала, Оденигбо поймет, что отец всего лишь хочет позлить его и показать, что старший преподаватель из Нсукки — невелика птица. Она надеялась, что Оденигбо пропустит слова отца мимо ушей. Но Оденигбо, с каждой минутой распаляясь, доказывал, что Нсукка свободна от колониального влияния. Оланна без конца подмигивала ему — мол, замолчи, но Оденигбо, должно быть, в темноте не заметил ее знаков. Хорошо хоть телефонный звонок прервал разговор. В глазах родителей Оланна прочла невольное уважение, и все же это не помешало им сказать дочери, что Оденигбо ей не пара, что он ненормальный, один из тех ученых горлопанов, которые все уши прожужжат своей болтовней, а о чем болтают, поди разберись.

— Какой прохладный вечер, — услышала она за спиной голос господина Оконджи.

Оланна обернулась. Она и не заметила, что родители и Кайнене давно ушли.

Воротник агбады^[21] господина Оконджи был расшит золотом. Оланна взглянула на его жирную шею и представила, как он раздвигает складки, когда купается.

— Как насчет встречи завтра? В отеле «Икойи» вечеринка с коктейлями. Я представил бы всю твою семью кое-кому из наших эмигрантов. Им нужна земля, и я могу устроить, чтобы они купили у твоего отца раз в пять, а то и в шесть дороже.

— Завтра я участвую в благотворительной поездке общества Святого Викентия де Поля.^[22]

Господин Оконджи подошел к ней вплотную идохнул ей в лицо перегаром.

— Ты сводишь меня с ума.

— Мне это неинтересно, господин министр.

— Я без ума от тебя. Вот что, в министерстве тебе не придется работать. Я тебя назначу в любой совет, в какой захочешь, и квартиру для тебя обставлю, где пожелаешь.

Он притянул ее к себе, и в первый миг Оланна безвольно обмякла. Она привыкла к приставаниям мужчин, от которых несло дорогим одеколоном и самоуверенностью: у меня есть власть и деньги, а у тебя — красота, значит, ты создана для меня. Когда Оланна оттолкнула его, ощутив под пальцами дряблое тело, ее едва не стошнило.

— Довольно, господин министр.

Глаза его были закрыты.

— Я люблю тебя, поверь. Люблю.

Оланна выскользнула из его рук и ушла с балкона. Из гостиной долетали неразборчивые голоса родителей. Оланна остановилась понюхать поникшие цветы на столике у подножия лестницы и поднялась к себе. Собственная комната показалась ей чужой. Теплые коричневатые тона, песочного цвета мебель, темно-красный пушистый ковер. Здесь было так много свободного места, что Кайнене называла их комнаты квартирами. На кровати лежал выпуск «Лагос лайф», Оланна подняла его, пролистнула. На пятой странице безмятежно улыбались она и мать на светском приеме у британского верховного комиссара.^[23] Заметив фотографа издали, мать обняла ее, но, когда щелкнула вспышка, Оланна подошла к нему и попросила не печатать снимок. Фотограф ответил недоуменным взглядом. Глупый порыв с ее стороны: парню-то невдомек, до чего тяжело жить у всех на виду.

Оланна читала, лежа в постели, когда раздался стук в дверь и зашла мать.

— Читаешь? — В руках она держала несколько рулонов материи. — Только что проводили господина Оконджи. Просил тебе передать.

— Что это?

— Перед отъездом господин Оконджи попросил шофера достать из машины. Самое модное кружево из Европы. Правда ведь, прелесть?

Оланна пощупала ткань.

— Согласна.

— А видела, в чем он был одет? Необыкновенно! *Ezigbo!*^[24] — Мать присела к ней на постель. — Говорят, он не ходит в одном и том же. Наденет раз — и отдает слугам.

Оланна вообразила слуг, чьи сундуки ломаются от кружев, — наверняка беднякам платят гроши, зато раздают агбады с хозяйского плеча, в которых им некуда пойти. На душе было тяжело. Разговоры с матерью утомляли ее.

— Какой выбираешь, нне?^[25] Я велю сшить для вас с Кайнене блузки и длинные юбки.

— Спасибо, мама, не надо. Закажи лучше что-нибудь для себя. В Нсукке мне вряд ли понадобятся дорогие кружева.

Мать провела пальцем по тумбочке у кровати.

— Эта дура горничная плохо вытирает пыль. Думает, я ей плачу за красивые глаза?

Оланна отложила книгу. По натянутой улыбке матери, по скупым жестам она догадалась, что та хочет что — то сказать.

— Как дела у Оденигбо? — выговорила мать.

— Все хорошо.

Мать вздохнула преувеличенно громко, будто моля, чтобы Оланна одумалась.

— Ты хорошо подумала насчет переезда в Нсукку? Уверена?

— Ни капельки не сомневаюсь.

— Но ведь там никаких удобств! — При слове «удобств» мать заметно содрогнулась.

— Обойдусь и без удобств, — заверила Оланна и едва сдержала улыбку: наверняка мама представила скромный университетский домик с убогой мебелью и голыми полами.

— Ты можешь найти работу в Лагосе, а по выходным ездить к нему.

— Не хочу работать в Лагосе. Я хочу преподавать в университете и жить с ним.

Мать смерила Оланну взглядом и поднялась.

— Спокойной ночи, дочка, — сказала она тихим, обиженным голосом.

Оланна долго смотрела на дверь. Недовольство матери не было для нее нове, оно сопровождало почти все ее важные решения: когда Оланна предпочла двухнедельное исключение из школы Хитгроув, отказавшись извиниться перед учительницей за слова, что уроки по Пакс Британника^[26] противоречивы; когда примкнула к студенческому движению за независимость в Ибадане; когда отказалась выйти замуж за сына Игве Окагбуэ, а потом — за сына господина Окаро. И все — таки каждый раз она чувствовала себя виноватой, каждый раз ей хотелось попросить прощения, как-то загладить вину.

Оланна уже засыпала, когда постучала Кайнене.

— Ну? Раздвинешь ноги перед этой слоновьей тушей в обмен на папин контракт? — спросила она.

Оланна подпрыгнула от неожиданности. Она уже не помнила, когда Кайнене в последний раз заходила к ней в комнату.

— Папа буквально утащил меня с балкона, чтобы оставить тебя наедине с душкой министром, — продолжала Кайнене. — Интересно, если он тебя не заполучит, будет заключать с папой договор или нет?

— Он не сказал, но, видимо, будет. Папа ведь даст ему десять процентов.

— Все дают десять процентов, так что дополнительные услуги не помешают. Не у каждого из конкурентов есть красавица дочка. — Слово «красавица» Кайнене произнесла нараспев, приторным голосом. Она листала номер «Лагос лайф», пояс шелкового халата туго стягивал плоскую

фигуру. — В положении дурнушки тоже есть преимущества. По крайней мере, не служишь приманкой.

— Я не приманка.

Кайнене молчала, углубившись в статью. Затем подняла взгляд:

— Ричард тоже едет в Нсукку. Получил грант, будет писать там книгу.

— Вот и хорошо. Значит, ты тоже будешь приезжать в Нсукку?

Кайнене пропустила вопрос мимо ушей.

— Ричард в Нсукке никого не знает. Может, познакомишь его со своим любовником-бунтарем?

Оланна улыбнулась. «С любовником-бунтарем». Чего только не ляпнет Кайнене.

— Ладно.

Оланне не нравился никто из молодых людей, с которыми встречалась Кайнене, не по душе были ей и романы сестры с белыми в Англии. Их плохо скрываемое высокомерие, фальшь в речах выводили из себя. Но когда Кайнене привела на ужин Ричарда Черчилля, Оланна не испытала к нему неприязни. Может быть, потому, что в нем не было ни тени обычного английского самомнения — мы, мол, знаем вас, африканцев, лучше, чем вы сами себя. Напротив, его отличала очаровательная скромность, почти застенчивость. Или она прониклась симпатией к Ричарду в пику родителям? Ричард не произвел на них впечатления — у него не оказалось полезных знакомств.

— Ричарду наверняка будет интересно у Оденигбо. По вечерам там что-то вроде политического клуба. Первое время Оденигбо приглашал одних африканцев — в университете и так засилье иностранцев, и он хотел дать африканцам возможность пообщаться друг с другом. Вначале каждый приносил что-то с собой, а теперь все скидываются, каждую неделю он покупает выпивку, все собираются у него и... — Оланна осеклась. Кайнене смотрела на нее жестко, будто сестра, нарушив их негласное правило, принялась болтать о пустяках.

Кайнене направилась к двери, спросив на ходу:

— Когда ты едешь в Кано?

— Завтра. — Оланне так хотелось, чтобы Кайнене осталась, чтобы села на кровать, обняв подушку, и они болтали и смеялись, как раньше!

— Счастливого пути. Привет тете, дяде и Аризе.

Оланна прислушалась к шагам сестры по ковру в коридоре. Только сейчас, когда они вернулись из Англии и снова жили под одной крышей, Оланна осознала, как мало осталось у них общего. Кайнене была замкнутым ребенком, потом угрюмым, подчас язвительным подростком;

она не старалась угодить родителям, и Оланне приходилось отдуваться за двоих. И все же они были близки, несмотря ни на что. Их связывала дружба. Когда все переменялось? Ничего страшного между ними не произошло — ни крупной ссоры, ни серьезного недоразумения, — они просто отдалились друг от друга, и сейчас именно Кайнене упорно держалась на расстоянии, не позволяя вернуть былую близость.

Оланна решила не лететь в Кано самолетом. Ей нравилось сидеть у окна поезда и смотреть, как проносятся мимо густые леса, тянутся равнины, бредут стада, а следом идут погонщики в расстегнутых рубашках. Добравшись до Кано, Оланна в который раз изумилась, до чего не похож он на Лагос, на Нсукку, на ее родной Умунначи, какие же все-таки разные Север и Юг. Здесь под ногами раскаленный серый песок, а дома, на Юге, — комковатая рыжая земля; деревья здесь ухоженные, совсем не буйная зелень Умунначи. Здесь всюду, куда хватает глаз, простирается плоская равнина, сливаясь на горизонте с серебристо-белесым небом.

От вокзала Оланна взяла такси, попросила водителя остановиться у рынка и подождать, а сама побежала проведать дядю Мбези.

Она пробиралась вдоль узких рядов, вокруг сновали мальчишки с тяжелыми тюками на головах, торговались женщины, орали разносчики. Из музыкального ларька несся хайлайф; Оланна, чуть замедлив шаг, подпела Бобби Бенсону и заспешила к дядиной палатке, где полки были уставлены ведрами и прочей домашней утварью.

— Омалича! — воскликнул дядя Мбези, увидев ее. «Красавица» — так называл он и Оланну, и ее мать. — Я о тебе вспоминал. Чувствовал, что ты скоро к нам пожалуешь.

— Здравствуй, дядя!

Они обнялись, Оланна уткнулась ему в плечо. От него пахло потом, уличным рынком, пылью деревянных полок.

Не верилось, что дядя Мбези и ее мать вместе росли, что они брат и сестра. Мало того, что светлокожий дядя Мбези не блистал красотой, он был еще и насквозь земным. Не оттого ли Оланна так восхищалась им, что он несколько не походил на мать?

Когда Оланна приезжала погостить, дядя Мбези после ужина всегда усаживался с ней во дворе и делился семейными новостями: незамужняя дочь родственников беременна, и он хочет забрать ее к себе, чтобы спасти от гнева односельчан; здесь, в Кано, умер его племянник, и нужно подешевле переправить тело на родину. Или говорил с ней о политике: что обсуждает сейчас Союз игбо, за что борется, против чего выступает. Собирался Союз игбо у дяди Мбези во дворе. Оланна несколько раз бывала

на собраниях, и ей запомнилось одно, когда разгневанные мужчины и женщины говорили о том, что на Севере детей-игбо не принимают в школы. Встал дядя Мбези и топнул ногой. «*Ndi be anyi!*^[27] Братья мои! Мы сами построим школу! Соберем деньги и построим!» Выслушав его, Оланна вместе со всеми хлопала и кричала: «Правильно, так и сделаем!» — но в глубине души опасалась, что построить школу будет непросто. Пожалуй, легче убедить северян принимать в школы детей-игбо.

Однако теперь, спустя всего несколько лет, Оланна ехала в такси мимо школы Союза игбо на Эйрпорт — роуд. Шла перемена, и детвора высыпала на школьный Двор. Мальчишки играли в футбол, ближе к шоссе собрались стайками девчонки, прыгали то на одной, то на Другой ножке и хлопали в такт. Когда такси подъезжало к коммунальному дому в Сабон-Гари,^[28] Оланна еще издали увидела тетю Ифеку у придорожного киоска. Тетя Ифека вытерла руки о линялую накидку, обняла Оланну, отстранилась, чтобы разглядеть ее получше, и снова обняла.

— Наша Оланна!

— Тетушка! *Kedu?*

— Хорошо, а уж тебя-то как рада видеть!

— Аризе еще не пришла со своих курсов кройки и шитья?

— Будет с минуты на минуту.

— Как у нее дела? *О-на agakwa*, все хорошо? Как ее успехи?

— Весь дом завалила выкройками.

— А что у Одинчезо и Экене?

— Они все там же, на прошлой неделе приезжали, спрашивали про тебя.

— Как им живется в Майдугури? Торговля налаживается?

— С голоду не умирают.

Глядя в простое, некрасивое лицо тети Ифеки, Оланна пожалела на миг, что та ей не мать, — но тут же устыдилась этой мысли. Тетя Ифека и так ей почти как мать, ведь это она выкормила их с Кайнене грудью, когда у матери сразу после родов пропало молоко. Правда, Кайнене говорила, что никуда молоко у матери не пропадало, она просто боялась, что грудь отвиснет, и сдала двойняшек невестке, тоже кормившей ребенка.

— Пойдем в дом, *ada anyi.*^[29] — Захлопнув деревянные ставни киоска, где стояли ровными рядами коробки спичек, жевательная резинка, сладости, сигареты, стиральные порошки, тетя Ифека взяла у Оланны сумку и первой направилась во двор.

Дом был приземистый, некрашенный. На веревках висело белье,

жесткое, будто иссушенное зноем. Под деревом кука свалены автомобильные покрышки, с которыми играли дети. Оланна знала, что тишине во дворе скоро конец: вот-вот дети вернутся из школы, зазвонят в кухне и на веранде голоса. Семья дяди Мбези занимала две комнаты. В первой, где выдавшие виды диваны на ночь сдвигали, освобождая место для циновок, Оланна достала гостинцы — хлеб, обувь, флакончики крема, — а тетя Ифека стояла в сторонке, спрятав руки за спину, и приговаривала: «Да воздастся тебе добром за добро. Да воздастся».

Через минуту влетела Аризе и, чуть не сбив Оланну, бросилась обнимать.

— Сестренка! Что ж ты не сказала, что приедешь? Мы бы хоть двор подмели почище. Ах, сестренка, *aru атака gi!*^[30] Какая ты красивая! Столько всего нужно тебе рассказать!

Кругленькая, с пухлыми руками, Аризе вся тряслась от смеха. Крепко обняв ее, Оланна почувствовала, что все идет как надо, как и должно идти. Для того она и приехала в Кано — за миром и покоем. Тетя Ифека стреляла глазами по двору — присматривала курицу пожирнее. В честь приезда Оланнны тетя Ифека каждый раз резала курицу, пусть даже последнюю. Куры важно разгуливали по двору, на боку у каждой красная метка, чтобы отличать их от соседских. Оланна давно уже не возражала ни когда тетя Ифека резала для нее курицу, ни когда они с дядей Мбези уступали ей свою кровать, а сами ложились на циновках, рядом с многочисленной родней, постоянно гостившей у них.

Тетя Ифека ловко схватила приглянувшуюся курицу, отдала Аризе, и та пошла на задний двор. Потом они сели у дверей кухни — Аризе ощипывала птицу, тетя Ифека шелушила рис. На кухне соседка варила кукурузу, вода то и дело убегала, и плита шипела. По двору с криками носилась ребятня, поднимая тучи белой пыли. Под деревом кука завязалась драка, и до Оланнны донеслось на игбо: «Пошел в задницу!»

На закате, когда солнце окрасило в алый цвет небеса, вернулся дядя Мбези и позвал Оланну поздороваться с его другом Абдулмаликом. Его друга-хауса Оланна однажды уже видела. Он торговал кожаными шлепанцами рядом с палаткой дяди Мбези, и Оланна купила у него несколько пар и привезла в Англию, но поносить так и не довелось — дело было в разгар зимы.

— Наша Оланна только что закончила магистратуру. В Лондонском университете! Это не шутка! — сказал с гордостью дядя Мбези.

— Молодец быть. — Абдулмалик был из тех людей, кто дивится образованию, твердо зная, что им оно недоступно. Он открыл сумку, достал

пару шлепанцев и протянул Оланне; узкое лицо его пошло морщинами от улыбки, обнажились зубы, все в желто-коричневых пятнах от табака и ореха кола.

Оланна взяла в руки шлепанцы.

— Спасибо, Абдулмалик. Спасибо.

Абдулмалик указал на спелые длинные стручки на дереве кука:

— Приходи к моя в гости. Мой жена готовить очень вкусный суп из кука.

— Зайду обязательно, в следующий раз, — пообещала Оланна.

Поздравив ее еще раз, Абдулмалик сел с дядей Мбези на веранде, перед ведром сахарного тростника. Они скусывали жесткие зеленые шкурки и жевали сочную белую мякоть, смеясь и болтая на хауса. Жеваную мякоть сплевывали под ноги, в пыль. Оланна посидела с ними немного, но она с трудом разбирала их быструю речь на хауса и потеряла нить разговора. Она с радостью променяла бы свой французский и латынь на хауса и йоруба, чтобы говорить бегло, как ее дядя, тетя и сестра.

В кухне Аризе потрошила курицу, а тетя Ифека мыла рис. Оланна примерила подарок Абдулмалика, плетеные красные ремешки делали ступни изящнее, женственнее.

— Красота! — похвалила тетя Ифека. — Надо его отблагодарить.

Оланна села на табурет, стараясь не смотреть на усеявшие стол гладкие черные капсулы — тараканьи яйца. В углу кухни соседка разводила огонь, и, несмотря на косые щели в крыше, вся кухня была в чаду.

— *I takwa*,^[31] ее семья питается одной вяленой рыбой. — Аризе, скривив губки, указала на соседку. — Думаю, ее бедные дети отродясь не пробовали мяса.

Оланна бросила взгляд на соседку. Та была иджо и не понимала слов Аризе на игбо.

— Может, они любят вяленую рыбу, — сказала Оланна.

— *O di egwu!*^[32] Скажешь тоже! Знаешь, какая она дешевая? — Смеясь, Аризе обратилась к соседке: — Ибиба, я похвалила старшей сестре ваш суп — он всегда так вкусно пахнет!

Соседка в этот момент раздувала огонь, она оторвалась от своего занятия и понимающе улыбнулась. Возможно, она все-таки знала игбо, но не обиделась на шутку Аризе. За живой, веселый нрав Аризе все сходило с рук.

— Значит, переезжаешь в Нсукуку и выходишь за Оденигбо, сестренка? — спросила Аризе.

— Замуж я пока не собираюсь. Просто хочу быть с ним рядом и очень хочу преподавать.

Глаза у Аризе округлились от изумления и восторга.

— Только девушки вроде тебя, сестренка, кто знает книжную премудрость, могут так говорить. А неученым, как я, долго ждать нельзя, не то прождем до самой смерти. — Аризе вынула из курицы полупрозрачное яйцо. — Мне подавай мужа, и побыстрее! Все мои подружки замуж повыходили, одна я осталась.

— Ты еще молоденькая, — возразила Оланна. — Тебе о шитье надо думать, а не о свадьбе.

— От шитья дети не заводятся. Даже если б я смогла поступить учиться, все равно мне хотелось бы ребеночка прямо сейчас.

— Тебе некуда спешить, Ари. — Пересесть бы поближе к двери, к свежему воздуху. Но нехорошо, если тетя Ифека, или Аризе, или даже соседка догадается, что от дыма у нее щиплет глаза и першит в горле, а от вида тараканьих яиц тошнит. Пусть думают, что ей не привыкать к такой жизни.

— Я точно знаю, вы с Оденигбо поженитесь, сестренка, но если уж говорить правду, не хочу я, чтоб ты выходила за мужчину из Аббы. Они все сплошь уроды, *kail!*^[33] Будь Мухаммед игбо, я умерла бы от горя, если б ты за него не пошла. В жизни не видала другого такого красавца!

— Оденигбо не урод. Красота бывает разная, — отозвалась Оланна.

— Так утешали сородичи обезьяну энве: красота бывает разная.

— Мужчины из Аббы — не уроды, — вмешалась тетя Ифека. — Если на то пошло, я сама родом оттуда.

— А родня твоя разве не похожа на ту самую обезьяну? — сказала Аризе.

— Твое полное имя — Аризендиквуннем, так? В тебе течет наша кровь. Значит, и ты похожа на обезьяну, — пробурчала тетя Ифека.

Оланна засмеялась.

— Что ты все о свадьбе да о свадьбе, Ари? Есть кто на примете? Или тебя познакомить с братом Мухаммеда?

— Нет, нет! — Аризе в притворном ужасе замахала руками. — Папа меня убьет, если узнает, что я заглядываюсь на мужчину-хауса.

— Только отцу придется убивать труп — я первая до тебя доберусь. — Тетя Ифека поднялась с миской очищенного риса в руках.

— Есть у меня кое-кто на примете, сестренка. — Аризе придвинулась ближе к Оланне. — Но он меня совсем даже не замечает.

— Что ты там шепчешь? — встрепелась тетя Ифека.

— Не с тобой разговариваю, а со старшей сестрой, — сказала Аризе, но продолжала уже громче: — Его зовут Ннакванзе, он живет неподалеку, в Огиди.

Работает на железной дороге. Но он ничего такого мне не сказал. Может, вовсе и не глядит на меня.

— Если не глядит, значит, у него с глазами плохо, — фыркнула тетя Ифека.

— Вот несносная женщина! Не дает мне спокойно поговорить с сестрой! — Аризе закатила глаза, но по всему было видно, что она довольна и наверняка воспользовалась случаем, чтобы рассказать матери о Ннакванзе.

В ту ночь, лежа на кровати дяди и тети, Оланна смотрела на Аризе сквозь висевшую на веревке тонкую занавеску. Веревка, нетуго натянутая между двумя вбитыми в стену гвоздями, провисала в середине. Оланна пыталась представить, каково было Аризе и ее братьям, Одинчезо и Экене, видеть родителей сквозь занавеску, различать, как движутся бедра отца, а руки матери сжимают его, слушать звуки, которые дети наверняка принимали за стоны боли. Оланна никогда не слышала, как занимаются сексом ее родители, — ни звука, ни намека. От родителей ее всегда отделяли коридоры, и с каждым новым переездом коридоры делались длиннее, а ковры толще. Когда они въехали в свой нынешний дом с десятью комнатами, отец и мать впервые за все время поселились в разных спальнях. «Мне нужен весь платяной шкаф, а папа пусть приходит в гости!» — пошутила мать, но в ее девическом смехе Оланна уловила фальшивую ноту. Отсюда, из Кано, неискренность отношений родителей казалась ей еще тяжелее и постыдней.

Окно было открыто, в неподвижном ночном воздухе стояла вонь канав позади дома, куда сливали ведра с нечистотами. Вскоре раздались приглушенные голоса золотарей, выгребавших отбросы; под лязг их лопат Оланна и заснула.

Нищие у ворот дома, где жила семья Мухаммеда, не Двинулись с места, завидев Оланну, — остались сидеть на земле, прислонясь к глинобитным стенам. Мухи облепили их так густо, что ветхие белые кафтаны казались забрызганными темной краской. Оланна хотела бросить им в миски денег, но передумала. Будь она мужчиной, они бы загалдели, потянулись к ней с мисками, а мухи поднялись бы жужжащей тучей.

Один из привратников узнал Оланну и поспешил открыть ворота:

— Добро пожаловать, мадам.

— Спасибо, Суле. Как поживаете?

— Вы помните, как меня зовут, мадам! — Суле просиял. — Спасибо, мадам. Хорошо, мадам.

— А как ваши родные?

— Хорошо, мадам, хвала Аллаху.

— Хозяин уже вернулся из Америки?

— Да, мадам. Проходите, пожалуйста. Я пошлю за хозяином.

Красная спортивная машина Мухаммеда стояла посреди широкого песчаного двора, но Оланна смотрела не на нее, а на дом: плоская крыша радовала глаз изящной простотой. Оланна села на веранде.

— Вот так сюрприз!

Оланна подняла глаза: перед ней стоял Мухаммед в белом кафтане и улыбался. Губы у него были красивые, чувственные; сколько раз целовала она эти губы в прошлые времена, когда почти каждые выходные ездила к нему в Кано. Она ела руками рис у него дома, смотрела в клубе, как он играет в поло, читала плохие стихи, что он ей посвящал.

— Выглядишь отлично. — Оланна обняла его. — Я не знала точно, вернулся ли ты из Америки.

— Я собирался в Лагос повидать тебя. — Мухаммед отступил, внимательно посмотрел на нее. Его прищур и легкий наклон головы говорили о том, что он все еще питал надежду.

— Я уезжаю в Нсукку.

— Твердо решила податься в науку и выйти за своего лектора?

— О свадьбе пока речи нет. А как Джанет? Или Джейн? Я путаю твоих американских подружек.

Мухаммед поднял бровь. Оланна невольно залюбовалась его лицом, кожей цвета жженого сахара. Она часто шутила, что в их паре он самый красивый.

— Что ты сделала с волосами? — нахмурился Мухаммед. — Тебе совсем не идет. Или твой лектор любит, когда ты похожа на деревенщину?

Оланна тронула свои косички, перевитые толстой черной нитью.

— Это тетя сделала. Мне нравится.

— А мне — нет. Мне больше по вкусу твои парики. — Мухаммед шагнул ближе, но Оланна оттолкнула его руки. — Ты не даешь себя поцеловать.

— Нет, — ответила Оланна, словно он задал вопрос. — А ты не рассказываешь мне про Джанет-Джейн.

— Джейн. То есть ты уедешь в Нсукку и мы больше не увидимся?

— С чего вдруг? Разумеется, мы будем видеться.

— Слышал я, что твой лектор — псих, так что ноги моей не будет в

Нсукке. — Мухаммед засмеялся. Его высокая стройная фигура, длинные тонкие пальцы — все говорило о хрупкости, утонченности. — Хочешь кока-колы? Или вина?

— Ты держишь в доме спиртное? Вот возьму и пожалуюсь твоему дяде, — поддразнила Оланна.

Вызвав звонком слугу, Мухаммед велел принести напитки.

— Мне кажется порой, что я живу без цели и смысла. Путешествия, импортные машины, от девиц нет отбоя. Но что-то не так, чего-то не хватает. Понимаешь?

Оланна сразу догадалась, к чему он клонит. И все же, услышав продолжение: «Лучше бы все оставалось по — прежнему», она была тронута и польщена.

— Ты еще встретишь хорошую девушку...

— Ерунда, — отрезал Мухаммед.

Сидя с ним рядом, потягивая кока-колу, Оланна вспомнила, как исказилось болью его лицо, когда она сообщила, что уходит от него, поскольку не хочет ему изменять. И как была потрясена, когда Мухаммед ответил: можешь спать с Оденигбо, только не бросай меня! Тот самый Мухаммед, который полушутя-полусерьезно хвалился, что его предки — воины-мусульмане, воплощенное мужское начало! Вот почему, наверное, ей всегда суждено испытывать к Мухаммеду нежность пополам с эгоистичной благодарностью. Он мог бы сделать их разрыв куда больнее, наказать ее чувством вины.

Оланна отставила бокал:

— Поедем кататься. Обидно, когда приезжаешь в Кано и видишь только Сабон-Гари — сплошь цемент и жость. Хочу взглянуть на древний глиняный истукан, еще раз проехаться вдоль городских стен.

— Ты совсем как белая туристка — тарачишь глаза на самые обычные вещи.

— Правда?

— Шучу. Как же ты будешь жить со своим психом — лектором, если шуток не понимаешь? — Мухаммед поднялся. — Зайдем сначала к маме поздороваться.

Проходя через калитку позади дома и внутренний дворик в крыло, где жила мать Мухаммеда, Оланна вспомнила трепет, с которым когда-то сюда входила. В комнате для гостей все осталось по-прежнему: стены, выкрашенные золотой краской, роскошные персидские ковры, потолки с тисненными узорами. Не изменилась и мать Мухаммеда: все то же кольцо в носу и шелковые шарфы на голове. Она выглядела такой ухоженной, что

Оланна удивлялась: как не надоест каждый день наряжаться, чтобы сидеть взаперти? Сегодня, однако, пожилая женщина не смотрела на Оланну свысока, не говорила сквозь зубы, не глядела мимо ее лица на резные панели. Она встала и обняла Оланну.

— Ты просто картинка, дорогая. Береги от солнца свою прекрасную кожу.

— *Na gode.*^[34] Спасибо, Хаджия. — Удивительно, как некоторые люди умеют управлять чувствами, по своей воле чередовать гнев и милость. — Я уже не твоя невеста-игбо, которая запятнала бы вам родословную, — сказала Оланна чуть позже, садясь с Мухаммедом в его красный «порше». — Значит, я больше не враг.

— Она знала, что я все равно на тебе женился бы. Ее никто не спрашивал. Но твои родители к перспективе нашего брака относились не лучше. Да что теперь об этом говорить!

— Прости, — сказала она.

— Не за что извиняться. — Мухаммед взял ее за руку. В машине что-то заскрежетало, когда они выезжали из ворот. — Выхлопная труба забита пылью. Эти автомобили не для здешних мест.

— Купи что-нибудь попрочнее. «Пежо», например.

— Пожалуй, стоило бы.

Оланна смотрела на нищих, толпившихся у стен дворца; мухи облепляли их одежду и миски для милостыни. Терпкий, кисловатый запах листьев мелии наполнял воздух.

— И совсем я не как белая туристка, — тихо сказала Оланна.

Мухаммед скользнул по ней взглядом.

— Нет, конечно. Ты патриотка и скоро станешь женой своего борца за свободу.

Оланне на миг показалось, что за легкой насмешкой Мухаммеда таится издевка. Он по-прежнему не выпускал ее ладони; тяжело, должно быть, вести машину одной рукой.

Оланна переехала в Нсукку ветреным субботним днем, а на другой день Оденигбо отправился на математическую конференцию в Ибаданский университет. Он остался бы дома, не будь конференция посвящена трудам его наставника, чернокожего американского ученого Дэвида Блэкуэлла.

— Он величайший математик из ныне живущих, величайший! — говорил Оденигбо. — Поедем со мной, нкем. Всего на неделю.

Оланна отказалась: она рада была случаю обжиться на новом месте, разобраться в себе. Проводив его, она первым делом выбросила из вазы на большом столе красные и белые пластмассовые цветы.

Угву пришел в ужас:

— Но, мэм! Они еще хорошие.

Оланна повела его в сад, к африканским лилиям и розам, которые Джомо только что полил, и попросила нарезать букет. Показала, до какого уровня наполнить вазу. Угву смотрел на цветы и качал головой, дивясь ее сумасбродству.

— Они же завянут, мэм. А те не вянут.

— Зато эти лучше, *fa makali*, ^[35] — возразила Оланна.

— Чем лучше, мэм? — Даже если Оланна обращалась к нему на игбо, Угву всегда отвечал по-английски, будто обижаясь и защищая себя.

— Красивее, и все. — Оказалось, Оланна сама не знала, как объяснить, чем живые цветы лучше искусственных. И она ничуть не удивилась, увидев пластмассовый букет в кухонном шкафчике. Угву собирал все: коробки из-под сахара, бутылочные пробки, даже ямсовые шкурки. Оланна понимала, что ему трудно расставаться с вещами, пусть и бесполезными, ведь он вырос в нужде. И когда они вместе возились на кухне, она завела разговор о том, что хранить нужно только полезное, — надеясь, что Угву не спросит, какая польза от живых цветов. Она велела Угву прибрать в кладовой и собрать в стопки старые газеты, и, пока Угву работал, расспрашивала его о родных. Правда, по его рассказу представить их было трудно, от бедности словаря Угву всех описывал одинаково: «очень хорошие». Оланна пошла с ним на рынок и, сделав все покупки для хозяйства, купила ему расческу и рубашку. Научила его жарить рис с зеленым перцем и кубиками моркови, объяснила, что не надо разваривать бобы в кашу, что нужно лить на сковородку поменьше масла и не жалеть соли. Оланна еще в первую встречу заметила, что от него пахнет потом, но выждала несколько дней, прежде чем подарить ему душистый порошок для подмышек. А еще посоветовала наливать в ванну немного антисептического геля. Понюхав порошок, Угву просиял от удовольствия — надо надеяться, не догадался, что это женский аромат. Она пыталась понять, как Угву к ней относится. Мальчик явно к ней привязался, но смотрел оценивающе, будто сравнивал с неким эталоном, и Оланна боялась, что недотягивает.

Угву заговорил с ней на игбо, когда она перевешивала фотокарточки на стене. Из-за деревянной рамки с выпускной фотографией Оденигбо выскочил геккон, и Угву крикнул:

— *Egbukwala*, не убивайте его!

— Что? — Оланна, стоя на стуле, посмотрела на Угву сверху вниз.

— Если его убить, живот заболит, — объяснил Угву. Говор его показался Оланне забавным — он будто сплевывал слова.

— Никто его убивать не собирается. Давай перевесим фотографию на ту стену.

— Да, мэм, — отозвался Угву и стал рассказывать на игбо, как его сестра Анулика убила геккона, а потом у нее страшно разболелся живот.

К приезду Оденигбо Оланна чувствовала себя в доме почти хозяйкой. Оденигбо притянул ее к себе, поцеловал, стиснул в объятиях.

— Сначала поешь, — сказала Оланна.

— Я знаю, кого бы я сейчас съел.

Оланна рассмеялась. Она была счастлива до нелепости.

— В чем дело? — Оденигбо обвел взглядом комнату. — Все книги на этой полке?

— Твои старые книги во второй спальне. Мне нужно место для моих книг.

— Неужели? Значит, ты и вправду перебралась ко мне? — Оденигбо смеялся.

— Иди искупайся.

— А почему друг мой пахнет цветами?

— Я дала ему душистый тальк. Ты замечал, что от него разит потом?

— Это запах деревенского жителя. И от меня так пахло, пока я не уехал из Аббы и не пошел в школу. Да тебе-то откуда об этом знать?

Говорил он нежно, чуть насмешливо, но руки вовсе не были нежны. Они расстегивали ей блузку, освобождали грудь из чашечек бюстгалтера. Оланна не знала, сколько прошло времени, но, когда постучал Угву и объявил, что у них гости, она лежала нагая и теплая в объятиях Оденигбо.

— Пусть уйдут, — пробормотала Оланна.

— Вставай, нкем, — тормошил ее Оденигбо. — Мне так не терпится вас познакомиться!

— Еще чуть-чуть! — Оланна пробежала пальцами по курчавым волосам на его груди, но он чмокнул ее, поднялся и стал искать белье.

Оланна нехотя оделась и вышла в гостиную.

— Друзья мои, друзья! — Оденигбо сделал широкий жест. — А вот и та самая Оланна!

Женщина, которая настраивала радиолу, обернулась и взяла Оланну за руку.

— Приятно познакомиться, — сказала она. На голове у нее красовался ярко-оранжевый тюрбан.

— Взаимно, — улыбнулась Оланна. — Вы, должно быть, Лара Адебайо?

— Верно, — кивнула мисс Адебайо. — Оденигбо нам не сказал, что

вы неразумно хороши собой.

Оланна запнулась в секундном замешательстве.

— Сочту за похвалу.

— Какой правильный английский, — пробормотала мисс Адебайо с сочувственной улыбкой и вернулась к радиоле. Подтянутая, с прямой спиной, которая в жестком оранжевом платье с набивным рисунком казалась еще прямее, она явно привыкла задавать вопросы, а не отвечать на них.

— Океома, — представился мужчина с нечесаной шевелюрой. — Я думал, подружка Оденигбо — обычная смертная, он не предупредил, что вы русалка.

Оланна засмеялась, а в душе была благодарна Океома за теплоту в голосе и за то, как он удержал ее руку в своей чуть дольше, чем положено. Доктор Патель смущенно проговорил: «Очень приятно с вами познакомиться». Профессор Ээка пожал ей руку, но, услышав, что диплом у нее по социологии, а не по одной из «серьезных» наук, пренебрежительно кивнул.

Угву подал напитки. Глядя, как Оденигбо подносит к губам бокал с бренди, Оланна невольно представила, как эти губы совсем недавно сжимали ее сосок, и сладкая боль пронзила ее тысячей иголок. Скорей бы гости разошлись...

— Как известно, великий мыслитель Гегель назвал Африку страной детства человечества, — напыщенно сообщил профессор Ээка.

— В таком случае, таблички «Детям и черным вход воспрещен» в кинотеатрах Момбаса развешивали почитатели Гегеля, — хохотнул доктор Патель.

— К Гегелю нельзя относиться серьезно. Вы вчитайтесь в него, он весьма и весьма забавен. Однако и Юм, и Вольтер, и Локк воспринимали Африку точно так же, — сказал Оденигбо. — Понимание величия зависит от того, откуда ты родом. Вот когда у израильтян спросили их мнение о деле Эйхмана,^[36] один ответил, что не понимает, как мог кто-то считать нацистов великими. Но ведь кто-то же считал, разве нет? И до сих пор считают! Люди не осознают, что если бы Европа всерьез воспринимала Африку, то не было бы холокоста. А значит, не было бы и Второй мировой!

— То есть как? — не поняла мисс Адебайо, поднеся к губам бокал.

— Да это же очевидно. Все началось с гереро.^[37] — Оденигбо говорил все громче, а Оланна вспоминала, как совсем недавно они расшумелись в его спальне и как он потом смеялся: «Если мы будем так шуметь и ночью,

разбудим беднягу Угву».

— Опять ты за старое, Оденигбо, — сказала мисс Адебайо. — По-твоему, если бы белые не истребили гереро, не было бы и холокоста? Не вижу связи.

— А связь налицо! Изучение рас белые начали с гереро, а закончили евреями. Вот вам и связь!

— Но от Второй мировой была и своя польза, нет худа без добра, как говорится, — вставил Океома. — Мой дядя, брат отца, сражался в Бирме и вернулся мучимый одним-единственным вопросом: почему ему никто раньше не сказал, что белый человек не бессмертен?

Последовал дружный хохот. Казалось, будто один и тот же разговор повторялся на разные лады уже в тысячный раз и все знали, когда смеяться. Смеялась и Оланна, но ей почудилось, что смех ее на фоне остальных звучал по-иному, резче.

Прошло недели три. Оланна начала вести курс «Введение в социологию», вступила в университетский клуб, играла с другими преподавателями в теннис, подвозила Угву до рынка, гуляла с Оденигбо, записалась в благотворительное общество при церкви Святого Петра и понемногу начала привыкать к друзьям Оденигбо. Тот со смехом уверял, что Океома и Патель влюблены в нее по уши — Океома охотно читал свои стихи, где богини будто списаны с нее, а доктор Патель так и сыпал историями из своей жизни в Макерере, где он представал благородным рыцарем науки.

Доктор Патель ей нравился, но особенно симпатичен был Океома — его нечесанные патлы, жеваная одежда и пылкие стихи. К тому же она сразу заметила, что Оденигбо неизменно прислушивался к суждениям Океомы, называя их «голосом поколения». Ей непонятен был профессор Эзека с надменной хрипотцой в голосе и молчаливой уверенностью в своей правоте. Настораживала ее и мисс Адебайо. Было бы проще, если бы та ревновала, но мисс Адебайо, похоже, не считала Оланну достойной соперницей: держит себя не как ученая дама, слишком уж хорошенькая, а английское произношение точь-в-точь как у угнетателей. Оланна ловила себя на том, что при мисс Адебайо больше говорит, отчаянно пытаясь выдать что-нибудь умное: что Нкрума^[38] стремится заправлять всей Африкой; что со стороны США несправедливо требовать убрать советские ракеты с Кубы, когда в Турции находятся их собственные; что Шарпвилль — лишь вопиющий пример из жизни Южной Африки, где каждый день гибнут сотни черных. При этом Оланна отдавала себе отчет, что ее суждения не блещут новизной, и подозревала, что мисс Адебайо это

известно, ведь стоило Оланне вступить в разговор, как мисс Адебайо тянулась за журналом, подливала себе в бокал бренди или выходила в туалет. В конце концов Оланна сдалась. Наверняка мисс Адебайо догадывалась о ее неуверенности, страхах. Но не каждый способен, глядя вам в глаза, хладнокровно сказать, что вы «неразумно хороши собой».

И все-таки, нежась в объятиях Оденигбо, Оланна всякий раз думала, что здесь, в Нсукке, ей живется как в мягком пуху — даже в дни, когда Оденигбо часами не выходит из кабинета. На его предложения пожениться она неизменно отвечала отказом. Слишком уж они счастливы, такое счастье легко спугнуть.

3

Ричард в основном помалкивал на вечеринках, куда приводила его Сьюзен. Она каждый раз представляла его писателем, и Ричард надеялся при гостях сойти за молчуна, как писателю и подобает, но в душе боялся, что его видят насквозь и знают, что он просто-напросто чувствует себя чужаком в их компании. Все, однако, были с ним любезны — ради Сьюзен с ее остротами, смехом, блеском зеленых глаз и раскрасневшимся от вина личиком.

Ричард сносил все безропотно: стоял в сторонке и ждал, когда Сьюзен соберется домой; не огорчался, что никто из ее друзей не пытается с ним сблизиться; не обиделся он, даже когда опухшая пьяная женщина назвала его «красавчиком нашей Сьюзен». Но его вовсе не радовали вечеринки «только для белых», где Сьюзен выпроваживала его «в мужскую компанию», а сама вливалась в кружок женщин делиться впечатлениями о Нигерии. С мужчинами Ричарду было неуютно. Почти все были англичане — бывшие чиновники из колоний и дельцы из «Кингсвей», «Бритиш Петролеум» и «Юнайтед Африка», багровые от солнца и виски. Они с ухмылками заявляли, что нигерийская политика — сплошь первобытная дикость и «эти ребята» не готовы управлять страной. Обсуждали крикет, плантации, которые уже купили или собирались приобрести, прекрасную погоду в Джосе и выгодные сделки в Кадуне. Ричард обмолвился, что интересуется искусством Игбо-Укву, — ему ответили, что оно пока не пользуется спросом, и Ричард не стал объяснять, что для него не деньги главное, а красота. Он сказал, что недавно приехал в Лагос и хочет написать книгу о Нигерии, — в ответ заулыбались и надавали советов: здешние жители — попрошайки, готовьтесь к тому, что от них воняет, что

они будут стоять на дорогах и глазеть на вас, не верьте жалобам на тяжелую жизнь, прислугу держите в строгости. О национальном характере африканцев ходили анекдоты. Ричарду запомнилась история о наглом африканце: негр гуляет с собакой; мимо идет англичанин и спрашивает: «Что ты делаешь рядом с этой обезьяной?» Негр отвечает: «Это не обезьяна, а собака», будто англичанин обращался к нему!

Ричард смеялся шуткам, во время разговоров пытался не витать в облаках, не выдавать смущения. Он предпочитал общество женщин, хотя старался надолго не оставаться наедине с кем-то из них — иначе дома ждал скандал с битьем посуды. Когда такое произошло в первый раз, Ричард не знал, что и думать. Он расспрашивал Кловис Бэнкрофт о ее брате, много лет назад служившем окружным комиссаром в Энугу, а потом, когда шофер вез их домой, Сьюзен за всю дорогу не сказала ни слова. Ричард решил, что она задремала, оттого и не ругает ничьи наряды и пресные закуски. Но Сьюзен, едва переступив порог дома, схватила с тумбочки бокал и швырнула в стену: «С этой пигалицей, Ричард, да еще у меня на глазах! Какая мерзость!» И просидела на диване, закрыв лицо руками, пока Ричард не попросил прощения, так и не уяснив, в чем провинился.

Второй бокал был разбит спустя недели две. Ричард общался с Джулией Марч, речь в основном шла о ее научной работе о правителях Ашанти в Гане. Он внимательно слушал, пока Сьюзен не оттащила его за руку. Дома, после звона осколков, она сказала: «Понимаю, ты не заигрывал, но имей в виду, люди могут не то подумать, а злые языки здесь — ужас, просто ужас!» Ричард снова извинился, гадая про себя, что подумали слуги, убиравшие осколки.

На одном из ужинов он беседовал о культуре Нок с преподавательницей университета, тихой женщиной-йоруба, такой же чужой здесь, как и он. Ричард ждал от Сьюзен вспышки и приготовился извиниться, не доходя до гостиной, чтобы спасти бокал. Но Сьюзен по дороге домой щебетала без умолку: спросила, хорошо ли они поговорили и почерпнул ли он что-нибудь полезное для своей книги. Дело в том, догадался Ричард, что чернокожих женщин она не воспринимает как равных, не видит в них достойных соперниц.

По мнению тети Элизабет, Сьюзен весела и обаятельна и не беда, что она чуть старше его, зато давно живет в Нигерии и покажет ему страну. Ричарду не нужно было показывать страну, он не в первый раз за границей и до сих пор прекрасно обходился без провожатых. Но тетя Элизабет настаивала: Африка — это вам не Аргентина и не Индия. При слове «Африка» голос ее дрогнул. Возможно, она просто не хотела его отпускать

— оставался бы лучше в Лондоне и продолжал писать статейки для «Ньюс кроникл». Вряд ли кто — то читал его крошечную колонку, хотя тетя Элизабет и уверяла, что все ее друзья читают. Немудрено, что она так говорила, ведь редактор — ее старый приятель, без ее протекции Ричард не устроился бы на это теплое местечко.

Ричард не стал объяснять тете Элизабет, почему он мечтает увидеть Нигерию, а предложение Сьюзен показать ему страну все-таки принял. Когда он приехал в Лагос, в глаза бросилась живость Сьюзен, ее красота, преувеличенное внимание к нему, то, как она касалась его руки, когда смеялась. О Нигерии и нигерийцах она рассуждала с видом знатока. Проезжая с Ричардом мимо шумных рынков, где из палаток гремела музыка, мимо придорожных киосков, мимо канав с затхлой водой, Сьюзен повторяла: «Энергия в них ключом бьет, но чистоплотности никакой». Сьюзен рассказывала, что северные хауса — народ серьезный, игбо угрюмые и прижимистые, а йоруба — славные ребята, хоть и подхалимы каких поискать. Субботними вечерами, указывая на пестрые толпы людей, танцующих посреди улиц возле ярко освещенных куполов, Сьюзен бурчала: «Вот вам пожалуйста. Йоруба залезают по уши в долги, чтобы устраивать пирушки».

Сьюзен подыскала Ричарду квартирку, помогла купить дешевую машину и получить права, водила его по музеям в Лагосе и Ибадане. «Познакомлю тебя со всеми моими друзьями», — обещала она. На первых порах, когда Сьюзен представляла его писателем, Ричарда тянуло поправить: не писатель, а журналист. Но ведь он и вправду писатель — во всяком случае, уверен, что рожден художником слова, творцом. Журналистика — лишь временное прибежище, способ заработать на хлеб, пока он не создаст великий роман.

И Ричард позволил Сьюзен называть его писателем. Благодаря этому друзья Сьюзен терпели его общество, а профессор Николас Грин предложил подать заявку на исследовательский грант в Нсукке, где он мог бы работать над книгой в научной среде. Ричард так и сделал — не только ради того, чтобы писать в стенах университета, но и чтобы попасть на Юго-Восток, родину искусства Игбо-Укву, страну несказанной красоты оплетенного сосуда. Ведь именно это и привело его в Нигерию.

Спустя несколько месяцев Сьюзен предложила перебраться к ней: у нее большой дом в Икойи, чудный сад, да и работать Ричарду будет куда удобнее, чем на съемной квартире с цементными полами, где хозяин ворчит, что Ричард допоздна засиживается и жжет свет. Ричард подумывал ей отказать, он мечтал поездить по стране, пока ждал ответа из Нсукки, но

Сьюзен уже заново отделала для него свой просторный кабинет, и Ричард переехал. День за днем сидел он в кожаном кресле над книгами и статьями, смотрел в окно, как садовники поливают газон, и писал — точнее, стучал на машинке. Сьюзен старалась его не беспокоить, лишь иногда заглядывала и предлагала шепотом: «Чашечку чая? Воды? Принести перекусить?» Ричард отвечал тоже шепотом, словно и его занятия, и сама комната стали священны. Он не признавался Сьюзен, что не написал пока ничего достойного внимания, что мысли, бродившие в его голове, еще не вызрели, не обрели законченности, что нет пока ни единого замысла, ни сюжета, ни героев. Он боялся ее расстроить, ведь его писательство стало ее главным увлечением, и, что ни день, она приносила домой книги и журналы из библиотеки Британского Совета. Задуманная им книга представлялась ей готовой — словно ему оставалось лишь сесть и изложить мысли на бумаге. Между тем сам Ричард даже не знал пока, о чем хочет написать. Однако он был признателен Сьюзен, как будто ее вера делала из него писателя, и в благодарность ходил на ненавистные светские приемы. Побывав на нескольких, он решил, что мало присутствовать, надо проявлять остроумие. Всего одна удачная шутка при знакомстве испустила бы его молчание, а главное, порадовала бы Сьюзен. Ричард стал репетировать перед зеркалом — придавал лицу дурацкое выражение и говорил с запинками. «Ричард Черчилль», — представит его Сьюзен, а он пожмет новому знакомому руку и усмехнется: «Сэр Уинстону не родня — иначе был бы чуточку умнее».

Друзья Сьюзен смеялись шутке, но, как казалось Ричарду, больше из жалости за его неловкую попытку сострить. Однако никто не сказал с сарказмом: «С ума сойти, какое остроумие», как Кайнене в день их знакомства в зале отеля «Федерал Палас». Во рту она держала сигарету и пускала безупречно правильные колечки дыма. Она стояла в одном кружке с Ричардом и Сьюзен, и Ричард сначала принял ее за любовницу какого-нибудь политика. Знакомясь с людьми, он пытался отгадать, что привело сюда каждого из них, кто чей спутник. Наверное, причина в том, что без Сьюзен дорога на светские приемы была бы для него закрыта. Ричард не предполагал, что Кайнене здесь присутствует по праву рождения, поскольку она дочь нигерийского богача, в ней не было ни тени напускной томности, она больше походила на любовницу высокопоставленного лица: ярко-красная помада, платье в обтяжку, сигарета. Но она не улыбалась фальшиво и не отличалась миловидностью, заставлявшей Ричарда верить слухам, что нигерийские политики обмениваются женщинами. Более того, она вообще не была хороша собой. Ричард этого не заметил, пока не посмотрел на нее снова, когда кто-то из друзей Сьюзен представил их друг

другу. «Это Кайнене Озобиа, дочь господина Озобиа. Кайнене только что окончила магистратуру в Лондоне. Кайнене, это Сьюзен Гренвилл-Питтс из Британского Совета, а это Ричард Черчилль».

— Очень приятно, — сказала Сьюзен и заговорила с кем-то из гостей.

— Очень приятно, — сказал Ричард. Кайнене молчала, держа во рту сигарету и глядя на него в упор, и Ричард, взъерошив волосы, промямлил: — Сэру Уинстону я не родня, а то был бы чуточку умнее.

Кайнене, выпустив дымок, процедила:

— С ума сойти, какое остроумие.

Худощавая и высокая, почти с него ростом, она смотрела ему прямо в глаза холодным неподвижным взглядом. Кожа ее была темной, как бельгийский шоколад. Ричард расставил ноги, чтобы тверже стоять на земле, — еще немного, и он пошатнулся бы, лбом в лоб столкнувшись с ней.

Вернулась Сьюзен, потянула его за рукав, но Ричард не хотел уходить.

— У нас с Кайнене нашелся в Лондоне общий знакомый. Я, кажется, рассказывал тебе про Уилфреда из «Спектейтор»?

— Вот и славно! — улыбнулась Сьюзен. — Ну, болтайте, а я скоро.

Сьюзен расцеловалась с какой-то четой старичков и поспешила к кучке гостей в другом конце зала.

— Вы наврали жене, — констатировала Кайнене.

— Она мне не жена.

Ричард не предполагал, что от близости этой девушки у него пойдет кругом голова. Кайнене подносила к губам бокал, затягивалась и выдыхала дым. Серебристый пепел, кружась, опускался на пол. Все вокруг как в замедленной киносъемке: гостиничный зал расширялся и сжимался, и казалось, никого нет вокруг, лишь он и Кайнене.

— Вы не могли бы отойти? — попросила Кайнене.

Ричард опешил:

— Что?

— За вашей спиной стоит фотограф, рвется снять меня, а точнее — мое ожерелье.

Ричард шагнул в сторону, не отрывая глаз от Кайнене. Глядя в объектив, она не позировала, но держалась непринужденно — видно, привыкла к вниманию.

— Ожерелье украсит завтрашний выпуск «Лагос лайф». Так я и приношу пользу нашему молодому государству — указываю соотечественникам, к чему стремиться, ради чего работать. — Кайнене снова встала с ним рядом.

— Красивая вещь, — соврал Ричард: ожерелье было слишком броским. Почему-то хотелось протянуть руку и потрогать его, снять с ее шеи и снова вернуть туда, где выступали острые ключицы.

— Скажете тоже. Отец ничего не смыслит в украшениях, — возразила Кайнене. — Но деньги его, вправду тратит как пожелает. Кстати, меня ищут родители и сестра. Мы двойняшки... — Кайнене примолкла, будто проговорилась и выдала тайну. — Кайнене и Оланна. Ее имя возвышенное, означает «Золото Бога». Мое более земное — «Посмотрим, что готовит нам Господь».

Кайнене улыбнулась насмешливо, уголком рта, и Ричарду почудилось за ее улыбкой что-то еще — быть может, разочарование. Он не знал, что ответить, чувствовал, что упускает время.

— Кто из вас старше? — спросил он.

— Кто старше? Вот это вопросец. — Кайнене вскинула брови. — Говорят, я вылезла первой.

Ричард изо всех сил сжимал бокал — еще чуть-чуть, и стекло лопнуло бы.

— А вот и сестра, — сказала Кайнене. — Вас представить? Все мечтают с ней познакомиться.

Ричард даже не обернулся.

— Давайте лучше еще поговорим, — ответил он, неловко запуская пальцы в волосы. — Если вы, конечно, не против.

— А вы застенчивый, — сказала Кайнене.

— Застенчивый — мягко сказано.

Кайнене улыбнулась его словам как удачной шутке, и Ричард рад был, что все-таки сумел вызвать у нее улыбку.

— Бывали хоть раз на рынке в Балогуне? — спросила она. — На прилавках разложены куски мяса, и все их щупают, мнут, выбирая лучший. Мы с сестрой — мясо. Мы здесь для того, чтобы подходящие женихи сделали выбор.

— Вот как... — вздохнул Ричард. Ее слова прозвучали откровенным признанием, несмотря на прежний сухой, насмешливый тон, очевидно присущий ей. Ричарду очень хотелось рассказать что-нибудь и о себе, поделиться крупицей сокровенного.

— А вот и ваша отвергнутая жена, — пробормотала Кайнене.

Подошла Сьюзен, сунула ему в руку бокал:

— Держи, милый. — И обратилась к Кайнене: — Очень приятно с вами познакомиться!

— Взаимно. — Кайнене подняла бокал.

Сьюзен увела Ричарда в сторону.

— Это ведь дочь господина Озобиа? В кого она такая уродилась? Бывают же чудеса на свете: мать ее красавица, просто красавица. У господина Озобиа в руках пол-Лагоса, но есть в нем что-то до ужаса вульгарное. Видишь ли, и он, и его жена почти без образования. Может, оттого он такой пошлый.

Обычно Ричарду нравилось слушать Сьюзен, но на этот раз ее шепот над ухом раздражал. Шампанского не хотелось. Ногти Сьюзен больно впивались в руку. Сьюзен подвела его к кучке эмигрантов и остановилась поболтать; она была навеселе и громко хохотала. Ричард искал глазами Кайнене.

Вначале красного платья нигде не было видно, и вдруг он заметил Кайнене рядом с мужчиной — наверняка отцом. Господин Озобиа в расшитой синей агбаде, ниспадавшей складками, выглядел внушительно, речь сопровождал широкими жестами. Госпожа Озобиа на его фоне казалась совсем крохотной; она была в покрывале и тюрбане из той же синей ткани. Ричарда поразили ее глаза, широко расставленные, миндалевидные, и лицо безупречной красоты. С трудом верилось, что Кайнене — дочь этой женщины, а Оланна — ее сестра — Двоиняшка. Худенькая фигура Кайнене ничем не напоминала пышные формы Оланны под черным платьем. Кайнене держалась особняком, поглядывая на стоявших рядом то безразлично, то насмешливо. Наконец посмотрела на него, наклонила голову, подняла брови, будто давно догадалась, что он следит за ней. Ричард отвел глаза. Потом снова метнул на нее взгляд, на сей раз твердо решив улыбнуться, подать знак, но она уже повернулась спиной.

Увидев фотографию в свежем номере «Лагос лайф», Ричард в порыве вдохновения написал несколько страниц — словесные портреты высокой женщины с кожей цвета эбенового дерева и лишь намеком на грудь. В библиотеке Британского Совета он нашел в деловых журналах информацию о ее отце. Выписал из справочника все четыре телефона Озобиа. Раз за разом брал он трубку и бросал, услышав голос телефонистки. Он репетировал перед зеркалом слова и даже жесты, раздумывал, не послать ли ей визитку или корзину фруктов, наконец, позвонил. Кайнене как будто и не удивилась его звонку. Или ему просто так показалось — слишком уж ровным был ее голос, когда его сердце стучало молотом.

— Может, встретимся где-нибудь, выпьем по стаканчику? — предложил он.

— Хорошо. Скажем, в двенадцать дня в отеле «Зобис». Это папина

гостиница, я могу заказать для нас номер.

— Да-да, отлично!

Потрясенный, Ричард повесил трубку. Он не знал, радоваться ли ему? «Заказать номер» — это намек? Когда они встретились в холле гостиницы, Кайнене подставила щеку для поцелуя и повела Ричарда наверх, на террасу. Они устроились лицом к пальмам у бассейна. День был солнечный, яркий, пальмы раскачивались на ветру. Ричард надеялся, что ветер не растреплет ему волосы, а тень от зонта скроет уродливые красные пятна, что появлялись у него на щеках от яркого солнца.

— Отсюда, — Кайнене указала подбородком, — видна Хитгроув. Немыслимо дорогая и закрытая британская школа, где мы с сестрой учились. Отец считал, что за границу отправлять нас рано, но хотел придать нам европейский лоск.

— Здание с башней?

— Да. Школа небольшая, всего два корпуса. Нас там было мало. Засекреченное заведение, многие нигерийцы не подозревают о ее существовании. — Кайнене помолчала, разглядывая свой бокал. — Есть братья — сестры?

— Нет. Я единственный сын. В девять лет остался сиротой.

— В девять. Так рано.

Ричард был рад, не увидев на лице Кайнене деланного сочувствия, как у некоторых. Обычно люди делали горестное лицо, и можно было подумать, что они лично знали его родителей и скорбели.

— Их часто не было дома. Растила меня няня Молли. После смерти родителей меня отправили к тете в Лондон. — Ричард помолчал, с теплым чувством принимая зачатки близости, что рождается, когда говоришь о себе. Говорить о себе ему приходилось нечасто. — Мои двоюродные брат и сестра, Мартин и Вирджиния, были мне почти ровесники, но не по годам развитые, тетя Элизабет — важная дама, а я — деревенский мальчишка из Шропшира. Едва я к ним попал, сразу стал замышлять побег.

— И убежал?

— Много раз. Меня всегда ловили. Иногда совсем рядом с домом.

— Куда ты убегал?

— Что?

— Куда убегал?

Ричард задумался. Он убегал из дома, где над ним нависали портреты давно умерших людей. Но куда бежал, сам не знал.

— Может быть, к Молли. Не знаю.

— А я знала, куда хочу убежать. Но такого места на свете нет, вот я и

оставалась дома. — Кайнене откинулась в кресле.

— Как это?

Кайнене закурила, будто не услышав вопроса. Всякий раз, когда она замолкала надолго, Ричард чувствовал беспомощность. Он хотел рассказать Кайнене про оплетенный сосуд. Ричард уже не помнил, откуда узнал о культуре Игбо-Укву, о том, как один местный житель рыл колодец и нашел бронзовое литье девятого века — возможно, самое раннее в Африке. Когда в «Колониз мэгэзин» Ричард впервые увидел снимки, он провел пальцем по странице, мечтая точно так же коснуться изящно отлитой бронзы. Он хотел поделиться с Кайнене своим восторгом, но удержался. Еще не время. Как ни странно, эта мысль согревала его: он понял, что самое драгоценное сейчас для них с Кайнене — время.

— В Нигерию ты тоже сбежал? — спросила Кайнене.

Ричард покачал головой:

— Нет. Я по натуре одиночка и всегда мечтал попасть в Африку. Оставил скромную должность в газете, одолжил у тети кругленькую сумму — и вот я здесь.

— На одиночку ты не похож.

— Почему?

— Ты красавчик. А красивые обычно любят общество, — ответила она сдержанно, без намека на похвалу, — и Ричард понадеялся, что она не заметила краски на его щеках.

— Я исключение из правил, — брякнул он первое, что пришло в голову. — Таким уж уродился.

— Одиночка и современный первооткрыватель Черного континента, — сказала Кайнене сухо.

Ричард засмеялся. Смех вырвался у него невольно, и, глянув вниз, в яркую синеву бассейна, он в порыве радости подумал, что синий — цвет надежды.

Встретились они и на другой день, и на третий. Кайнене вела его в номер, они садились на балконе, ели рис, пили холодное пиво. При каждом глотке Кайнене касалась края бокала кончиком розового языка. Это волновало Ричарда — тем сильнее, что Кайнене не отдавала отчета в своем жесте. Временами она погружалась в раздумье, но даже в такие минуты Ричард чувствовал в ней родную душу. Может быть, как раз из-за ее сдержанности и замкнутости. Никогда и ни с кем он не бывал так откровенен, а когда Кайнене вставала, чтобы бежать к отцу на заседание, ноги у Ричарда будто наливались свинцом. Не хотелось уходить, невыносимо было возвращаться к Сьюзен, сидеть в ее кабинете за

пишущей машинкой и ждать, когда она стукнет в дверь. Ричард удивлялся, что Сьюзен ничего не заподозрила, ведь с первого взгляда можно понять, как он переменялся, а она не замечает даже, что он льет на себя больше лосьона после бритья. По сути, он ей не изменил, но измена не всегда подразумевает постель. Смеяться вместе с Кайнене, рассказывать ей о тете Элизабет, смотреть, как Кайнене курит, — измена, ведь он чувствует себя предателем. Его бешеный пульс, когда Кайнене целует его на прощанье, — измена. Сжимать ее руку, сидя за столом, — измена... Ричард опешил от неожиданности, когда однажды Кайнене вместо обычного прощального поцелуя в щеку прижалась раскрытыми губами к его губам. Он не позволял себе питать надежды. Оттого-то, наверное, у него ничего не вышло: смесь изумления и желания выхолостила его. Оба быстро сбросили одежду, нагие тела были сплетены, но он ничего не чувствовал. Он поглаживал ее острые ключицы, худые бедра, мечтая, чтобы тело и разум стали заодно, чтобы желание пересилило страх, но... увы.

Кайнене села на постели и закурила.

— Прости, — сказал Ричард и, когда она вместо ответа лишь передернула плечами, пожалел, что извинился. Она застегивала бюстгальтер, а Ричард натягивал брюки, которые зря снимал, и в показной роскоши номера ему чудилось что-то зловещее. Он ждал от Кайнене хоть слова. — Встретимся завтра? — спросил он.

Кайнене выпустила дым через нос, проследила, как он тает в воздухе, и сказала:

— Вот досада.

— Встретимся завтра? — повторил Ричард.

— Я уезжаю с отцом в Порт-Харкорт, на переговоры с нефтепромышленниками. А вернусь в среду, во второй половине дня. Пообедаем вместе?

— Да, — выдохнул Ричард и потом, до того самого дня, когда Кайнене встретила его в холле гостиницы, боялся, что она передумает.

Они пообедали, глядя на пловцов в бассейне. На этот раз Кайнене была оживленнее обычного, больше курила, больше говорила. Рассказывала, с какими людьми вынуждена встречаться, работая с отцом, — все на одно лицо. «Новая нигерийская верхушка — сборище невежд: ничего не читают, едят непривычные и нелюбимые блюда в дорогих ливанских ресторанах и ведут светские беседы о своих новых машинах». Она смеялась, прикасалась к его руке, но в номер не позвала — то ли не хотела торопить события, то ли решила, что лучше им быть просто друзьями.

Лишь через несколько дней Кайнене спросила, не хочет ли он пойти в номер, и Ричард почувствовал себя дублером, который мечтает заменить основного актера, а когда мечта сбывается, робеет перед огнями рампы и понимает, что не готов выступить. Кайнене зашла первой, поманила его. Когда Ричард взялся за подол ее платья, чтобы снять, Кайнене мягко отстранила его, угадав, что за его поспешностью прячется страх. Ричард так боялся нового провала, что эрекция наполнила его безумной радостью, и, едва войдя в нее, он ощутил дрожь, которую уже не в силах был сдержать. Полежав с ней в обнимку, он отодвинулся. Он хотел сказать, что такое с ним случается впервые. В постели со Сьюзен у него все шло гладко, хоть и недоставало глубоких чувств.

— Прости меня, пожалуйста, — выдавил он.

Кайнене, пристально глядя на него, закурила.

— Не хочешь сегодня прийти к нам на ужин? Родители ждут гостей.

Ричард на миг опешил. Потом сказал: «Спасибо, с удовольствием». Он надеялся, что Кайнене пригласила его неспроста, начала воспринимать их отношения всерьез. Но когда он пришел в дом ее родителей в Икойи. Кайнене лишь коротко представила его и многозначительно замолчала: пусть, мол, родители и гости думают что хотят. Ее отец, оглядев Ричарда сверху вниз, спросил, чем тот занимается.

— Я писатель, — ответил Ричард.

— Писатель? Ну-ну.

Ричард тут же пожалел, что назвался писателем, и добавил, чтобы загладить свою оплошность:

— Меня поразили находки в Игбо-Укву. Бронзовое литье.

— Гм, — протянул господин Озобиа. — У кого —нибудь из ваших родных есть свое дело в Нигерии?

— Нет, к сожалению.

Господин Озобиа улыбнулся и отвел взгляд. Больше он за весь вечер не сказал Ричарду и двух слов, как и госпожа Озобиа; она всюду следовала за мужем, держалась как королева, а красота ее вблизи казалась еще неприступнее. Не такова была Оланна. Когда Кайнене представила ей Ричарда, она улыбнулась сдержанно, но в беседе с ним становилась все дружелюбнее, и Ричарду во взгляде ее почудилось сострадание, будто она догадывалась, какого труда ему стоит подбирать нужные слова. Ее сердечность подкупила Ричарда.

Странное дело, он даже почувствовал себя брошенным, когда Оланна села за стол далеко от него. Подали салат, и она заговорила с кем-то из гостей о политике. Как понял Ричард, речь шла о том, что Нигерия должна

стать республикой, а не признавать главой государства королеву Елизавету, но слушал он невнимательно, пока Оланна не обратилась к нему:

— А вы согласны, Ричард?

Как будто его суждение имело вес.

Ричард откашлялся.

— Да, безусловно, — ответил он, толком не зная, с чем соглашается.

Он был благодарен Оланне за то, что она втянула его в разговор, и очарован ее уникальным качеством — одновременно и утонченным, и наивным идеализмом, не отступающим перед колючей действительностью. Кожа ее будто светилась изнутри, щеки круглились, когда она улыбалась. И все же ей недоставало той печальной таинственности, что восхищала и смущала его в Кайнене. Кайнене сидела с ним рядом и за весь ужин бросила лишь две фразы: приказала слуге поменять мутный бокал и шепнула Ричарду на ухо: «Ну и гадость этот соус». Она сидела отрешенная, смотрела в пустоту, пила, курила. Ричард до боли жаждал заглянуть ей в душу. Точно такую же боль причиняло ему физическое желание; он мечтал войти в ее сокровенные глубины, проникнуть в тайны ее существа, познать недоступное ему. Он словно пил воду стакан за стаканом, а в душе жил страх никогда не утолить жажду.

Вглядываясь в лицо Сьюзен — твердый подбородок, зеленые глаза, — Ричард говорил себе, что нельзя ее обманывать, нарочно засиживаться в кабинете, пока она не уснет, врать, что пошел в библиотеку, музей или клуб поло. Разве она заслужила? С ней ему жилось уютно, от ее шепота и от кабинета с карандашными набросками Шекспира на стенах веяло покоем. С Кайнене все было иначе. После каждой их встречи голова его шла кругом от счастья и страха перед неизвестностью. На языке вертелись вопросы о том, что они всегда обходили молчанием, — об их отношениях, о будущем, о Сьюзен, — но всякий раз мешала нерешительность: ее возможные ответы пугали его.

Ричард ничего не предпринимал до тех пор, пока однажды утром не вспомнил день в Уэнтноре, когда он заигрался на улице и услышал голос Молли: «Ричард! Ужинать!» Вместо того чтобы побежать на зов, он юркнул под живую изгородь, содрал колени. «Ричард! Ричард!» — испуганно звала Молли, а Ричард сидел молча, припав к земле. «Ричард! Где ты, Дикки?» Рядом возник кролик, замер, взгляды их встретились, в этот миг только он сам и этот кролик знали, где Ричард. Кролик ускакал, под куст заглянула Молли и увидела Ричарда. Отшлепала его, до конца дня запретила выходить из комнаты. Сказала, что он ее очень огорчил, и обещала пожаловаться мистеру и миссис Черчилль. Но все это стоило

стерпеть ради нескольких мгновений полной, безграничной свободы, когда он один распоряжался своим миром. Вспомнив те минуты, Ричард решил порвать со Сьюзен. И пусть им с Кайнене не суждено долго быть вместе, зато он будет свободен от лжи и притворства.

Решение придало Ричарду сил. Однако он отложил разговор со Сьюзен еще на неделю, до того вечера, когда они вернулись из гостей, где она выпила лишнего.

— Стаканчик на ночь, милый? — предложила она.

— Сьюзен, ты мне очень дорога, — выпалил Ричард, — но, боюсь, дела плохи... то есть между нами не все гладко.

— Что ты такое говоришь? — подняла брови Сьюзен, хотя ее мгновенно севший голос и бледность не оставляли сомнений, что она все поняла.

Ричард взъерошил волосы.

— Кто она? — спросила Сьюзен.

— Дело не в женщине. Просто мне кажется, мы хотим от жизни разного. — Сочинять не пришлось, Ричард говорил правду: у них никогда не совпадали устремления, ценности. Им не следовало съезжаться.

— Это не Кловис Бэнкрофт, нет? — У Сьюзен горели уши. Они всегда краснели, стоило ей выпить, но Ричард лишь сейчас заметил эту странность: бледное лицо и гневно-пунцовые уши.

— Нет, что ты!

Сьюзен, плеснув себе вина, опустилась на подлокотник дивана. С минуту оба молчали.

— Я влюбилась в тебя с первого взгляда — сама не ожидала, ей-богу. Подумала: ну и красавчик, и такой нежный. Пожалуй, я сразу решила, что ты будешь мой. — Сьюзен тихонько, печально хохотнула, и Ричард заметил у нее вокруг глаз тонкие морщинки.

— Сьюзен... — начал он и осекся: что тут скажешь? Он не подозревал о чувствах Сьюзен. Только теперь он понял, как мало они говорили друг с другом, как мало труда вкладывали в отношения — просто плыли по течению. У них случился роман — именно случился, иного слова не подобрать.

— Я слишком торопила события, да? — Сьюзен подошла к Ричарду, встала рядом. К ней вернулось самообладание, подбородок перестал дрожать. — Ты мечтал попутешествовать, посмотреть страну — и не вышло; мы съехались, и я таскала тебя по этим кошмарным банкетам, где никому нет дела до литературы, африканского искусства и тому подобного. Как ты терпел? Прости меня, Ричард, я все понимаю. Конечно, ты должен

поездить по стране. Чем помочь? У меня есть знакомые в Энугу и в Кадуне.

Ричард забрал у Сьюзен бокал, поставил на стол и обнял ее. Вдохнув знакомый запах яблочного шампуня, он ощутил тоску по прошлому, но лишь на миг.

— Не надо, я сам справлюсь.

Ричард понял: Сьюзен не верит, что все кончено, думает, что он вернется, — и не стал ее разубеждать. Когда дворецкий в белом фартуке открыл перед ним парадную дверь, у Ричарда стало легче на сердце.

— До свидания, сэр, — сказал дворецкий.

— До свидания, Окон.

Интересно, подслушивал ли хоть раз невозмутимый Окон у дверей, когда Сьюзен скандалила и била бокалы? Как-то раз Ричард попросил Окна научить его несложным фразам на языке эфик, но Сьюзен положила занятиям конец, застав их вдвоем в кабинете: Ричард тщательно выговаривал слова, а Окон ерзал на стуле. Дворецкий оглянулся на Сьюзен с благодарностью за избавление от сумасшедшего белого, а позже Сьюзен пожурела Ричарда: он не знает здешних порядков, есть черта, которую нельзя переступать. Слушая Сьюзен, он узнавал тетю Элизабет — та излагала свои взгляды, исполненная непоколебимой, самодовольной английской добропорядочности. Вздумай он рассказать о Кайнене, Сьюзен, пожалуй, ответила бы тем же тоном: понимаю, тебе интересно поразвлечься с чернокожей.

Из машины Ричард увидел, что Окон машет ему вслед. Ричард запел бы, если б умел. Все дома на Бювер-стрит походили на дом Сьюзен — громадины, обсаженные пальмами, окруженные газонами с чахлой травой.

На другой день Ричард сидел на кровати голый, глядя на Кайнене. Его вновь постигла неудача.

— Прости. Наверное, я слишком волнуюсь.

— Ничего, если я закурю? — Шелковая простыня подчеркивала худобу Кайнене и угловатость нагого тела.

Ричард зажег ей сигарету. Кайнене выбралась из-под простыни, села на постели. В номере работал кондиционер, и темно-коричневые соски ее заострились от холода; она отвернулась и выпустила дым.

— Не будем спешить, — сказала она. — К тому же есть и другие способы.

На Ричарда нахлынула злость: на себя — за бессилие, на Кайнене — за полунасмешливую улыбочку и упоминание о других способах, будто у него никогда не получится удовлетворить женщину обычным путем. Он знал, на что способен. Знал, что может доставить ей радость. Нужно лишь время. И

все-таки он уже подумывал о целебных травах, дающих мужскую силу, — читал где-то, что ими пользуются здешние жители.

— Нсукка — клочок пыльной земли в глуши, дешевле земли для университета нигде не нашлось, — сказала Кайнене. Просто невероятно, до чего легко она переходила к будничным темам. — Но чтобы писать книгу, лучше места нет, верно?

— Верно, — согласился Ричард.

— Тебе может там понравиться, и ты захочешь остаться.

— Может быть. — Ричард нырнул под простыню. — Но я так рад, что ты будешь в Порт-Харкorte и мне не придется мотаться в Лагос, чтобы видеться с тобой.

Кайнене молча делала затяжку за затяжкой, и Ричард похолодел: вдруг она скажет, что с отъездом из Лагоса между ними все будет кончено и в Порт-Харкorte она найдет настоящего мужчину?

— Будешь приезжать ко мне по выходным. Мой дом — самое подходящее место для нас, — сказала Кайнене. — Такая громадина. Папа подарил мне его в прошлом году — что-то вроде приданого, приманка для подходящего жениха, чтобы пристроить дочку-уродину. Если вдуматься, очень по-европейски, здесь-то в ходу не приданое, а выкуп за невесту. — Она затушила сигарету, не докурив. — Оланна сказала, что дом ей не нужен. Он ей и вправду ни к чему. Недвижимость побережем для сестрицы-дурнушки.

— Не надо, Кайнене.

— «Не надо, Кайнене», — передразнила она, поведя плечом, и встала.

Ричарду хотелось вернуть ее на постель, но он не доверял своему телу, а нового разочарования не вынес бы. Иногда ему казалось, что он ничего о ней не знает и никогда не сможет до нее достучаться. Но бывало, лежа с ней рядом, он ощущал полноту жизни и уверенность, что нашел свое счастье.

— Кстати, я попросила Оланну познакомить тебя с ее революционером, — сказала Кайнене и сняла парик; короткие тугие косички делали ее лицо совсем юным, беззащитным. — До него она встречалась с князьком — хауса. Парень был спокойный, мягкий и не верил во всякие бредни, как она. А Оденигбо мнит себя борцом за свободу. Он математик, но все свободное время пишет статейки про социализм по-африкански. Оланна в восторге. — Кайнене снова надела парик и стала расчесывать; волнистые пряди с пробором посередине свисали до подбородка. Ричард любовался чистыми линиями ее худого тела, поднятой тонкой рукой.

— Социализм подошел бы для Нигерии, если строить его с умом, — заметил Ричард. — Ведь его суть — справедливая экономика, так?

Кайнене фыркнула.

— Строить социализм с игбо — гиблое дело. Здесь одно из самых любимых имен для девочек — Огбенъелу; а что оно значит? «Не отдадим замуж за бедняка». Ставить такую печать на ребенке с рождения — капитализм во всей красе.

Ричард расхохотался, и особенно его позабавило, что сама Кайнене даже не улыбнулась, невозмутимо причесываясь. Ричард представил, как будет смеяться с ней вместе еще много-много раз. Он часто ловил себя на том, что не успело кончиться настоящее, а он уже мечтает о будущем.

Ричард встал с постели и, поймав на себе взгляд Кайнене, застыдился своей наготы: вдруг за ее бесстрастным лицом прячется брезгливость?

— Я расстался со Сьюзен, — выпалил он, впопыхах натягивая белье. — Живу пока в гостинице «Принсвилл» в Икедже. До отъезда в Нсуку беру у нее свои вещи.

Во взгляде Кайнене он прочитал удивление и что-то еще, не совсем понятное. Раздумье, быть может?

— У нас с ней не было будущего, — продолжал Ричард. Нельзя, чтобы Кайнене догадалась, что причина в ней. Еще не время.

— Тебе понадобится слуга, — сказала Кайнене. — Стирать белье, прибирать дом.

Ричарда смутил столь неожиданный переход.

— Зачем? Я и сам управлюсь, давно живу один.

Кайнене вроде и не слышала.

— Попрошу Оланну подыскать кого-нибудь.

Она достала из портсигара сигарету, но зажигать не стала. Отложив ее на ночной столик, подошла к Ричарду и обняла его. Ричард от неожиданности даже не ответил на объятие. Кайнене никогда не обнимала его так крепко, разве что в постели. Сама Кайнене тоже как будто растерялась — сразу отстранилась и закурила. Потом Ричард часто вспоминал ее порыв, и его не покидало чувство, будто в тот миг рушилась стена.

Спустя неделю Ричард уехал в Нсуку. Он вел машину не спеша, то и дело съезжал с дороги, чтобы свериться с картой, которую нарисовала для него Кайнене. Переехав через Нигер, решил завернуть в Игбо — Укву. Очутившись на земле игбо, он хотел взглянуть на место, где нашли оплетенный сосуд. Тут и там попадались цементные дома, они выглядели чужеродно среди живописных глинобитных хижин, теснившихся по обе

стороны немощных улочек, таких узеньких, что Ричарду пришлось оставить машину на краю поселка и последовать за пареньком в шортах цвета хаки, видимо привыкшим водить туристов. Звали его Эмека Анози. На раскопках он был подсобным рабочим. Он показал Ричарду прямоугольные канавы на месте раскопок, лопаты, поддоны, в которых чистили бронзу.

— Хотите поговорить с моим отцом, нашим старейшиной? Я буду переводить, — вызвался Эмека.

— Спасибо.

Жители поселка подходили и говорили: «Здравствуйте. *No*, добро пожаловать», хотя он и явился без приглашения. Ричард был удивлен, он не ожидал такого теплого приема.

Анози-старший — в засаленном покрывале, завязанном узлом на шее сзади, — провел Ричарда с Эмекой в свою полутемную, пропахшую плесенью хижину, вдохнул щепотку табаку и начал рассказ. Лет двадцать назад его брат рыл колодец и наткнулся на что-то металлическое — оказалось, сосуд. Там же он нашел еще несколько, выкопал, отмыл и созвал соседей посмотреть. Сосуды были тонкой работы, и всем в них чудилось что-то смутно знакомое, но никто не мог припомнить, где такие делают. Вскоре слух о находках докатился до окружного комиссара в Энугу, и тот велел отвезти их в Лагос, в Департамент древностей. После этого о сосудах долго молчали, его брат дорыл колодец, и жизнь пошла своим чередом. А несколько лет назад приехал белый из Ибадана и начал раскопки. Сперва долго тянулись переговоры — из-за хлева с козами и стены дома, которые надо было снести, — но работа пошла хорошо. Уже настал сезон харматтана,^[39] боялись ураганов, и ямы прикрыли брезентом, натянутым на бамбуковые шесты. Нашли немало чудесных вещиц: сосуды, раковины, украшения, фигурки змей, горшки.

— И еще нашли захоронение? — вставил Ричард.

— Да.

— Как по-вашему, оно принадлежало царю?

Анози-старший одарил Ричарда долгим горестным взглядом и запричитал. Эмека засмеялся:

— Отец думал, вы из тех белых, которые знают, что к чему. Народу игбо цари неведомы, у нас жрецы и старейшины. Захоронение, должно быть, принадлежало жрецу. Но жрецы не угнетают людей, как цари.

А сейчас белые поставили над нами назначенных вождей, и эти глупцы величают себя царями.

Ричард извинился. На самом деле он знал, что игбо многие тысячи лет

жили республиканским строем, но в одной из статей о находках в Игбо-Укву прочитал, что у игбо, возможно, все-таки были цари, только их низложили. Если на то пошло, игбо низложили даже богов, ставших бесполезными. Ричард посидел немного, пытаясь представить жизнь народа, что смог во времена Альфреда Великого создать изделия подобной красоты и сложности. Вот бы написать об этом, создать что-то свое... Например, фантастический роман, где главный герой-археолог ведет раскопки и в конце концов переносится в прекрасное прошлое.

Поблагодарив Анози-старшего, Ричард собрался уходить. Анози-старший что-то добавил, а Эмека перевел:

— Отец спрашивает, не хотите ли вы его сфотографировать? Все белые, что к нам приезжают, фотографируют.

Ричард помотал головой:

— Нет, извините. Я не взял фотоаппарат.

Эмека засмеялся.

— Отец спрашивает, что это за белый такой? Зачем сюда приехал и что здесь делает?

По пути в Нсукку Ричард тоже задавался вопросом, что он здесь делает, и другим, еще более мучительным, — о чем писать?

Приезжих ученых и художников селили в принадлежавшем университету доме на Имоке-стрит. Обстановка была скудной, почти монашеской, и, оглядев гостиную с двумя креслами, узкую кровать в спальне, пустые кухонные шкафчики, Ричард сразу почувствовал себя как дома. Здесь он сможет работать в тишине. Однако в гостях у Оланны и Оденигбо, когда Оланна сказала: «Твой дом не мешало бы сделать чуточку уютней», Ричард согласился, хотя ему там все понравилось. Он просто хотел заслужить в награду улыбку Оланны — ее внимание льстило ему. Оланна убедила Ричарда дважды в неделю приглашать их садовника Джомо, чтобы тот развел во дворе цветник. Она познакомила Ричарда с их друзьями, показала рынок и нашла самого подходящего, по ее словам, слугу.

Ричард представлял слугу шустрим пареньком вроде Угву, но Харрисон оказался мужчиной средних лет, низеньким, сторбленным, худым как палка, в просторной белой рубахе ниже колен. Каждый разговор он начинал церемонным поклоном. Сияя от гордости, он рассказал Ричарду, что до него служил у священника-ирландца отца Бернарда и у профессора Ланда из Америки. «Моя готовить очень вкусна салат из свекла», — похвалился он в первый же день, и позже Ричард понял, что гордится он не одним салатом, а искусством готовить свеклу, которая продается лишь в

ларьке с заморскими овощами, потому что нигерийцы ее не жалуют. В первый вечер Харрисон подал на ужин вкуснейшую рыбу, а на закуску — свекольный салат. На следующий вечер — темно-малиновое свекольное рагу с рисом. «Это американская рецепт, только места картошка — свекла», — объяснил он, с удовольствием наблюдая, как Ричард ест. На третий день Ричарда снова ждал салат из свеклы, а на четвертый — очередное свекольное рагу, на сей раз ядовито-красное.

— Не надо больше свеклы, Харрисон, — замахал руками Ричард. — Не надо, прошу вас.

Харрисон приуныл, но тут же приободрился:

— Но, сэр, я готовить кухня из ваша страна. Что вы привыкнул с детства, я готовить. Я вообще не варить нигерийская еда, только заморская рецепт.

— А я вовсе не против нигерийской кухни, Харрисон, — ответил Ричард. Знал бы Харрисон, какой гадостью кормили его в детстве — вонючей копченой селедкой сплошь из одних костей, овсяной кашей с мерзкой и толстой, как непромокаемый плащ, пленкой сверху, пережаренным мясом в подливке, с застывшим жиром по краям.

— Хорошо, сэр. — Харрисон стал мрачнее тучи.

— Кстати, Харрисон, вы знаете какие-нибудь травы для мужчин? — нарочито небрежно поинтересовался Ричард.

— Сэр?

— Трава. — Ричард сделал неопределенный жест рукой.

— Овощи, сэр? Я готовить всяка салат из ваша страна очень вкусна, сэр. Для профессор Ланд я готовить всяка-всяка салат.

— Я имел в виду целебные травы.

— Целебные? Идите к доктор в Медицинска центр.

— Мне нужны африканские травы, Харрисон.

— Но, сэр, они плохие, от колдуна. Дьявольска штука.

— Понятно. — Ричард сдался. Можно было догадаться, что к Харрисону, с его страстью ко всему иностранному, и обращаться не стоило. Лучше спросить Джомо.

Дождавшись прихода садовника, Ричард смотрел в окно, как тот сажает, а затем поливает лилии. Поставив на землю лейку, Джомо принялся собирать продолговатые, бледно-желтые плоды зонтичного дерева, что нападали за ночь и лежали на газоне. Ричарда всюду преследовал сладковатый, приторный запах гниющих плодов; отныне этот запах всегда будет напоминать ему о Нсукке. Ричард подошел к Джомо — в руках у того была сумка из рафии, набитая плодами.

— С добрым утром, мистер Ричард, сэр! — поприветствовал его Джомо, как всегда, торжественно. — Если хотите, я отдам вашему слуге. Я не хотел забирать их себе. — Поставив сумку на землю, Джомо взял лейку.

— Не надо, Джомо. Мне они не нужны... Кстати, вы знаете какие-нибудь травы для мужчин? Для тех, у кого не получается... с женщиной?

— Знаю, сэр. — Джомо даже не оторвался от работы, словно с подобными вопросами к нему обращались каждый день.

— Знаете травы для мужчин?

— Да, сэр.

У Ричарда от радости замерло сердце.

— Вот бы взглянуть на них, Джомо.

— Мой брат был очень несчастливый: его первая Жена не беременная и вторая жена не беременная. Дибиа^[40] дал ему одну травку, и он жевал. Теперь обе его жены беременные.

— Отлично! Можете раздобыть для меня эту травку, Джомо?

Джомо оторвался от работы и взглянул на Ричарда, его мудрое морщинистое лицо светилось теплотой и состраданием.

— Белым она не помогает, сэр.

— Да нет же! Я хочу о ней написать.

— Вы приходите к дибиа и там, у него, станете жевать. А писать про это нельзя, нет, сэр. — Джомо покачал головой и продолжил поливать, что-то монотонно напевая.

— Понятно. — Ричард пошел к дому, стараясь не выдать разочарования.

У входа стоял Харрисон, делая вид, что протирает стеклянную дверь.

— Джомо что-то делать не так, сэр? — встрепенулся он.

— Я просто расспрашивал его кое о чем.

Слуга сник. С самого начала было ясно, что повар и садовник невзлюбили друг друга и каждый считает себя лучше другого. Однажды Ричард услышал, как Харрисон запретил Джомо поливать под окном кабинета, чтобы плеск воды не мешал хозяину работать. Харрисон стоял под самым окном и едва не кричал — чтобы хозяин уж наверняка услышал. Ричарда забавляло и стремление Харрисона выслужиться, и почтение к его писательству; у Харрисона вошло в привычку каждый день смахивать пыль с печатной машинки — хотя она и не пылилась, — а если в корзине для бумаг он находил страницы рукописи, то ни за что не хотел их выбрасывать. «Вам они больше не нужны, сэр? Точно не нужны?» — допытывался Харрисон, держа в руках смятые листы, а Ричард в ответ твердил, что точно не нужны. Интересно, как отреагировал бы Харрисон,

если б узнал, что хозяин плохо представляет, о чем пишет, что он набросал очерк об археологе и вышвырнул, затем — историю любви англичанина и чернокожей женщины и тоже вышвырнул, а теперь приступил к рассказу о жизни захолустного нигерийского городка. Материал он черпал в основном на вечерах у Оденигбо и Оланны. Ричарда принимали как своего, не выделяли среди остальных, и, может быть, потому ему было уютно сидеть на диване в гостиной и слушать.

Оланна представила его Оденигбо со словами: «Это друг Кайнене, Ричард Черчилль, я тебе о нем рассказывала». Оденигбо дружески тряхнул ему руку: «Не для того я стал первым министром короля, чтобы руководить распадом Британской империи».

Ричард не сразу понял, а сообразив, засмеялся над неуклюжей пародией на сэра Уинстона Черчилля. Потом Оденигбо размахивал номером «Дейли тайме» и кричал: «Пришла пора деколонизировать систему образования! Не завтра, а прямо сейчас! Надо учить детей нашей истории», а Ричард думал: вот человек, который не стесняется своих чудачеств, и пусть он не красавец, а все внимание достается ему, хотя в комнате полно интересных мужчин. Следил Ричард и за Оланной, каждый взгляд на нее освежал ему душу, и почему-то ему неприятно было видеть руку Оденигбо на плече Оланны или представлять их в постели. Ричард обменивался с Оланной лишь общими фразами, но, когда он собрался в Порт-Харкорт навестить Кайнене, Оланна попросила: «Передай Кайнене привет».

— Хорошо, — пообещал Ричард; в первый раз Оланна при нем упомянула о сестре.

Встретив Ричарда на вокзале, Кайнене повезла его в своем «пежо-404» на окраину Порт-Харкорта, на берег океана, к уединенному трехэтажному дому с верандами, увитыми бледно-лиловой бугенвиллеей. Вдыхая соленый воздух, Ричард шел следом за Кайнене по просторным комнатам с разностильной, но со вкусом подобранной мебелью, пейзажами в приглушенных тонах, скульптура — мягких очертаний. Натертые полы пахли воском.

— Будь мы поближе к морю, вид был бы еще красивее — Зато я все обставила по-своему, не так, как папа, — надеюсь, не слишком вульгарно? — спросила Кайнене.

Ричард засмеялся — не только над ее шутливым намеком на Сьюзен (он передал ей слова Сьюзен о господине Озобиа), но и от радости, услышав «мы». «Мы» подразумевало их обоих; Кайнене впустила его в свою жизнь. Представляя его слугам — их было трое, все в одинаковой,

нелепо сидевшей форме цвета хаки, — Кайнене пояснила с обычной кривой усмешкой: «Мистера Ричарда вы будете видеть очень часто».

— Добро пожаловать, сэр, — сказали они хором и почтительно вытянулись, а Кайнене, указав на каждого, назвала их имена: Икеджиде, Ннанна и Себастьян.

— Икеджиде самый умный, у него имеется одна извилина, — прибавила Кайнене.

Все трое улыбнулись, как будто каждый был другого мнения, но, разумеется, предпочел промолчать.

— А сейчас, Ричард, экскурсия по окрестностям. — Кайнене изобразила поклон, пародируя слуг, и повела его через заднюю дверь в апельсиновый сад.

— Привет тебе от Оланны, — сказал Ричард, взяв Кайнене за руку.

— Говоришь, ее любовник-бунтарь принял тебя в свой круг? Полагаю, мы должны быть благодарны. Раньше он пускал в дом только чернокожих преподав.

— Он так и сказал. Говорил, в Нсукке было полно приезжих из Агентства международного развития, из Корпуса Мира и Мичиганского университета, и ему хотелось приютить немногих лекторов-нигерийцев.

— Чтобы обсуждать их националистские бредни.

— Верно. Он большой оригинал.

— «Большой оригинал»! — передразнила Кайнене. Она остановилась, раздавила что-то мыском сандалии. — Нравятся они тебе, да? Оланна и Оденигбо?

Ричарду хотелось заглянуть ей в глаза и развеять ее подозрения, произнести именно то, чего она ждала в ответ.

— Нравятся, — кивнул он. Ладонь Кайнене лежала в его руке вяло, безвольно, и Ричард боялся, как бы она не убрала руку. — Они очень помогли мне обжиться в Нсукке, — добавил он, будто оправдываясь. — Я там уже как дома. И еще я благодарен им за Харрисона.

— Вот за Харрисона и впрямь спасибо. Как поживает Свекольная душа?

Ричард обнял Кайнене, радуясь, что она не злится.

— Хорошо. Он славный человек, такой забавный.

Они шли по саду, в густой тени апельсиновых деревьев, и Ричард вдруг ощутил собственную чужеродность. Кайнене рассказывала о ком-то из своих подчиненных, а он унесся далеко: гудение мошек над головой, буйная зелень пробудили воспоминания о родительском доме в Уэнтноре. Казалось бы, что общего между влажными тропиками, где у него обгорает

кожа на руках, где греются на солнце пчелы, — и ветхим английским домом, где даже летом гуляют сквозняки? И все же Ричард видел перед собой стройные тополя и ивы позади дома, поля, где он подстерегал барсуков, бесконечные холмы, поросшие вереском и папоротником, стада овец. «Там горы голубеют...» Он вспомнил, как отец и мать сидели с ним в сырой спальне и отец читал вслух стихи.

Из той далекой стороны
Мне в сердце смертью веет:
Там крыши острые видны,
Там горы голубеют...

То незабвенные края.
Счастливые чертоги,
Где некогда бродил и я,
Куда мне нет дороги.^[41]

На словах «там горы голубеют» отец всегда понижал голос. После ухода родителей Ричард подолгу смотрел в окно на синевшие вдали холмы.

Ричард не предполагал, что Кайнене живет столь напряженной жизнью. В Лагосе, когда они виделись Урывками в отеле, он не задумывался о том, что жизнь ее, полная событий, мало изменилась бы даже без него. Его неприятно удивило, что он не единственный обитатель ее мира. Едва переехав в Порт-Харкорт, Кайнене завела свои порядки. Работа для нее была превыше всего, она поставила цель расширить отцовские предприятия, превзойти отца. По вечерам к ней приезжали посетители: дельцы — за договорами, чиновники — за взятками, трудовой люд — за работой. Кайнене старалась не засиживаться с ними, зная, что Ричард читает или пишет у себя наверху и ждет, пока они уйдут.

Когда он гостил в Порт-Харкorte в третий раз, в дверь постучал слуга и доложил: «Мадам, приехал майор Маду». Кайнене попросила Ричарда спуститься с ней вместе.

— Маду — мой старый друг, я хочу вас познакомить. Он только что вернулся из Пакистана, с учений, — пояснила она.

Ричард еще в прихожей учуял запах одеколona, приторный, навязчивый. Наружность самого гостя была примечательна: широкое лицо, кожа цвета красного дерева, толстые губы, приплюснутый нос; Ричарду почудилось в нем что-то первобытное. Когда тот протянул руку, Ричард

невольно отступил: гость был громадного роста. Ричард привык быть выше всех, смотреть на людей сверху вниз, но сейчас перед ним стоял человек на полголовы выше, а широкие плечи и могучее сложение будто еще прибавляли ему роста.

— Ричард, это майор Маду Маду, — представила Кайнене.

— Здравствуйте, — сказал майор Маду. — Я о вас наслышан от Кайнене.

— Здравствуйте, — пробурчал Ричард.

Это уже слишком: запросто, с чуть снисходительной усмешкой называть Кайнене по имени, будто Кайнене не просто рассказывала ему о Ричарде, а нашептывала на ухо, с глупым хихиканьем, рожденным физической близостью. Маду Маду — надо же такое имечко выдумать. Ричард сел на диван; Кайнене предложила выпить, он отказался. Он чувствовал, как кровь отхлынула от лица. Ему было бы приятнее, если бы Кайнене сказала: «Это Ричард, мой любовник».

— Так вы с Кайнене познакомились в Лагосе? — начал разговор майор Маду.

— Да.

— Она впервые рассказала мне о вас, когда я звонил ей из Пакистана, с месяц назад.

Ричард не знал, что ответить. Он понятия не имел, что Кайнене звонили из Пакистана, и не помнил, чтобы она хоть раз упомянула о дружбе с офицером, у которого что имя, что фамилия — все одно.

— А вы давно знакомы? — спросил Ричард и тут же забеспокоился, не промелькнуло ли в его тоне подозрение.

— Наши семьи соседствуют в Умунначи. — Майор Маду повернулся к Кайнене: — Говорят, мы даже в родстве, так ведь? Только ваши предки украли нашу землю, и мы от вас отреклись.

— Нет, это ваши предки украли нашу землю, — со смешком возразила Кайнене.

Ричарда удивил ее низкий, хриплый смех. Еще больше его удивило, как по-хозяйски держался Маду — развалился на диване, без спроса сменил кассету в магнитофоне, шутил со слугами. Ричард чувствовал себя не у дел. Почему Кайнене не предупредила, что майор Маду останется ужинать? Почему она пьет не джин с тоником, как Ричард, а разбавленный виски, как майор Маду? Почему майор Маду засыпает его вопросами, будто он здесь хозяин, а Ричард — гость, которого надо развлекать? «Как вам нравится Нигерия? Очень вкусный рис, правда? Как ваша книга? Как вам Нсукка?»

Ричарду были противны и вопросы, и безупречные манеры гостя за столом.

— Я учился в Сэндхерсте,^[42] — рассказывал майор Маду, — и больше всего ненавидел тамошний холод. Тем более что по утрам нас гоняли по морозу в одних шортах и рубашках.

— Представляю себе, — кивнул Ричард.

— Не то слово. Каждому свое. И вас, не сомневаюсь, скоро замучает ностальгия, — сказал майор Маду.

— Вряд ли.

— Вы в курсе, что Британия ограничила въезд из Содружества? Хотят, чтобы все сидели дома. Самое смешное, что они к нам могут приезжать сколько угодно. — Пережевывая рис, майор Маду вертел в руках бутылку, словно перепутал минеральную воду с вином и интересовался выдержкой. — Как только я вернулся из Англии, меня отправили в Конго с Четвертым батальоном ООН. Командование у нас было хуже некуда, но все равно я не променял бы Конго на более-менее безопасную Англию. В Конго хотя бы тепло. — Майор Маду помолчал. — Мы были под началом полковника — британца. — Он мельком взглянул на Ричарда и продолжал жевать.

Ричард кипел от гнева; пальцы не слушались, он боялся выронить вилку.

Сразу после ужина, когда они сидели на веранде при луне и слушали хайлайф, раздался звонок в дверь.

— Должно быть, Удоди. Я его просил за мной зайти, — сказал майор Маду.

Ричард прихлопнул назойливого москита над ухом. Как видно, дом Кайнене служил местом встреч майора с друзьями.

Удоди оказался невзрачным человечком, без тени искушенного обаяния и легкой надменности майора Маду. Он явно был пьян, сильно пьян, судя по тому, как долго тряс Ричарду руку.

— Вы деловой партнер Кайнене? Торгуете нефтью? — спросил Удоди.

— Я вас не представила! — спохватилась Кайнене. — Ричард, это майор Удоди Экечи, друг Маду. Удоди, это Ричард Черчилль.

— Ага. — Глаза майора Удоди сузились. Он плеснул в бокал виски, осушил залпом и что-то коротко сказал на игбо.

Кайнене ответила по-английски, холодно, с расстановкой:

— Не твое дело, Удоди, кого я выбираю себе в любовники.

Ричард открыл рот, чтобы отчитать наглеца, но не издал ни звука. На него накатила слабость, как от горя или болезни. Музыка смолкла,

слышался лишь рокот далеких волн.

— Ой, прости. Согласен, не мое дело. — Майор Удоди с хохотом вновь потянулся к бутылке.

— Ну-ну, полегче, — остановил его майор Маду. — Похоже, ты с утра начал.

— Жизнь коротка, братец. — Майор Удоди налил себе еще бокал и обратился к Кайнене: — Вот что я тебе скажу: с белыми путаются женщины определенного сорта — из бедных семей и с фигурой, что по вкусу белым. — Помолчав, он передразнил английский акцент: — «Чертовски аппетитные попки!» — и загоготал. — Белые лапают женщин по темным углам, а жениться — ни — ни. Где это видано? Они и на люди-то с ними не выходят! Но женщины все равно позорятся, цепляются за них, а взамен получают лишь жалкие подачки да дрянной чай в красивых банках. Это рабство на новый лад, говорю тебе, рабство. А ты дочь Большого Человека, что ты с ним связалась?

Майор Маду встал.

— Прости, Кайнене, наш приятель не в себе. — Он поднял майора Удоди со стула и что-то быстро сказал ему на игбо.

Майор Удоди снова рассмеялся.

— Ладно, ладно, только виски прихвачу. Бутылка все равно почти пустая. Я заберу, нет возражений?

Кайнене промолчала, и майор Удоди сцапал со стола бутылку. Когда он и Маду ушли, Ричард подсел к ней и взял за руку. Он чувствовал себя полным ничтожеством. Возможно, поэтому майор Маду извинился перед одной Кайнене, забыв про него.

— Он вел себя мерзко. Мне жаль, что так вышло, Кайнене.

— Пьян в дым. Маду наверняка сгорает со стыда. — Кайнене указала на папку на столе: — Я только что получила контракт на поставку ботинок батальону в Кадуне.

— Отлично. — Допивая джин, Ричард смотрел, как Кайнене перебирает документы.

— Посредник — игбо, и он, по словам Маду, рад был заключить договор с соплеменницей. Так что мне повезло. И просит всего-то пять процентов.

— Взятку?!

— Святая невинность.

Ричарда злила и насмешка в голосе Кайнене, и то, что она не винила майора Маду за пьяную выходку приятеля. Ричард поднялся и стал мерить шагами веранду. Вокруг лампы дневного света гудела мошкара.

— Так вы, значит, с Маду давнишние знакомые? — Ричарду было неприятно называть майора по имени, что предполагало сердечность, которой он в себе не находил. Но выбора не было. Называть его майором — много чести.

Кайнене внимательно взглянула на него.

— Сколько себя помню. Наши семьи очень дружат. Однажды, давным-давно, мы приехали в Умунначи на Рождество и Маду подарил мне черепаху — самый странный и самый чудесный подарок за всю мою жизнь. Оланна возмутилась — нельзя, мол, держать бедняжку в неволе, — но они с Маду всегда друг друга недолгоблывали. Черепаху я посадила в таз, и она, конечно, долго не прожила. — Кайнене вновь углубилась в бумаги.

— Он женат?

— Да. Адаоби учится в Лондоне на бакалавра.

— Поэтому вы так часто видитеесь? — спросил Ричард хрипло, словно у него внезапно запершило в горле.

Кайнене промолчала. Возможно, просто не услышала. Видно было, что мысли ее заняты новым договором.

— Схожу в кабинет, сделаю кое-какие заметки и вернусь. — Кайнене встала.

У Ричарда не хватало духу спросить начистоту, нравится ли ей Маду как мужчина, были ли они близки прежде или, того хуже, близки до сих пор? Он подошел к Кайнене, привлек ее к себе и обнял, чтобы слышать стук ее сердца. Впервые в жизни он чувствовал, что у него есть свое место в мире.

1. Книга: Мир молчал, когда мы умирали

В прологе он рассказывает историю женщины с калекасом. Она сидела на полу в вагоне, переполненном людьми, вокруг нее плакали, кричали, молились. На коленях она держала закрытый калекас, молча поглаживая его, а когда пересекли Нигер, подняла крышку и попросила Оланну и ближайших соседей заглянуть внутрь.

Историю ему рассказывает Оланна, с мельчайшими подробностями. По ее словам, следы крови на одежде женщины сливались в ржаво-коричневый узор. Оланна описывает резьбу на калекасе — пересечение косых линий — и отрубленную голову девочки внутри: грязные косички, накрывшие лоб, закатившиеся глаза, изумленно раскрытый рот.

Затем он упоминает о немках, бежавших из Гамбурга с обугленными телами детей в чемоданах, о женщинах Руанды, увозивших с собой останки своих убитых младенцев, но намеренно старается не проводить параллелей. На обложке книги изображена карта Нигерии, где ярко-

красным выделены реки Нигер и Бенуэ. Тем же цветом обозначена граница на Юго-Востоке, где на протяжении трех лет существовала Биафра.

Угву неспешно убирал со стола. Сначала отнес на кухню бокалы, потом миски из-под рагу и ножи, под конец сложил стопкой тарелки. Даже не подглядывая из кухни, он мог сказать, кто где сидел. На тарелке Хозяина, как всегда, осталось много риса — он ел рассеянно, и рисинки сыпались с вилки. На бокале Оланны отпечатались полумесяцем помада. Океома все подряд ел ложкой, а вилку и нож откладывал в сторону. Профессор Эзека принес с собой импортное пиво, и рядом с его тарелкой стояла коричневая бутылка. Мисс Адебайо оставляла колечки лука, а мистер Ричард никогда не обглаживал куриные косточки.

В кухне Угву убрал тарелку Оланны в сторону, а из остальных вытряхнул объедки, глядя, как летят в мусорное ведро рис, рагу, зелень и кости. Кто-то разгрыз часть косточек в щепки, а Оланна только пожевала концы, и все три косточки сохранили форму. Угву сел за стол, выбрал одну и, прикрыв глаза, сунул ее в рот, представив, как ту же косточку обсасывала Оланна.

Он сосал кость за костью, не торопясь, с удовольствием, громко причмокивая. Стесняться некого — он в доме один, Хозяин и Оланна только что ушли с друзьями в университетский клуб. До ужина далеко, посуда в раковине, можно капельку побездельничать. Оланна называла эти часы «временем домашних заданий», и если была дома, то просила Угву взять книги и тетради в спальню. Она не знала, что над уроками он никогда не засиживался, а, быстренько покончив с ними, устраивался у окна и продирался сквозь запутанные фразы в книгах Хозяина, то и дело поглядывая из окна, как кружатся над белыми цветами бабочки.

Посасывая вторую косточку, Угву достал тетрадь и прочел стихотворение, которое списал с доски, старательно копируя почерк миссис Огуике. Закрыв глаза и повторил наизусть:

Зачем мне только обещали
Иную жизнь в неведомой стране?
Ах, в том краю — не то что в этом!
Там весело зимой и летом,
Там всюду фрукты и цветы

Необычайной красоты... [43]

Угву вновь пробежал глазами стихотворение, проверяя, не пропустил ли чего. Только бы Хозяин не попросил прочесть стихи. Угву хоть и выучил их, но не знал, что ответить, если Хозяин вдруг спросит: «В чем тут смысл?» Или: «Как по-твоему, о чем здесь на самом деле говорится?» Рисунки в книге, которую принесла на урок миссис Огуике, были совсем непонятные: длинноволосый человек ведет за собой довольных крыс. Чем больше Угву смотрел, тем больше убеждался, что это дурацкая шутка. Даже миссис Огуике и то, небось, невдомек, к чему все это. Угву нравилась миссис Огуике. Она не выделяла его среди остальных и будто не видела, что на переменах он сидит один, зато сразу заметила, что он схватывает все на лету, — в первый же день, когда давала ему устные и письменные задания, а Хозяин ждал за дверью душевного кабинета. «Мальчик рано или поздно перепрыгнет через класс, у него врожденные способности», — сказала она потом Хозяину, точно Угву не стоял рядом. Фраза «врожденные способности» стала у Угву любимой.

Угву закрыл тетрадь и пошел мыть посуду. Все косточки он уже разгрыз — теперь во рту у него вкус губ Оланны. В первый раз он грыз за ней кости пару недель назад, увидев в субботу утром, как они с Хозяином целовались в гостиной. Мысль о том, что ее слюна во рту у Хозяина, и отталкивала, и волновала Угву. Точно так же и ее стоны по ночам: не очень-то приятно было их слышать, и все равно Угву часто подходил к хозяйской спальне и слушал, прижав ухо к прохладной деревянной двери. Точно так же он разглядывал в ванной белье Оланны — комбинации с кружевами, плотные бюстгалтеры, трусы.

Теперь уже невозможно было представить дом без Оланны. Вечерами, когда гостиная наполнялась людьми, голос ее, звонкий и красивый, был слышнее всех; Угву так и подмывало высунуть язык и сказать мисс Адебайо: «Не умеешь говорить по-английски, как моя мэм, — вот и заткни свою грязную пасть». Казалось, в шкафу всегда висела одежда Оланны, радиоло всегда играла ее любимый хайлайф, в комнатах всегда витал запах ее кокосовых духов, а на дорожке у дома всегда стояла ее «импала». И все-таки Угву тосковал о былых днях, когда они жили вдвоем с Хозяином. Жаль было тех вечеров, когда он сидел на полу в гостиной, а Хозяин что-то рассказывал, и утренних часов, когда он подавал завтрак и в доме звучали лишь два голоса — его и Хозяина.

Хозяин тоже переменялся. Он слишком часто и подолгу смотрел на

Оланну, слишком крепко обнимал, а когда Угву распахивал входную дверь, он тут же рыскал взглядом по гостиной в поисках Оланны. А вчера, например, Хозяин сказал Угву: «На выходные приедет моя мама, так что приведи в порядок комнату для гостей». Не успел Угву ответить: «Да, сэр», как вмешалась Оланна: «Думаю, Угву стоит перебраться во флигель для слуг. У нас освободится еще одна комната, и твоя мама сможет погостить подольше».

«Верно», — согласился Хозяин так быстро, что Угву взяла досада: ради Оланны он, чего доброго, и голову в костер сунет. Как будто она теперь главная в доме! Меж тем Угву не прочь был пожить во флигеле, совсем пустом, не считая паутины да картонных коробок. Там он сможет прятать всякое старье, которое сохранил, там можно устроить все по-своему. Никогда прежде Хозяин не упоминал при нем о матери, и в тот вечер, прибираясь в гостевой, Угву пытался представить женщину, которая купала маленького Хозяина, кормила, вытирала ему нос. Угву заранее трепетал перед ней, ведь она произвела на свет Хозяина!

Оставшуюся от обеда посуду Угву помыл быстро. Если так же быстро приготовить зелень для похлебки к ужину, то до возвращения Хозяина с Оланной он успеет забежать к мистеру Ричарду поболтать с Харрисоном. С недавних пор Угву крошил зелень руками, а не резал ножом. Это Оланна его научила — так, мол, лучше сохраняются витамины. Угву понравилось — впрочем, как и все, чему учила его Оланна: жарить омлет с молоком, нарезать жареные бананы аккуратными кружочками вместо кривых овалов, готовить мой-мой^[44] в алюминиевых чашечках, а не в банановых листьях. Теперь, когда Оланна доверила ему почти всю кухню, у Угву вошло в привычку то и дело выглядывать из дверей и смотреть, кто больше всех нахваливает еду, кто что любит, кто берет добавку. Доктору Пателю нравилась вареная курица с перцем узиза. Мистеру Ричарду тоже, только шкурку он никогда не ел — оттого, наверное, что у самого кожа бледная, как у курицы. А отчего же еще? Ведь шкурка — это самое вкусное! Мистер Ричард всегда благодарил, когда Угву заходил принести воды или убрать посуду: «Курица изумительная, спасибо, Угву». Бывало, когда все перебирались в гостиную, мистер Ричард заглядывал к Угву на кухню и принимался задавать вопросы. Такие смешные, что хоть стой, хоть падай. Есть ли у его народа резьба или скульптуры, изображающие богов? Бывал ли Угву в святилище у реки? Еще смешнее было, когда мистер Ричард записывал ответы в книжицу в кожаном переплете. На днях, стоило Угву обмолвиться о празднике ори-окпа, глаза мистера Ричарда засинели еще ярче, и он сказал, что хочет побывать на празднике и попросит Хозяина

отпустить Угву вместе с ним в его родной поселок.

Угву прыснул, доставая из холодильника зелень. Представить только — мистер Ричард на празднике ори — окпа, где ммуо (мистер Ричард назвал их ряжеными; что ж, пусть будут ряженые, если это значит — духи) расхаживают по поселку, бьют парней и гоняются за девушками! Даже сами ммуо и те попадали бы со смеху при виде белого с записной книжкой. И все-таки не зря он рассказал мистеру Ричарду о празднике — значит, успеет повидать Ннесиначи до ее отъезда на Север. Вот удивится она, увидев его в машине с белым! Тогда-то она уж точно обратит на него внимание. Скорей бы удивить Анулику и всю родню правильным английским, новой рубашкой, познаниями в бутербродах и водопроводах и душистым порошком!

Едва Угву успел вымыть покрошенную зелень, в дверь позвонили. Вряд ли друзья Хозяина, еще рано. Угву поспешил к двери, на ходу вытирая руки о передник. На пороге стояла тетушка — или ему померещилось, потому что он мечтал о доме?

— Тетушка!

— Угву, детка, — сказала тетя, — нужно ехать домой. Где твой хозяин — *oda gi kwanu!*

— Домой?

— Твоя мама очень больна.

Угву разглядывал платок на голове у тетушки, кое — где протертый почти до дыр. Когда у его двоюродной сестры умер отец, родные сообщили ей в Лагос: езжай домой, твой отец очень болен. Если ты далеко от дома, а у тебя кто-то умер, тебе говорят, что он очень болен.

— Твоя мама больна, — повторила тетушка. — Она спрашивает про тебя. Скажу Хозяину, что ты вернешься завтра же, чтоб он не подумал, что я слишком многого прошу. Ведь большинство слуг годами не видят дома.

Угву теребил край передника. Он хотел попросить тетю сказать правду, если мама умерла. Но язык отказывался произнести такое. Угву вспомнил, как мама болела в прошлый раз, как она все кашляла и кашляла, как отец еще до рассвета пошел за дибией, а Чиоке, младшая жена, растирала ей спину. Ему стало страшно.

— Хозяина нет дома... Но он скоро придет.

— Я его дождусь и буду просить, чтобы он отпустил тебя на один день.

Тетушка прошла следом за Угву на кухню и стала смотреть, как он резал ямс, сначала ломтиками, потом кубиками. Работал он быстро, лихорадочно. В окно бил солнечный свет, не по-вечернему яркий,

зловещий.

— Папа здоров?

— Здоров.

Лицо у тетушки было каменное, голос тусклый, как у тех, кто держит в себе дурные вести. Наверняка она что-то скрывала. Может быть, мама и вправду умерла; может, они с отцом оба умерли нынче утром. Угву продолжал работать в тяжелом молчании, пока не вернулся Хозяин. Белый теннисный костюм прилип к спине. Он был один. Жаль, что Оланна не пришла, — было бы легче говорить с Хозяином, глядя ей в лицо.

— Здравствуйте, сэр.

— Здравствуй, друг мой. — Хозяин положил на кухонный стол ракетку. — Воды, пожалуйста. Я проиграл все матчи.

Стакан воды со льдом уже стоял наготове на блюде.

— Добрый вечер, сэр, — поздоровалась тетушка.

— Добрый вечер, — проговорил Хозяин слегка растерянно, будто не узнав ее. — А-а. Как поживаете?

Не дав тетушке раскрыть рта, Угву сказал:

— Моя мама больна, сэр. Пожалуйста, сэр, можно я к ней съезжу, всего на денек?

— Что?

Угву повторил свою просьбу. Хозяин перевел взгляд с него на кастрюлю на плите.

— Ты уже все приготовил?

— Нет, сэр, осталось чуть-чуть, я успею до отъезда. Накрою на стол, все принесу.

Хозяин обратился к тетушке:

— *Gini me?*^[45] Что с ней?

— Сэр?..

— Вы что, глухая? — Хозяин показал на свое ухо.

— У нее жжет в груди, сэр, огнем горит.

— Жжет в груди? — Хозяин хмыкнул. Допив воду, он обратился к Угву по-английски: — Надевай рубашку и садись в машину. До твоего поселка рукой подать, успеем вернуться.

— Что, сэр?

— Одевайся и садись в машину! — Хозяин что-то нацарапал на листке и оставил на столе. — Мы привезем твою маму сюда, пусть доктор Патель ее осмотрит.

Угву шел к машине с тетушкой и Хозяином, и ему казалось, он вот-вот рассыплется. Руки-ноги стали как ручки метел, что с легкостью ломает

северный ветер — харматтан. Почти всю дорогу ехали молча. Когда проезжали поля с рядами кукурузы и маниоки, ровными, будто аккуратно заплетенные косички, Хозяин сказал:

— Видишь? Вот о чем должно заботиться правительство. Если мы освоим технологии орошения, то накормим страну и преодолеем колониальную зависимость от импорта.

— Да, сэр.

— А эти неучи в правительстве знай себе врут да воруют. Несколько моих студентов сегодня утром уехали в Лагос на демонстрацию.

— Да, сэр, — повторил Угву. — А что за демонстрация, сэр?

— Из-за итогов переписи, — объяснил Хозяин. — С переписью полнейшая неразбериха, цифры подтасовали. Вряд ли Балева что-то предпримет, он заодно с мошенниками. Но молчать нельзя!

— Да, сэр.

На фоне неутрахающей тревоги за мать Угву ощутил прилив гордости: вот тетушка дивится, слушая их с Хозяином умные беседы. Да еще на английском! Они остановились чуть в стороне от дома, где жила семья Угву.

— Вынеси мамины вещи, и поживей, — велел Хозяин. — У меня вечером гости из Ибадана.

— Да, сэр! — в один голос ответили Угву и тетушка.

Угву вылез из машины и остался ждать. Тетушка кинулась в хижину, откуда вскоре вышел отец — поникший, с красными глазами. Он рухнул на колени прямо в грязь и обнял ноги Хозяина.

— Спасибо, сэр. Спасибо, сэр. Да воздастся вам добром за добро.

Хозяин отступил на шаг, и отец, покачнувшись, едва не упал плашмя.

— Встаньте! *Kunie!* — велел Хозяин.

Из хижины вышла Чиоке.

— Это моя младшая жена, сэр, — сказал отец, поднимаясь.

— Спасибо, сэр. *Deje!*^[46] — Чиоке сбегала в хижину, вынесла небольшой ананас и вложила Хозяину в руку.

— Не надо, не надо. — Хозяин мягко оттолкнул ананас. — Здешние ананасы слишком кислые, от них во рту горит.

Вокруг машины сгрудились деревенские ребяташки, заглядывали внутрь, проводили дрожащими от восторга пальцами по синему корпусу. Угву всех разогнал. Была бы дома Анулика, они вместе зашли бы к маме. А еще лучше, чтобы заглянула Ннесиначи, взяла его за руку и сказала бы, что мамина болезнь совсем не опасна, а потом повела бы его в рощицу у источника, развязала покрывало и предложила ему свою грудь, взяв ее в

ладони и слегка приподняв. Детвора громко галдела. Рядом стояли, скрестив руки, несколько женщин и переговаривались вполголоса. Отец без конца предлагал Хозяину то пальмового вина, то присесть, то попить, а Хозяин отмахивался: нет, нет, нет. Угву хотелось, чтобы отец замолчал. Он подошел к хижине и заглянул в приоткрытую дверь. В полумраке глаза его встретились с глазами матери. Она будто высохла, сжалась.

— Угву, — вымолвила она. — Нно, проходи.

— *Deje*, — поздоровался Угву и не сказал больше ни слова, пока тетушка, повязав ей вокруг пояса покрывало, не вывела ее на улицу.

Угву хотел помочь матери сесть в машину, но Хозяин остановил его: «Отойди в сторонку, друг мой» — и сам помог ей забраться на заднее сиденье, предложив лечь поудобней.

Лучше бы Хозяин не прикасался к маме, подумалось Угву, — от ее одежды тянет плесенью и затхлостью, и Хозяин знать не знает, что у нее болит спина, а когда она кашляет, у нее и вправду огнем жжет в груди. Что он вообще понимает, если только горлопанит с друзьями да бренди ночами глушит?

— Счастливо оставаться, мы дадим вам знать, как только доктор ее осмотрит, — сказал Хозяин на прощанье отцу с тетушкой.

Угву старался не смотреть на мать; он пошире открыл окно, чтобы шум ветра в ушах отвлекал его от горестных мыслей. А когда у въезда в университетский городок он все же решился на нее взглянуть, у него упало сердце. Провалившиеся глаза, бескровные губы... но грудь ее поднималась и опускалась, она дышала. Угву шумно вздохнул и припомнил холодные вечера, когда она кашляла без остановки, а он стоял, прижавшись к стене хижины, и слушал, как отец и Чиоке упрашивают ее выпить отвар.

Дверь им открыла Оланна, на ней был передник с масляным пятном — передник Угву. Она поцеловала Хозяина.

— Я попросила Пателя зайти, — сказала Оланна и обратилась к матери Угву: — Здравствуйте. *Kedu?*

— Спасибо, хорошо, — прошептала та и еще сильнее сжалась при виде просторной комнаты с радиолой, диванами, красивыми занавесками.

— Я провожу ее в комнату, — продолжала Оланна. — А ты, Угву, закончи на кухне и накрой на стол.

— Да, мэм.

Зайдя на кухню, Угву помешал перцовую похлебку в кастрюле. Закружились капельки жира в бульоне, защекотал ноздри ароматный пар, всплыли кусочки мяса и потрохов. Но Угву ничего не замечал. Он напрягал слух, стараясь разобрать хоть словечко. Уже давно, очень — очень давно

Оланна проводила маму в комнату, и следом зашел доктор Патель. От перца у Угву слезились глаза. Он вспомнил, как мама болела в прошлый раз, как она кашляла, кричала, что у нее немеют ноги, а дибиа велел ей сказать злым духам, чтобы отступились от нее. «Скажи им, что твое время еще не пришло! *Gwa ha kita*, скажи сейчас же», — повторял он.

— Угву! — окликнул Хозяин.

Гости уже пришли. Угву поспешил в гостиную и машинально взялся за дело — подавал орехи кола и жгучий перец, откупоривал бутылки, раскладывал лед, раздавал дымящиеся миски перцовой похлебки. Потом уселся на кухне, пытаясь представить, что происходит в комнате. Из гостиной несся голос Хозяина: «Жечь государственную собственность нельзя, никто и не спорит, но вводить войска и убивать во имя порядка?! Люди тив умирают ни за что. Ни за что! Балева выжил из ума!»

Угву не знал, кто такие люди тив, но при слове «умирают» вздрогнул. «Твое время еще не пришло, — прошептал он. — Не пришло».

— Угву! — В дверях кухни стояла Оланна.

Угву соскочил с табуретки.

— Мэм?

— За маму не беспокойся. Доктор Патель сказал, что это инфекция и она поправится.

— Уфф! — На душе у Угву так полегчало, что он боялся шелохнуться, как бы не взлететь на воздух. — Спасибо, мэм!

— Остатки супа убери в холодильник.

— Да, мэм.

Оланна пошла в гостиную, и Угву проводил ее взглядом. На ее платье в обтяжку блестела вышивка, и на миг Оланна представилась ему прекрасным духом в образе женщины, появившейся из морской пучины, гости смеялись. Угву заглянул в гостиную. Многие уже не сидели прямо, а развалились в креслах, расслабленные от вина и уставшие от мыслей. Вечер позади. Серьезным разговорам конец, скоро перейдут на теннис и музыку, а потом встанут и ну хохотать над чем попало — мол, парадная дверь не открывается, а летучие мыши слишком низко летают. Дождавшись, пока Оланна уйдет в ванную, а Хозяин — в кабинет, Угву заглянул к матери. Та спала, свернувшись клубочком. Наутро мама проснулась с ясными глазами.

— Мне лучше, — сказала она. — Доктор дал мне очень сильное лекарство. Но запах меня просто убивает.

— Какой запах?

— У них изо рта. Я учуяла, когда твои хозяин с хозяйкой зашли утром

меня навестить, а еще когда ходила по нужде.

— А-а, зубная паста. Мы чистим ею зубы. — Слово «мы» Угву произнес с гордостью: пусть мама знает, что и он чистит зубы пастой.

Но мать ни капельки не порадовалась за него. Щелкнув пальцами, она достала жевательную палочку.

— Чем плохо жевать ату? От этого запаха меня наизнанку выворачивает. Я здесь надолго не задержусь, а то вовсе есть не смогу.

Зато мама обрадовалась, когда узнала, что Угву будет жить во флигеле. Это же все равно что собственный дом, твой и больше ничей! Она попросила показать ей флигель, восхитилась, что он больше ее хижины, а потом заявила, что почти здорова, и вызвалась помогать на кухне. Глядя, как мама, согнувшись пополам, подметает пол, Угву вспомнил, как она шлепала Анулику, когда та не нагибалась как следует. «Ты что, грибов объелась? Подметай по-людски!» — покрикивала она, а Анулика ворчала, что нечего жалеть денег на метлу подлиннее. Эх, если бы Анулика жила здесь, подумалось вдруг Угву, и младшие дети, а заодно и весь поселок, чтобы было с кем болтать до поздней ночи и браниться, но чтобы жить при этом в доме Хозяина, с водопроводом, холодильником и плитой.

— Завтра я еду домой, — сказала Угву мать.

— Останься еще на пару дней, отдохни.

— Нет, поеду завтра. Поблагодарю твоих хозяев, когда они вернутся, и скажу, что выздоровела и могу ехать. Да воздастся им за доброту.

На другое утро Угву проводил мать до конца Одим — стрит. Давно ее походка не была такой упругой — даже когда она несла на голове тюки с поклажей, — а лицо таким молодым, почти без морщинок. — «Будь здоров, сынок», — сказала мама, сунув ему в руку жевательную палочку.

К приезду матушки Хозяина Угву готовил острый рис джоллоф. Смешал белый рис с томатным соусом, попробовал, накрыл крышкой и поставил на медленный огонь, а сам вышел во двор. Приставив к стене грабли, на крыльце сидел Джомо и жевал манго.

— Вкусно пахнет твое варево, — похвалил Джомо.

— Это для матушки Хозяина. Рис джоллоф с жареной курицей.

— Если б я знал, дал бы тебе мяса. Куда вкусней, чем курица. — Джомо кивнул на сумку, привязанную к велосипеду. Он уже раньше показывал Угву пушистого зверька, завернутого в листья.

— Не годится подавать тут деревенскую еду. Хозяева не едят крыс, — смеясь, ответил Угву по-английски.

Джомо обернулся:

— *Dianyi*,^[47] ты говоришь по-английски совсем как дети лекторов.

Угву кивнул, радуясь похвале, а еще больше — тому, что Джомо никогда не узнает, как в школе дети с измазанной кремом кожей и безупречным английским всякий раз хихикают над его произношением, если миссис Огуике обращается к нему с вопросом.

— Харрисона бы сюда, пусть бы послушал, как человек говорит по-английски и не кичится, — продолжал Джомо. — А он-то мнит, будто все на свете знает, и только потому, что служит у белого. *Оnye nzuzu*, глупец!

— Еще какой, — поддакнул Угву. В прошлые выходные он точно так же горячо соглашался с Харрисоном, что Джомо редкий дурень.

— Вчера этот осел запер бак с водой и не давал мне ключ, — пожаловался Джомо. — Дескать, я воду не берегу. Будто вода его собственная! А если цветы погибнут, что я скажу мистеру Ричарду?

— Да, нехорошо. — Угву покачал головой.

В прошлый раз повар и садовник повздорили из-за того, что Харрисон спрятал газонокосилку и не говорил Джомо, где она, пока тот не перестирал рубашку мистера Ричарда, загаженную птицами. Это все Джомо с его Дурацкими цветами, на них-то птицы и слетаются! Угву Поддержал обоих. Джомо он сказал, что Харрисон зря спрятал газонокосилку, а Харрисону — что Джомо не стоило сажать на том месте цветы, раз они привлекают птиц. Угву больше нравился неторопливый Джомо с его небылицами, но Харрисон, упорно говоривший на скверном английском, таил бездну знаний обо всем чужеземном и неведомом. Угву мечтал приобщиться к этому знанию и потому дорожил дружбой с обоими; он как губка впитывал и хранил их рассказы.

— Рано или поздно Харрисон от меня всерьез получит, — грозился Джомо. Он выбросил косточку от манго, обглоданную дочиста, без следа оранжевой мякоти. — Угву, кто-то в дверь стучит.

— Ой! Это она! Матушка Хозяина! — Угву со всех ног кинулся в дом, даже не ответив на прощание Джомо.

Матушка Хозяина оказалась крепко сбитой, темнокожей, неугомонной, как и сын; вряд ли ей понадобилась бы помощь, даже если б она несла котел с водой или вязанку дров. Угву удивился: рядом с ней, потупившись, стояла молодая женщина с сумками в руках.

— С приездом, Матушка, нно, — сказал Угву. Он забрал у молодой женщины сумки. — С приездом, тетя, нно.

— Так ты и есть тот самый Угву? Как поживаешь? — Мать Хозяина потрепала Угву по плечу. Покрывало из дорогой ткани, повязанное вокруг бедер, делало ее фигуру квадратной. Носила она его не так, как женщины в университетском городке, привыкшие к кораллам и золотым серьгам, а так,

как носила бы дорогое покрывало его мать, — стесняясь, будто не веря своему богатству. Зеленый тюрбан был надвинут низко, почти до бровей.

— Хорошо, Матушка. Как добрались?

— Хорошо. Бог вел нас, *chukwu du anyi*. — Она разглядывала радиолу. — Когда вернется мой сын? — говорила она, как Хозяин, зычно и властно.

— Они придут вечером. Велели вам отдохнуть с дороги. Я готовлю курицу с рисом.

— Отдохнуть? — Мать Хозяина с улыбкой прошла на кухню. На глазах у Угву она достала из сумки продукты: вяленую рыбу, кокоямс, пряности, зелень. — Разве я не с фермы приехала? Вот мой отдых. Я привезла все нужное, чтобы приготовить сыну настоящий суп. Знаю, ты стараешься, но ты всего-навсего мальчишка. Что смыслит мальчишка в кулинарном искусстве? — Она с усмешкой повернулась к молодой гостье; та стояла в дверях, скрестив на груди руки и глядя в пол, будто ждала распоряжений. — Так ведь, Амала? Место ли мальчишке на кухне?

— Кра, нет, Матушка, — отозвалась Амала писклявым голосом.

— Слыхал, Угву? Мальчишке не место на кухне! — торжествующе воскликнула мать Хозяина. Она уже разделявала вяленую рыбу, вынимала тонкие, как иглы, косточки.

— Да, Матушка.

Угву удивился, что она даже стакана воды не попросила, не сходила наверх переодеться. Он сел на табурет и стал ждать ее указаний. Сразу видно, что она станет распоряжаться. Мать Хозяина окинула взглядом кухню, недоверчиво покосилась на плиту, постучала по скороварке, потрогала кастрюли.

— Мой сын тратится на дорогую утварь, — нахмурилась она. — Видишь, Амала?

— Да, Матушка, — кивнула та.

— Это все вещи моей хозяйки, Матушка. Она много чего привезла из Лагоса, — объяснил Угву. Его злила и убежденность гостьи, что все в доме принадлежит Хозяину, и то, как она раскомандовалась на кухне, а его превосходный рис с курицей даже не попробовала.

Мать Хозяина не ответила.

— Амала, иди сюда, свари кокоямс, — приказала она.

— Да, Матушка. — Амала положила кокоямс в кастрюлю и беспомощно уставилась на плиту.

— Угву, зажги ей огонь. Мы жители деревенские, привыкли к дровам! — Мать Хозяина хохотнула.

Ни Угву, ни Амала не засмеялись. Угву зажег горелку. Мать Хозяина сунула в рот ломтик вяленой рыбы.

— Вскипяти мне воды, Угву, и порежь вот эти листья угу для супа.

— Да, Матушка.

— Хоть один острый нож в этом доме найдется?

— Да, Матушка.

— Возьми его и нарежь угу как следует.

— Да, Матушка.

Угву взял нож, доску и принялся за работу. Он знал, что за ним наблюдают. Когда он стал нарезать волокнистые тыквенные листья, мать Хозяина взвизгнула:

— Ой! Разве так режут угу? *Alu melu!*^[48] Помельче! Слишком крупные куски! Ты бы еще целиком листья в суп кидал.

— Да, Матушка. — Угву стал резать листья тонюсенькими полосками — в супе непременно разварятся.

— Ну вот, совсем другое дело, — важно кивнула мать Хозяина. — Теперь ты понял, почему мальчишкам нечего делать на кухне? Даже угу не можешь порезать как следует!

Угву хотел возразить: «Еще как могу. Я много чего умею на кухне, и получше вас», но вместо этого сказал:

— Мы с хозяйкой зелень не режем, а крошим руками, так полезней.

— С хозяйкой? — Мать Хозяина умолкла, точно хотела что-то добавить, но удержалась. Пар от горячего супа наполнял кухню. — Дай Амале ступку, чтобы потолочь кокоямс, — буркнула она.

— Да, Матушка.

Угву выкатил из-под стола деревянную ступку, начал мыть, и тут вернулась Оланна, остановилась в дверях кухни. Платье было ей к лицу, она вся лучилась радостью.

— Матушка! С приездом, нно! Я Оланна. Как доехали? — Она протянула руки, обняла мать Хозяина, но та стояла как каменная.

— Доехали хорошо, — процедила она в ответ.

— Добрый день, — поздоровалась Амала.

— С приездом. — Оланна, коротко обняв Амалу, вновь обратилась к матери Хозяина: — Это родственница Оденигбо, Матушка?

— Амала помогает мне по дому. — Стоя спиной к Оланне, мать Хозяина помешивала суп.

— Да вы присядьте, *bia nodu ana*, Матушка. Ни к чему вам напрягаться на кухне. Вы бы отдохнули. Пусть Угву готовит.

— Я хочу сварить сыну настоящий суп.

Помолчав, Оланна ответила:

— Конечно, Матушка. — В ее игбо начал проскальзывать говор, который Угву слышал в речи Хозяина, когда к нему приезжала родня. Оланна обошла кухню, выискивая, чем бы угодить матери Хозяина. Заглянула в кастрюлю с рисом. — Дайте хотя бы вам помочь, Матушка. Сейчас переоденусь и приду.

— Говорят, мать не кормила тебя грудью, — сказала Матушка и повернулась лицом к Оланне. — Давай возвращайся, откуда пришла, и скажи тем, кто тебя подослал, что не нашла моего сына. Скажи подружкам — ведьмам, что не видела его.

Оланна молча уставилась на нее, будто онемела.

— Слышала? — перешла на крик мать Хозяина. — Передай им, что моего сына ничье зелье не одурманит! Он не возьмет в жены выродка — сперва надо будет убить меня. — Хлопнув в ладоши, она заулюлюкала, приставив ладони ко рту, чтобы звук разнесся по всему дому.

— Матушка... — выдохнула Оланна.

— Не смей называть меня матушкой, — огрызнулась мать Хозяина. — Не смей, я сказала! Прочь от моего сына! Передай товаркам-ведьмам, что не нашла его! — Она распахнула заднюю дверь, вышла на порог и завопила: — Соседи! У моего сына в доме ведьма! Соседи!

Крик ее резал уши. Хотелось заткнуть ей рот, набить разваренными овощами. Суп пригорел.

— Мэм? Вы будете у себя в комнате? — Угву придвинулся поближе к Оланне.

Оланна овладела собой. Заправив за ухо непослушную косичку, она схватила со стола сумочку и зашагала к выходу.

— Передай Хозяину, что я уехала к себе на квартиру.

Угву пошел за ней следом, увидел, как она села в машину и умчалась. Даже не помахала на прощанье. Во Дворе было тихо, ни ветерка; бабочки не порхали среди белых цветов. Угву вернулся на кухню и с удивлением услышал, что мать Хозяина тихонько напевает церковный гимн об исцеляющей силе Христа: «*Нуа нуа оуа ти га-ана. На т мету ону иве у а ака...*»

Она умолкла, откашлялась.

— Где эта женщина?

— Не знаю, Матушка, — пожал плечами Угву. Он подошел к раковине и стал убирать чистые тарелки в буфет. Противная вонь от супа наполняла кухню; как только Матушка уедет, первым делом надо будет выстирать занавески, чтоб не пахли.

— Вот за этим я и приехала. Говорят, она вертит моим сыном как хочет. Немудрено, что мой сын ходит холостым, когда у его сверстников уже не по одному ребенку. Эта ведьма его приворожила. Слыхала я, что отец ее был лодырем-попрошайкой, как и вся его семейка из Умунначи, а потом стал сборщиком налогов и обирал честной люд. А сейчас понаоткрывал фирм, разгуливает по Лагосу и держит себя Большим Человеком. Да и мать ее ничем не лучше. Какая мать сдаст родных детей кормилице, если сама жива-здоровая? Разве это по-людски, *gbo*, ^[49] Амала?

— Нет, Матушка. — Амала не отрывала глаз от пола, разглядывая на нем узоры.

— Говорят, все детство ей слуги даже ике подтирали. И хуже того, родители послали ее в университет. Зачем? Ученость портит женщину, это всякий знает. Ученая женщина возомнит о себе невесть что и станет принижать мужа. Какая из нее жена? — Мать Хозяина вытерла лоб подолом. — Девушки в университете путаются с кем попало, пока не истаскаются вконец. Неизвестно, может ли она иметь детей. Ты знаешь? Знает хоть кто-нибудь?

— Нет, Матушка, — отозвалась Амала.

— Знает хоть кто-нибудь, Угву?

Угву со звоном поставил на стол тарелку, сделав вид, что не слышал. Мать Хозяина подошла и похлопала его по плечу:

— Не бойся, мой сын найдет хорошую женщину и не прогонит тебя после женитьбы.

Может, если ей поддакивать, она быстрее выдохнется и замолчит?

— Да, Матушка, — сказал Угву.

— Я знаю, как много трудился мой сын, чтобы выбиться в люди. Не должны пропасть его труды из-за распутной девки!

— Нет, Матушка.

— Неважно, откуда родом будет избранница моего сына. Я не из тех матерей, которые подыскивают сыновьям жен только в родной деревне. Но я не хочу, чтобы он женился на женщине-вава, или имо, или аро, — у всех у них такой чудной говор, что и не скажешь, что все мы один народ, игбо.

— Да, Матушка.

— Я не позволю этой ведьме им командовать. Ничего у нее не выйдет. Как приеду домой, спрошу совета у дибии Нвафора Агбада, его снадобья славятся в наших краях.

Угву замер. Он знал немало историй о том, как люди обращались к дибии. Бесплодная первая жена запечатала чрево второй жене; одна женщина довела богатого сына соседки до сумасшествия; один человек

убил брата из-за клочка земли. А вдруг мать Хозяина сделает Оланну бесплодной или покалечит, а то и вовсе убьет?

— Я сейчас, Матушка! Хозяин просил меня сбегать в киоск.

Не дожидаясь ответа, Угву улизнул через заднюю дверь. Надо предупредить Хозяина! У Хозяина на работе Угву был лишь однажды — они заезжали туда на минутку с Оланной на ее машине, — но был уверен, что не заблудится. Это рядом с зоопарком, а в зоопарк они недавно ходили с классом — гуськом, во главе с миссис Огуике, а Угву, самый высокий в классе, замыкал шествие.

На углу Мбанефо-стрит навстречу ему выехала машина Хозяина и остановилась.

— Разве это дорога на рынок, друг мой? — спросил Хозяин.

— Нет, сэр. Я шел к вам на работу.

— Моя мама приехала?

— Да, сэр. У нас беда, сэр.

— Что за беда?

Угву рассказал Хозяину обо всем, что случилось, вкратце передав слова обеих женщин, а напоследок оставил самое страшное:

— Матушка обещала пойти к дибии, сэр.

— Вздор, — отмахнулся Хозяин. — Садись в машину, поехали домой.

Страшнее всего было, что Хозяин ничуть не испугался, не понимал опасности, и Угву добавил:

— Все очень плохо, сэр. Совсем плохо. Матушка чуть не ударила хозяйку.

— Что? Ударила Оланну? — ужаснулся Хозяин.

— Нет, сэр. — Пожалуй, он перегнул палку. — Но еще чуть-чуть — и ударила бы.

Хозяин успокоился.

— Она всегда была взбалмошная, это не новость, — сказал он по-английски, качая головой. — Садись, поехали.

Угву не хотелось садиться в машину. Надо, чтобы Хозяин отправился прямо на квартиру к Оланне. В жизни Хозяина был порядок, и нельзя, чтобы мать его нарушила. Первым делом Хозяин должен успокоить Оланну.

— Садись, — повторил Хозяин и потянулся через переднее сиденье, проверяя, открыта ли дверь.

— Но, сэр, я думал, вы поедете к хозяйке.

— Садись, жалкий неуч!

Угву открыл дверь, залез в машину, и Хозяин повернул в сторону

Прежде чем открыть дверь, Оланна долго смотрела на Оденигбо сквозь стекло. Впуская его, она задержала дыхание, намеренно отказывая себе в удовольствии, что всегда доставлял ей аромат его одеколona «Олд Спайс». Он был в белых теннисных шортах — Оланна иногда поддразнивала, что они слишком тесные.

— Я говорил с мамой, а то приехал бы раньше. — Оденигбо прижался губами к ее губам и, отстранившись, вопросительно кивнул на ее поношенную блузу. — Ты что, не идешь в клуб?

— Я готовлю.

— Угву мне все рассказал. Прости за поведение мамы.

— Мне пришлось уйти из... твоего дома.

— Ну и напрасно, нкем. Пускай себе бушует, не все ли равно? — Оденигбо положил на стол журнал «Драм» и зашагал взад-вперед по комнате. — Я решил поговорить с доктором Окоро о забастовке рабочих. Безобразие, что Балева и его шайка с ходу отменяют их требования. Просто безобразие! Нужна наша поддержка. Нельзя стоять в стороне.

— Твоя мать закатила скандал.

— Ты злишься? — недоуменно спросил Оденигбо. Он сел в кресло, и Оланна впервые заметила, как пусто в ее квартире, как неуютно. Все ее вещи — в доме Оденигбо, все ее любимые книги — на полках в его кабинете. — Нкем, вот уж не думал, что ты примешь маму так близко к сердцу. Она не ведает, что творит, — темная деревенская женщина. Ищет себе место в новом мире, а ее знания и умения больше подходят для старого.

Оденигбо встал и протянул руки к Оланне, но она отстранилась и пошла на кухню.

— Ты никогда не говорил со мной о маме. И ни разу не позвал меня с собой к ней в Аббу.

— Да брось ты, нкем. Не так уж часто я к ней езжу, а в прошлый раз звал тебя, но ты собиралась в Лагос.

Оланна подошла к плите и принялась водить по ней мочалкой, стоя к Оденигбо спиной. Ей казалось, она предала и его, и себя, позволив матери Оденигбо причинить ей боль. Надо быть выше, выбросить из головы бред деревенской старухи; хватит жалеть, что промолчала, хватит прокручивать

в голове, как надо было ответить. И все-таки на душе было гнусно, особенно из-за Оденигбо, — похоже, он ждал от нее большего великодушия. Наверняка он теперь считает ее вздорной, мелочно-обидчивой и, хуже того, может оказаться прав. Оланна всегда готова была допустить его правоту. Мелькнула нелепая мысль порвать с ним, но тут же на смену пришла мысль более здравая: любить, не цепляясь за него. Слишком уж она за него держится — из-за этого он невольно обретает над ней власть. Рядом с ним Оланне часто казалось, что у нее нет выбора.

— Что приготовила? — спросил Оденигбо.

— Рис. — Оланна сполоснула мочалку и убрала на место. — Ты же собирался на теннис.

— Я хотел пойти с тобой.

— Мне не до тенниса. — Оланна повернулась к нему: — По-твоему, если твоя мама из деревни, значит, ей все прощается? Мои деревенские знакомые так себя не ведут.

— Нкем, вся мамина жизнь — в Аббе. Ты представляешь, какое это захолустье? Разумеется, она боится образованной женщины, с которой живет сын. Разумеется, считает тебя ведьмой. Иного объяснения ей не понять. Настоящая трагедия нашего постколониального общества не в том, что у большинства людей не спросили, хотят ли они жить в новом мире, а в том, что их не научили бороться за свои права в нем.

— Ты говорил с ней об этом?

— А что толку? Слушай-ка, я хочу застать в клубе доктора Окоро. Вернусь, тогда поговорим. Я ночую здесь.

Оланна, не ответив, стала мыть руки. Мог бы позвать ее домой и поговорить с матерью при ней, ради нее. А он, как нашкодивший мальчишка, прячется от матери.

— Нет, — отрезала Оланна.

— Что?

— Нет, я сказала. — Она пошла в гостиную, забыв вытереть руки. Квартира стала вдруг тесной.

— Да что с тобой, Оланна?

Оланна мотнула головой. Пусть даже не пытается внушить ей, будто с ней что-то не так. Она вправе обижаться, вправе не мириться с унижением в угоду показной широте взглядов. И она будет отстаивать свое право.

— Иди. — Оланна указала на дверь. — Иди играй в свой теннис и не возвращайся.

Оденигбо вышел, хлопнув дверью. Они еще ни разу не ссорились; с другими он бывал нетерпим, с ней же — никогда. Или он просто не

принимал всерьез ее суждений? Голова шла кругом. Оланна села одна за голый обеденный стол — даже ее подставки под тарелки и те остались у Оденигбо — и принялась за рис. Он получился пресным, ничего общего с шедеврами Угву. Она включила радио. Выключила. И собралась к соседке Эдне Уэйлер — ей уже давно хотелось поближе познакомиться с миловидной чернокожей американкой, что приносила ей накрытые салфетками тарелки с американским печеньем. Но на пороге передумала и никуда не пошла. Оставив на кухне недоеденный рис, сняла трубку телефона и дождалась ответа телефонистки.

— Называйте номер, быстро, у меня дел по горло, — прогнусила та лениво.

Оланна привыкла к грубости операторов, но со столь откровенным хамством столкнулась впервые.

— *Naba*,^[50] будете меня задерживать — прерву связь, — рывкнула телефонистка.

Оланна со вздохом продиктовала номер Кайнене.

Кайнене ответила сонным голосом:

— Оланна? Что-нибудь случилось?

Родная сестра думает, что раз она звонит, значит, что — то стряслось.

— Нет, ничего. Просто хотела сказать *kedu*, узнать, как дела.

— А я испугалась. — Кайнене зевнула. — Как Нсукка? Как твой бунтарь?

— У Оденигбо все хорошо. В Нсукке тоже.

— Ричард, похоже, без ума от Нсукки. И от твоего любовника.

— Приезжай в гости.

— Нам с Ричардом удобней видаться в Порт-Харкорте. Конура, в которой его там поселили, для нас тесновата.

Оланна хотела возразить, что она имела в виду другое — приезжай к нам с Оденигбо. Но Кайнене, конечно, и так догадалась, только предпочла сделать вид, что не поняла.

— Я в следующем месяце еду в Лондон, — сказала Оланна. — Поедешь со мной?

— У меня дел невпроворот. В отпуск пока рановато.

— Почему мы больше не разговариваем, Кайнене?

— Нашла что спросить.

Вопрос позабавил Кайнене, и Оланна представила ее насмешливую полуулыбку.

— Просто хочу понять, почему мы перестали разговаривать, — повторила Оланна. Кайнене не ответила. В трубке что-то пискнуло. Обе

молчали так долго, что Оланне пришлось извиниться. — Не стану тебя задерживать, — проговорила она.

— Придешь на будущей неделе к папе на ужин? — поинтересовалась Кайнене.

— Нет.

— Так я и думала. Чересчур пышно для тебя и твоего скромняги-революционера?

— Не стану тебя задерживать, — повторила Оланна. Собралась назвать телефонистке мамин номер, но передумала и уронила трубку на рычаг.

Установить в квартире телефон ее уговорили родители, пропустив мимо ушей, что она собирается жить с Оденигбо. Оланна возражала, но слабо; с тем же вялым «нет» принимала она и частые переводы денег на свой счет в банке, и новую «импалу» с мягкой обивкой.

Хотелось опереться на кого-то, или быть как те, кому не нужна опора. Как Кайнене. Оланна назвала телефонистке номер Мухаммеда в Кано, хоть и знала, что Мухаммед за границей; все тот же голос прогнусил: «У вас сегодня слишком много звонков». Трубку никто не брал, но Оланна долго слушала гудки. Потом опустилась на холодный пол и прижалась лицом к стене, чтобы свет не резал глаза.

Приезд матери Оденигбо испугал ее, похитил что-то дорогое. Казалось, она слишком долго не обращала внимания на рассыпанные жемчужины, и вот настало время бережно нанизать их, чтобы сохранить ожерелье. Мысль пришла неожиданно: она хочет от Оденигбо ребенка. Они никогда всерьез не обсуждали детей. Оланна однажды призналась Оденигбо, что не испытывает пресловутой женской потребности во что бы то ни стало родить и за это мать называла ее ненормальной, пока и Кайнене не сказала, что тоже ничего подобного не чувствует. Оденигбо посмеялся: мол, как ни крути, дать жизнь ребенку в нашем несправедливом мире — вопиюще буржуазный поступок. Так и сказал: «вопиюще буржуазный поступок»... Нелепые слова, бесконечно далекие от истины. Но ведь и она до сих пор всерьез не задумывалась о ребенке; новое, доселе не знакомое чувство молнией обожгло ее. Хотелось ощутить внутри живую тяжесть ребенка, его ребенка.

Вечером, услышав звонок, Оланна вылезла из ванны и, завернувшись в полотенце, пошла открывать. Оденигбо держал в руках газетный сверток с суйи;^[51] Оланна с порога учуяла пряный, дымный аромат.

— Все еще злишься? — спросил Оденигбо.

— Да.

— Одевайся, поедem домой. Я поговорю с мамой.

От него пахло бренди. Он вошел в дом, положил на стол сверток, и во взгляде покрасневших глаз мелькнула беззащитность, которая обычно так хорошо пряталась под маской уверенности и многоречивости. Что ж, и ему знаком страх. Он обнял ее, она уткнулась лицом ему в шею и тихо сказала: «Нет, не надо. Остаься».

Когда мать Оденигбо уехала, Оланна вернулась к нему. Угву встретил ее словами: «Простите, мэм», как будто и он был в ответе за поступок Матушки. Тербя карман передника, он продолжил:

— Вчера вечером, когда Матушка с Амалой уехали, я видел черную кошку. Возле гаража. — Угву помолчал. — Черная кошка означает зло.

— Неужели.

— Матушка грозилась пойти к дибии в деревне.

— По-твоему, дибиа подослал черную кошку, чтобы та нас покусала? — рассмеялась Оланна.

— Нет, мэм. — Угву скрестил руки на груди и понурился. — У нас в поселке был случай, мэм. Младшая жена пошла к дибии за ядом, чтобы отравить старшую жену, и в ночь, когда та умерла, перед ее домом видели черную кошку.

— Думаешь, Матушка раздобудет у дибии яду и отравит меня?

— Она хочет разлучить вас с Хозяином, мэм.

Серьезность Угву тронула Оланну, но его суевериям она потакать не собиралась.

— Это была просто соседская кошка, Угву. Матери Хозяина никакое зелье не поможет, нас ничто не разлучит.

Угву вернулся на кухню. Посмотрев ему вслед, Оланна задумалась над собственными словами. «Нас ничто не разлучит». В колдовское зелье и прочие бредни она, разумеется, не верила, но боялась за свое будущее с Оденигбо. Ей хотелось надежности. А сейчас она с радостью окунулась в прежнюю жизнь, их жизнь — лекции, теннис, полный дом друзей. Обычно гости собирались по вечерам, и Оланна удивилась, когда однажды, через неделю после ее возвращения, в дверь позвонили в обед. На пороге стоял Ричард.

— Здравствуй, — сказала Оланна, впуская его. Он был очень высок ростом, и, лишь задрав голову, она могла увидеть его лицо и глаза, синие, как море в штить, и волосы, накрывшие лоб.

— Вот. Это для Оденигбо. — Ричард протянул книгу. Оланне нравилось, как он произносил «Оденигбо», старательно нажимая на ударный слог. Он избегал ее взгляда.

— Присядешь? — предложила Оланна.
— Спешу, к сожалению. Надо успеть на поезд.
— Едешь в Порт-Харкорт, к Кайнене? — Оланна не знала, зачем спросила, ведь и так ясно.

— Да. Каждые выходные к ней езжу.

— Привет ей от меня.

— Хорошо, передам.

— Я ей звонила на той неделе.

— Да, она говорила. — Ричард по-прежнему стоял в дверях. Он метнул на Оланну взгляд, но тут же отвел глаза и залился краской. Оланне был знаком этот взгляд, в котором читалось восхищение ее красотой.

— Как твоя книга?

— Двигается. Просто невероятно, до чего сложны некоторые орнаменты, это настоящее искусство... Нет, не буду тебя утомлять.

— Что ты, очень интересно! — Оланна улыбнулась. Застенчивость Ричарда нравилась ей. Хотелось задержать его хоть ненадолго. — Попросить Угву принести чин-чин?^[52] Он с утра приготовил, пальчики оближешь!

— Спасибо, но мне пора. — Однако уходить Ричард не спешил. Откинул волосы, они упрямо вернулись на лоб.

— Ладно. Тогда счастливого пути.

— Спасибо. — Ричард мялся на пороге.

— Ты на машине? Ах да, вспомнила, на поезде!

— Да, на поезде.

— Счастливого добраться.

— Спасибо. Ну, я пошел.

Посмотрев вслед его машине, Оланна долго еще стояла в дверях, глядя на красногрудую птаху, опустившуюся на газон.

Утром Оденигбо разбудил ее, взяв в рот ее палец. Оланна открыла глаза. Дымные лучи рассвета лились сквозь занавеску.

— Если не хочешь за меня замуж, нкем, тогда давай родим ребенка, — сказал он.

Высвободив палец, Оланна села на кровати и внимательно посмотрела на Оденигбо — широкая грудь, припухшие со сна глаза, — чтобы убедиться, что не ослышалась.

— Родим ребенка, — повторил он. — Девочку, похожую на тебя. Назовем ее Обиануджу — наше продолжение.

Оланна хотела выждать, пока исчезнет осадок от приезда его матери, но Оденигбо будто угадал ее желание. Оланна смотрела на него изумленно.

Вот что значит любовь — цепочка чудесных совпадений.

— Или мальчика... — сказала она.

Оденигбо притянул ее к себе, и они легли рядом, не касаясь друг друга. В саду хрипло кричали черные дрозды, объедавшие папайю.

— Пусть Угву принесет нам завтрак в постель, — предложил Оденигбо. — Или у тебя сегодня воскресная служба?

Он улыбался нежно, чуть снисходительно; Оланна провела пальцем вдоль его нижней губы, там, где мягкий пушок. Оденигбо всегда шутил, что она путает веру со светской жизнью, потому что в церкви она бывала лишь на благотворительных собраниях, после которых, взяв с собой Угву, ездила немощными дорогами по окрестным деревушкам раздавать ямс, рис, старую одежду.

— Сегодня никуда не иду, — ответила Оланна.

— Вот и славно. Нам предстоит большое дело.

Оланна прикрыла глаза, потому что он оказался на ней и, двигаясь сначала размеренно, потом все неистовей, шептал: «У нас будет чудное дитя, нкем, чудное дитя». «Да, да, да», — шептала в ответ Оланна. Ей было радостно при мысли, что на ее теле — его пот, а на его теле — ее пот. Когда он выскользнул из нее, она, скрестив ноги, глубоко задышала, словно движение легких могло ускорить зачатие. Но Оланна знала, что дитя они не зачали. Внезапная мысль, что с ней может быть что-то не так, сковала ее, наполнила страхом.

6

Ричард медленно ел перцовую похлебку. Выловив ложкой кусочки потрохов, поднес стеклянную миску к губам и стал пить бульон. Из носа текло, кровь прилила к щекам.

— Надо же, Ричард съел и не поморщился! — удивился сидевший рядом Океома.

— Ха! А я-то думал, наш перец не для вас, Ричард! — крикнул с другого конца стола Оденигбо.

— Даже я его есть не могу, — вставил еще один гость, преподаватель экономики из Ганы, чье имя Ричард никак не мог запомнить.

— В прошлой жизни Ричард определенно был африканцем, — сказала мисс Адебайо и высморкалась в салфетку.

Гости захохотали. Засмеялся и Ричард, но с трудом — во рту горело. Он откинулся на спинку кресла и соврал:

— Очень вкусно. Освежает.

— Отбивные тоже чудесные, Ричард, — отозвалась Оланна, подавшись вперед, улыбнулась Ричарду. — Спасибо, что принес. — Сидела она рядом с Оденигбо, на другом конце стола.

— Вот это, как я понял, сосиски в тесте, ну а это что такое? — Оденигбо тыкал пальцем в поднос, который принес с собой Ричард; Харрисон аккуратно завернул каждое блюдо в серебристую фольгу.

— Фаршированные баклажаны, да? — попыталась угадать Оланна.

— Верно. Харрисон большой затейник. Он вынул мякоть и набил их, кажется, сыром с приправами.

— А знаете, что европейцы вынули внутренности из африканки, сделали чучело и возили по Европе всем напоказ? — спросил Оденигбо.

— Оденигбо, здесь люди едят! — возмущилась мисс Адебайо, но тут же прыснула.

Давились от смеха и остальные. Все, кроме Оденигбо.

— Суть одна, — продолжал он. — Что еду фаршировать, что людей. Не нравится, что внутри, — оставь в покое, а не набивай всякой дрянью. По мне, так просто испортили баклажаны.

Даже Угву, когда зашел убрать со стола, и тот развеселился.

— Мистер Ричард, сложить вам еду в коробку?

— Не надо, оставь или выбрось, — ответил Ричард. Он никогда не забирал с собой остатки; Харрисону он приносил лишь похвалы от гостей и умалчивал, что те пренебрегли его изящными канапе, предпочтя им стряпню Угву — перцовую похлебку, мой-мой и курицу с горькими травами.

Все мало-помалу перебрались в гостиную. Скоро Оланна выключит свет, Угву принесет еще выпить, и пойдут разговоры, смех и музыка, отсветы лампы из коридора будут играть на стенах. Наступало любимое время Ричарда, хоть он и спрашивал себя иногда, ласкают ли Оланна с Оденигбо друг друга в полумраке. Ричард гнал от себя эти мысли — не его это дело, — но безуспешно. Он замечал, как Оденигбо поглядывает на Оланну в пылу спора — не затем, чтобы заручиться ее поддержкой, в сторонниках Оденигбо не нуждался, а просто чтобы чувствовать ее рядом. Замечал он и то, как Оланна подмигивала Оденигбо, намекая на что-то свое, о чем он, Ричард, никогда не узнает.

Поставив бокал пива на маленький столик, Ричард пристроился рядом с мисс Адебайо и Океомой. От перца до сих пор пощипывало язык.

Оланна встала, чтобы сменить пластинку.

— Сейчас — мой любимый Рекс Лоусон, а потом садебе, — сказала

она.

— Рекс Лоусон слегка вторичен, согласны? — заметил профессор Эзека. — Увайфо и Даиро превосходят его как музыканты.

— Вся музыка вторична, профессор, — поддразнила Оланна.

— Рекс Лоусон — истинный нигериец. Он не замыкается на своем народе калабари, а поет на всех наших основных языках. В этом его своеобразие, и за одно это его стоит любить.

— Как раз таки за это его стоит не любить, — возразил Оденигбо. — Во имя культуры страны забывать о культуре своего народа — глупость.

— Не спрашивайте Оденигбо о музыке хайлайф, не тратьте время. Он никогда ее не понимал, — засмеялась Оланна. — Он любит классику, но ни за что не сознается в столь вопиющем западничестве.

— Музыка не признает границ, — сказал профессор Эзека.

— Но музыка — часть культуры, а культура у каждого народа своя, верно? — спросил Океома. — Следовательно, Оденигбо — ценитель западной культуры, породившей классическую музыку?

Все засмеялись, а Оденигбо посмотрел на Оланну теплым взглядом. Мисс Адебайо вернула разговор к французскому послу: французы, конечно же, не правы, что устроили ядерные испытания в Алжире, но разве это повод для Балева разрывать дипломатические отношения с Францией? В голосе мисс Адебайо звучало сомнение, ей не свойственное.

— Ясно, что Балева хотел отвлечь внимание от договора с Британией, — сказал Оденигбо. — Вдобавок он понимает, что задеть французов — значит угодить его Хозяевам-британцам. Он их ставленник. Они его посадили, указывают ему, что делать, а он выполняет. Вестминстерская парламентская модель в действии.

— Довольно о Вестминстерской модели, — прервал его доктор Патель. — Океома обещал прочесть стихи.

— Говорю же, Балева сделал это в угоду Северной Африке, — сказал профессор Эзека.

— Северной Африке? Думаете, ему есть дело до остальной Африки? Он признает лишь одних хозяев, белых, — возразил Оденигбо. — Разве не он сказал, что черные не готовы управлять Родезией? Если Британия прикажет, он назовется хоть павианом-кастратом! Мы живем во времена великой белой чумы. Белые низводят черных в ЮАР и Родезии до положения животных, развязали войну в Конго, запрещают голосовать черным американцам и аборигенам Австралии. Нами управляют из-за кулис.

Океома наклонился к Ричарду:

— Эта парочка не даст мне прочесть стихи. Кстати, как ваша книга?

— Двигается потихоньку.

— Роман из жизни эмигрантов?

— Не совсем.

— Но все-таки роман?

Даже любопытно, что подумал бы Океома, знай он правду: Ричард сам понятия не имеет, роман он пишет или нет.

— Я интересуюсь искусством Игбо-Укву, и вокруг него будут разворачиваться события книги, — сказал Ричард.

— В смысле?

— Меня потрясли бронзовые изделия, как только я прочитал о них. Необыкновенно тонкая работа. Невероятно, что еще во времена набегов викингов здешние мастера довели до совершенства литье по выплавляемым моделям, такое сложное искусство. Просто невероятно!

— Вам как будто не верится, что «здешние мастера» способны на такое.

Ричард с удивлением взглянул на Океому. Тот, сдвинув брови, ответил ему взглядом, полным молчаливого презрения, и повернулся к остальным:

— Хватит, Оденигбо и профессор! У меня для вас стихотворение.

Ричард с трудом дослушал странное стихотворение Океомы — о том, как африканцы зарабатывают сыпь на задах, справляя нужду в импортные жестяные ведра, — и собрался уходить.

— Ты точно не против, Оденигбо, если на будущей неделе я свожу Угву домой? — спросил он.

Оденигбо переглянулся с Оланной.

— Конечно, мы не возражаем, — улыбнулась она. — Надеюсь, праздник ори-окпа тебе понравится.

— Еще пива, Ричард? — предложил Оденигбо.

— Мне завтра с утра ехать в Порт-Харкорт, надо выспаться, — ответил Ричард, но Оденигбо уже обратился к профессору Эзеке:

— А что скажешь о тупицах депутатах Западной палаты, которых полиция травила слезоточивым газом? Слезоточивым газом, только представить! А их помощники разносили бесчувственные тела по машинам!

Когда Ричард добрался до дома, Харрисон встретил его поклоном:

— Добрый вечер, сэр. Понравилась еда, сэр?

— Да, да. Я пошел спать, — буркнул Ричард. Он не был настроен беседовать с Харрисоном: тот, как обычно, начнет предлагать научить слуг его друзей божественным рецептам бисквитного торта с хересом.

Ричард зашел в кабинет, разложил на полу листы рукописи: начало повести из провинциальной жизни, глава романа об археологе, несколько страниц восторженных описаний бронзы... Скоро в корзине для бумаг выросла бесформенная мятая грудка.

Спал он в ту ночь урывками, и вот уже слышно, как Харрисон хлопочет на кухне, а Джомо возится в саду. Ричард пошатывался от слабости. Хотелось выспаться как следует, чувствуя на себе худенькую руку Кайнене.

На завтрак Харрисон подал яичницу с гренками.

— Сэр? Я видеть много-много листов в кабинете? — спросил он с тревогой.

— Пусть лежат.

— Да, сэр. — Харрисон беспокойно хрустел пальцами. — Вы брать свой рукописон? Уложить вам все листов?

— Нет, в эти выходные я работать не буду.

У Харрисона разочарованно вытянулось лицо, но Ричард, против обыкновения, не улыбнулся про себя. Садясь в поезд, он пытался представить, как проводит выходные Харрисон. Готовит себе микроскопические, но изысканные обеды? Ладно, нечего язвить, Харрисон не виноват, что Океома заподозрил его, Ричарда, в высокомерии. Океома был несправедлив. Ричард не из тех англичан, кто не считает африканцев равными себе. Он искренне удивлялся мастерству творцов бронзового сосуда, но точно так же он удивлялся бы подобному открытию, будь оно сделано в Англии или где угодно.

Вокруг толпились уличные торговцы. «Арахис!» «Апельсины!» «Бананы!»

Ричард подозвал молодую женщину с вареным арахисом, хоть и не чувствовал голода. Та протянула поднос, Ричард взял орех и, раздавив скорлупу, попробовал, а потом попросил два стакана. Женщину удивило, что он пробует, прежде чем покупать, — совсем как местные. Океома тоже удивился бы, хмуро подумал Ричард. И до самого Порт-Харкорта жевал орехи — мягкие, ярко-розовые, сморщенные, разглядывая каждый и стараясь не вспоминать о смятых страницах у себя в кабинете.

— Маду ждет нас завтра к ужину, — сказала Кайнене, когда везла его с вокзала в длинном американском автомобиле. — Его жена только что вернулась из-за границы.

— Вот как, — отозвался Ричард и почти всю дорогу молчал, глядя на уличных торговцев, как те кричали, махали руками, бегали за машинами, собирая деньги.

Наутро его разбудил стук дождя в оконное стекло. Кайнене лежала рядом, полуприкрыв глаза, — так бывало, когда она крепко спала. Полюбовавшись ее темно — шоколадной кожей, лоснившейся от масла, Ричард склонился над ней. Он не поцеловал ее, не коснулся ее лица, а лишь наклонился близко-близко, уловив ее влажное, чуть кисловатое дыхание. Затем встал и подошел к окну. Дожди здесь, в Порт-Харкоте, шли косые, барабанили не по крышам, а по стенам и стеклам, — может быть, оттого, что море рядом, а воздух так насыщен водой, что она не удерживалась в тучах, а сразу проливалась на землю. Дождь на миг усилился, застучал громче, будто кто-то горстями швырял камешки в окно. Ричард потянулся. Внезапно дождь прекратился, запотели окна. Кайнене заворочалась, забормотала во сне.

— Кайнене? — шепотом окликнул Ричард.

Глаза ее оставались полуприкрыты, дышала она все так же мерно.

— Схожу прогуляюсь, — сказал Ричард, хоть и был уверен, что Кайнене не слышит.

Икеджиде в саду собирал апельсины; его форменная куртка задиралась, когда он сбивал их палкой.

— Доброе утро, сэр, — поздоровался Икеджиде.

— *Kedu?* — спросил Ричард. Он не стеснялся говорить на игбо со слугами Кайнене, настолько бесстрастными, что можно было не следить за оттенками речи.

— Хорошо, сэр.

— *Jisie ike.* ^[53]

— Спасибо, сэр.

Ричард ушел в глубь сада, где сквозь гущу ветвей белели гребни волн, вернулся к дому, прошелся немного вдоль грязной заброшенной дороги и повернул назад. Кайнене, лежа в постели, читала газету. Ричард забрался к ней под одеяло. Кайнене нежно провела ладонью по его волосам.

— Что с тобой? Ты со вчерашнего дня сам не свой.

Ричард пересказал ей разговор с Океомой и, не дождавшись ответа, добавил:

— Помню, в той статье, откуда я узнал об искусстве Игбо-Укву, оксфордский профессор писал: «Изысканность рококо, виртуозность, достойная Фаберже». Я запомнил слово в слово, так и написано. Я влюбился в одну эту фразу.

Кайнене свернула газету и положила на тумбочку у кровати.

— Не все ли тебе равно, что думает Океома?

— Я люблю и ценю ваше искусство. Это несправедливо — обвинять

меня в чванстве.

— Ты тоже не прав. По-твоему, любовь не оставляет места другим чувствам? Любовь не мешает смотреть свысока.

Ричард вынужден был согласиться.

— Я сам не знаю, что делаю. Не знаю даже, писатель я или нет.

— И не узнаешь, пока не начнешь писать, верно? — Кайнене встала с постели, ее худенькие плечи отливали металлом, как у статуэтки. — Вижу, тебе сегодня не до гостей. Позвоню Маду и скажу, что мы не придем.

После звонка Маду она вернулась, села на кровать, и Ричард, несмотря на разделившее их молчание, ощутил прилив благодарности за ее прямоту, которая не оставляла ему места для жалости к себе, для самооправданий.

— Однажды я плюнула в папин стакан с водой, — неожиданно сказала Кайнене. — Без всякой причины. Просто так. Мне было четырнадцать. Если бы он выпил, я была бы страшно рада, но Оланна, конечно, поскакала менять воду. — Кайнене вытянулась рядом с Ричардом. — Твоя очередь. Расскажи о своем самом гадком поступке.

Было приятно касаться ее гладкой прохладной кожи. Было приятно, что она так легко отменила вечер с майором Маду. Ричарду было совсем неинтересно знакомиться с женой этого типа.

— Делать гадости у меня не хватало пороку, — сознался он.

— Ну, тогда просто расскажи что-нибудь.

Ричард хотел рассказать ей о том дне в Уэнтноре, когда он спрятался от Молли и впервые ощутил себя хозяином, своей судьбы. Но передумал и стал вспоминать родителей — как они общались, не отрывая друг от друга глаз, как забывали о его днях рождения, а спустя несколько недель просили Молли испечь праздничный торт и написать кремом: «С прошедшим днем рождения!». Он появился на свет случайно, и растили его как попало. Не оттого, что не любили, скорее, порой забывали, что любят, настолько были поглощены друг другом — Ричард это понимал даже ребенком. Кайнене насмешливо подняла брови, будто не видела смысла в его рассуждениях, и Ричард не решился признаться в своем страхе, что он любит ее слишком сильно.

2. Книга: Мир молчал, когда мы умирали

Он пишет о британском офицере и дельце Тобмэне Голди, как тот обманом, насилием и убийством прибрал к рукам торговлю пальмовым маслом, а на берлинской конференции 1884 года, когда европейские страны делили Африку, добился того, что Британия отбила у Франции два протектората по берегам Нигера — Север и Юг.

Британцам был милее Север. Жаркий сухой климат пришелся им по

вкусу; хауса-фулани с тонкими чертами лица, в отличие от негроидов-южан, были мусульманами, то есть достаточно цивилизованными для туземцев, и жили феодальным строем, а потому как нельзя лучше подходили для косвенного управления. Эмиры собирали для Британии налоги, а британцы не подпускали близко христианских миссионеров.

А влажный Юг кишел москитами, язычниками и несхожими меж собой племенами. Юго-Запад населяли в основном йоруба. На Юго-Востоке небольшими сообществами-республиками жили игбо, народ гордый и несговорчивый. Поскольку у игбо не хватило благоразумия обзавестись царями, британцы управляли ими через назначенных вождей — косвенное управление дешевле обходилось британской короне. На Юг миссионеров пускали, дабы усмирить язычников; христианство и просвещение, принесенные ими, процветали. В 1914 году генерал-губернатор объединил Север и Юг, а его жена придумала для новой страны название. Так родилась Нигерия.

Часть II

Угву лежал на циновке в хижине матери, глядя на раздавленного паука, темным пятном расплывшегося по красной глинобитной стене. Анулика отмеряла стаканом жареную укву,^[54] и в комнате стоял острый хлебный дух. Она без умолку трещала, так что у Угву даже голова разболелась. Он погостил дома всего неделю, а сейчас ему казалось, что он здесь уже очень давно, — наверное, из-за того, что в животе постоянно бурчало, ведь кроме фруктов и орехов он ничего в рот не брал. Мамину стряпню есть невозможно: овощи пережаренные, кукурузная каша с комками, суп жидкий, а ямс не прожуешь. Скорей бы вернуться в Нсукку и там поесть как следует.

— Хочу сына-первенца, чтобы утвердиться в семье Онъеки, — говорила Анулика.

Она полезла на чердак за мешком, и Угву вновь обратил внимание, как подозрительно налилось ее тело: грудь распирает рубашку, а круглый зад так и виляет при каждом шаге. Онъека с ней спал, это уж точно. Представить мерзко, что какой-то урод прикасался к его сестре. В прошлый приезд шли разговоры о женихах, но Анулика отзывалась об Онъеке совершенно равнодушно, а теперь даже у родителей только и разговоров, что об Онъеке: и работа у парня хорошая — механик в городе, и велосипед есть, и человек он порядочный. И хоть бы кто словом обмолвился, что он коротышка, а зубы острые, как у крысы.

— Знаешь, у Онунны из дома Эзеугву первой родилась девочка, и родные ее мужа пошли к дибии узнать почему! Конечно, родные Онъеки ни за что так со мной не поступят, у них духу не хватит, но я все равно хочу мальчика, — не умолкала Анулика.

Угву сел на циновке.

— Все Онъека да Онъека, слушать тошно. Когда он вчера заходил, я кое-что заметил. Ему бы мыться почаще, от него несет тухлыми бобами.

— От тебя от самого несет! — Анулика высыпала укву в мешок и завязала. — Готово. Иди скорей, а то опоздаешь.

Угву вышел во двор. Мать что-то толкла в ступке, а отец, сгорбившись, точил о камень нож, высекая крохотные искры.

— Анулика хорошо завернула укву? — спросила мать.

— Да. — Угву поднял мешок.

— Привет хозяевам. Не забудь поблагодарить их за подарки.

— Ладно, мама. — Угву подошел и обнял ее. — Ну, будь здорова.

Привет Чиоке, когда вернется.

Отец выпрямился и протянул руку.

— В добрый час, *ije ota*.^[55] Мы дадим знать, когда родители Онъеки соберутся к нам с пальмовым вином. Думаю, через несколько месяцев.

— Да, папа. — Угву постоял еще, пока братишки — сестренки, родные и двоюродные — младшие голышом, старшие в рубашках навырост — прощались и просили гостинцев на следующий раз: «Привези хлеба! Мяса! Жареной рыбы! Арахиса!»

Анулика проводила его. Возле шоссе он увидел Ннесиначи и тотчас узнал, хотя прошло уже четыре года с тех пор, как та уехала в Кано учиться ремеслу.

— Анулика! Угву? Неужели ты? — Голос у Ннесиначи был прежний, с хрипотцой, но она стала выше ростом, а кожа потемнела под жарким солнцем Севера.

Они обнялись, Ннесиначи крепко прижалась к нему.

— Тебя не узнать, ты так изменилась... — Угву терялся в догадках: неужели она не случайно к нему прижалась?

— Я приехала вчера с братьями. — Ннесиначи улыбалась ему тепло, как никогда прежде. Брови ее были выщипаны и подведены, одна чуть шире другой. Ннесиначи повернулась к Анулике: — Анули, я как раз шла к тебе. Ходят слухи, что ты собралась замуж!

— И до меня, сестричка, дошли слухи, что я собралась замуж!

Обе рассмеялись.

— Возвращаешься в Нсукку? — спросила у Угву Ннесиначи.

— Да, но скоро опять приеду, к Анулике на свадьбу.

— Счастливого пути. — Ннесиначи заглянула ему в глаза, коротко и смело, и зашагала дальше.

Угву понял, что ему не почудилось: она и вправду прильнула к нему. У него подогнулись коленки. Хотелось посмотреть, не обернется ли она, но он удержался.

— Видно, на Севере у нее открылись глаза. Жениться вам нельзя, так что бери что предлагает. И торопись, пока не поздно, а то выскочит замуж — и все, — сказала Анулика.

— Ты заметила?

— Спросил тоже. Я ж не овца безмозглая.

Угву с прищуром глянул на нее:

— Онъека тебя трогал?

— Трогал, а как же.

Угву и так знал почти наверняка, что Анулика спала с Онъекой, и все-таки огорчился. Когда Чиньере, соседская служанка, стала лазить через живую изгородь к нему во флигель, чтобы перепихнуться в темноте, он все обговорил с Ануликой в очередной свой визит домой. А о самой Анулике речь не шла никогда: Угву считал, что обсуждать нечего. Анулика пошла вперед, Угву лениво поплелся следом, потом молча нагнал ее, и они зашагали рядом, легко ступая по траве, где в детстве ловили кузнечиков.

— Есть-то как хочется... — сказал Угву.

— Мама сварила ямс, а ты не притронулся.

— Мы его варим с маслом.

— «Мы его варим с ма-аслом»! Надо же, как заговорил! Что станешь делать, когда тебя отправят обратно в деревню? Где возьмешь ма-асло, чтобы варить ямс?

— Меня не отправят в деревню.

Анулика посмотрела на него искоса, сверху вниз:

— Глупый, забыл, откуда родом, мнишь себя Большим Человеком?

Угву застал Хозяина в гостинной.

— Как твои родные? — спросил тот.

— Все здоровы, сэр. Передают привет.

— Вот и хорошо.

— Моя сестра Анулика выходит замуж.

— Ясно. — Хозяин сосредоточенно настраивал радио.

Из ванной неслась песенка Оланны и Малышки:

Падает, падает Лондонский мост, Лондонский мост, Лондонский мост.
Падает, падает Лондонский мост, Моя прекрасная леди.

Малышка пела тоненьким, неокрепшим голоском, и вместо «Лондон» у нее выходило «дон-дон». Дверь в ванную была нараспашку.

— Добрый вечер, мэм, — поздоровался Угву.

— Угву! А я и не слышала, как ты зашел! — Оланна купала Малышку, нагнувшись над ванной. — С приездом, нно. Дома все здоровы?

— Да, мэм. Шлют привет. Мама передает большое спасибо за покрывала.

— Как ее нога?

— Уже не болит. Она передала для вас укву.

— Ну и ну! Будто знала, чего мне сейчас не хватает. — Оланна повернулась и оглядела Угву, руки у нее были в мыльной пене. — Ты

поздоровел. Вон какие щеки наел!

— Да, мэм, — согласился Угву, хоть это была неправда. Дома он всегда худел.

— Угву! — позвала Малышка. — Угву, иди сюда! — В руке она сжимала пластмассовую уточку-пищалку.

— Сначала искупаемся, Малышка, потом поздороваешься с Угву, — сказала Оланна.

— Анулика выходит замуж, мэм. Отец просил передать вам с Хозяином. День свадьбы еще не назначили, но будут очень рады вас видеть.

— Анулика? Она же совсем еще девочка. Лет шестнадцать-семнадцать, да?

— Ее ровесницы уже выходят замуж.

Оланна вновь склонилась над ванной.

— Приедем, конечно.

— Угву! — опять позвала Малышка.

— Разогреть Малышке кашу, мэм?

— Да. И молоко, пожалуйста.

— Хорошо, мэм.

Постояв еще минутку, он, по обычаю, спросит, как прошла неделя без него, а Оланна расскажет, кто из друзей приходил, кто что принес, доели ли рагу, что он оставил в морозилке.

— Мы с Хозяином решили, пусть Аризе приедет к нам в сентябре рожать, — сказала Оланна.

— Правильно, мэм, — одобрил Угву. — Хорошо бы малыш походил на тетю Аризе, а не на дядю Ннакванзе.

Оланна засмеялась.

— Да, хорошо бы. Комнату для нее подготовим заранее. Пусть к ее приезду ни пылинки не останется.

— Не волнуйтесь, наведем чистоту. — Угву нравилась тетя Аризе. Он помнил ее свадьбу в Умунначи года три назад. Какая она была пухленькая, веселая, лучезарная, а он так упился пальмовым вином, что чуть не уронил Малышку, тогда совсем кроху.

— В понедельник я еду за ней в Кано, повезу ее в Лагос за покупками, — продолжала Оланна. — Малышку возьмем с собой. Приготовь в дорогу голубое платье, что ей сшила Аризе.

— Лучше розовое, мэм. Голубое ей маловато.

— Правда. — Оланна бросила пластмассовую уточку обратно в ванну, и Малышка с визгом утопила ее в пене.

— Нкем! — крикнул из гостиной Хозяин. — *O mego!* Свершилось!

Оланна кинулась в гостиную, Угву — за ней.

Хозяин стоял у радиоприемника. Телевизор тоже работал, но без звука, и казалось, будто люди на экране не танцуют, а пьяно шатаются.

— Случился переворот! Говорит майор Нзеогву из Кадуны!

Голос по радио был молодой, радостный, уверенный.

Действие Конституции приостановлено, местное руководство и выборные органы распущены. Дорогие соотечественники, цель Революционного Совета — создать государство, свободное от коррупции и междоусобиц. Наши враги — все продажные политики, мошенники, протекционисты, взяточники на всех уровнях, те, кто сеет в стране рознь, чтобы остаться у власти, кто разжигает межплеменную вражду, кто создает стране дутый авторитет в международных кругах, кто разлагает наше общество.

— Что в Лагосе? Не сказали, что творится в Лагосе? — Оланна побежала к телефону.

— С твоими родителями ничего не случится, нкем. Мирные жители в безопасности.

— Алло! Алло! — Она стучала по рычажку. — Не могу дозвониться.

Хозяин отобрал у нее трубку:

— Все хорошо, я уверен. Связь скоро восстановится. Это для безопасности.

Голос по радио зазвучал тверже:

Права всех иностранных граждан по-прежнему будут защищены. Мы обещаем всем законопослушным гражданам свободу от любых видов угнетения, от произвола властей, свободу жить и трудиться на любом поприще. Обещаем, что отныне будет не стыдно называться нигерийцами.

— Мама Ола! — звала из ванной Малышка. — Мама Ола!

Угву прошел в ванную, вытер Малышку полотенцем, обнял. От нее чудесно пахло детским мылом. «Цыпа — цыпа!» — Угву пощекотал ее, пригладил ей мокрые косички с завитками на концах и в который раз удивился про себя, до чего похожа она на отца.

— Еще! — попросила, заливаясь смехом, Малышка.

— Цыпа-цыпа-цыпа! — шептал Угву нараспев, как ей нравилось.

Малышка хихикала, а из гостиной доносился голос Оланны:

— Боже, что он сказал? Что он сказал?

Когда Угву кормил Малышку кашей, по радио выступил с краткой речью вице-президент. «Власть переходит к военным», — произнес он глухо, будто ему едва хватило сил, чтобы выговорить эти слова.

Последовали другие заявления: премьер-министр исчез, Нигерия — федеративное военное государство, — но Угву уже не мог уследить, кто говорит и на какой волне, потому что Хозяин, устроившись рядом с приемником, постоянно крутил ручку. Без очков, с запавшими глазами, он казался беззащитным. Очки он надел лишь к приходу гостей. В тот день их набилось особенно много, и Угву принес в гостиную стулья из столовой, чтобы всех усадить. Говорили возбужденно, лихорадочно, перебивая друг друга.

— Конец взяткам! Вот чего мы ждали со дня всеобщей забастовки, — сказал один из гостей. Как его звали, Угву не помнил, но он имел привычку съедать весь чин — чин, и Угву всегда ставил поднос подальше. Ручищи у гостя были здоровенные: горсть-другая — и пропали все труды.

Океома вскинул руку:

— Военные — настоящие герои!

Голоса у всех звучали с подъемом, даже когда речь шла о погибших.

— Говорят, Сардауна^[56] прятался за жен.

— Говорят, министр финансов перед расстрелом наложил в штаны.

Раздались смешки, но Оланна сказала:

— Я знала Оконджи. Он дружил с моим отцом. — Голос у нее был тихий, подавленный.

— По Би-би-си говорят, что переворот устроили игбо, — вставил гость, любитель чин-чин. — И неспроста. Большинство убитых — северяне.

— Правительство состояло почти из одних северян, — пробормотал профессор Эзека.

— Пусть Би-би-си спросит с британцев, ведь это они понасажали в правительство одних северян, чтобы подавлять остальных! — поддержал его Хозяин.

Угву удивился: в кои-то веки Хозяин и профессор Эзека согласны друг с другом. И еще больше удивился, когда мисс Адебайо сказала, что «североафриканцы с ума посходили — называют это борьбой добра со злом», а Хозяин засмеялся, не как обычно, когда сползал на краешек кресла и принимался с ней спорить, а одобрительно.

— Будь в стране побольше таких, как майор Нзеогву, мы не докатились бы до подобного, — сказал Хозяин. — Он смотрит в будущее!

— Он ведь коммунист? — вмешался зеленоглазый профессор Леман. — Он ездил в Чехословакию, когда учился в Сэндхерсте.

— Вы, американцы, везде ищете коммунизм. До того ли нам сейчас? — возмутился Хозяин. — Угву! Принеси еще льда!

— Нзеогву — коммунист, — стоял на своем профессор Леман.

Говорил он в нос и жутко злил Угву — может быть, потому, что у профессора были светлые волосы, как у мистера Ричарда, но ни тени его спокойного достоинства. Жаль, что мистер Ричард перестал заходить. Угву хорошо помнил его последний приход, за несколько месяцев до рождения Малышки, но другие воспоминания тех бурных недель были смутны, обрывочны. От страха, что Хозяин с Оланной никогда не воссоединятся и мир его рухнет, Угву тогда почти не подслушивал. Он не узнал бы даже, что мистер Ричард замешан в ссоре, если б не Харрисон.

— Спасибо, друг мой. — Хозяин взял миску льда и со звоном бросил в бокал несколько кубиков.

— Да, сэр, — отозвался Угву, глядя на Оланну.

Та сидела, уронив голову на руки. Угву охотно пожалел бы ее убитого друга, будь тот обычным человеком, но ведь он политик, а политики — не как все люди. Угву читал о них в «Дейли тайме» — они нанимали бандитов, чтобы те избивали их противников, они покупали на государственные деньги землю и дома, заказывали партиями длинные американские машины. Сливая воду из-под вареной фасоли, Угву всякий раз думал: раковина скользкая, как политик. Гости разошлись поздно, и ночью, лежа у себя во флигеле, Угву пытался читать «Мэра Кестербриджа», но мысли были далеко. Хоть бы Чиньере пришла, что ли. Они никогда не назначали свиданий, она просто иногда приходила, а иногда — нет. Услышав стук в окно, Угву от души возблагодарил небеса.

От нее пахло затхлым луком. В комнате было темно, лишь неверный свет фонаря за окном выхватил холмики ее груди, когда она стащила блузку, развязала покрывало вокруг пояса и легла на спину. Ночь дышала влагой, тела их были сплетены, и Угву представил, будто не Чиньере, а Ннесиначи крепко обхватила его бедрами. Сперва она молчала, а потом закричала то же, что обычно. Видимо, чье-то имя — Абоньи, Абоньи! — но Угву не был уверен. Может быть, и она представляла кого-то другого, из родной деревни.

Она встала и вышла молча, как пришла. Когда он увидел ее на другой день через живую изгородь, она развешивала белье и произнесла только: «Угву». И ни слова больше, даже не улыбнулась.

Из-за переворота Оланна отложила поездку в Кано. Она ждала, когда

вновь воцарится порядок, но в стране было по-прежнему беспокойно. В регионах назначили военных губернаторов. Все говорили о перевороте, даже таксист в белом кафтане и шляпе, который вез Оланну с Малышкой из аэропорта к Аризе.

— На самом деле Сардауну не убили, мадам, — шепотом сообщил он. — Аллах помог ему бежать в Мекку.

Оланна вежливо улыбнулась и не стала возражать: ведь этому человеку, у которого с зеркала заднего вида свисали четки, вера необходима. Сардауна — не только премьер Севера, но и духовный вождь миллионов мусульман.

Оланна передала Аризе слова таксиста, но та лишь плечами пожала: «Чего только не болтают». Покрывало Аризе было повязано ниже талии, блуза широкая. Они сидели в гостиной со свадебными фотографиями на засаленных обоях, а Малышка играла во дворе с детьми. Оланне не хотелось, чтобы Малышка касалась этих оборванных, сопливых ребятишек, но она не стала ей запрещать, стыдясь своей брезгливости.

— Завтра полетим в Лагос первым рейсом, Ари, а потом пойдем по магазинам, подберем все для малыша. Но ты должна отдохнуть перед поездкой, не хочу тебя утомлять, — сказала Оланна.

— Подумаешь, утомлять. Сестренка, я ж беременная, а не больная. Такие, как я, работают в поле до самых родов. Вот, погляди, я платье шью! — Аризе указала на столик в углу, где среди раскроенной материи стояла швейная машинка «Зингер».

— Я о своем крестнике пекусь, — возразила Оланна. И, задрав Аризе блузку, прижалась щекой к ее тугому животу — такой обычай завелся у них с тех самых пор, как Аризе забеременела. Если делать так почаще, считала Аризе, малыш впитает характер Оланны и будет на нее похож.

— Неважно, что снаружи, — говорила Аризе, — но внутри она должна быть в тебя. Пусть будет такой же умницей и знает книжную премудрость.

— Она? А вдруг он?

— Нет, это девочка, вот увидишь. Ннакванзе говорит, у нас будет сын, похожий на него, а я уверена: Бог не допустит, чтобы у моего ребенка было лицо как блюдце! Так ему и говорю.

Оланна засмеялась. Аризе встала, открыла эмалированную шкатулку и достала пачку денег:

— Сестрица Кайнене на прошлой неделе прислала. Ребенку на подарки.

— Спасибо ей, — сказала Оланна сухо, зная, что Аризе за ней наблюдает.

— Вам с сестрицей Кайнене надо поговорить. Что было, то было.

— Как поговоришь, если с тобой не желают разговаривать? — Оланне хотелось сменить тему, как всегда, когда речь заходила о Кайнене. — Пусть Малышка поздоровается с тетей Ифекой. — Не дав Аризе шанса раскрыть рот, она выбежала во двор.

Малышка вся перепачкалась в песке; Оланна умыла ее и вывела на улицу. Дядя Мбези еще не вернулся с рынка, и Оланна с Малышкой на коленях присела на скамейку возле киоска тети Ифеки. С визгом носились Дети под деревом кука, где-то громко играл граммофон; вдруг мужчины, стоявшие кучкой у ворот, стали подпевать, смеясь и толкая друг друга. Засмеялась и тетя Ифека, захлопала в ладоши.

— Над чем смеетесь? — спросила Оланна.

— Над песней Рекса Лоусона, — сказала тетя Ифека.

— Что в ней смешного?

— В припеве он козлом блеет: «Мме-мме-мме». Совсем как Сардауна, когда просил пощады. Когда солдаты целились в его дом из миномета, он спрятался за спинами жен и заблеял: «Мме-мме-мме, пожалуйста, не убивайте меня, мме-мме-мме!»

Тетя Ифека опять засмеялась, а с ней и Малышка, хоть ничего и не поняла.

— Ясно.

Оланна вспомнила об Оконджи: быть может, и о нем говорят, что перед смертью он блеял козлом? Она отвернулась. На другой стороне улицы бегала наперегонки детвора, катая автомобильные шины. Вдалеке начинался небольшой смерч, поднимались в воздух белесые облачка пыли.

— Сардауна был *ajo tmadu*, злой человек, — сказала тетя Ифека. — Он нас ненавидел. Ненавидел всякого, кто не снимал перед ним обувь и не кланялся ему. Разве не он запрещал нашим детям ходить в школы?

— Незачем было его убивать, — тихо возразила Оланна. — Посадили бы в тюрьму, и довольно.

Тетя Ифека фыркнула:

— В какую такую тюрьму? Здесь, в Нигерии, где он всем заправлял? — Она встала, чтобы запереть киоск. — Пойдем в дом, найду Малышке чего-нибудь поесть.

Все та же песня Рекса Лоусона играла дома у Аризе, когда Оланна вернулась. Ннакванзе тоже хохотал над ней от души. Два передних резца у него были огромные, и, когда он смеялся, казалось, что зубов у него во рту слишком много.

— Мме-мме-мме! — дурачился Ннакванзе. — Будто козла режут —

мме-мме-мме!

— Не смешно, — нахмурилась Оланна.

— Еще как смешно, сестренка, — сказала Аризе. — Ты начиталась своих умных книг и совсем разучилась смеяться.

Ннакванзе сидел на полу возле ног Аризе и поглаживал ей живот. Он беспокоился куда меньше Аризе, что та не беременела первые три года брака. А когда к ним зачастила его мать и каждый раз, тыча в живот Аризе, умоляла признаться, сколько абортотв та сделала до свадьбы, Ннакванзе велел ей больше не приходить. Запретил он и приносить для Аризе горькие вонючие настои. Теперь, когда Аризе ждала ребенка, он работал на железной дороге свехурочно и просил Аризе брать поменьше заказов на шитье.

Ннакванзе продолжал напевать и смеяться: «Будто козла режут — мме-мме-мме!»

Оланна поднялась и зябко поежилась от пронизывающего ночного ветра.

— Ари, шла бы ты спать, надо отдохнуть перед Лагосом.

Ннакванзе хотел помочь Аризе подняться, но та отмахнулась:

— Не надо со мной как с больной. Я беременная, только и всего.

Оланна была довольна, что дома в Лагосе никого не будет. Отец позвонил и предупредил, что они едут за границу. Видно, решил переждать, пока все успокоится, но ни он, ни мать в этом не признались. Просто сказали, что едут в отпуск. У них было принято многое обходить молчанием. Точно так же родители не замечали, что Оланна и Кайнене больше не разговаривают и Оланна приезжает домой только в отсутствие сестры.

В такси по дороге из аэропорта Аризе учила Малышку песенке, а Оланна смотрела, как за окном проносится Лагос: потоки машин, ржавые автобусы, толпы усталых людей на остановках, зазывалы, нищие на плоских деревянных каталках, уличные торговцы в лохмотьях — суют подносы прохожим, которым покупать не на что или нет охоты.

Таксист затормозил перед домом родителей, обнесенным стеной, глянул на высокие ворота.

— Министр, которого убили, жил где-то рядом? — спросил он.

Оланна, сделав вид, что не слышит, обратилась к Малышке:

— Смотри, что с твоим платьем! Бегом в дом, переодеваться!

Чуть позже Ибекие, шофер матери, отвез их в супермаркет «Кингсвэй». Там пахло свежей краской. Аризе прохаживалась по рядам, выбирала приданое для девочки: одежду, розовую коляску, пластмассовую

куклу с голубыми глазами.

— В торговых центрах всегда такая чистота, сестричка, — смеялась она. — Ни пылинки!

Оланна взяла с полки белое платице с розовыми кружевами:

— Какая прелесть!

— Дороговато, — нахмурилась Аризе.

— Тебя не спрашивают.

Малышка достала с нижней полки куклу, перевернула вниз головой, кукла пискнула.

— Нельзя, Малышка. — Оланна вернула куклу на место.

Походив еще немного по магазину, они отправились на рынок, чтобы Аризе выбрала себе ткани. Там толпился народ: взрослые и дети сбивались кучками вокруг кипящих котлов с едой, женщины жарили в закопченных сковородах кукурузу и бананы, мужчины в расстегнутых рубашках кидали мешки в грузовики с мудрыми изречениями на бортах, написанными от руки краской: «Ничто не вечно» или «Всевышнему виднее». Ибекие поставил машину рядом с газетными киосками. Оланна посмотрела на людей, читавших «Дейли тайме», и задохнулась от гордости. Статья Оденигбо несомненно лучшая в номере. Оланна сама ее правила, убирала пышные фразы, чтобы сделать понятней основную мысль: лишь унитарное правительство способно свести на нет межрегиональную рознь.

Взяв за руку Малышку, Оланна двинулась мимо уличных торговцев под зонтами, с аккуратно разложенными на эмалированных подносах батарейками, навесными замками, сигаретами. Неожиданно впереди Оланна заметила толпу. В гуще народа стоял человек в линялой майке, а двое других поочередно били его по щекам, хлестко, наотмашь: «Почему? Почему не признаешься?» Тот смотрел на них пустым взглядом, при каждом ударе мотая головой. Аризе застыла на месте.

В толпе кто-то крикнул:

— Мы считаем игбо! Выходите и признавайтесь! Кто здесь игбо?

Аризе шепнула Оланне: «Молчи!» — а сама громко затараторила на йоруба и повернула назад, к выходу, увлекая за собой Оланну с Малышкой. На них не обращали внимание. Рядом били по затылку еще одного мужчину в рубашке с коротким рукавом: «Ты ведь игбо! Не отпирайся! Признайся!»

Малышка заплакала, Оланна взяла девочку на руки. Они с Аризе шли молча и заговорили только в машине. Ибекие уже развернулся и без конца поглядывал в зеркало заднего вида.

— Я видел, как люди бежали, — сказал он.

— Что происходит? — спросила Оланна.

Аризе пожала плечами:

— Говорят, после переворота то же самое творится в Кадуне и в Зарии. Ходят по улицам и нападают на игбо — мол, это они устроили переворот.

— Точно! Все так и есть. — Ибекие только и ждал случая высказаться. — Мой дядя в Эбутте-Метта после переворота не ночует дома. Все его соседи — йоруба, и они сказали, что его искали какие-то люди. Он ночует то у одних, то у других знакомых, а детей отправил на родину.

На душе было пусто. Оланна не подозревала, что все настолько серьезно. Ведь Нсукка отрезана от большого мира, новости там служили лишь пищей для вечерних разговоров, для пылких речей и статей Оденигбо.

— Все успокоится. — Аризе коснулась руки Оланны. — Не волнуйся.

Оланна кивнула и прочла надпись на борту стоявшего рядом грузовика: «Господу не позвонишь». Как же все-таки легко оказалось отречься от корней, скрыть, что они игбо...

Аризе указала на свой живот:

— На крестины я наряжу твою крестницу в белое платьице. Спасибо тебе большое, сестренка!

Глаза у Аризе так радостно светились, что Оланна улыбнулась. Права Аризе, скоро все успокоится. Оланна пощекотала Малышку, но та не засмеялась, а подняла на нее испуганные глаза, все еще полные слез.

В гостиничном номере ярко горел свет. Ричард смотрел на Кайнене, потом перевел взгляд на ее отражение в зеркале.

— *Nke a ka mma*,^[57] — сказал он. Сиреневое платье действительно шло ей больше, чем лежавшее на кровати черное. Кайнене шутливо раскланялась и села обуваться. Она казалась почти хорошенькой — припудренная, с подкрашенными губами, а главное, не такая напряженная, как в последние дни, когда добивалась контракта с «Бритиш Петролеум». Перед выходом Ричард отвел от ее лица локон парика и поцеловал ее, не в губы, а в лоб, чтобы не размазать помаду.

Гостиная ее родителей пестрела воздушными шарами. Веселье кипело вовсю. Сновали официанты в черно — белой форме, с подносами, раболепно улыбаясь и глупо задирая головы, в высоких бокалах искрилось шампанское, сверкали драгоценности на шеях толстух, а ансамбль в углу

играл хайлайф с таким жаром, что гости сбивались тесными кучками, чтобы расслышать друг Друга.

— Вижу, здесь собрались Большие Люди нового режима, — заметил Ричард.

— Папа обхаживает кого надо, времени даром не теряет, — проговорила ему на ухо Кайнене. — Отсиделся за границей, пока все не улеглось, и вернулся заводить новых друзей.

Ричард обвел взглядом комнату. Полковник Маду сразу выделялся среди толпы — широкоплечий, широколицый и на голову выше всех. Он беседовал с арабом в тесном смокинге. Кайнене подошла поздороваться, а Ричард двинулся на поиски бара, чтобы оттянуть разговор с Маду.

Приблизилась мать Кайнене, чмокнула Ричарда в щеку; она была навеселе, иначе обошлась бы своим обычным ледяным «здравствуйте». На сей раз она сказала Ричарду, что он прекрасно выглядит, и прижала его к стенке в углу, где хищно скалилась статуя льва.

— Кайнене сказала, вы собираетесь домой, в Лондон? — Ее кожа цвета эбенового дерева под толстым слоем косметики казалась восковой, движения были беспокойными, суевливыми.

— Да. Дней десять пробуду.

— Что так мало? — Она улыбнулась уголком рта. Видно, надеялась, что Ричард уедет надолго и она успеет подыскать для дочери приличную партию. — Хотите навестить родных?

— Мой двоюродный брат Мартин женится, — объяснил Ричард.

— Понятно. — Золотые ожерелья в несколько рядов буквально пригибали ее к земле. — Может, встретимся с вами в Лондоне, выпьем по стаканчику. Я уговариваю мужа устроить еще один небольшой отпуск. Не потому что ждем плохого, просто не все довольны декретом об унитарном правлении, который обсуждает правительство. Лучше где-нибудь переждать, пока страсти не улягутся. Мы можем уехать уже на следующей неделе, только это секрет, так что молчите. — Она игриво коснулась его рукава, и в изгибе ее рта Ричард узнал Кайнене. — Мы не говорили даже нашим друзьям Аджуа. Знаете господина Аджуа, владельца завода безалкогольных напитков? Они тоже игбо, только западные. Говорят, они отрекаются от своего народа. Кто знает, что за обвинения на нас возведут? Кто знает? Продадут нас за потертый пенни. Говорю вам, за потертый пенни. Еще стаканчик? Стойте здесь, я принесу. Минутку.

Едва она ушла нетвердой походкой, Ричард отправился искать Кайнене. Она стояла на балконе с Маду, глядя вниз, на бассейн. В воздухе густо пахло жареным мясом. Маду слушал Кайнене, чуть склонив голову к

плечу; Кайнене рядом с ним казалась совсем хрупкой, и вместе они составляли прекрасную пару — оба темно — шоколадные, Кайнене высокая и худенькая, Маду еще выше, могучего сложения. Кайнене обернулась, заметила Ричарда и окликнула его.

Он подошел к ним, пожал Маду руку и поспешил заговорить первым:

— Как жизнь, Маду? *A na-etekwa?*^[58] Что нового на Севере?

— Жаловаться не на что, — ответил Маду по-английски.

— Вы без Адаоби? — Лучше бы этот тип почаще появлялся на людях с женой.

— Без. — Маду отхлебнул из бокала; он был явно не рад, что в его разговор с Кайнене вмешался третий.

— Я видела, мама тебя развлекала, — какая прелесть, — съязвила Кайнене. — А мы с Маду заболтались с Ахмедом. Он хочет купить папин склад в Икедже.

— Ничего ему твой отец не продаст, — отрезал Маду, точно последнее слово было за ним. — Эти сирийцы и ливанцы уже скупили пол-Лагоса, им лишь бы урвать побольше.

— Я бы продала, если б от него не воняло чесноком, — сказала Кайнене.

Маду загоготал.

Кайнене взяла Ричарда за руку.

— Я как раз передала Маду твои слова, что грядет новый переворот.

— Не будет никакого переворота! — рявкнул Маду.

— Уж ты бы наверняка знал, Маду. Ты ведь теперь У нас Большой Человек, полковник, — поддразнила Кайнене.

— На прошлой неделе я ездил в Зарию, и там все только и говорят, что о новом перевороте, даже Радио Кадуна, — сказал Ричард на игбо.

— Да что они знают, журналисты? — ответил Маду снова по-английски. С тех пор как Ричард стал говорить на игбо почти свободно, Маду упорно отвечал ему на английском, вынуждая Ричарда переходить на родной язык. — Не будет никакого переворота. В армии слегка неспокойно — впрочем, как всегда. Пробовали козленка? Правда, отличное мясо?

— Неплохое, — согласился Ричард и тут же пожалел, что поддакнул Маду. Влажный воздух Лагоса был тяжел, а рядом с Маду Ричард и вовсе задышался — тот всегда выставлял его дураком.

Новый переворот грянул спустя неделю, и первым чувством Ричарда было злорадство. Он перечитывал письмо Мартина, сидя в саду, на том самом месте, где, по словам Кайнене, он просидел ямку, точь-в-точь повторявшую размерами и формой его зад.

Интересно, выражение «отуземиться» все еще в ходу? Так я и знал, что ты отуземишься! Мама говорит, ты бросил книгу о тамошнем искусстве и взялся за новую, пишешь что-то вроде романа о путешествии. И о зверствах европейцев в Африке! Не терпится тебя расспросить, когда будешь в Лондоне. Зря ты отказался от прежнего названия, «Корзина рук». А что, в Африке тоже отрубали руки? Я думал, это индийский обычай. Любопытно!

Ричард вспомнил вечную самодовольную улыбку Мартина в их школьные годы, когда тетя Элизабет с невероятным упорством загружала их всевозможными делами — дети, мол, не должны бить баклуши. Крикетные матчи, бокс, теннис, уроки музыки у шепелявого француза — Мартину все давалось легко.

Ричард сорвал полевой цветок, похожий на мак. Интересно, какая будет свадьба у Мартина? Невеста его, подумать только, модельер. Жаль, что Кайнене не может поехать, ей нужно подписывать новый контракт. Он мечтал, чтобы тетя Элизабет, Мартин и Вирджиния увидели Кайнене, а главное — увидели его самого новым человеком, изменившимся за прожитые здесь годы, загорелым и счастливым.

Подошел Икеджиде:

— Мистер Ричард, сэр! Мадам звать вас к себе. Опять переворот, — сказал он, сам не свой от волнения.

Ричард бросился в дом. Так он и знал! А Маду попал пальцем в небо.

Кайнене сидела на диване в гостиной, обхватив себя руками и раскачиваясь взад-вперед. Она сказала очень громко, перекрикивая ведущего-британца по радио:

— Власть захватили офицеры-северяне. По Би-би-си передали, что в Кадуне убивают офицеров-игбо. Нигерийское радио молчит.

Ричард начал растирать ей плечи, массировать по кругу напряженные мускулы. Просто невероятно, что второй переворот случился всего через полгода после первого, сказал ведущий-британец.

— «Невероятно! Просто невероятно!» — передразнила Кайнене и судорожным движением смахнула приемник со стола. Он упал на ковер, выкатилась батарейка. Кайнене уткнулась лицом в ладони. — Маду в Кадуне!

— Не надо так переживать, дорогая, — проговорил Ричард. — Все будет хорошо.

Ричард впервые всерьез представил, что Маду может погибнуть. Сам не зная почему, он отложил отъезд в Нсукку. Для того ли, чтобы поддержать Кайнене, если она узнает о смерти Маду? В те дни она была так взвинчена,

что и Ричард стал беспокоиться о Маду, браня себя за беспокойство и стыдясь, что бранил. Нельзя быть таким мелким, тем более что Кайнене делила с ним свою тревогу, словно считала Маду их общим другом. Она рассказывала, кому звонила, как наводила справки. Никто ничего не знал. Жена Маду была в полном неведении. В Лагосе беспорядки, родители Кайнене уехали в Англию. Многие офицеры-игбо были убиты. Расправлялись с ними организованно; один солдат, по ее словам, рассказывал, что в их батальоне протрубили сбор и, когда все построились, северяне вызвали всех солдат-игбо, увели и расстреляли.

Кайнене ходила притихшая, молчаливая, но не проронила ни слезинки. И в тот день, когда она сказала, сдерживая рыдания: «Плохие новости», Ричард был уверен, что речь о Маду. Он уже подбирал слова утешения, когда услышал:

— Удоди. Полковника Удоди Экечи убили.

— Удоди? — Ричард был так уверен, что речь о Маду, что на миг опешил.

— Солдаты-северяне посадили его в камеру в казармах и заставляли есть его же испражнения. Он ел свое дерьмо. — Кайнене умолкла. — Потом его избили до потери сознания, привязали к железному кресту и бросили обратно в камеру. Так он и умер, привязанный к кресту. Он умер на кресте.

Ричард опустил на стул. Его неприязнь к Удоди — шумному, вечно пьяному, насквозь двуличному — за годы их знакомства лишь возросла, однако весть о его смерти не могла не потрясти.

— Кто сообщил?

— Мария Обеле. Жена Удоди — ее двоюродная сестра. Она слышала, что никто из офицеров-игбо на Севере не спасся. Но в Умунначи ходят слухи, что Маду сбежал. Адаоби ничего не знает. Как он мог сбежать? Как?

— Может, где-то скрывается?

— Как? — повторила Кайнене.

Полковник Маду появился в доме Кайнене через две недели. Он казался еще выше ростом, так сильно похудел; под белой рубашкой торчали лопатки.

Кайнене вскрикнула.

— Маду! Неужели ты?

Не успел Ричард понять, кто первым к кому бросился, а Кайнене и Маду уже обнимались; Кайнене гладила лицо и руки Маду с такой нежностью, что Ричард отвел взгляд. Он подошел к бару, налил Маду виски, а себе джина.

— Спасибо, Ричард.

Но виски Маду не взял. Ричард помялся с бокалами в руках и поставил один на стол.

Кайнене села на низенький столик, лицом к Маду.

— Говорили, что тебя расстреляли в Кадуне, потом — что похоронили заживо в буше, потом — что ты сбежал, потом — что ты в лагосской тюрьме.

Маду молчал, Кайнене не отрывала глаз от его лица. Ричард допил джин, плеснул еще.

— Помнишь моего друга Ибрагима? Из Сэндхерста? — прервал молчание Маду. — Ибрагим спас мне жизнь, предупредил утром накануне переворота. Сам он замешан не был, но, как почти все офицеры-северяне, знал, что готовится. Ибрагим отвез меня к своему двоюродному брату и попросил отвести меня на задний двор, где держали скот. Я две ночи спал в курятнике.

— Да ты что!

— Солдаты пришли и обыскали дом. Все знали о нашей с Ибрагимом дружбе и подозревали, что он помог мне бежать. Но в курятник не заглянули. — Полковник Маду, прервавшись, посмотрел вдаль. — Понятия не имел, что куриный помет так мерзко воняет, пока не проторчал в нем почти три дня. На третий день Ибрагим прислал ко мне мальчишку с кафтаном и деньгами. Я переоделся кочевником-фулани и двинулся через самые глухие деревушки. На счастье, мне повстречался водитель грузовика, игбо из Охафии, он довез меня до Кафанчана, там живет мой двоюродный брат. Ты ведь знаешь Онункво? Он начальник станции на железной дороге, он и сказал мне, что северяне заняли мост Макурди. Этот мост — настоящая могила. Каждую машину обыскивали, задерживали пассажирские поезда, всех пойманных солдат-игбо расстреливали, а трупы бросали под мост. Многие солдаты были переодеты, но их отличали по ногам.

— Каким образом? — Кайнене подалась вперед.

— По ногам. — Маду опустил взгляд на свои туфли. — Ведь мы, солдаты, ходим все время в башмаках, вот и всякого игбо с мягкими, не загрубевшими ступнями уводили и расстреливали. Как и всякого со светлой полосой на лбу от форменного берета. Онункво посоветовал выждать несколько дней. Он считал, что через мост мне не перебраться, что меня узнают в любом обличье. Десять дней я скрывался в деревне под Кафанчаном, Онункво прятал меня то у одних, то у других знакомых. У него самого было жить опасно. В конце концов он нашел машиниста из

Нневи, хорошего человека, и тот провез меня у себя в товарном поезде, в цистерне с водой. Воды там было по самый подбородок, когда поезд дергался, вода попадала в нос. На мосту поезд обыскали вдоль и поперек. Слышу шаги по крышке цистерны и думаю: конец. Но крышку открывать не стали и нас пропустили. Лишь тогда я понял, что не погиб и спасусь. Вернулся в Умунначи, а Адаоби в трауре.

В наступившем молчании Ричарду стало неловко: он не знал, что говорить, какое выражение придать лицу.

— Солдатам-игбо больше не жить в казармах с северянами. Никогда, никогда. Глаза полковника Маду сверкнули холодным огнем. — А Говон^[59] не может быть главой государства. Пусть не пытаются навязать нам Говона. Есть более достойные.

— Что ты собираешься делать дальше? — спросила Кайнене.

Маду продолжал, будто не услышал:

— Стольких из нас нет. Стольких хороших офицеров. Все они верили в единую Нигерию, не были националистами. Тот же Удоди говорил на хауса лучше, чем на игбо, — и видишь, как с ним расправились! — Маду зашагал по комнате. — Дело в неравенстве наций. Я был членом комиссии, которая сказала нашему главнокомандующему, что они сеют раздор в армии. Нельзя выдвигать на высокие посты северян, если те недостойны. Но наш главнокомандующий — британец — ответил «нет». — Маду повернулся и взглянул на Ричарда.

— Попрошу Икеджиде приготовить твой любимый рис, — сказала Кайнене.

Маду пожал плечами и молча уставился в окно.

Угву накрыл к обеду стол и пригласил Хозяина, зная, что тот все равно не притронется к супу из окры,^[60] а будет мерить шагами комнату и слушать радио на полной громкости. Он шагал уже час или дольше — с тех пор как ушла мисс Адебайо. Она так барабанила в дверь, что едва не разбила стекло, а когда Угву открыл, пролетела мимо него в коридор с криком: «Где твой хозяин? Где твой хозяин?»

«Сейчас позову», — ответил Угву, но мисс Адебайо уже ворвалась в кабинет. Угву расслышал ее слова: «На Севере беспорядки», и у него пересохло во рту: мисс Адебайо не стала бы зря поднимать тревогу, значит,

на Севере и вправду опасно, а Оланна сейчас в Кано.

С тех пор как несколько недель назад случился новый переворот и были убиты солдаты-игбо, Угву старался разбираться в происходящем, внимательнее читал газеты, прислушивался к разговорам Хозяина с гостями. Беседы их уже не заканчивались смехом, а были омрачены недосказанностью, точно все предчувствовали беду, но никто не знал какую. Никому из них и в голову не могло прийти то, о чем сейчас говорил ведущий по Радио Энугу: «По последним данным, в Майдугури убиты около пятисот игбо».

— Вздор! — гаркнул Хозяин. — Ты слышал, что он сказал? Слышал?

— Да, сэр. — Угву испугался, как бы не проснулась Малышка.

— Не может быть!

— Сэр, ваш суп...

— Пятьсот убитых! Неправда! Невозможно!

Угву отнес тарелку на кухню и убрал в холодильник. Его тошнило от запаха приправ, от одного вида пищи. Но вот-вот проснется Малышка, надо готовить ей ужин. Угву достал из кладовки мешок с картошкой, сел чистить и вспоминал, как два дня назад Оланна уезжала в Кано за тетей Аризе.

На кухню зашла Малышка.

— Угву!

- *I tetago*, проснулась? — Угву обнял ее. Заметил ли Хозяин, как она прошла мимо гостиной? — Кто тебе снился? Цыплята?

Малышка засмеялась, на щеках появились ямочки.

— Да!

— Говорила с ними?

— Да!

— Что они тебе пропищали?

Вместо обычного ответа Малышка вывернулась из объятий и села на корточки.

— Где мама Ола?

— Мама Ола скоро вернется. Помоги-ка мне убрать очистки от картошки. Собери их и брось в ведро, а когда приедет мама, скажем, что ты помогала мне на кухне.

Угву поставил на плиту картошку, искупал Малышку, припудрил детской присыпкой, достал ее розовую ночную рубашку. Оланна эту рубашку очень любила, говорила, что Малышка в ней как куколка.

В дверь постучали, Хозяин выскочил из кабинета. Угву бросился открывать, хоть и знал, что это не Оланна. У Оланны есть ключ.

— Это вы, Обиозо? — Хозяин смотрел на одного из двоих пришедших. — Обиозо?

Увидев двух незнакомцев с запавшими глазами, в испачканной одежде, Угву поспешил увести Малышку. Он принес ей в комнату ужин, поставил на столик и предложил вообразить, будто с ней сегодня ужинает Джилл из комикса про Джека и Джилл. Встав у двери, что вела в коридор, Угву заглянул в гостиную. Один из пришедших говорил, другой пил воду прямо из бутылки, хотя перед ним стоял стакан.

— Водитель грузовика согласился нас подвезти, — рассказывал гость, и поговору Угву тотчас узнал в нем земляка Хозяина, уроженца Аббы.

— Что происходит? — спросил Хозяин.

Второй гость поставил на стол бутылку с водой и тихо сказал:

— Нас убивают как муравьев. Понимаете? Как муравьев.

— Чего только не видели наши глаза, — сказал Обиозо. — Посреди дороги лежала целая семья — отец, мать и трое детей. Прямо посреди дороги.

— А что в Кано? Что творится в Кано?

— В Кано все и началось.

Обиозо что-то рассказывал, говорил про грифов и про горы трупов за городскими стенами, но Угву уже не слушал. В голове звучало: «В Кано все и началось». Скорей бы эти гости убирались. А если не уберутся, то пусть заткнут свои поганые рты. И дикторы по радио пусть замолчат. Но они не умолкали. Они все говорили об убийствах в Майдугури, и Угву едва не вышвырнул приемник в окно. А на другой день мрачный голос по Радио Энугу стал передавать сообщения очевидцев с Севера: в Зарии зарубили учителей, в Сокото подожгли полную людей католическую церковь, в Кано беременной женщине вспороли живот. Ведущий помолчал. «Некоторые из наших братьев возвращаются домой. Те, кому повезло, возвращаются. Вокзалы переполнены беженцами. Если можете поделиться хлебом и чаем, несите на станции. Помогите нашим братьям в беде».

Хозяин подскочил с дивана.

— Ступай, Угву, — велел он. — Возьми хлеб, чай и иди на вокзал.

— Да, сэр, — отозвался Угву. Перед тем как заварить чай, он поджарил Малышке на обед бананов. — Обед Для Малышки в духовке, сэр.

Угву не понял, расслышал ли Хозяин. Вдруг Малышка проголодается, а Хозяин не знает, что бананы в Духовке? Угву думал об этом до самого вокзала, чтобы больше уже ни о чем не переживать. Вдоль всей платформы были расстелены циновки и грязные покрывала, а на них вплотную сидели мужчины, женщины, дети — плакали, жевали хлеб, перевязывали раны.

Вокруг сновали торговцы с подносами на головах. Угву не хотелось заходить на этот грязный развал, но он пересилил себя и приблизился к сидевшему на земле человеку с кровавой тряпкой вокруг головы. Всюду жужжали мухи.

— Будете хлеб? — предложил Угву.

— Да, брат мой. *Dalu*, спасибо.

Угву, стараясь не смотреть на глубокий порез на голове незнакомца, налил ему чаю и протянул хлеб. Завтра он уже не вспомнит лица этого человека, потому что не захочет вспоминать.

— Будете хлеб? — спросил Угву другого человека, что сгорбился рядом. — *I choro*, хотите хлеба?

Человек обернулся. Угву отпрянул и едва не выронил термос. У незнакомца не было правого глаза, вместо него — кровавое месиво.

— Спасли нас солдаты, — сказал первый, будто считая необходимым поведать свою историю в благодарность за хлеб, который он ел, макая в чай. — Велели бежать в казармы. Те изверги гнали нас, как сбжавшее стадо, но открылись ворота казарм — и мы были спасены.

К платформе подполз поезд, набитый битком — люди висели даже снаружи, держась за металлические поручни. Угву смотрел на усталых, запыленных, окровавленных людей, вылезавших из вагонов, но не бросился вслед за остальными на помощь. Страшно было представить Оланну среди этих несчастных, но еще страшнее — что ее среди них нет, что она застряла где — то на Севере. Он дождался, пока выйдут все. Оланны не было. Угву отдал остатки хлеба одноглазому, повернулся и бежал без оглядки до самой Одим-стрит.

11

Оланна сидела на веранде у Мухаммеда, пила холодное рисовое молоко и смеялась от удовольствия — губы были липкие, молочная струйка приятно холодила горло. Появился привратник и подозвал Мухаммеда.

Мухаммед вышел и через минуту вернулся с листовкой в руках.

— В городе беспорядки, — сказал он.

— Студенты бунтуют?

— Кажется, на религиозной почве. Ты должна сейчас же уехать. — Он избегал ее взгляда.

— Мухаммед, успокойся.

— Суле говорит, везде перекрывают дороги и ищут неверных. Скорей,

скорей.

Мухаммед поспешил в дом. Оланна — за ним. И что он так перепугался? Студенты-мусульмане по всякому поводу выступают, пристают к прохожим, одетым по — европейски, но всегда быстро утихомириваются.

Мухаммед вынес из комнаты длинный шарф, сунул Оланне в руку:

— Повяжи, чтобы не выделяться.

Оланна надела шарф на голову и обернула вокруг шеи.

— Чем не правоверная мусульманка? — попыталась пошутить она.

Но Мухаммед едва улыбнулся.

— Едем. Я знаю короткую дорогу до вокзала.

— До вокзала? Мы с Аризе уезжаем только завтра. — Оланна едва попевала за ним. — Я еду к дяде, в Сабон-Гари.

— Оланна! — Мухаммед завел мотор. Машина дернулась и рванула с места. — В Сабон-Гари опасно.

— Что значит опасно? — Оланна оттянула край шарфа: вышитая кайма врезалась в шею.

— Суле говорит, они хорошо организованы. И на Эйрпорт-роуд лежат тела убитых игбо.

Значит, это не очередная студенческая демонстрация. От страха у Оланны пересохло во рту. Она сжала руки и взмолилась:

— Заедем сначала за моими, пожалуйста.

Мухаммед повернул в сторону Сабон-Гари. Мимо пропылил желтый автобус, вроде тех, в которых разъезжают по деревням политики и раздают жителям рис и деньги. Из дверей свешивался человек с рупором, медленно, гулко повторяя на хауса: «Игбо, убирайтесь вон! Прочь, неверные! Игбо, вон!» На обочине толпа юнцов распевала: «*Araba, araba!*»^[61] Мухаммед притормозил, посигналил будто бы в знак солидарности; те помахали в ответ, и Мухаммед вновь прибавил скорость.

В Сабон-Гари первая улица была пуста. Серыми тенями поднимались клубы дыма, пахло гарью.

— Жди здесь. — Мухаммед остановился, немного не доехав до двора дяди Мбези, выскочил из машины и побежал.

Улица казалась Оланне чужой, незнакомой; ворота выломаны, куски металла валялись на земле. Только сейчас Оланна увидела киоск тети Ифеки, вернее, то, что от него осталось: щепки, пакетики арахиса, затоптанные в пыль. Оланна открыла дверцу и тоже вышла. Замерла на миг от жары и ослепительного света — языки пламени плясали по крыше, в воздухе кружился пепел. Она кинулась к дому и окаменела. Дядя Мбези

лежал ничком, неестественно скрючившись, разбросав ноги в стороны. Из глубокой раны на затылке проступило что-то белесое. Зияющие на голом теле ранки казались полураскрытыми густо-красными губами.

Оланне стало дурно, она не могла пошевелиться, ноги онемели. Мухаммед тянул ее прочь, до боли сжимая руку. Но как бросить сестру? Аризе вот-вот должна родить. Аризе нужен врач.

— Аризе, — выдохнула Оланна. — Надо забрать Аризе.

Вокруг сгущался дым, и Оланна не сразу поняла — то ли во двор хлынула толпа, то ли она приняла за людей столбы дыма, но тут увидела, как сверкают лезвия топоров и мачете, развеваются забрызганные кровью полы кафтанов.

Мухаммед втолкнул ее в машину и, обойдя кругом, сел сам.

— Спрячь лицо, — велел он.

— Мы вырезали всю семью. На то была воля Аллаха! — выкрикнул на хауса один из пришедших. Он пнул распростертое на земле тело, и Оланна, будто прозрев, увидела, сколько вокруг трупов — они валялись всюду, как тряпичные куклы.

— Вы кто? — спросил другой, преградив им путь.

Мухаммед, не выключая мотора, открыл дверь и заговорил на хауса, быстро, настойчиво. Человек посторонился. Мухаммед чуть не врезался в дерево кука. Большой стручок упал с ветки, хрустнул под колесом. Оланна оглянулась. Первый человек поддал ногой еще один труп — обезглавленное тело женщины — и перешагнул через него, хотя вокруг было куда ступить.

— Аллах такого не прощает. — Мухаммед дрожал как в лихорадке. — Аллах их не простит. Аллах не простит тех, кто толкнул их на это. Аллах не простит никогда.

Они ехали в страшном молчании — мимо полицейских в забрызганной кровью форме, мимо сидевших у дороги грифов, мимо мальчишек с ворованными радиоприемниками под мышкой — до самого вокзала, где Мухаммед втолкнул Оланну в переполненный вагон.

Оланна сидела на полу вагона, поджав к груди колени, среди горячих потных тел. Снаружи тоже ехали люди — пристегнулись к вагонам ремнями или стояли на ступеньках, висели на поручнях. Оланна услышала сдавленный крик, когда с поезда упал человек. Вагон был ветхим, дорога тряской, и при каждом толчке Оланну швыряло на сидевшую рядом женщину; та держала на коленях большой сосуд-калебас. Одежда женщины была в пятнах, похожих на брызги крови, но Оланна не могла разглядеть как следует — болели глаза. Их будто запылило песком пополам с

перцем, веки жгло и щипало. Ни моргнуть, ни закрыть глаза, ни открыть. Хотелось их выцарапать. Послюнив пальцы, Оланна смочила глаза. Так она лечила царапины Малышки. «Мама Ола!» — хныкала Малышка, протягивая ушибленную ручку, и Оланна, облизнув палец, терла больное место. Но смоченные слюной глаза лишь сильнее заболели.

Юноша напротив, вскрикнув, схватился за голову. Поезд качнуло, и Оланна вновь стукнулась о твердый калебас. Она протянула руку, бережно провела по стенке сосуда с резным орнаментом из косых линий. Не убирая руки с калебаса, Оланна просидела так несколько часов, пока не услышала возгласы на игбо: «Мы пересекли Нигер! Мы дома!»

По полу вагона что-то потекло. Моча. Оланна почувствовала холод, у нее намок подол. Женщина с калебасом подтолкнула ее локтем, подозвала других пассажиров, сидевших рядом.

— *Viani*, подойдите! — сказала она. — Посмотрите... — И открыла калебас.

Заглянув внутрь, Оланна увидела голову девочки: пепельно-серое лицо, грязные косички, закатившиеся глаза, раскрытый рот. Оланна отвернулась. Кто-то вскрикнул.

Женщина закрыла калебас.

— Знаете, — сказала она, — как долго я заплетала ей косички? У нее были такие густые волосы!

Поезд лязгнул, остановился. Оланну вынесло людским потоком в давку на перроне. Какая-то женщина упала в обморок. Шоферы стучали по бортам грузовиков и выкрикивали: «Кому на Оверри? Энугу! Нсукка!» Оланне вспомнились косички в калебасе. Она представила, как мать заплетала их — помадила волосы, делила на ряды деревянным гребнем...

Ричард перечитывал записку Кайнене, когда самолет коснулся земли в Кано. Записку он нашел случайно минуту назад, когда искал в портфеле журнал. Жаль, что не обнаружил раньше, жаль, что она пролежала в портфеле все десять дней, пока он был в Лондоне.

Что такое любовь — необъяснимая потребность всегда быть с тобой рядом? Что такое любовь — когда так хорошо молчать вдвоем? Что такое любовь — единство, полнота счастья?

Ричард улыбался. Ничего подобного Кайнене ему никогда не писала. Если на то пошло, Кайнене ему вообще не писала. «С любовью, Кайнене»

на открытках ко дню рождения не в счет. Он читал снова и снова, задерживая взгляд на витиеватых буквах. Его уже не огорчало, что в Лондоне рейс задержали и эта пересадка в Кано на самолет до Лагоса — тоже потеря времени. На душе вдруг стало необычайно легко: все возможно, все трудности преодолимы. Ричард встал с кресла и помог соседке донести сумку. *Что такое любовь — когда так хорошо молчать вдвоем?*

«Спасибо вам», — поблагодарила женщина, судя поговору, ирландка. Самолет был полон иностранцев. Кайнене наверняка съязвила бы: «Поллюбуйтесь — мародеры-европейцы». Сойдя с трапа, Ричард пожал руку стюардессе и зашагал по бетону; добела раскаленное солнце палило нещадно, и Ричард рад был очутиться в прохладе аэропорта. В очереди на таможне он вновь перечитал записку Кайнене. *Что такое любовь — необъяснимая потребность всегда быть с тобой рядом?* Вернувшись в Порт-Харкорт, он попросит ее руки. Сначала Кайнене ухмыльнется: «За белого, да еще и нищего? Позор для моих родителей!» А потом согласится. Наверняка согласится. С недавних пор она переменялась, стала мягче, ласковей — отсюда и эта записка. Неясно, простила ли она ему случай с Оланной, они никогда это не обсуждали, но ее записка, ее откровенность означали, что Кайнене смотрит в будущее. Ричард разглаживал записку на ладони, когда к нему обратился молодой, очень темнокожий таможенник.

— Будете что-то декларировать, сэр?

— Нет. — Ричард протянул паспорт. — Я лечу в Лагос.

— Прекрасно, сэр. Добро пожаловать в Нигерию. — Таможенник был молод, но тучен, и форма не красила его грузную фигуру.

— Давно вы здесь работаете? — поинтересовался Ричард.

— Только прохожу практику, сэр. К декабрю получу диплом таможенника.

— Поздравляю. А откуда вы родом?

— С Юго-Востока, из городка Обоси.

— Ага, маленький сосед Оничу.

— Вы знаете наши места, сэр?

— Я работаю в Нсукке, в университете, и пишу книгу о здешних местах. А невеста моя из Умунначи, что недалеко от вас. — Ричарда переполнила гордость: с какой легкостью выговорил он слово «невеста» — это добрая примета. Он улыбнулся и едва не прыснул. Совсем ума лишился от счастья, а всему виной записка.

— Невеста, сэр? — Во взгляде юноши мелькнуло неодобрение.

— Да. Ее зовут Кайнене. — Ричард произнес ее имя не спеша,

старательно выделяя второй слог.

— Вы знаете игбо, сэр? — Теперь в глазах молодого таможенника читалось уважение.

— *Nwanne di na mba*, — уклончиво ответил Ричард, надеясь, что к месту употребил поговорку «Брат твой может быть родом из иной страны».

— Теперь вижу! *I na-asu Igbo!*^[62] — Юноша схватил руку Ричарда, радостно потряс и пустился в рассказ о себе. Звали его Ннемека. — Знаю я жителей Умунначи, — говорил он. — Беспокойный народ. Вся родня предупреждала мою двоюродную сестру, чтоб не выходила за парня из Умунначи, но она не послушалась и вышла замуж. Ее что ни день били, ну и она собрала вещи и вернулась домой к отцу. Я не говорю, что в Умунначи одни негодяи живут. Моя родня по матери оттуда. Не слышали о моей бабушке? Нвайике Нквелле. Напишите о ней в вашей книжке, она замечательная травница, знала лучшее средство от малярии. Если б она брала с людей больше денег, я бы сейчас учился медицине за границей. Но родителям не на что меня отправить за границу, а в Лагосе чиновники дают стипендии только детям тех, кто может взятку сунуть. Это из-за бабушки я хочу учиться на врача. Я не говорю, что на таможе работать плохо. Как-никак, без экзамена сюда не берут, и многие мне завидуют. Когда я получу диплом таможенника, настанут другие времена, жизнь изменится к лучшему, люди будут меньше страдать...

Диктор объявил по-английски с акцентом хауса: пассажиры, прибывшие рейсом из Лондона, приглашаются на посадку на рейс до Лагоса. Ричард вздохнул с облегчением.

— Приятно было побеседовать. *Jisie ike*,^[63] — сказал он.

— Спасибо, сэр. Привет Кайнене.

Ннемека направился к своей стойке, Ричард взял портфель... и вдруг боковая дверь распахнулась, вбежали трое в зеленой армейской форме и с винтовками. Ричард удивился: к чему так врывать, нет бы войти спокойно — но тут увидел их дикие, налитые кровью, невидящие глаза.

Первый солдат потрясал винтовкой:

— *Ina nyatmi!*^[64] Где здесь игбо? Кто из вас игбо? Где неверные?

Взвизгнула женщина. Другой солдат указал на Ннемеку:

— Ты игбо.

— Нет, я из Кацины! Из Кацины!

Солдат двинулся к нему через зал.

— Скажи «Аллах Акбар!».

Весь зал умолк. Ричард почувствовал, как холодный пот заливает

глаза.

— Скажи «Аллах Акбар», — повторил солдат.

Ннемека упал на колени. Ужас превратил его лицо в маску. Он не станет говорить «Аллах Акбар», его выдаст акцент. Пусть все-таки скажет, думал Ричард, пусть хотя бы попробует, пусть хоть что-нибудь случится, нарушит удушливое молчание. И тут грянул выстрел. Грудь Ннемеки пробило навывлет, брызнула кровь, и Ричард выронил записку.

Пассажиры распластались на полу, попрятались за кресла. Кто-то кричал на игбо: «Мама, мама, о-о! Бог этого не допустит!» Оказалось, бармен. Один из солдат подошел к нему, выстрелил и тут же принялся палить по бутылкам. Запахло виски, кампари и джином.

С каждой минутой солдат становилось больше, трещали выстрелы, бармен корчился на полу, из горла рвались хрипы и бульканье. Солдаты выбегали на взлетную полосу, врывались в самолеты, выводили пассажиров-игбо, строили в ряд и расстреливали, а тела бросали посреди полосы, и на пыльном черном бетоне пестрела одежда. Охранники в форме, скрестив на груди руки, наблюдали бесстрастно. Ричард обмочился, в ушах звенело. Он едва не опоздал на свой рейс: пока остальные пассажиры, спотыкаясь, семенили к самолету, он стоял в стороне — его рвало.

Сьюзен встретила Ричарда в банном халате. Волосы ее, тусклые, нечесанные, были небрежно перехвачены на затылке и открывали пунцовые уши. Ее нисколько не удивил его неожиданный приход.

— Вид у тебя усталый. — Сьюзен дотронулась до его щеки.

— Я только что из Лондона, летели с пересадкой в Кано.

— Неужели? Ну и как свадьба Мартина?

Ричард оцепенел на диване; поездка в Лондон начисто стерлась из памяти. А Сьюзен не замечала его состояния.

— Капельку виски и много-много воды? — спросила она, уже наполняя бокалы. — В Кано есть на что посмотреть, правда?

— Да, — послушно согласился Ричард, хотя на самом деле ему хотелось рассказать, как странно было видеть шумные улицы Лагоса с машинами, автобусами, торговцами, — улицы, где жизнь шла своим чередом.

— Не понимаю я этих северян: готовы иностранцам платить вдвое больше, лишь бы не нанимать южан. Зато нажиться там легко. Только что звонил Найджел и рассказывал про своего друга Джона, препротивного шотландца. Джон — частный пилот и за эти дни сколотил состояние, перевозя игбо в безопасные места. Он говорит, в одной только Зарии погибли сотни людей.

Ричарду казалось, что он больше не властен над своим телом, что вот-вот затрясется или вовсе рухнет без чувств.

— То есть тебе известно, что там творится?

— Конечно. Надеюсь, до Лагоса не дойдет, но такие события непредсказуемы. — Сьюзен залпом осушила бокал. Лицо у нее было землистое, а над верхней губой блестели мелкие капли пота. — Здесь очень много игбо, — да их везде много, куда ни глянь. Если подумать, они сами виноваты: держатся особняком, нос задирают, все рынки у них в руках. Как евреи, право слово. И при этом темные, дикие — никакого сравнения, скажем, с йоруба. Те много лет имели дело с европейцами на побережье. Помню, когда я сюда приехала, меня предупредили: тысячу раз подумай, прежде чем нанимать слугу-игбо, не успеешь оглянуться, он и дом твой, и землю присвоит. Еще виски?

Ричард мотнул головой. Сьюзен налила себе еще бокал, на сей раз без капли воды.

— А в аэропорту Кано все было спокойно?

— Да, — соврал Ричард.

— Вряд ли они стали бы врываться в аэропорт. Просто удивительно, до чего здешний народ разнузданный. Все мы кого-то ненавидим, но надо же уметь держать себя в руках. Цивилизация учит сдержанности.

Сьюзен расправилась со второй порцией спиртного и снова наполнила бокал. Ричард пошел в ванную и открыл кран. Голос Сьюзен звенел в ушах, болью отдавался в голове. Глянув в зеркало, он ужаснулся при виде себя прежнего — те же широкие брови, синие глаза. После всего случившегося он должен был бы измениться до неузнаваемости, покрыться багровыми волдырями от позора. Когда на его глазах убили Ннемеку, Ричард вместо ужаса испытал великое облегчение, что Кайнене нет рядом. Он не смог бы ее защитить. Солдаты поняли бы, что она игбо, и застрелили ее. Не в его власти было спасти Ннемеку, но он обязан был подумать о нем в первую очередь, смерть юноши должна была потрясти его. Глядя в зеркало, Ричард спрашивал себя: неужели все было наяву, неужели он своими глазами видел смерть — или запахи спиртного и крови, и неподвижные тела лишь почудились ему? Он прекрасно понимал, что все это правда, и задавался вопросом лишь потому, что не хотел верить. Ричард склонился над раковиной и зарыдал. Из крана с шумом лилась вода.

3. Книга: Мир молчал, когда мы умирали

Он пишет об освобождении Нигерии. Вторая мировая война изменила лицо мира: Британская империя рушилась, а в Нигерии в полный голос заявляла о себе верхушка общества, в основном выходцы с Юга.

Север воспринял перемены с опаской: там боялись господства просвещенного Юга и всегда мечтали о независимом государстве, отдельном от неверных-южан. Британцы, однако, стремились сохранить Нигерию как есть — свое сокровище, большой рынок, бельмо на глазу у французов. Чтобы задобрить северян, они подтасовали итоги выборов в пользу Севера и создали новую конституцию, давшую Северу контроль над федеральным правительством.

Юг, спеша получить независимость, принял конституцию. Избавление от британцев всем принесло бы пользу: «белые» зарплаты, долгое время недоступные нигерийцам, продвижение по службе, высокие должности. На недовольство меньшинств махнули рукой, а вражда между регионами дошла до того, что каждый из них хотел для себя отдельное посольство.

В 1960-м, в год обретения независимости, Нигерия представляла собой весьма хрупкое объединение разнородных элементов.

Черные сны Оланны начались сразу по возвращении из Кано, и тогда же у нее отнялись ноги. Ноги ее слушались, когда она выходила из вагона, — ей даже не пришлось держаться за окровавленные поручни; ноги были в полном порядке, когда она три часа ехала стоя, в невыносимой давке, в автобусе до Нсукки. А на пороге дома отказали, а вместе с ними мочевого пузыря. Колени подогнулись, между бедер побежала горячая струя. Нашла Оланну Малышка. Спросила у Угву, когда вернется мама Ола, вышла на крыльцо — и закричала при виде тела на ступеньках. Оденигбо отнес Оланну в дом, искупал, увел Малышку, которая все рвалась пожалеть маму Олу. Когда Малышка уснула, Оланна рассказала Оденигбо обо всем, что видела. Описала и смутно знакомую одежду на обезглавленных телах посреди двора, и сведенные судорогой пальцы на руке дяди Мбези, и голову девочки в калбасе, и странный оттенок кожи — тусклый, землисто-серый, как плохо вытертая классная доска-у трупов во дворе.

Той ночью и посетил ее первый черный сон: плотное одеяло опустилось на нее сверху, закрыло лицо, не давая вздохнуть. А когда одеяло исчезло, Оланна, судорожно глотая воздух, за окном увидела горящих сов — они ухмылялись, манили ее обугленными крыльями.

Оланна пыталась рассказать Оденигбо и о черных снах, и о вкусе пилуль, что приносил доктор Патель, клейких, как ее язык после сна. Но у Оденигбо на все был один ответ: «Ш-ш-ш, нкем. Все будет хорошо». Он

обращался с ней как с ребенком — ворковал, сюсюкал. Даже напевал, купая ее в ванне с Малышкиной пеной.

Оланна попросила бы его не валять дурака, но губы не слушались, каждое слово давалось с трудом. Когда приехала Кайнене с родителями, Оланна почти все время молчала; о том, что ей пришлось пережить и увидеть, им рассказал Оденигбо.

Вначале мать сидела рядом с отцом и кивала, слушая приторный голос Оденигбо, — и вдруг начала сползать со стула, будто стекая на пол. Впервые в жизни Оланна видела мать без косметики, без золотых украшений, и в первый раз с тех пор, как они стали взрослыми, Кайнене плакала при ней. «Не надо об этом, не надо», — твердила Кайнене, рыдая, хотя Оланна и не пыталась рассказывать.

Отец ходил взад-вперед по комнате, опять и опять спрашивал у Оденигбо, где именно Патель учился медицине и имеет ли он право утверждать, что причина болезни Оланны — душевное потрясение. Сетовал, что пришлось добираться от самого Лагоса на машине, потому что самолеты из-за правительственной блокады больше не летают на Юго-Восток. «Мы хотели приехать сразу же, сразу», — говорил он, и от частого повторения Оланна усомнилась, на самом ли деле он верит, что их приезд так уж важен для нее. А ей было очень важно их видеть, особенно Кайнене. Едва ли Кайнене ее простила, и все же ее приезд говорил о многом.

Шли недели. Оланна лежала в постели, кивала родным и знакомым, когда те заходили сказать «ндо» — соболезуем, качали головами и возмущались зверствами мусульман-хауса, козлов-северян, грязных блохастых пастухов. В дни, когда приходили гости, черные сны мучили Оланну сильнее, иногда следовали один за другим и так изматывали, что она не могла даже плакать и едва находила силы глотать пилюли, что клал ей в рот Оденигбо. В иные дни Оланна, вздремнув, просыпалась с ясной головой, как сегодня.

Сквозь открытую дверь спальни долетал гул голосов из гостиной. Одно время Оденигбо просил друзей не приходить. Бросил он и теннис, чтобы днем быть дома и Угву не нужно было носить Оланну в туалет. Теперь же Оланну радовало, что в доме снова гости. Она из спальни следила за их беседами и знала, что женская организация университета собирает для беженцев продукты, что без игбо на Севере опустели рынки, железные дороги и оловянные копи, что в полковнике Оджукву видят нового лидера игбо, что поговаривают об отделении от Нигерии и о новом государстве, которое будет зваться по имени залива — Биафра.

Мисс Адебайо говорила, как обычно, громко:

— Главное — найти путь к миру, пока не грянул взрыв.

— Какой еще мир? Основы для единства у нас нет, тогда о каком мире может идти речь? — возразил Оденигбо, и Оланна представила, как он ерзает на краешке стула, сдвигает на лоб очки. — У нас один шанс — выход из федерации. Что тут говорить, никто в правительстве не осудил резню, а прошел уже не один месяц! Похоже, никому нет дела до убитых игбо!

— Восточная Нигерия кипела, кипит и будет кипеть, пока федеральное правительство не осудит погромы, — сказал профессор Эзека своим глухим, срывающимся голосом.

У Оланны разболелась голова. Солнечный свет едва пробивался сквозь занавески — Угву задернул их, когда приносил завтрак. Хотелось в туалет. В последнее время она очень часто мочилась и все забывала спросить доктора Пателя, не из-за таблеток ли. Оланна посмотрела на ночной столик со звонком, провела рукой по черному пластмассовому куполу с красной кнопкой, которая издавала резкий звук, когда на нее нажимали. Если Оланне нужно было в туалет, по всему дому раздавалось эхо. Нет, не будет она звонить.

До Оланны снова донесся голос — Океома произнес: «Абури». Красивое название города в Гане — Оланне представлялось сонное местечко среди ароматных лугов, жмущиеся друг к другу домики. Это название часто всплывало в разговорах: то профессор Эзека возмущался: раз Говон пошел на попятную после Абури, значит, он желает зла игбо; то Оденигбо провозглашал: «Абури — наш краеугольный камень».

Оланна спустила ноги с кровати. Голоса в гостиной стали тише, будто кто-то приглушил звук. Она встала, сделала шаг, другой. Ее шатало, лодыжки будто стиснула невидимая рука. Оланна двигалась дальше. Но ощущать под ногами твердый пол, чувствовать, как бежит по жилам кровь, было приятно. На полу лежала тряпичная кукла. Оланна постояла, глядя на игрушку, и доплелась до туалета.

Чуть позже к ней в комнату зашел Оденигбо, посмотрел испытующе, словно выискивая ответ на какой-то вопрос, — в последнее время он часто так на нее смотрел.

— Ты давно не звонила, нкем. Тебе не нужно в туалет?

— Все уже ушли?

— Да. Не хочешь в туалет?

— Я уже сходила. Сама.

Оденигбо округлил глаза.

— Я уже сходила, — повторила Оланна. — Сама дошла до туалета.

Она села на постели, Оденигбо потянулся к ней, но она отстранилась, сделала несколько шагов до шкафа и обратно до кровати. Оденигбо ошеломленно сел, не отрывая от нее нежного и испуганного взгляда.

Оланна взяла его руку, провела ею по щеке, прижала к груди.

— Приласкай меня.

— Я скажу Пателю, пусть придет и осмотрит тебя.

— Приласкай меня.

Оланна понимала, что ему не до того, что он ласкает ей грудь только потому, что готов выполнить любой ее каприз. Она гладила его шею, перебирала густые волосы, а когда он вошел в нее, вспомнила об Аризе: как, должно быть, легко лопнула кожа на ее тугом животе. Оланна заплакала.

— Не надо, нкем.

Оденигбо вытянулся рядом с ней, гладил ее лоб. Потом принес таблетки с водой, Оланна послушно проглотила их, легла на спину и стала ждать, когда придет странный покой, который приносило лекарство.

Разбудил ее тихий стук в дверь. Сейчас зайдет Угву и "оставит поднос с едой рядом с лекарствами, бутылкой сиропа и баночкой глюкозы. Ей вспомнилась первая неделя после возвращения, когда Оденигбо вскакивал, стоило ей пошевелиться. В одну из ночей она попросила воды, Оденигбо открыл дверь спальни и чуть не споткнулся об Угву, уснувшего на циновке прямо за дверью. «Что ты здесь делаешь, друг мой?» — удивился Оденигбо, а Угву ответил: «Вы не разберетесь, где что на кухне, сэр».

Оланна закрыла глаза и притворилась, что спит. Угву стоял совсем рядом, пристально глядя на нее, слышно было его дыхание.

— Вот еда, мэм, как только захотите — поешьте.

Оланна еле сдержала смех — Угву всегда угадывал, если она притворялась спящей.

— Что ты приготовил? — спросила она, открыв глаза.

— Рис джоллоф. — Угву снял с блюда крышку. — С помидорами — свежими, прямо с огорода.

— Малышка уже поела?

— Да, мэм. Она на улице, играет с детьми доктора Океке.

Оланна взяла вилку.

— Завтра я вам приготовлю фруктовый салат, мэм, — сказал Угву. — За домом поспела одна папайя. Пускай еще денек повисит, а завтра с утра пораньше сорву, пока птицы не склевали, и сделаю салат с апельсинами и молоком.

— Спасибо.

Угву стоял, дожидаясь, пока Оланна начнет есть. Оланна поднесла ко рту вилку и, закрыв глаза, попробовала рис. Он удался, как и все, что готовил Угву, но Оланна не чувствовала вкуса — слишком долго она ничего не ела, кроме таблеток, похожих на мел. Сделав глоток воды, она попросила Угву унести поднос.

Оденигбо оставил на столике у ее кровати длинный лист бумаги, с печатным заголовком вверху: «Мы, сотрудники университета, требуем отделения от Нигерии в целях безопасности» — и столбиком подписей внизу. «Я ждал, пока ты окрепнешь и сможешь подписать; письмо я передам местным властям в Энугу», — объяснил Оденигбо.

Когда Угву вышел, Оланна взяла ручку, поставила подпись и пробежала письмо глазами, нет ли ошибок. Их не оказалось, но отправить письмо не пришлось: о выходе из федерации объявили в тот же вечер. Оденигбо включил приемник погромче. Голос Оджукву узнать было легко — звучный, приятный, мужественный:

Дорогие соотечественники, граждане Восточной Нигерии! Признавая высшую волю Всемогущего Бога над всем человечеством, зная о вашем долге перед будущими поколениями, сознавая, что ни одно правительство за пределами Восточной Нигерии более не способно защитить ваши жизни и имущество, твердо намереваясь разорвать все политические и иные узы между вами и бывшей Республикой Нигерией и имея право от вашего имени провозгласить независимость Восточной Нигерии, отныне торжественно объявляю территорию, известную как Восточная Нигерия, вместе с континентальным шельфом и территориальными водами, независимой, суверенной республикой Биафра.

— Это начало новой жизни! — Оденигбо больше не сюсюкал, а говорил своим обычным голосом, густым, решительным. Он снял очки и, схватив Малышку за ручонки, пустился с ней в пляс.

А Оланну пробирал озноб. Она ждала независимости, но теперь, когда независимость объявили, это событие не укладывалось в голове. Оденигбо с Малышкой все кружились, Оденигбо фальшиво пел песенку, которую сочинил на ходу: «Начало новой жизни, ура, ура, начало новой жизни!» Малышка смеялась в блаженном неведении. Оланна смотрела на них, стараясь не думать о будущем, целиком сосредоточившись на текущей минуте, остановив взгляд на пятне от кешью на платье Малышки.

Митинг проходил на площади Свободы, в центре университетского городка. Преподаватели и студенты пели, кричали, среди людского моря раскачивались транспаранты.

Не сдвинуть с места нас, Как древо над волнами, Мы выстоим,

прогоним прочь врагов. Мы выстоим, Оджукву с нами! Мы не отступим, с нами Бог!

Они пели, покачиваясь из стороны в сторону, и Оланне представилось, что деревья — манго и гмелины — тоже плавно качаются в такт. Солнце палило факелом, но с неба сыпал слепой дождик, и тепловатые капли, падая ей на лицо, мешались с потом. Малышка сидела у Оденигбо на плечах, размахивая тряпичной куклой, и Оланну переполняло счастье. Угву стоял рядом, с плакатом: «Боже, благослови Биафру». Они биафрийцы. Она биафрийка. Мужчина у нее за спиной рассказывал, как торговцы на рынке танцевали африканскую румбу и бесплатно раздавали отборные манго и арахис. Его собеседница сказала в ответ, что сразу после митинга сбегает на рынок посмотреть, чем можно поживиться даром, и Оланна, повернувшись к ним, засмеялась.

Студент-активист что-то выкрикнул в микрофон, и песни смолкли. Несколько молодых людей вынесли гроб с надписью мелом: «Нигерия», подняли с шутливо-торжественным видом, а затем поставили на землю, сняли рубашки и принялись копать. Когда гроб опускали в неглубокую яму, в толпе раздались возгласы — они нарастали, покуда не слились в единый согласный хор. Кто-то крикнул: «Оденигбо!» Студенты подхватили: «Оденигбо! Вам слово!»

Оденигбо вскарабкался на помост, размахивая флагом Биафры: красная, черная и зеленая полосы, а в центре — половина желтого солнца.

— Родилась Биафра! Мы поведем за собой черную Африку! Мы будем жить в мире! На нас никогда больше не нападут! Никогда!

Оденигбо поднял руку, и Оланне вспомнилась вывихнутая рука тети Ифеки, когда та лежала в луже крови, густой, темно-красной, почти черной. Может быть, тетя Ифека видит сейчас всех людей, собравшихся здесь; или не видит, если смерть — лишь забвение. Оланна тряхнула головой, гоня прочь тяжелые мысли, и крепко прижала к себе Малышку.

После митинга Оланна и Оденигбо поехали в университетский клуб. На хоккейной площадке собрались студенты и жгли на костре бумажные чучела Говона; в ночном воздухе клубился дым, мешаясь с их голосами и смехом. Оланна, глядя на них, с радостью осознала, что все они испытывают то же, что и она, и Оденигбо, — словно в их жилах течет не кровь, а расплавленная сталь, словно они могут ступать босиком по раскаленным углям.

Ричард не ожидал, что разыскать семью Ннемеки окажется настолько просто: когда он приехал в Обоси и заглянул в англиканскую церковь, миссионер сказал, что они живут совсем рядом, в некрашеном доме среди пальм. Отец Ннемеки оказался низеньким и очень светлым — кожа его отливала медью; серовато-карие глаза блеснули, когда Ричард заговорил на игбо. До того мало было в нем сходства с высоким темнокожим таможенником из аэропорта, что Ричард даже на миг опешил, подумав, что ошибся домом. Но, услышав его голос, когда старик начал благословлять орех кола, Ричард живо вспомнил тот жаркий полдень в аэропорту и утомительную болтовню Ннемеки перед приходом солдат.

— Тот, кто приносит орех кола, дарует жизнь. Да продлится жизнь твоя и твоей семьи, да продлится жизнь моя и моей семьи. Да сядут бок о бок орел и голубь, и несдобровать тому из них, кто решит, что другому не место рядом. Господи, благослови этот орех именем Иисуса.

— Аминь, — отозвался Ричард.

Он находил в старике все больше сходства с сыном. И движения отца, когда тот разламывал орех, до странности напоминали жесты Ннемеки, и нижняя губа точно так же выдавалась вперед. Ричард дождался, пока съели орех и вышла мать Ннемеки в черном, и лишь тогда сказал:

— Я видел вашего сына в аэропорту Кано в день его гибели. Я говорил с ним. Он рассказывал о семье, о вас. — Ричард запнулся. Предпочтут ли они услышать, что их сын принял смерть спокойно, — или что он боролся за жизнь, бросился на дуло винтовки? — Он рассказал о своей бабушке из Умунначи, известной травнице, — ее средство от малярии славилось на всю округу, и он мечтал лечить людей, как она.

— Это правда, — кивнула мать Ннемеки.

— Он говорил о своей семье только хорошее, — продолжал Ричард, тщательно подбирая слова на игбо.

— Что же ему еще говорить о семье, кроме хорошего? — Отец Ннемеки смерил Ричарда долгим взглядом, будто не понимая, зачем он сообщает очевидные вещи.

Ричард заерзал на скамье.

— Вы устраивали похороны? — спросил он и тотчас пожелал взять свои слова назад.

— Да, — отвечал отец Ннемеки, не отрывая глаз от эмалированной миски, где лежала последняя долька ореха кола. — Мы ждали, когда он вернется с Севера. Но он не вернулся, и мы устроили похороны. Закопали пустой гроб.

— Не пустой, — поправила мать Ннемеки. — Мы положили туда

старый учебник, который он изучал перед экзаменом.

Все замолчали. В окно лился солнечный свет, в лучах кружились пылинки.

— Последнюю дольку ореха вы должны взять с собой, — сказал отец Ннемеки.

— Спасибо. — Ричард сунул дольку в карман.

— Я пошлю детей к машине? — спросила мать Ннемеки. Черный платок закрывал ей волосы и лоб.

— К машине? — переспросил Ричард.

— Да. Разве вы ничего нам не привезли?

Ричард покачал головой. Надо было привезти ямс и вино. Ведь он приехал выразить соболезнования и знал местные обычаи. Слишком уж он был занят собой, счел, что одного его приезда будет достаточно, возомнил себя вестником, который расскажет родителям о последних минутах жизни сына, тем самым облегчив их боль и оправдав себя. Но для них он лишь один из многих, кто приезжал выразить соболезнования. Его приезд ничего для них не значил в сравнении с главным: их сына больше нет.

Ричард поднялся с мыслью, что ничего не изменилось и для него: он испытывал те же чувства, что и после возвращения из Кано. Он предпочел бы сойти с ума или начисто позабыть тот день, но все помнилось с ужасающей ясностью. Стоило закрыть глаза — и он видел свежие трупы на полу аэропорта, слышал дикие крики. Рассудок остался ясным. Настолько ясным, что хватало духу спокойно отвечать на безумные послания тети Элизабет, писать, что он жив-здоров, в Англию не торопится и просит больше не присылать газет с обведенными карандашом статьями о нигерийских погромах. Статьи выводили его из себя. «Геральд» называла причиной резни «вековую вражду». Журнал «Тайм» напечатал статью под заголовком «Хочешь жить — рубай от души», повторив надпись на борту нигерийского грузовика. Слово «рубай» автор понял буквально и сделал вывод, что нигерийцы от природы жестоки до такой степени, что даже на грузовиках пишут призывы к насилию. Ричард отправил в журнал сжатое письмо-опровержение. На местном жаргоне, писал он, «рубать» означает «есть быстро, жадно, с аппетитом». Лишь газета «Обсервер» оказалась чуть находчивей, предположив, что если Нигерия выдержала массовые убийства игбо, то выдержит все. Однако все материалы были надуманными, далекими от жизни. И Ричард взялся за подробную статью о погромах. Сидя за обеденным столом в доме Кайнене, он писал на длинных нелинованных листах. Он привез Харрисона в Порт-Харкорт, и за работой ему было слышно, как тот общается с Икеджиде и Себастьяном. «Вы не

уметь печь шоколадна торт по-немецки?» Смешок. «Вы не знать, что такое пирог из ревень?» Снова презрительный смешок.

В начале статьи Ричард писал о беженцах — как после погромов бегут с рынков Севера торговцы, покидают университетские городки преподаватели, оставляют посты в министерствах чиновники. Последний абзац дался ему с трудом.

Необходимо помнить, что первые массовые убийства игбо, пусть и в гораздо меньших масштабах, произошли в 1945 году. Почву для резни подготовило британское колониальное правительство, возложив на игбо вину за общенациональную забастовку, запрещая газеты, выходившие на языке игбо, и разжигая межнациональную рознь. Поэтому считать причиной недавних погромов «вековую вражду» — заблуждение. Племена Севера и Юга поддерживали связи издавна, по меньшей мере с девятого века нашей эры, о чем свидетельствуют прекрасные стеклянные бусины, найденные во время раскопок в Игбо-Укву. Несомненно, северяне и южане вели войны, угоняли друг друга в рабство, но не устраивали бои, как в нынешние времена. Если причиной тому вражда, то вовсе не вековая. И вызвана она негласной политикой британских колониальных властей «разделяй и властвуй». Они использовали межплеменные различия в своих интересах и сеяли рознь, чтобы легче было управлять такой огромной страной.

Ричард дал статью Кайнене. Прищурившись, она внимательно прочла и вынесла вердикт: «Очень зло».

Ричард не понял, что крылось за ее словами, понравилась ли ей статья. Он отчаянно жаждал ее одобрения. После поездки в Нсукку к сестре Кайнене вновь ушла в себя. Она повесила на стену фотографию погибших родных — смеющаяся Аризе в свадебном платье, радостный дядя Мбези в тесном костюме, серьезная тетя Ифека в набивном покрывале, — но почти не говорила о них и никогда не упоминала об Оланне. Часто в разгар беседы она погружалась в молчание, и Ричард ей не мешал; порой он завидовал ее способности меняться в ответ на происходящие события.

— Как тебе статья? — Не дожидаясь ответа, Ричард задал другой вопрос, мучивший его на самом деле: — Нравится?

— На мой вкус, суховато и чересчур строго. Но главное мое чувство — гордость. Я тобой горжусь.

Ричард отправил статью в «Геральд», а две недели спустя прочитал и в клочки порвал ответ. «Редакции международных газет завалены историями о зверствах в Африке, и ваша статья особенно скучна и бесцветна, — писал заместитель главного редактора, — не могли бы вы ее оживить? Скажем,

шептали ли они заклинания, когда убивали? Пожирали ли части тела, как в Конго? Есть ли способ заглянуть в душу этим людям?»

Ричард отложил статью. Его пугало, что он по-прежнему спокойно спит по ночам, что его, как и прежде, умиротворяет аромат апельсиновых листьев и бирюзовая морская гладь, что он не утратил способности чувствовать.

— Я остался прежним. Ничего не изменилось, — сказал он Кайнене. — Это неправильно, я должен отзываться на то, что происходит вокруг.

— Нельзя придумать роль и заставить себя играть. Будь собой, Ричард, — ответила Кайнене тихо.

Но быть собой не получалось. Он не верил, что для других свидетелей погромов жизнь тоже течет по-прежнему. Его ужаснула внезапная догадка: вдруг он по натуре всего лишь наблюдатель? Его жизнь была в безопасности, погромы не касались его напрямую, и он смотрел на них как бы со стороны, зная, что ему ничто не угрожает. Нет, неправда. Будь с ним тогда рядом Кайнене, ей грозила бы опасность.

Ричард начал статью о Немеке, стал описывать зал ожидания в аэропорту, где резкий дух спиртного мешался с запахом свежей крови и лежал с раздутым лицом бармен, — но бросил, потому что выходила ерунда. Фразы звучали напыщенно, ходульно, точь-в-точь как в иностранных газетах — словно в действительности никаких убийств не было, а если и были, то все происходило абсолютно не так, как написано. В каждом слове чувствовалась фальшь. Ричард отчетливо помнил события в аэропорту, но чтобы написать о них, пришлось бы мысленно пережить их заново, а он сомневался, под силу ли это ему.

В день, когда объявили независимость, Ричард стоял с Кайнене на веранде и слушал по радио речь Оджукву.

Выслушав до конца, он обнял Кайнене. Вначале ему показалось, что она дрожит, как и он; Ричард отступил, заглянул Кайнене в лицо — она была совершенно спокойна. Дрожал он один.

— Поздравляю с независимостью, — сказал он.

— С независимостью, — отозвалась Кайнене и повторила: — Поздравляю с независимостью.

Ричарду хотелось сделать ей предложение здесь и сейчас. Начиналась новая жизнь, в новой стране, их новой стране. Не только потому, что отделение от Нигерии было справедливым после всех испытаний, выпавших на долю игбо, но прежде всего из-за новых возможностей, что открывала ему Биафра. Настоящим нигерийцем он никогда не стал бы, зато

мог стать биафрийцем — он ведь присутствовал при рождении республики, он не будет здесь чужим. Он не раз мысленно говорил: «Стань моей женой, Кайнене», но вслух так и не произнес.

На другой день он вернулся в Нсукку вместе с Харрисоном.

Ричарду нравилась Филлис Окафор — ее пышные парики, медлительная речь уроженки Миссисипи, теплый взгляд из-под очков в строгой оправе. С тех пор как он перестал бывать у Оденигбо, он часто проводил вечера с Филлис и ее мужем Ннаньелуго. Будто догадываясь, что он потерял прежний круг друзей, Филлис настойчиво приглашала его то в художественный театр, то на публичную лекцию, то на игру в сквош. И когда Филлис позвала его на семинар «В случае войны», который проводила женская организация университета, Ричард согласился. Войны не будет, но необходимо быть готовым. Нигерия признает Биафру; никто не станет нападать на народ, и без того пострадавший от погромов. Напротив, они рады будут избавиться от игбо. Значит, можно не беспокоиться. Гораздо больше тревожило его другое: что делать, если на семинаре он встретит Оланну? До сих пор ему удавалось ее избегать. За четыре года он видел ее всего несколько раз из окна машины, а играть в теннис, бывать в университетском клубе и делать покупки в универмаге «Истерн» он перестал.

Ричард остановился рядом с Филлис у входа в лекторий и обвел глазами зал. Оланна сидела впереди с Малышкой на коленях. Ричарду почудилось, будто он совсем недавно видел и ее прекрасное лицо, и синее платье с рюшами на воротнике. Зал был полон. Женщина за кафедрой без конца повторяла одно и то же: «Положите ваши документы в непромокаемые пакеты и в случае эвакуации возьмите их с собой в первую очередь. Положите ваши документы в непромокаемые пакеты...»

Потом выступали другие. Официальная часть закончилась. Люди сбивались в кучки, смеялись, разговаривали, делились советами «на случай войны». Ричард видел, что Оланна беседует с бородатым преподавателем музыки. Он незаметно повернул к выходу, но у самых дверей Оланна нагнала его.

— Здравствуй, Ричард! *Kedu?*

— Все хорошо, — ответил он. Лицо его застыло как маска. — А у тебя?

— У нас все отлично.

«У нас». Подразумевала ли она себя с Малышкой или себя и Оденигбо? Или намекала, что примирилась с прошлым?

— Малышка, ты поздоровалась? — спросила она у дочери, державшей

ее за руку.

— Здравствуйте! — тоненько пискнула та.

Ричард нагнулся, потрепал девочку по щеке. Тихая, задумчивая, для своих четырех лет она казалась не по годам взрослой.

— Привет, Малышка!

— Как дела у Кайнене? — спросила Оланна.

Ричард избегал ее взгляда, не зная, какого выражения лица она от него ждет.

— Все хорошо.

— А как твоя книга?

— Спасибо, движется.

— Название прежнее, «Корзина рук»?

Приятно, что Оланна до сих пор не забыла.

— Нет. — Он умолк, стараясь не думать о судьбе той рукописи, которую вмиг поглотило пламя. — Теперь она называется «Век оплетенных сосудов».

— Необычное название, — пробормотала Оланна. — Надеюсь, войны не будет, но польза от семинара все равно есть, правда?

— Конечно.

Подошла Филлис, поздоровалась с Оланной и потянула Ричарда за руку:

— Говорят, Оджукву здесь! Оджукву здесь!

— Оджукву? — переспросил Ричард.

— Да, да! — Филлис спешила к выходу; из коридора неслись возбужденные голоса. — Знаешь, что на днях он нежданно нагрязнул в университет Энугу? Видно, теперь наш черед. Наверное, он хочет выступить перед студентами.

Ричард вышел за ней следом. К административному корпусу уже спешили люди. Ричард и Филлис устремились туда же. Ричард увидел в окне шагавшего по коридору бородача в строгой, ладно сидевшей военной форме, перетянутой ремнем. Вокруг теснились репортеры, тянули руки с микрофонами, как с подарками. Студенты — их было так много, что Ричард удивился, когда они успели собраться, — закричали: «Ура! Ура!» Оджукву спустился по лестнице, взобрался на бетонные плиты посреди газона, поднял руки. Все у него блестело — и холеная борода, и часы, и погоны на широких плечах.

— Я пришел, чтобы обратиться к вам с вопросом, — начал он. Голос звучал не так басовито, как по радио, но слегка театрально. — Что нам делать? Молча ждать, пока нас силой загонят обратно в Нигерию? Забыть о

тысячах убитых? О наших братьях и сестрах?

— Нет! Нет! — Студенты заполнили широкий двор, хлынули на газон и подъездную дорожку. Преподаватели, оставив на дороге машины, вливались в толпу. — Ура! Ура!

Оджукву вновь воздел руки к небу, и крики сразу смолкли.

— Если нам объявят войну, — продолжал он, — это будет затяжная война. Затяжная. Готовы ли вы? Готовы ли мы?

— Да! Да! Оджукву, *nye anyi egbe*, дай нам ружья! *Iwe di anyi n'obi*, в сердцах наших гнев!

Толпа скандировала: ружья нам в руки, в сердцах наших гнев, ружья нам в руки! Напев кружил голову. Ричард глянул на Филлис — та кричала, потрясая кулаком, — посмотрел по сторонам и тоже поднял руку и закричал: «Оджукву, дай нам ружья! Оджукву, *nye anyi egbe!*»

— Даже трава готова сражаться за Биафру!

Ричард рассказал Кайнене, как покорил его Оджукву, несмотря на плешь, легкую театральность и безвкусный перстень. Они сидели на веранде, Кайнене чистила ножом апельсин, и длинные ленточки кожуры падали в тарелку у ее ног.

— Я видел Оланну, — сказал Ричард.

— Вот как.

— На семинаре. Мы поздоровались, она спрашивала про тебя.

— Ясно.

Апельсин выпал из рук Кайнене и покатился по каменному полу, Кайнене не стала поднимать.

— Прости, — сказал Ричард. — Я не мог от тебя скрыть, что мы виделись.

Ричард поднял апельсин и протянул Кайнене, но она будто и не заметила. Встала и подошла к перилам.

— Войны не миновать, — сказала она. — Порт — Харкорт сходит с ума.

Город был охвачен лихорадкой вечеринок, беспорядочных связей и гонок на машинах. В тот день на вокзале к Ричарду подошла хорошо одетая молодая женщина и взяла его за руку. «Пойдем ко мне на квартиру. Я никогда еще не занималась этим с белым, но сейчас хочу все попробовать!» — сказала она, смеясь, но глаза горели болезненным огнем. Казалось, люди в этом городе стремятся взять от жизни что могут, пока война не лишила их возможности выбора.

Ричард встал рядом с Кайнене.

— Войны не будет, — сказал он.

- Что она про меня спрашивала?
- Спросила: «Как дела у Кайнене?»
- И ты сказал: «Хорошо»?
- Да.

Больше Кайнене к этой теме не возвращалась, как он и ожидал.

Угву вылез из машины, достал из багажника мешок вяленой рыбы, положил на другой мешок, побольше, набитый гарри, взвалил оба на голову и двинулся следом за Хозяином по ветхой лестнице в мрачное здание профсоюза. Навстречу им вышел господин Овоко.

— Неси мешки на склад, — велел он Угву, показав рукой, точно Угву в первый раз приносил продукты для беженцев! Склад был пуст, если не считать мешочка риса в углу, сплошь облепленного долгоносиками.

— Как дела? У вас все хорошо? — поинтересовался Хозяин.

Господин Овоко сцепил руки. Весь его вид словно говорил: и не спрашивайте.

— Сейчас приносят мало. Беженцы без конца приходят за едой, а потом спрашивают, нет ли работы. Вы же знаете, они приехали с Севера ни с чем. Ни с чем.

— Знаю, что ни с чем, дружище! Не учите меня! — отрезал Хозяин.

Господин Овоко попятился.

— Я просто говорю, что дела плохи. Вначале все кинулись приносить продукты, а теперь забыли. Если начнется война, мы пропали.

— Не будет никакой войны.

— Тогда почему Говон продолжает блокаду?

Хозяин, будто не слыша вопроса, повернул к выходу.

Угву пошел следом.

— Разумеется, как приносили продукты, так и сейчас приносят. Только этот тип таскает их домой, — сказал Хозяин, заводя машину.

— Да, сэр, — кивнул Угву. — Вон какое брюхо наел!

— Этот неуч Говон выделил жалкие гроши для двух с лишним миллионов беженцев. Будто не люди погибли, а цыплята, а выжившие родственники цыплят вернулись домой!

— Да, сэр. — Угву выглянул в окно. До чего же грустно приезжать сюда, привозить гарри и рыбу людям, которые на Севере сами зарабатывали на хлеб, и слушать одни и те же речи Хозяина. Угву поправил

веревочку, свисавшую с зеркала заднего вида. На ней болтался талисман — пластмассовая половинка желтого солнца на черном фоне.

Вечером, когда Угву сидел на заднем крыльце и читал «Записки Пиквикского клуба», то и дело отрываясь от книги и глядя, как колышутся на ветру длинные листья кукурузы, он не удивился, услышав из гостиной возмущенный голос Хозяина. В такие дни Хозяин легко выходил из себя.

— А что же наши коллеги из других университетов? Они рта не раскрыли! Молчали, когда белые подстрекали мятежников к убийствам игбо. И вы были бы среди них, не окажись вы случайно на земле игбо. где вам испытывать сострадание? — кричал Хозяин.

— Не смей обвинять меня в бессердечии! Если я говорю, что отделение от Нигерии — не единственный путь к миру, это не значит, что у меня нет сострадания! — Это был голос мисс Адебайо. — Ты оскорбил меня, Оденигбо.

— С каких это пор правда стала оскорбительна?

Наступила тишина, скрипнула и со стуком закрылась входная дверь — мисс Адебайо ушла. Угву вскочил, услышав голос Оланны:

— Так нельзя, Оденигбо! Ты должен извиниться!

Угву испугал ее крик: Оланна почти никогда не повышала голоса. При нем она не кричала с тех бурных недель накануне рождения Малышки, когда у них перестал бывать мистер Ричард и, казалось, наступил конец всему. На минуту все стихло, а потом Угву услышал, как Океома читает стихи. Стихотворение было ему знакомо: «Если солнце не взойдет, мы заставим его взойти». В первый раз Океома читал его, когда газету «Ренессанс» переименовали в «Солнце Биафры». В тот день Угву чувствовал себя окрыленным, особенно от слов, которые ему больше всего понравились: «Из глины горшки обожжем, лестницу в небо из них возведем, под ногами прохладу их ощутим». Теперь же от любимых строк на глаза навернулись слезы. Жаль, не вернуть те дни, когда Океома читал стихи про импортные ведра и сыпь на задах, мисс Адебайо и Хозяин кричали, но не ссорились, а он, Угву, угощал всех перцовой похлебкой.

Вскоре ушел и Океома, и до Угву вновь донесся возбужденный голос Оланны:

— Ты обязан извиниться, Оденигбо.

— Не в том дело, должен ли я извиниться, а в том, сказал ли я правду.

Оланна что-то ответила, Угву не расслышал, и Хозяин заговорил уже спокойнее:

— Ладно, нкем, извинюсь.

Оланна заглянула на кухню:

— Мы уходим, закрой за нами.

— Да, мэм.

Когда машина Хозяина уехала, Угву сел и уставился на обложку «Записок Пиквикского клуба». Все дышало покоем, легкий ветерок колыхал ветви манго, в палисаднике стоял винный дух спелых плодов кешью. Но покой был обманчив — совсем не то видел Угву вокруг. Гостей к ним приходило все меньше и меньше, а по вечерам улицы городка, озаренные призрачным светом, делались пустынно и безмолвны. Универмаг «Истерн» закрылся. Многие семьи покидали город, слуги ящиками закупали на рынке припасы, и машины выезжали со дворов с набитыми багажниками. Между тем Оланна с Хозяином и не думали собираться в дорогу. Войны не будет, повторяли они, люди просто напуганы. Нет причин для тревоги. Угву знал, что женщин и детей разрешили отправить в их родные места, а мужчинам уезжать запретили. Профессор Узомака, живший напротив, трижды пытался уехать, но у ворот университетского городка его задерживали народные ополченцы. Пропустили только на третий день, взяв с него слово вернуться: он сказал, что отвозит семью на родину, потому что жена очень напугана.

— Угву, мой мальчик!

Угву обернулся и увидел тетушку, шедшую к нему со двора. Он встал.

— Тетушка! Рад тебя видеть!

— Я стучала в парадную дверь.

— Прости, я не слышал.

— Ты один дома? где твой хозяин?

— Они ушли. И Мальшку взяли с собой. — Угву взгляделся в тетушкино лицо. — Что-нибудь случилось?

— *O di tma*, все хорошо. Отец просил тебе кое-что передать. В следующую субботу у Анулики свадьба.

— Уже в следующую субботу?

— Надо успеть, пока война не началась.

— Да. Значит, Анулика все-таки выходит замуж.

— Ты надеялся жениться на родной сестре?

— Боже упаси.

Тетушка слегка ущипнула его за руку.

— Поглядите-ка, настоящий мужчина! Через пару лет наступит и твой черед.

Угву улыбнулся.

— Когда придет пора, вы с мамой подыщете для меня хорошую девушку, — сказал он с напускным смирением. Что толку объяснять

тетушке, что Оланна обещала после школы отправить его в университет? Он не женится, пока не станет, как Хозяин, а для этого нужно много лет провести за книгами.

— Я пойду, — сказала тетушка. — Очень спешу. Будь здоров. Передай Хозяину привет и приглашение.

Не успев распрощаться с тетушкой, Угву уже воображал, как приедет на праздник, как будет держать в объятиях Ннесиначи, нагую и податливую. Можно пойти с ней в хижину дяди Эзе, а то и в тихую рощицу у источника, если там не будет младших. И пусть бы она не молчала, как Чиньере, а стонала, как Оланна в спальне.

Тем же вечером, когда Угву готовил ужин, спокойный голос по радио объявил, что Нигерия начинает полицейскую операцию против мятежной Биафры.

Угву чистил на кухне лук и смотрел на плечи Оланны, которая помешивала суп на плите. Лук словно очищал его, слезы смывали с души всю грязь. В гостиной звенел голосок Малышки, игравшей с Хозяином. Угву хотелось, чтобы кто-то из них зашел на кухню. Пусть еще немного продлится волшебство, пусть лук приятно жжет глаза, блестит как шелк кожа Оланны. Оланна говорила о северянах в Ониче, убитых во время контрнаступления. Угву нравилось, как она выговаривала «контрнаступление».

— Это жестоко, — повторяла она, — жестоко. Но Его Превосходительство грамотно провел операцию; неизвестно, сколько людей погибло бы, если б он не отбросил северян обратно на Север.

— Оджукву — великий человек.

— Да, великий, но все мы способны причинять друг другу зло.

— Нет, мэм. Мы не то что эти хауса. Мы убивали во время контрнаступления, потому что нас заставили. — «Контрнаступление» у него получилось почти как у Оланны.

Оланна, покачав головой, надолго умолкла.

— После свадьбы твоей сестры мы съездим погостить в Аббу — здесь стало совсем пусто, — сказала она. — Если хочешь, можешь остаться с родными. На обратном пути мы тебя заберем, мы ведь совсем ненадолго, самое большее на месяц. Наши солдаты прогонят нигерийцев через неделю-другую.

— Я поеду с вами и Хозяином, мэм.

Оланна улыбнулась, будто ждала от него этих слов.

— Что-то суп никак не загустеет, — пробормотала она и начала рассказывать, как в детстве в первый раз готовила суп, умудрилась дочерна

закоптить дно кастрюли, и все-таки суп вышел очень вкусный.

Угву так наслаждался голосом Оланны, что даже не услышал грохота — бум-бум-бум! — где-то далеко за окном. Но Оланна вдруг встрепенулась и перестала мешать суп.

— Что это? — спросила она. — Слышишь, Угву?

Выронив ложку, она кинулась в гостиную. Угву — за ней.

— Что это? — Оланна прижала к себе Малышку. — Оденигбо!

— Они наступают, — невозмутимо сказал Хозяин. — Думаю, надо уезжать сегодня.

Услышав с улицы громкий гудок автомобиля, Угву замер на месте, боясь подойти к дверям, даже выглянуть в окно.

Хозяин открыл дверь. Зеленый «моррис минор» заехал во двор в такой спешке, что одно колесо сползло с дорожки, поломав лилии у края газона. Из машины вылез человек, и Угву испугался при виде его наряда: брюки, майка и домашние тапочки!

— Немедленно уезжайте! Федералы вступили в Нсукку! Мы эвакуируемся! Срочно! Я объезжаю все дома, где еще кто-то остался. Срочно уезжайте!

Лишь когда человек запрыгнул в машину и умчался, Угву вспомнил, кто это. Университетский секретарь. Он несколько раз бывал у них. Он пил пиво с фантой.

— Собери вещи, нкем, — распорядился Хозяин. — Я проверю воду в машине. Угву, живо запирай дом! И не забудь забрать вещи из своей комнаты.

— Что собирать, что? — воскликнула Оланна.

Малышка расплакалась. Снова загрохотало — бум-бум-бум! — ближе и громче.

— Это ненадолго, мы скоро вернемся. Возьми самое необходимое, одежду. — Неопределенно махнув рукой, Хозяин схватил с полки ключи от машины.

— Суп еще варится, — сказала Оланна.

— Неси его в машину.

С растерянным видом Оланна завернула кастрюлю с супом в кухонное полотенце и понесла к машине. Угву сновал туда-сюда, кидая в сумки одежду и игрушки Малышки, печенье из холодильника, одежду Хозяина, покрывала и платья Оланны. А грохочет-то все ближе! Бросив сумки на заднее сиденье, Угву кинулся запирать двери и опускать жалюзи. За окном сигналил Хозяин. Угву застыл посреди гостиной, голова шла кругом, хотелось в туалет. Он помчался в кухню, выключил газ, схватил с полки три

альбома с фотографиями, так заботливо собранные Оланной, и побежал к машине. Едва он захлопнул дверцу, Хозяин тронулся с места. Улицы города будто вымерли, так было на них тихо и пусто.

У городских ворот солдаты Биафры пропускали машины по одной. Вид у солдат был бравый: защитного цвета форма, начищенные до блеска ботинки, на рукавах нашивки — половина желтого солнца. Угву хотелось оказаться среди них. Хозяин помахал им и крикнул: «Так держать!»

В воздухе вилась пыль, окутывая все вокруг мутным бурым одеялом. Вдоль шоссе тянулись толпы людей — женщины с коробками на голове и младенцами за спиной, босоногие ребятишки с узлами одежды, мешками ямса, ящиками, мужчины с велосипедами. Многие почему-то среди бела дня несли зажженные керосиновые лампы. Какой-то малыш споткнулся, упал, мать наклонилась и помогла ему встать, и Угву вспомнился дом, братишки-сестренки, отец с матерью, Анулика. За них нечего бояться. Им не придется бежать — их поселок слишком отдаленный. Просто Угву не побывает у Анулики на свадьбе, не обнимет Ннесиначи, как мечтал. Но он скоро вернется. Война быстро кончится: армия Биафры отравит нигерийцев к черту разом — и все! Он еще вкусит сладость Ннесиначи, еще будет ласкать ее нежное тело.

Ехали медленно — мешали толпы людей и посты на дороге, — а возле Милликен-Хилл надолго застряли. Впереди ехал грузовик с надписью: «Никто не знает, что будет завтра». Пока он полз вверх по крутому склону, рядом бежал парень с деревяшкой, чтобы бросить ее под заднее колесо, если машина вдруг покатится назад.

Когда добрались до Аббы, уже смеркалось, ветровое стекло было покрыто слоем буровой пыли, а Малышка спала.

Ричард удивился сообщению, что федеральные власти объявляют «полицейскую акцию для усмирения мятежников». А Кайнене — нисколько.

— Все из-за нефти, — объяснила она. — С нашими запасами нефти нас так просто не отпустят. Но война скоро кончится. У Оджукву, по словам Маду, большие планы. Он предложил мне пожертвовать иностранную валюту в пользу военного кабинета, тогда после войны я смогу получить какой угодно контракт.

Ричард молча смотрел на нее. Кайнене, видно, не понимала, как

глубоко чужда ему сама мысль о войне, неважно, короткой или затяжной.

— Лучше тебе перевезти вещи в Порт-Харкорт — поживешь здесь, пока мы не прогоним нигерийцев, — предложила Кайнене. Она просматривала газету, кивая в такт песне «Биттлз», и, глядя на нее, можно было подумать, что ничего особенного не происходит, что война в любом случае неизбежна, а перевезти вещи из Нсукки — самое обыденное дело.

Повез его шофер Кайнене. Всюду выросли посты: шины и утыканые гвоздями доски поперек дороги, рядом — мужчины и женщины в рубашках цвета хаки, невозмутимые, строгие. Первые два поста миновали без помех. «Куда едете?» — спрашивали их и пропускали. Но близ Энугу народные ополченцы перегородили дорогу бревнами и ржавыми барабанами. Шофер затормозил.

— Назад! Назад! — В окно машины заглянул человек с длинным куском дерева, вырезанным в форме винтовки. — Назад!

— Добрый день, — обратился к нему Ричард. — Я работаю в университете Нсукки и еду туда. Там остался мой слуга. Мне нужно забрать рукопись и кое-что из вещей.

— Поворачивайте назад, сэр. Мы скоро прогоним захватчиков.

— Но там моя рукопись, бумаги. И мой слуга тоже там. Видите ли, я ничего не взял. Я ведь не знал...

— Назад, сэр. Это приказ. Там опасно. Вы сможете вернуться, сэр, как только мы прогоним захватчиков.

— Но поймите же... — Ричард подался вперед.

Глаза охранника превратились в узкие щелки, а большой глаз на его рубашке с надписью «Будь начеку» как будто округлился.

— А вдруг вы нигерийский агент? Ведь это вы, белые, позволили Говону убивать невинных детей и женщин.

— *Abi m onye Biafra*, — сказал Ричард.

Охранник засмеялся — то ли добродушно, то ли злорадно.

— Вот те на! Белый называет себя биафрийцем! Откуда вы знаете наш язык?

— От жены.

— Ладно, сэр. С вашими вещами в Нсукке ничего не случится. Дороги будут свободны через несколько дней.

Шофер развернулся и поехал назад, а Ричард все оглядывался на пост, пока тот не скрылся из виду. Он удивлялся, как легко слетели у него с языка слова на игбо: «Я биафриец». Почему-то не хотелось, чтобы шофер передал их Кайнене. Или рассказал, что он, Ричард, назвал ее женой.

Через пару дней позвонила Сьюзен. Близился полдень, и Кайнене уже

уехала на одну из своих фабрик.

— Я не знал, что у тебя есть номер Кайнене, — удивился Ричард.
Сьюзен хихикнула.

— Я слышала, что из Нсукки все эвакуировались, и догадалась, что ты сейчас у нее. Ну, как ты? Все хорошо?

— Да.

— Переехал без помех? — допытывалась Сьюзен.

— Да-да, все прошло нормально. — Ричарда тронула ее забота.

— А дальше что?

— Пока останусь здесь.

— Здесь опасно, Ричард. Лично я дольше недели не задержусь. Эти люди неспособны воевать цивилизованно. Гражданская война — одно название, где ты здесь видел граждан? — Сьюзен помолчала. — Я звонила в Британский совет в Энугу — подумать только, тамошние сотрудники как ни в чем не бывало играют в водное поло и ходят на вечеринки! Война же, будь она неладна!

— Скоро все успокоится.

— Успокоится? Ха! Найджел уезжает послезавтра. Успокоится? Как бы не так! Эта война растянется на годы, как в Конго. Эти люди не дорожат миром. Им лишь бы драться, пока всех не перебьют...

Ричард бросил трубку, не дослушав; он сам не ожидал от себя подобной грубости. В глубине души ему хотелось помочь Сьюзен, выкинуть из ее шкафа бутылки спиртного, прогнать страх, уродующий ей жизнь. Может быть, и к лучшему, что она уезжает. Ричард все думал о Сьюзен, боясь и в то же время надеясь, что она снова позвонит.

Вернулась Кайнене, расцеловала его в щеки, губы, подбородок.

— Весь день только и переживал о Харрисоне и своей книге?

— Нет, конечно, — ответил Ричард, хотя оба знали, что это неправда.

— Харрисон не пропадет. Наверняка собрал пожитки и уехал к себе в деревню.

— Скорее всего, — кивнул Ричард.

— И рукопись, должно быть, забрал с собой.

— Наверное. — Ричард вспомнил, как Кайнене уничтожила его первую настоящую рукопись, «Корзину рук», как привела его в сад, к кучке пепла под его любимым деревом, и как он ощутил не злость на нее, а надежду.

— В городе сегодня опять был митинг — тысяча человек, не меньше, и много машин, украшенных листьями, — рассказывала Кайнене. — Чем перекрывать дороги, лучше б землю пахали. Я уже помогла деньгами, так

зачем мне стоять на жаре — чтобы потешить самолюбие Оджукву?

— Главное не Оджукву, а правое дело.

— Тоже мне правое дело — сплошное вымогательство! Знаешь, что таксисты теперь возят солдат задаром? И обижаются, если солдат предложит заплатить. Маду говорит — что ни день, в казармы приходят женщины из самых глухих деревушек, приносят ямс, фрукты. И это те, у кого ничего за душой нет!

— Это не вымогательство. Все ради правого дела.

— Да уж... — Кайнене покачала головой, но взгляд у нее был веселый. — Маду мне сказал сегодня, что у армии ничего нет, совсем ничегошеньки, солдаты на учениях бегают, прости господи, с деревянными винтовками! Они-то думали, у Оджукву припрятано оружие, он ведь говорил: «Никакая сила в черной Африке не сможет нас сокрушить!» Маду и другие офицеры попросили у него, чтобы дал оружие. А он им в ответ — вы, мол, сговорились меня свергнуть. Но, что ни говори, — Кайнене с ухмылкой подняла кулак, — он красавец-мужчина, одна борода чего стоит!

У Ричарда мелькнула мысль отрастить бороду.

Облокотившись на перила, Оланна смотрела во двор с веранды дома Оденигбо в Аббе. У ворот Малышка на четвереньках возилась в песке, Угву присматривал за ней. Шелестели на ветру листья гуавы. Оланне казалась удивительной кора гуавы, вся рябая, в буроватых и темно-серых пестринах, как кожа деревенских ребятишек с болезнью нлача. В день их приезда из Нсукки многие местные ребятишки зашли сказать *нно ну* — милости просим; заходили и их родители, с теплыми словами, с расспросами. Их гостеприимство тронуло Оланну. Даже мать Оденигбо смягчилась, и Оланна не увела Малышку в сторону от бабушки, не признавшей ее при рождении, не уклонилась от объятий Матушки. Впрочем, все события того дня пролетели вихрем: хлопоты на кухне с Угву; отъезд в такой спешке, что она даже не помнила, выключила ли духовку; толпы людей на дороге, грохот снарядов, — и Оланна приняла объятия матери Оденигбо как должное, даже обняла ее в ответ. Теперь, когда отношения более-менее наладились, Матушка часто навещала к ним повидать внучку — заходила через деревянную калитку в глинобитной стене, разделявшей их дома. Бегала к ней в гости и Малышка, гонялась за козами во дворе. Возвращалась она с кусочками вяленой рыбы или копченого мяса

сомнительной чистоты, но Оланна старалась не выказывать беспокойства, да и все свои обиды загоняла глубоко внутрь. В Матушкиной привязанности к внучке чего-то не хватало, но что поделаешь.

Угву что-то сказал Малышке, та залилась хохотом. Малышке здесь нравилось, здешняя жизнь была проще и размеренней. И плита, и тостер, и скороварка, и заморские пряности остались в Нсукке, поэтому проще стала и пища, и у Угву освободилось время для игр с Малышкой.

— Мама Ола! — позвала Малышка. — Иди сюда, погляди!

Оланна махнула:

— Малышка, пора купаться.

С деревьев манго в соседнем дворе тяжелыми серьгами свисали плоды. День клонился к закату. Куры с кудахтаньем взлетали на дерево кола и устраивались на ночь. Слышно было, как приветствуют друг друга деревенские жители, все шумные, как женщины в швейном кружке. Оланна записалась в кружок две недели назад, они собирались в муниципалитете и шили майки и полотенца для солдат. Вначале Оланна обиделась: когда она завела речь о том, что в Нсукке у нее остались книги, пианино, одежда, фарфор, парики, швейная машинка «Зингер», телевизор, женщины, будто не услышав, заговорили о другом. Теперь она поняла, что о прошлом вспоминать здесь не принято. Все разговоры — только о вкладе в победу. Учитель отдал солдатам велосипед, башмачники бесплатно шили солдатские ботинки, крестьяне раздавали ямс. Все для победы. Оланна с трудом представляла, что сейчас идет война, пули прошивают пыльную землю Нсукки, а войска Биафры теснят врага, — мешали воспоминания об Аризе, тете Ифеке и дяде Мбези.

Скинув шлепанцы, Оланна босиком пошла через двор к Малышке и ее домику из песка.

— Как красиво! Может, простоит до завтра, если козы с утра не придут во двор. Ну что, пора купаться!

— Нет, мама Ола!

— Значит, Угву тебя понесет. — Оланна бросила взгляд на Угву.

— Нет!

Угву схватил Малышку в охапку и понес к дому. По дороге они потеряли тапочку Малышки, Угву остановился, чтобы поднять, а Малышка хохотала и кричала: «Нет, нет!»

На будущей неделе они переезжают в Умуахию, в трех часах отсюда, где Оденигбо назначили в Директорат труда. Он надеялся устроиться в Научно-Производственный директорат, но хороших специалистов было много, а рабочих мест мало, даже для Оланны не нашлось работы ни в

одном из директоратов. Она будет преподавать в начальной школе — вот и ее вклад в победу. Все для победы, все для победы — звучит как песня. Хорошо, если профессор Ачара подыскал им квартиру по соседству с другими преподавателями, чтобы Малышка играла с детьми из хороших семей.

Оланна опустилась на низкий деревянный стул с наклонной спинкой — на нем можно было только полулежать. Такие стулья ей приходилось встречать лишь в деревнях, они предназначены для отдыха после тяжелой работы: вернулся с поля — и сиди весь вечер в холодке. Такие стулья созданы для жизни размеренной и скудной.

Оденигбо пришел домой уже в темноте, когда над головой шумно носились летучие мыши. Целыми днями он пропадал на сходках, посвященных вкладу Аббы в победу и будущей роли города в становлении Биафры. Оденигбо — ее мужчина. Бывало, при взгляде на него Оланну переполняла гордость обладания.

— *Kedu?* — Он наклонился поцеловать ее, взгляделся в лицо, пытаясь угадать ее настроение. Это вошло у него в привычку с тех пор, как она вернулась из Кано. Он не уставал повторять, что «опыт недавних событий» сильно ее изменил, она «углубилась в себя». В разговорах с друзьями Оденигбо употреблял слово «резня», с Оланной — никогда. Как будто в Кано случилась резня, а то, что пережила Оланна, — всего лишь «события».

— Все хорошо, — ответила Оланна. — А ты не рановато?

— Мы пораньше закончили — завтра на площади всеобщая сходка.

— С чего вдруг?

— Старейшины решили, что время настало. Ходят нелепые слухи, что Абба скоро эвакуируется. Какие-то жалкие неучи даже говорят, что федеральные войска вступили в Авку! — Оденигбо подсел к Оланне. — Пойдешь?

— На сходку? — Оланна и не думала идти. — Я ведь не из Аббы.

— Выходи за меня замуж — станешь нашей землячкой. Давно пора.

Оланна взглянула на Оденигбо.

— Нам и так хорошо.

— Сейчас война, и случись что со мной, маме решать, где меня хоронить. А должна решать ты.

— Глупости, ничего с тобой не случится.

— Ясное дело. Но просто выходи за меня замуж. Что толку откладывать? Надо было пожениться с самого начала.

Оланна смотрела, как у губчатого гнезда в углу веранды вьется оса.

Она предпочла не выходить замуж, чтобы сберечь их чувства, окружив ореолом непохожести на других. Но ее прежние взгляды развеялись, потому что теперь Аризе, тетя Ифека и дядя Мбези — лишь навеки застывшие лица в ее альбоме. Потому что над Нсуккой свистят пули.

— Придется тебе идти к моему отцу с пальмовым вином.

— Так ты согласна?

Над самыми их головами пронеслась летучая мышь, Оланна пригнулась.

— Да... Я согласна.

Утром Оланна слышала, как мимо дома проходит глашатай, громко стуча в гонг-огене.

— Завтра в четыре часа дня на площади Амаэзе сход всей Аббы! (Бом-бом-бом!) Завтра в четыре часа на площади Амаэзе сход всех жителей Аббы! (Бом-бом-бом!) Абба зовет всех мужчин и женщин! (Бом-бом-бом!) На всех, кто не явится, Абба наложит штраф!

— А штрафы большие? — спросила Оланна, глядя, как одевается Оденигбо. Тот привез с собой всего две рубашки и две пары брюк, которые в спешке уложил Угву, и Оланна каждое утро знала наперед, что он наденет.

Они завтракали, когда во двор въехал «лендровер» ее родителей.

— Очень кстати, — обрадовался Оденигбо. — Вот я и скажу твоему отцу прямо сейчас. Свадьбу устроим здесь, на будущей неделе. — Он просиял. С тех пор как Оланна на веранде сказала ему «да», он по-мальчишески лучился наивной радостью, которую Оланна, увы, не могла разделить.

— Ты же знаешь, что так не годится, — возразила она. — Ты должен приехать в Умунначи со своими родными и сделать предложение по всем правилам.

— Знаю, конечно. Я пошутил.

Оланна пошла открывать, теряясь в догадках, что привело сюда родителей. Они приезжали всего неделю назад, и Оланна не была готова выслушивать очередную мамину речь, пока отец будет стоять рядом, согласно кивая. «Пожалуйста, поедem с нами в Умунначи; Кайнене нужно уехать из Порт-Харкорта, пока не станет ясно, надолго ли эта война; этот смотритель-йоруба, на которого мы оставили дом в Лагосе, нас ограбит; говорила же я, надо было отогнать из Лагоса все наши машины...»

«Лендровер» остановился под деревом кола, и вышла мать Оланны. Одна. Оланна была рада, что отец не приехал, с родителями проще иметь дело поодиночке.

— С приездом, мама, нно. — Оланна обняла мать. — Все хорошо?

Мать пожалала плечами. На ней было красное покрывало из дорогой ткани, розовая блузка и черные лаковые туфли на плоской подошве.

— Все хорошо. — Она украдкой огляделась по сторонам — как в прошлый раз, когда тайком сунула Оланне конверт с деньгами. — Где он?

— Оденигбо? В доме, завтракает.

Мать провела Оланну на веранду, открыла сумочку и знаком велела Оланне заглянуть. Там сверкали, переливались украшения: кораллы, золото, серебро, драгоценные камни.

— Мама! Это еще что такое?!

— Я теперь никогда с ними не расстаюсь. А бриллианты у меня в лифчике, — зашептала мать. — Никто не знает, что творится на самом деле. Ходят слухи, что Умунначи вот-вот падет и федералы уже близко.

— Враг далеко. Наши отбросили его назад, к Нсукке.

— Но надолго ли?

Оланне не нравилась презрительная гримаска матери, ее шепот, чтобы не услышал Оденигбо. Не нужно ей сообщать, что они с Оденигбо намерены пожениться. В другой раз.

— Так или иначе, — продолжала мать, — мы с твоим отцом все решили и обо всем договорились. Нас довезут до Камеруна, оттуда полетим в Лондон. Едем с нигерийскими паспортами. Хоть и с трудом, но мы все уже подготовили, оплатили четыре места. Отец поехал в Порт-Харкорт, предупредить Кайнене.

При виде мольбы в глазах матери Оланну переполнила жалость. Ведь понятно, что ни Оланна, ни Кайнене в Англию не сбегут. И все же насколько в ее духе эта последняя, обреченная попытка — из самых лучших побуждений.

— Никуда я не поеду, ты же знаешь, — сказала Оланна мягко. — А вы с папой езжайте, раз вам так спокойнее. Я остаюсь с Оденигбо и Малышкой. Мы не пропадем. Через пару недель уезжаем в Умуахию, Оденигбо назначили в директорат. — Оланна прикинула, не сказать ли все же, что в Умуахии они поженятся, но решила промолчать. — Как только Нсукку отобьют, мы вернемся.

— А вдруг не отобьют? Вдруг война затянется надолго?

— Не затянется.

— Как могу я бросить детей и сбежать?

Но Оланна знала: бросит и сбежит.

— Все будет хорошо, мама.

Мать вытерла ладонью сухие глаза и достала из сумочки конверт.

— Письмо от Мухаммеда. Знакомый привез в Умунначи. Видимо, Мухаммед узнал, что из Нсукки все эвакуировались, и решил, что ты поехала в Умунначи. Прости, я распечатала, чтобы проверить, нет ли там чего опасного.

— Опасного? — удивилась Оланна. — Да что ты говоришь, мама!

— Мало ли. Он теперь враг.

Оланна покачала головой. Хорошо, что мама уезжает за границу и не придется иметь с ней дела до конца войны. Оланна не хотела читать письмо при матери, чтобы та не пыталась угадать по лицу ее мысли, — и все-таки не удержалась, достала из конверта единственный листок. Почерк Мухаммеда был под стать ему самому — изящный, аристократический, с прихотливыми завитушками. Мухаммед беспокоился, все ли у нее хорошо. Давал ей телефоны на случай, если понадобится помощь. Писал, что война — это безумие и скорей бы она кончилась. Писал, что любит ее.

— Слава богу, что ты за него не вышла, — сказала мать, глядя, как Оланна сворачивает письмо. — Представляешь, в каком бы ты оказалась положении?! *O di egwu!*^[65]

Оланна не стала возражать. Мать в дом не зашла, чтобы не встречаться с Оденигбо, и вскоре уехала.

— Еще не поздно передумать, нне, четыре места оплачены, — сказала она, садясь в машину и прижимая к себе сумочку с драгоценностями.

Оланна не ожидала, что в Аббе так много народа. Мужчины и женщины стеклись на площадь, столпились вокруг векового дерева удала. Оденигбо рассказывал ей, как в детстве его вместе с другими мальчишками посылали подметать площадь, а они вместо работы дрались из-за упавших плодов удалы. Ни залезать на дерево, ни срывать плоды нельзя было из-за табу: удала принадлежала духам.

— Абба, *kwenu!* — воскликнул дибиа Нвафор Агбада, чьи снадобья славились в здешних краях.

— Да! — загудела толпа.

— Абба, *kwezuenu!*^[66]

— Да!

— Никогда Абба не покорялась врагу. Я сказал, никогда еще Абба не покорялась врагу. — Вокруг лысины у него торчали пучки седых волос, голос звенел, а посох сотрясался с каждым ударом о землю. — Мы не ищем распрей, но если распря найдет нас, мы победим. Никогда я не слышал от своего отца о войне, которую мы проиграли бы, и мой отец никогда не слышал о таком от своего отца. Мы никогда не бросим родную землю. Это

запрет отцов. Никогда не уйдем мы с родной земли!

Толпа загудела. Закричала и Оланна. Ей вспомнились университетские митинги за независимость. Многолюдные собрания всегда вдохновляли ее — на краткий миг масса людей становилась единым целым.

По дороге домой Оланна рассказала Оденигбо о письме Мухаммеда.

— Как ему, наверное, тяжело сейчас. Представляю, что у него на душе.

— С чего ты взяла? — неожиданно вспыхнул Оденигбо. — Говоришь, этой твари, мусульманину-хауса, тяжело? Он повинен, тоже повинен во всем, что случилось с нашим народом, а ты говоришь — тяжело!

Оланна, замедлив шаг, повернулась к нему, пораженная:

— Ты шутишь?

— Ничего себе шутки! Как у тебя язык повернулся после всего, что ты видела в Кано? Забыла, что они сотворили с Аризе? Они насильовали беременных женщин, а потом вспарывали им животы!

Оланна отпрянула, споткнулась о булыжник под ногами. Как мог Оденигбо упомянуть Аризе, оскорбить ее память, чтобы одержать верх в споре? Внутри у нее все кипело от ярости. Она ускорила шаг, обогнала Оденигбо, а дома легла в гостевой комнате и ничуть не удивилась, когда на нее обрушился припадок, черный сон. С Оденигбо она не разговаривала ни на другой день, ни на третий. И когда приехал из Умунначи дядя Осита, двоюродный брат матери, и позвал ее на сходку в доме деда, она ни слова не сказала Оденигбо, но попросила Угву собрать в дорогу Малышку и, едва Оденигбо ушел на митинг, уехала вместе с ними на его машине.

По дороге она припоминала, как Оденигбо повторял «прости, прости» с ноткой нетерпения в голосе, словно прощение полагалось ему по праву. Должно быть, думал, раз Оланна простила ему все, что случилось перед рождением Малышки, то способна простить любую обиду. Это возмущало Оланну до глубины души. Потому, наверное, она и скрыла от Оденигбо, что едет в Умунначи. А может быть, потому, что знала, зачем ее зовут, и не желала обсуждать это с Оденигбо.

Оланна вела машину по ухабистым проселкам, среди высоких трав, удивляясь про себя, что односельчане могут сказать «Умунначи зовет тебя», словно Умунначи — не город, а человек. Лил дождь, дороги развезло. Оланна мельком глянула на маячивший вдали трехэтажный родительский особняк (родители, наверное, уже в Камеруне, а то и в Лондоне или Париже, и о том, что творится на родине, узнают из газет) и остановилась перед домом деда, у тростниковой изгороди. Когда она тормозила, машину занесло на грязной дороге. Угву с Малышкой вышли, а Оланна все сидела, глядя, как ползут по ветровому стеклу капли дождя. Грудь теснило, надо

было отдышаться, успокоиться, чтобы отвечать на вопросы старейшин.

В пропахшей сыростью гостиной соберутся все: ее двоюродные деды с женами, двоюродные братья и сестры, кое-кто из них — с грудным младенцем за спиной. Она будет говорить громко и отчетливо, опустив взгляд в исписанный мелом пол, — там и свежие отметки, и стершиеся от времени, и прямые линии, и причудливые завитки, и инициалы. В детстве Оланна всегда ждала, когда дед принесет гостям нзу — кусочек мела, а потом во все глаза смотрела, как мужчины рисуют на полу, а женщины размазывают мел по лицу и даже пробуют на зуб. Однажды, когда дед вышел из комнаты, Оланна тоже пожевала мел и до сих пор помнила его пресный вкус.

Будь сейчас жив ее дед, Нвеке Удене, сходку вел бы он. А будет вести Нвафор Исаяя, теперь старейший в роду. Он скажет: «Другие вернулись, и мы смотрели на дорогу, не появятся ли сын наш Мбези, и жена наша Ифека, и дочь наша Аризе, и зять наш из Огиди. Мы ждали и ждали, но не увидели их. Много месяцев минуло, и глаза наши устали глядеть на дорогу. Сегодня мы призвали тебя, так расскажи все, что знаешь. Умунначи спрашивает обо всех своих детях, не вернувшихся с Севера. Ты была там, дочь наша. Все, что ты расскажешь нам, мы расскажем Умунначи».

Примерно так все и происходило. Не ожидала Оланна лишь одного — криков матушки Дози, сестры тети Ифеки. Нрав у нее был крутой — говорят, как-то раз она избила дядюшку Дози, когда тот бросил их больного ребенка одного, а сам улизнул к любовнице. Ребенок выжил чудом. Матушка Дози, по слухам, грозилась сперва отрезать дядюшке Дози член, а потом задушить его, если ребенок умрет.

— *I sikwana asi*, не лги, Оланна Озобиа! — кричала матушка Дози. — Пусть поразит тебя ветряная оспа, если солжешь! Ты видела тело, но кто тебе сказал, что это тело моей сестры? Не смей лгать! Холера тебя возьми!

Ее сын Дози вывел ее из комнаты. Как он вырос за те пару лет, что они не виделись. Он крепко держал мать, а та вырывалась, пытаясь наброситься на Оланну с кулаками. Будь ее воля, Оланна разрешила бы. Пусть матушка Дози ударит ее, даст пощечину, лишь бы ей стало легче, лишь бы все, что рассказала Оланна родным, обернулось ложью. Пусть Одинчезо с Экене кричат на нее, спрашивают, почему она жива, а не мертва, как их сестра, родители и зять. Но Одинчезо и Экене сидели притихшие, опустив глаза, как и подобает мужчинам в трауре, а позже сказали ей: хорошо, что ты не видела тела Аризе, — всем известно, что творили эти нелюди с беременными женщинами.

Одинчезо сорвал большой лист кокоямса и дал ей вместо зонта. Но

Оланна не прикрылась им, когда бежала к машине. Она подставила дождю голову, лицо. Как быстро закончилась сходка, как мало понадобилось времени, чтобы подтвердить смерть четверых ее родственников... Свинцовой тяжестью легли на нее похороны, основанные лишь на ее словах. Оланна уже сомневалась, не ошиблась ли она, не привиделась ли ей груда трупов в пыли — столько трупов, что при одном воспоминании делалось солоно во рту.

Она открыла дверь, Угву с Малышкой бросились в машину, а Оланна застыла неподвижно. Угву смотрел на нее сочувственно, а Малышка клевала носом — того и гляди уснет.

— Хотите воды? — предложил Угву.

Оланна помотала головой. Угву и сам знал, что вода ей не нужна. Он хотел вывести Оланну из забытья, чтобы она скорей завела машину и довезла их до Аббы.

18

Угву первым увидел вереницу людей вдоль грунтовой дороги, которая тянулась через всю Аббу. Они шли с козами на веревках, с коробками и мешками ямса на голове, с курами и свернутыми циновками под мышкой, с керосиновыми лампами в руках. Дети несли тазы или вели младших детей. Угву смотрел, как они проходили мимо, одни молча, другие переговариваясь; многие не знали, куда идут.

Хозяин в тот вечер вернулся с собрания раньше обычного.

— Завтра мы уезжаем в Умуахию, — сказал он. — Нам так или иначе нужно туда попасть, просто поедем на неделю-две раньше. — Говорил он сбивчиво, устремив взгляд в одну точку. То ли не желал признавать, что его родной городок вот-вот будет взят, то ли оттого, что Оланна с ним не разговаривала.

Угву не знал, что произошло между ними, но случилось это после собрания на площади. Оланна вернулась домой в странном молчании. Она говорила неохотно, не улыбалась, переложила на Угву кухню и заботы о Малышке, а сама целые дни просиживала на веранде, на деревянном стуле с наклонной спинкой. Однажды она подошла к гуаве и стала гладить ее ствол, и Угву забеспокоился, как бы соседи не решили, что она повредилась в уме. Но у дерева Оланна долго не задержалась. Молча повернула к дому и опять уселась на веранде.

Сейчас она была по-прежнему тиха и молчалива.

— Угву, собери, пожалуйста, на завтра еду и одежду.

— Да, мэм.

Угву управился быстро — не так уж много было у них вещей. На другое утро Угву отнес вещи в машину и обошел дом, проверяя, не забыл ли чего. Оланна уже уложила альбомы и искупала Малышку. Они ждали возле машины, пока Хозяин проверял масло и воду. По дороге двигался нескончаемый поток людей.

Скрипнула деревянная калитка в глинобитной стене позади дома, и вошел Аньеквена, двоюродный брат Хозяина. Угву не нравилась его вечная кривая ухмылка. И вдобавок он являлся точно к обеду, а когда Оланна приглашала его «поднести руку к губам» вместе с ними — то есть разделить трапезу, — всякий раз фальшиво ахал. В тот день он явился мрачный. Следом появилась мать Хозяина.

— Мы готовы, Оденигбо, а твоя матушка отказалась собираться, — пробурчал Аньеквена.

Хозяин закрыл капот.

— Мама, ты же согласилась ехать в Уке.

— *Ekwuzikwanani nofu*, перестань! Ты сказал, что мне надо бежать в Уке. Но разве я согласилась? Разве я сказала да?

— Тогда едем с нами в Умуахию, — предложил Хозяин.

Матушка оглядела машину, доверху набитую вещами.

— Зачем? Куда вы бежите? Разве вы слышите выстрелы? — Разве ты не слышал, как наш дибиа сказал, что Абба никогда не покорялась врагу? Для чего мне бежать из родного дома? *Alu melu*, позор! Знаешь, что твой отец нас сейчас проклиняет?

— Мама, нельзя здесь оставаться. Из Аббы все уедут.

Матушка только прищурилась, будто высматривая на дереве кола спелый плод.

Оланна открыла дверь машины и велела Малышке садиться сзади.

— Плохие новости. Солдаты-хауса близко, — сказал Аньеквена. — Я еду в Уке. Дайте нам знать, когда Доберетесь до Умуахии. — Он повернулся и зашагал прочь.

— Мама! — крикнул Хозяин. — Скорей неси вещи!

Мать Хозяина не спускала глаз с дерева кола.

— Я остаюсь приглядывать за домом. Сейчас вы удираете, но вернетесь. Я буду ждать.

— Чем кричать, поговорил бы лучше с ней спокойно, — сказала Оланна по-английски сухо, отрывисто. Так она говорила с Хозяином лишь накануне рождения Малышки.

Мать Хозяина косилась на них с подозрением, наверняка думала, что Оланна сказала про нее по-английски какую-нибудь гадость.

— Мама, поехали, — попросил Хозяин. — Пожалуйста! Едем с нами.

— Дай мне ключ от своего дома. Вдруг мне там что — то понадобится?

Хозяин протянул связку ключей и повторил свою просьбу, но мать лишь молча привязала ключи к поясу.

Выезжая со двора, Хозяин то и дело оглядывался — вдруг Матушка передумает и знаком велит ему остановиться? Не дождался. Угву тоже не сводил глаз с Матушки, пока не свернули на грунтовую дорогу. Как же ей жить здесь совсем одной, без родных? Если из Аббы все бегут, где ей покупать продукты, ведь рынок закрывается?

Оланна коснулась плеча Хозяина:

— Не тревожься о ней. Федеральные войска не задержатся в Аббе, а двинутся дальше.

— Да, — кивнул Хозяин.

Потом он нагнулся к Оланне и поцеловал ее в губы, и у Угву сердце подпрыгнуло от радости: Хозяин и Оланна вновь разговаривают, как обычно.

— Профессор Ачара подыскал нам дом в Умуахии, — сказал Хозяин чересчур громко и бодро. — Кое — кто из наших старых друзей уже там, и скоро все пойдет по-прежнему. Все будет хорошо!

Оланна промолчала, а Угву отозвался:

— Да, сэр.

Дом не был хорош ничем. Угву не нравились тростниковая крыша и некрашенные, в трещинах, стены, но особенно уборная в будке за домом, где черная дыра была прикрыта от мух ржавым железным листом. Малышка боялась туда ходить. В первый раз Угву держал ее, а Оланна утешала. Но Малышка все плакала и плакала. В те дни она плакала часто, словно тоже понимала, что дом недостоин Хозяина, что двор с колючей травой и сваленными по углам бетонными плитами безобразен, а соседи живут слишком близко, так что знаешь по запаху, что у них на ужин, и слышишь крики их детей. Не иначе как профессор Ачара надул Хозяина, такой лупоглазый — сразу видно, что пройдоха. Сам он, между прочим, поселился в большом, ярко-белом доме на той же улице.

— Дом у нас никудышный, мэм, — сказал Угву.

Оланна рассмеялась.

— Кто бы говорил! Только подумай, у скольких семей сейчас вообще нет никакого дома. А у нас две спальни, кухня, гостиная, да еще и столовая.

Нам повезло, что у нас оказался знакомый в Умуахии.

Угву не стал спорить, только пожалел, что Оланна слишком спокойно ко всему относится.

— Мы решили в следующем месяце пожениться, — объявила ему Оланна через несколько дней. — Свадьба будет очень скромная, прием устроим здесь.

Угву пришел в ужас. Их свадьбу он представлял роскошной: дом в Нсукке празднично украшен, стол с накрахмаленной белой скатертью ломится от всяких вкусных блюд. Лучше бы им дождаться конца войны, чем устраивать свадьбу здесь, в доме с мрачными комнатами и плесенью на кухне.

Хозяин тоже не унывал из-за дома. По вечерам, вернувшись из директората, он устраивался на воздухе довольный, слушал Радио Биафра и Би-би-си и будто не замечал, что в пол веранды въелась грязь и сидит он на голой деревянной скамье, а не на диване с подушками, как в Нсукке. Через неделю-другую к нему стали заглядывать приятели. Когда приходили гости, Угву не подавал больше ни перцовой похлебки, ни напитков, зато слушал гул голосов, смех, песни, громкие речи Хозяина. Они зажили почти как в Нсукке после объявления независимости, и снова забрезжила надежда.

Угву нравился Чудо-Джулиус, армейский интендант. Он щеголял в расшитых блестками кителях до колен, приносил виски «Уайт Хоре», ящики пива «Голден Гинеа», а иногда и бензин в черной канистре; это он научил Хозяина для маскировки укрывать машину пальмовыми листьями и обмазать фары дегтем.

— Вряд ли нас станут бомбить, но бдительность — наш девиз! — говорил Хозяин, сжимая в руке кисть. Деготь пролился на синие крылья, и, когда Хозяин ушел в дом, Угву старательно их вытер, черными остались только фары.

И все-таки самым любимым гостем Угву был профессор Эквенуго. Он работал в отделе Науки. У него на указательном пальце ноготь был очень длинный, острый, как клинок, и профессор поглаживал его, когда рассказывал о том, что они с коллегами делают: мощные наземные мины, тормозную жидкость из кокосового масла, двигатели из металлолома, бронемшины, гранаты. Его новости встречали аплодисментами, хлопал в ладоши и Угву, сидя в кухне на табурете. Особенно бурно аплодировали, когда профессор Эквенуго объявил о создании первой биафрийской ракеты.

— Мы ее сегодня запустили, сегодня, — говорил профессор, поглаживая ноготь. — Нашу отечественную ракету. Друзья мои, мы на

верном пути.

— Мы — страна гениев! — воскликнул Чудо-Джулиус, ни к кому в особенности не обращаясь. — Биафра — край гениев!

Аплодисменты вскоре сменились песней:

Солидарность навсегда!

Солидарность навсегда!

Да здравствует наша республика!

Угву подпевал, вновь мечтая вступить в народное ополчение, прочесывать окрестности в поисках нигерийцев. Каждый день он с нетерпением ждал вестей с фронта: сначала раздастся барабанная дробь, а после — звучный голос:

Постоянная бдительность — цена свободы! Говорит Радио Биафра! Слушайте ежедневную сводку с фронта!

Дослушав радужные новости — войска Биафры громят остатки вражеской армии, Нигерия несет большие потери, освободительные операции завершаются, — Угву представлял, как вступит в армию. Он будет совсем как те новобранцы, что ходили на учения в армейский лагерь, — в жестко накрахмаленной форме, а на рукаве сияет половина желтого солнца.

Угву жаждал большого, настоящего дела. Все для победы! И когда по радио объявили, что Биафра захватила Среднезападную область и биафрийские войска двинулись на Лагос, Угву испытал облегчение пополам с разочарованием. Мы победили, скоро он вернется в дом на Одим-стрит, навестит родных, увидит Ннесиначи. И все-таки жаль, что война закончилась слишком быстро и без его участия. Чудо-Джулиус пришел с бутылкой виски, и гости пели и кричали пьяными голосами о мощи Биафры, о глупости нигерийцев и ведущих на Би-би-си.

— Что они болтают своими погаными английскими ртами! «Воистину непостижимый ход Биафры», ха-ха!

— Удивляются, что пастухи-мусульмане не перебили нас оружием, которое дал им Гарольд Вильсон.

— Это Россия виновата, а не Британия.

— Британия, кто же еще! Наши ребята привезли нам на анализ гильзы из Нсуккского сектора. На каждой надпись «Британское военное ведомство».

— Мы перехватываем их радиogramмы — сплошь британский акцент.

— Значит, Британия и Россия. Не будет удачи их дьявольскому союзу.

Поднялся галдеж, Угву уже не слушал. Он вышел через заднюю дверь и сел на бетонные плиты возле дома. На улице шли учения Детской бригады Биафры мальчишки размахивали деревянными винтовками, прыгали, кричали тонкими голосами: «Капитан! Адъютант!»

Мимо просеменила торговка с подносом на голове:

— Купите гарри! Купите гарри!

Она остановилась, когда ее окликнула девушка из дома напротив. Девушка долго торговалась, а потом завопила на всю улицу:

— Хотите грабить людей — грабьте! Только не говорите, что за такую цену продаете гарри.

Торговка шикнула на нее и ушла.

Угву знал соседку. Сначала обратил на нее внимание из-за походки: ходила она, виляя попой, а попа была замечательная, круглая. Звали девушку Эберечи. Угву слышал о ней кое-что. Оказывается, родители предложили ее заезжему офицеру, как предлагают гостю орех кола. Постучались к нему ночью, открыли дверь и тихонько втолкнули Эберечи. Наутро довольный офицер благодарил довольных родителей, а Эберечи молча стояла рядом.

Эберечи вернулась в дом. Угву, глядя ей вслед, пытался представить, каково ей было, когда ее предложили чужому мужчине, и что случилось после того, как ее втолкнули в комнату, и чья вина больше — ее родителей или офицера. Впрочем, в том, кто виноват, разбираться не хотелось — сразу вспоминались недели перед рождением Малышки, а о них он предпочел бы забыть.

В день свадьбы Хозяин пригласил заклинателя дождя. Старик явился рано утром, выкопал позади дома неглубокую ямку, развел в ней костер и долго сидел на корточках в клубах синего дыма, подбрасывая в пламя сухие листья.

— Дождя не будет, ничего не случится, пока празднуют свадьбу, — сказал он, когда Угву протянул ему тарелку риса с мясом. От старика несло джином.

Угву ушел в дом, чтобы наглаженная рубашка не пропахла дымом. На веранде расположились Одинчезо и Экене, двоюродные братья Оланны, оба в форме народных ополченцев. В гостиной сидели другие гости, смеялись, разговаривали, ждали Оланну. То и дело кто —нибудь подходил к куче подарков и добавлял к ней кастрюлю, табуретку, фен.

Угву постучался к Оланне:

— Профессор Ачара готов везти вас в церковь, мэм.

— Хорошо. — Оланна отвернулась от кривого зеркала. — Где Малышка? Не убежала на улицу играть? Чего доброго, испачкает платье.

— Она в гостинной.

Высокая прическа открывала лучистое, гладкое лицо Оланны. Никогда еще Угву не видел ее такой красивой.

— Праздник с пальмовым вином устроим чуть позже, когда наши войска отобьют Умунначи, — пояснила Оланна, будто Угву не знал.

— Да, мэм.

— Я послала письмо Кайнене в Порт-Харкорт. Она не приедет, но все равно пусть знает.

Угву помолчал.

— Нас ждут, мэм.

Оланна встала, поправила кремово-розовую шляпку, оглядела себя. Одернула кремово-розовое платье с пышной юбкой, чуть закрывающей колени.

— Сшито плохо. Аризе сделала бы лучше.

Угву ничего не сказал. Ему хотелось протянуть руку, коснуться ее губ и убрать с ее лица печальную улыбку. Но в жизни не так все просто...

Профессор Ачара стукнул в приоткрытую дверь:

— Оланна? Вы готовы? Просили передать, что Оденигбо и Чудо-Джулиус уже в церкви.

— Я готова, заходите. Вы с букетом?

Профессор Ачара протянул ей пеструю охапку пластмассовых цветов. Оланна попятилась:

— Что это? Я просила живые цветы!

— В Умуахии не выращивают цветы — только то, что годится в пищу, — усмехнулся профессор Ачара.

— Тогда лучше без букета, — решила Оланна.

Свадьбу отпраздновали скромно. Оланне пришлось обойтись без цветов. Небольшая католическая церковь Святого Себастьяна была лишь до половины заполнена Друзьями, кому удалось приехать. Впрочем, Угву не особо присматривался к гостям — глядя на ветхую белую напрестольную пелену, он мысленно рисовал собственную свадьбу. Невестой сначала была Оланна, потом Ннесиначи и, наконец, Эберечи с чудесной круглой попкой — все в одном и том же кремово-розовом платье и крошечной шляпке в тон.

Из задумчивости его вывел приход Океомы. Океома не попал в церковь, пришел сразу в дом. Океому было не узнать: ни косматой шевелюры, ни мятой блузы поэта. В ладно сидевшей военной форме он

выглядел прямее, стройнее, а на рукаве рядом с половиной желтого солнца был нашит череп с костями. Хозяин и Оланна бросились его обнимать. Угву и самому хотелось кинуться гостю на шею, потому что оживленное лицо Океомы так живо напомнило ему о прошлом.

Вместе с Океомой приехал его долговязый двоюродный брат, доктор Нвала.

— Офицер медицинской службы, главный специалист больницы «Альбатрос», — представил Океома.

Доктор Нвала смотрел на Оланну с неприкрытым восхищением. Угву готов был сказать: «Хватит пялить на нее свои лягушачьи глаза!» Подумаешь — главный медицинский офицер или как его там! Угву не просто желал Оланне счастья, а чувствовал себя в ответе за то, чтобы она была счастлива. Когда она танцевала на веранде с Хозяином, в кругу аплодирующих друзей, Угву думал: «Они мои». Их свадьба была печатью надежности: раз они женаты, то никуда от него не денутся. Сначала Оланна и Хозяин танцевали, тесно прижавшись друг к другу, а когда Чудо-Джулиус сменил музыку, разжали объятия, взяли за руки и закружились под новую песню Рекса Лоусона «Эй, Биафра, земля свободы!». Оланна на шпильках была выше Хозяина. Она лучилась счастьем, смеялась. Когда Океома стал говорить тост, Оланна вытерла глаза и попросила фотографа, стоявшего с треногой: «Подождите, подождите, не снимайте!»

Наступил черед свадебного торта, но разрезать его не успели. Угву услышал рев — с неба неслось частое «уу-уу». От воя сразу заложило уши, потом он стих, но тут же раздался вновь, громче и чаще. Где-то закудахтали куры, кто-то из гостей крикнул:

— Вражеский самолет! Воздушная тревога!

— Все на улицу! — приказал Хозяин, но многие с воплями ужаса бросились в спальню.

Самолеты гудели все громче, прямо над головой.

Хозяин, Оланна с Малышкой на руках, Угву и часть гостей выбежали на поле маниоки и упали лицом вниз. Приподняв голову, Угву увидел в синем небе самолеты, кружившие низко, точно пара хищных птиц. Из них градом сыпались пули, а потом полетели огромные темные шары — самолеты как будто откладывали большие яйца. От взрыва под Угву затряслась земля. Соседка из дома напротив дернула Оланну за подол:

— Снимите! Снимите белое платье! Его увидят и откроют по нам огонь!

Океома сорвал с себя форменную рубашку и накинул Оланне на плечи. Малышка заплакала. Хозяин ладонью прикрыл ей рот, словно боялся, что

пилоты услышат. За первым взрывом прогремел второй, третий, потом еще и еще. Угву почувствовал, как в брюках стало мокро. Казалось, бомбы будут падать, пока не уничтожат все вокруг и не перебьют всех до единого. Но взрывы стихли. Самолеты полетели дальше. Некоторое время все лежали молча, неподвижно. Первым с земли поднялся Чудо-Джулиус.

— Все, — сказал он.

— Они так низко были, так низко! — захлебывался от восторга соседский мальчишка. — Я даже видел пилота!

Хозяин и Океома двинулись по полю к дороге. Океома в майке и брюках казался ниже ростом, худее. Оланна все сидела на земле с Малышкой на руках, в форменной рубашке поверх свадебного платья. Угву тоже встал и пошел по дороге.

Над двором возле молотилки на соседней улице клубился дым. Два дома превратились в пыльные развалины и несколько мужчин лихорадочно разгребали обломки цемента, перекрикиваясь: «Вы слышали плач? Слышали?» С головы до ног в мелкой серебристой пыли, они походили на призраков.

— Ребенок жив, я слышал плач, слышал, — сказал кто-то.

Вокруг толпились зеваки и желающие помочь; одни разгребали завалы, другие причитали, заламывая руки. Невдалеке пылала машина, рядом лежала мертвая женщина, одежда на ней сторела, лишь кое-где на обугленной коже виднелись розовые лоскутки, и когда тело прикрыли рваным джутовым мешком, снаружи остались торчать угольно-черные ноги. Небо хмурилось. Пахло дождем и гарью. Океома и Хозяин включились в работу. «Я слышал плач ребенка», — снова сказал кто-то.

Угву двинулся дальше. Посреди дороги лежала изящная сандалия. Угву поднял ее, рассмотрел кожаные ремешки, толстую подошву-танкетку и положил на прежнее место. Он пытался представить ее хозяйку, молодую модницу, что обронила ее, когда пряталась от налета. И где же вторая сандалия?

Когда вернулся Хозяин, Угву сидел на полу в гостиной, спиной к стене. Оланна ковыряла кусочек торта на блюде. Она была по-прежнему в свадебном платье, форменная рубашка Океомы, аккуратно свернутая, лежала на стуле. Гости понемногу разошлись, притихшие, с виноватыми лицами, будто стыдясь, что позволили воздушному налету испортить праздник.

Хозяин налил себе пальмового вина.

— Слышала новости? — спросил он Оланну. — Наши войска потеряли всю завоеванную территорию на западе, и поход на Лагос

окончен. Теперь это уже не полицейская акция. Нигерия объявила войну. — Хозяин покачал головой. — Нас предали.

— Будешь торт?

Торт стоял в центре стола, почти целый, не считая тонкого ломтика, отрезанного Оланной.

— Попозже. — Хозяин осушил бокал и налил второй. — Построим бункер на случай бомбежек. — Он говорил спокойно, будто воздушные налеты — пустяк, будто забыл, что совсем недавно все они были на волосок от смерти. Повернулся к Угву: — Знаешь, друг мой, что такое бункер?

— Да, сэр, — кивнул Угву. — Как у Гитлера.

— М-да, что-то вроде.

— Но сэр, эти самые... бункера называют братскими могилами, — всполошился Угву.

— Ерунда. В бункере уж точно безопаснее, чем посреди поля маниоки.

За окном сгустились сумерки, тьму то и дело прорезали молнии. Оланна вдруг соскочила со стула, вскрикнула: «Где Малышка? Где Малышка?» — и бросилась в спальню.

— Нкем! — Хозяин кинулся за ней.

— Не слышишь? Нас опять бомбят, разве не слышишь?

— Это просто гром. — Хозяин подошел к Оланне сзади и обнял ее. — Всего-навсего гром. Гроза, которую задержал наш заклинатель, все-таки собралась. Обычный гром.

Они постояли, обнявшись. Оланна отрезала себе еще кусочек торта.

4. Книга: Мир молчал, когда мы умирали

Он доказывает, что до объявления независимости Нигерия не имела своей экономики. Колониальное государство было авторитарным — мягкой, но по сути бесчеловечной диктатурой, созданной в угоду Британии. В 1960 году экономика Нигерии представляла собой одни лишь возможности: сырье, рабочие руки, надежды, кое-какие финансовые средства из запасов Торгового совета — остатки того, что брали британцы на восстановление хозяйства после войны. А главное, недавно обнаруженные запасы нефти. Однако новые нигерийские лидеры были слишком самонадеянны, слишком полны честолюбивых планов, слишком наивны, а потому брали грабительские иностранные займы. Кроме того, они спешили все перенять у британцев и получить равные права, качественное медицинское обслуживание и высокие зарплаты, долгое время недоступные нигерийцам.

Затем он указывает на многочисленные трудности молодого

государства, но особенно подробно останавливается на погромах 1966 года. Очевидные поводы для резни — месть за «переворот игбо», протест против декрета об унитарном правлении, из-за которого многие северяне лишились бы государственных постов, — не имели значения, как и точное число погибших: три, десять или пятьдесят тысяч. Главное, что погромы испугали и сплотили игбо, из бывших нигерийцев сделали рьяных биафрийцев.

Часть III

Угву сидел на ступеньках заднего крыльца. Они с Харрисоном говорили о предстоявшей поездке Угву с мистером Ричардом. Капли дождя сползали по листьям, пахло влажной землей.

— *Tufia!*^[67] Ума не приложу, зачем моему хозяину ехать к вам в деревню на этот дьявольский праздник, — возмущался Харрисон. Он сидел на две ступеньки ниже, так что Угву видел его лысую макушку.

— Может, мистер Ричард хочет написать о дьяволе? — предположил Угву.

Ори-окпа — никакой не дьявольский праздник, но с Харрисоном лучше не спорить. Нужно, чтобы Харрисон был в хорошем настроении, тогда можно будет расспросить его про слезоточивый газ. Они помолчали, задрав головы и глядя на паривших над головой грифов: соседи зарезали курицу.

— Смотри-ка, лимоны поспевают. — Харрисон указал на дерево. — Надо рвать один, буду сделать торт с безе, — добавил он по-английски.

— А что такое бе-зе? — поинтересовался Угву, зная, что Харрисона вопрос наверняка порадует.

— Не знаешь? — Харрисон засмеялся. — Американское блюдо. Я испеку и передам вам с моим хозяином, когда твоя хозяйка вернется из Лондона. Я знаю, ей понравится. — Харрисон обернулся на Угву. — Даже тебе понравится.

Угву кивнул, хотя он поклялся не брать в рот стряпню Харрисона. Однажды он зашел к мистеру Ричарду и увидел, как Харрисон насыпает в кастрюлю с соусом нарезанную апельсиновую кожуру. Если б он положил в соус апельсин, это еще куда ни шло, но готовить с кожурой — все равно что с мохнатой козлиной шкурой вместо мяса!

— Еще я кладу лимоны в торт, — сказал Харрисон. — Они хороши для теста. Пицца белых прибавляет здоровья, не то что всякая гадость, которую едят у нас.

— Да, верно. — Угву кашлянул. Пора бы спросить у Харрисона про слезоточивый газ, но вместо этого Угву сказал: — Хотите посмотреть, где я теперь живу?

— Пойдем. — Харрисон поднялся.

Когда зашли в комнату, Угву указал на потолок с черно-белым узором и похвалился:

— Моя работа.

Угву несколько часов подряд выводил этот узор горящей свечкой, прерываясь, чтобы передвинуть стол, на котором стоял.

— *О така*, красота! — Харрисон оглядел узкую пружинную кровать в углу, стул и стол, рубашки на гвоздях, две пары туфель, аккуратно пристроенные у стенки. — Туфли новые?

— Хозяйка привезла мне из Баты.

Харрисон потыкал пальцем кипу журналов на столе.

— Ты это все читать? — спросил он по-английски.

— Да. — Журналы Угву нашел в мусорной корзине в кабинете. В «Математических анналах» он ни слова не понял, зато хотя бы осилил несколько страниц «Социалист ревью».

Снова полил дождь. Капли стучали по железной кровле все громче, а Угву и Харрисон, стоя под козырьком, смотрели, как льются с крыши струи воды. В конце концов Угву решился:

— Вы не знаете, где можно достать слезоточивый газ?

— Слезоточивый газ? Зачем тебе?

— Я прочел о нем в газете у Хозяина. Интересно, что это такое.

Угву не стал говорить Харрисону, что на самом деле услышал о слезоточивом газе, когда Хозяин рассказывал про депутатов законодательного собрания — как они дрались и лягались, а потом приехала полиция, всех обрызгала слезоточивым газом, и они попадали без чувств, а помощники разносили их по машинам. Вот так штука, слезоточивый газ! Если от него теряют сознание, хорошо бы его раздобыть. И испытать на Ннесиначи, когда они с мистером Ричардом поедут на праздник ори-окпа. Надо отвести ее в рожицу у источника и сказать, что слезоточивый газ — волшебное средство, которое дарит здоровье. Она поверит. Она так удивится, увидев его в машине с белым, что поверит чему угодно.

— Достать его очень трудно, — вздохнул Харрисон.

— Почему?

— Рано еще тебе знать почему. — Харрисон таинственно кивнул. — Вырастешь — расскажу.

Угву сообразил, что Харрисон сам не знает, что такое слезоточивый газ, только не признается. Жаль. Надо обратиться к Джомо.

Джомо знал, что такое слезоточивый газ, и долго — долго смеялся,

услышав, для чего он Угву. Джомо хохотал и хлопал в ладоши.

— *Aturu* ты. Баран, — сказал он наконец. — Зачем брызгать в девушку слезоточивым газом? Вот что, езжай к себе в деревню, и, если время пришло и девушке ты по нраву, она пойдет с тобой. Никакой газ не понадобится.

Угву держал в голове слова Джомо всю дорогу, пока на другое утро мистер Ричард вез его домой. Навстречу им выбежала Анулика, крепко пожала мистеру Ричарду руку. Обняла Угву, стала рассказывать, что отец с матерью на ферме, двоюродная сестра только вчера родила, Ннесиначи на прошлой неделе уехала на Север...

Угву застыл.

— Что-нибудь случилось? — встревожился мистер Ричард. — Праздник не отменили?

Если бы всего лишь отменили праздник...

— Нет, сэр.

Угву привел мистера Ричарда на площадь, где уже толпились жители деревни, и устроился рядом с ним под деревом кола. Вскоре их обступили дети, закричали: «*Онье оча*, белый человек!» — и потянулись к волосам мистера Ричарда. Он спрашивал: «*Kedu?* Привет, как вас зовут?» — а ребяташки глазели на него, прыскавая и толкая друг друга. Угву, прислонившись к дереву, горевал: не сбылась мечта увидеть Ннесиначи. Теперь она уехала, и это сокровище достанется какому-нибудь торговцу с Севера. Он едва замечал ммо: могучие фигуры, одежды из травы, оскал деревянных масок, длинные кнуты в руках. Мистер Ричард щелкал фотоаппаратом, что-то писал в книжице и сыпал вопросами — как это называется, что они говорят, что за люди удерживают ммо канатом и для чего? Угву были невыносимы и жара, и вопросы, и шум. Всю обратную дорогу он молча глядел в окно.

— Только уехали, и уже скучаешь по дому? — спросил мистер Ричард.

— Да, сэр.

Хоть бы мистер Ричард оставил его в покое. Скорей бы остаться одному. Если Хозяин еще в клубе, можно взять из гостиной «Ренессанс» и почитать у себя в комнате. Или посмотреть новый телевизор. Хорошо, если покажут индийский фильм. Красавицы с большими блестящими глазами, песни, яркие краски, цветы и слезы — то, что надо.

Зайдя с черного хода, Угву, к своему ужасу, застал у плиты мать Хозяина. В дверях стояла Амала. Хозяин наверняка не знал, что они приедут, а то бы попросил Угву прибраться в комнате для гостей.

— Здравствуйте, Матушка, — проямлил Угву. — Здравствуйте, тетя

Амала. — Он как сейчас помнил их прошлый приезд: как Матушка оскорбляла Оланну, называла ведьмой, улюлюкала и, хуже того, грозилась пойти к дииби у себя в деревне.

— Как дела, Угву? — Матушка, одернув покрывало, похлопала Угву по спине. — Мой сын говорит, ты ездил в деревню, показывал белому духов?

— Да, Матушка.

В гостиной гремел голос Хозяина. Наверное, к нему заглянул гость и он решил не ездить в клуб.

— Иди отдохни, *i nido*,^[68] — предложила Матушка. — Я готовлю сыну ужин.

Угву не хотелось, чтобы Матушка хозяйничала на кухне, варила свой пахучий суп в любимой кастрюле Оланны. Лучше бы она побыстрее уехала.

— Я побуду тут. Если что, помогу, Матушка, — сказал Угву.

Матушка пожала плечами и продолжала вытряхивать из стручка перца черные зернышки.

— Ты хорошо готовишь офе нсала?^[69]

— Ни разу не готовил.

— А почему? Мой сын его любит.

— Хозяйка никогда не просила.

— Она тебе не хозяйка, мой мальчик. Она просто живет с мужчиной, который не заплатил за нее выкуп.

— Да, Матушка.

Она улыбнулась, будто радуясь, что Угву уразумел что-то важное, и указала на два глиняных кувшина в углу:

— Я привезла сыну молодого пальмового вина. Наш лучший винодел нынче утром принес.

Матушка вынула из горлышка кувшина затычку из листьев, и вино, вспенившись, полилось через край, молодое, светлое, с терпким запахом. Матушка отлила немного в чашку и протянула Угву:

— Попробуй.

Вино обожгло язык. От такого густого пальмового вина, разлитого в сухой сезон, у мужчин в их поселке сразу начинали заплетаться ноги.

— Спасибо, Матушка. Замечательное вино.

— У вас в поселке хорошо делают вино?

— Да, Матушка.

— А у нас — еще лучше. Виноделы Аббы славятся на всю страну

игбо. Разве не так, Амала?

— Так, Матушка.

— Вымой миску.

— Сейчас, Матушка.

Амала скребла так старательно, что руки и плечи ходили ходуном. Только сейчас Угву посмотрел на нее внимательно и заметил, что ее тонкие руки и лицо влажно блестят, будто смазаны арахисовым маслом.

Голос Хозяина, зычный и твердый, долетал из гостиной:

— Недоумки в правительстве должны порвать с Британией! Надо стоять за правду! Почему Британия ничего больше не предпринимает в Родезии? Что толку от одних экономических санкций?

Угву подошел к двери, прислушался. События в Родезии, в Южной Африке, вызывали у него жгучий интерес. У него в голове не укладывалось, что люди, похожие на мистера Ричарда, ни за что ни про что отбирают все у людей, похожих на него, Угву.

— Принеси мне поднос, Угву, — велела Матушка.

Угву достал из буфета поднос и собрался подавать Хозяину ужин, но Матушка замахала руками:

— Отдыхай, сердечный, пока я здесь. Эта женщина, как только вернется из-за границы, опять взвалит на тебя всю работу. А ведь и ты чье-то дитя.

Матушка открыла какой-то пакетик и что-то высыпала в кастрюлю с супом. У Угву мелькнуло подозрение, он вспомнил, как после прошлого Матушкиного приезда на задний двор забежала черная кошка. И пакетик был черный, точь-в-точь как та самая кошка.

— Что это, Матушка? Что это вы подсыпали Хозяину в суп? — спросил Угву.

— Это приправа из Аббы. — Матушка улыбнулась. — Очень вкусная.

— Да, Матушка.

Может быть, и зря он подумал, что она подсыпала Хозяину в суп снадобье от дибии. Пожалуй, права была Оланна, нечего бояться черной кошки, подумаешь, соседская кошка... хотя ни у кого из соседей он не видел такой, с желто-красным огнем в глазах.

Угву больше не вспоминал ни о странной приправе, ни о кошке: пока Хозяин ужинал, он тайком налил себе из кувшина полный бокал пальмового вина, за ним другой, такое уж оно было сладкое, — и голову будто шерстью набили. Он едва держался на ногах. Из гостиной слышался нетвердый голос Хозяина: «За великое будущее Африки! За наших независимых братьев в Гамбии и за наших братьев в Замбии, вышедших из

состава Родезии!» — и дружный смех. Хозяина тоже одурманило пальмовое вино. Смеялся и Угву, хоть был на кухне один и вдобавок не понимал, над чем смеются. В конце концов он уснул прямо на табуретке, уронив голову на стол, провонявший вяленой рыбой.

Угву проснулся с затекшими руками-ногами, во рту было кисло, голова трещала, солнце било в глаза, а голос Хозяина, ругавшего утренние газеты, резал уши. Каждый звук болью отдавался в голове.

Когда Хозяин ушел на работу, Матушка спросила:

— А ты в школу не идешь, Угву?

— У нас каникулы.

— Вот как, — разочарованно протянула Матушка.

Потом Угву увидел, как у дверей ванной Матушка чем-то натирала Амале спину, и его подозрения вспыхнули с новой силой. Было что-то зловещее в неспешных движениях Матушкиных рук, будто она исполняла какой-то обряд, и в том, как стояла Амала, молча, прямо, в спущенном до пояса покрывале, так что сбоку вырисовывался контур ее маленькой груди. Может, Матушка натирает Амалу колдовским зельем? Только зачем? Если Матушка и впрямь ходила к дибии, то зелье должно быть для Оланны, а не для Амалы. Или яд действует на всех женщин без разбору и тогда Матушке надо защитить себя и Амалу, чтобы одна только Оланна умерла, стала бесплодной или сошла с ума? Может, пока Оланна в Лондоне, Матушка выполняет защитные ритуалы, а снадобье зароет в саду, чтобы оно сохранило силу до приезда Оланны?

Угву похолодел. Над домом нависла беда. Видно, неспроста Матушка такая веселая, все время что-то мурлычет под нос, сама подает Хозяину еду, а больше никому не позволяет. И вечно шушукается с Амалой.

Когда Матушка выходила во двор, Угву следил во все глаза, не зароет ли она что-нибудь, чтобы сразу откопать, едва она уйдет. Но Матушка ничего не зарывала.

Угву поделился своими страхами с Джомо — дескать, Матушка наверняка задумала погубить Оланну и ходила к дибии. А Джомо отмахнулся:

— Старуха просто рада побыть с сыном, вот и стряпает ему, и напевает без конца. Моя мама тоже не нарадуется, если я к ней прихожу без жены!

— В прошлый раз после ее отъезда я видел черную кошку, — возразил Угву.

— Служанка профессора Озумбы с нашей улицы — ведьма. По ночам она взлетает на верхушку дерева манго, посидеть там со своими товарками-ведьмами, накидают листьев, а мне разгребать. За ней-то черная кошка и

прибегала.

Угву хотел верить Джомо, уговаривал себя, что зря подозревает Матушку невесть в чем. Однако на следующий вечер, прополов свою грядку с пряными травами, он зашел на кухню и увидел возле раковины целый рой мух. Окно было лишь чуть приоткрыто. Уму непостижимо, как столько мух — добрая сотня жирных зеленых мух — просочилось сюда сквозь узенькую щелку. Это знак большой беды. Угву бросился в кабинет звать Хозяина.

— Очень странно, — нахмурился тот, когда увидел. Снял очки, снова надел. — Профессор Эзека должен знать, в чем тут дело, — может быть, у них массовый перелет. Не закрывай окно, а то не смогут вылететь.

— Но, сэр...

В кухню вошла Матушка.

— У мух так бывает, — сказала она. — Ничего страшного. Как прилетели, так и улетят. — Она стояла, прислонившись к двери, и в голосе ее Угву расслышал злое торжество.

— Да, да. — Хозяин направился обратно в кабинет. — Принеси чаю, друг мой.

— Хорошо, сэр. — Угву был в ужасе: как может Хозяин оставаться таким невозмутимым, как же он не видит, что мухи — это вовсе не пустяк? Он принес Хозяину в кабинет поднос с чаем и сказал: — Мухи — это не к добру, сэр.

Хозяин кивнул на стол:

— В чашку не наливай. Поставь.

— Мухи на кухне, сэр, — знак порчи от дибии. На дом навели порчу. — Угву хотел добавить, что знает наверняка, чьих это рук дело, но побоялся разозлить Хозяина.

— Что ты говоришь? — Глаза Хозяина за стеклами очков сузились.

— Мухи, сэр. Это знак, что на дом навели порчу.

— Закрой дверь и дай мне поработать, друг мой.

— Да, сэр.

Когда Угву вернулся на кухню, мух уже и след простыл. Окно по-прежнему было лишь чуть приоткрыто, и тонкий луч солнца падал на лезвие мясного ножа на столе. Угву старался ни к чему не прикасаться и в кои — то веки обрадовался, что готовит не он, а Матушка, но за ужином не притронулся к ее супу из бобов угба и жареной рыбе, отпил только глоток пальмового вина, которое подавал Хозяину и гостям. Ночью ему не спалось. Он без конца вскакивал, глаза чесались и слезились; хотелось поделиться с кем-нибудь, кто бы все понял, — с Джомо, с тетушкой или

Ануликой. Он встал и пошел в дом Хозяина смахнуть пыль с мебели — неважно, что делать, лишь бы занять руки. За окном брезжил серо-пурпурный рассвет, на стенах кухни играли тени. Угву зажег лампу с опаской, готовясь увидеть что угодно. Скажем, скорпионов. Однажды какой — то завистник подбросил их в дом его дяди, каждое утро злые черные скорпионы подбирались к его новорожденным сыновьям-близнецам — и так много недель подряд. Один из малышей чуть не умер от укуса.

Первым делом Угву вытер книжные полки. Потом принялся за стол, убрав с него бумаги, но тут отворилась дверь хозяйской спальни. Угву выглянул в коридор: неужто Хозяин встал так рано? Однако из спальни вышел не Хозяин, а Амала. Она и Угву изумленно уставились друг на друга в полутьме коридора, пока Амала не очнулась и не засемила в комнату для гостей. Ее покрывало было неплотно завязано на груди. Придерживая его рукой, она наткнулась на дверь гостевой комнаты, толкнула, хотя ее надо было тянуть на себя. Наконец вошла. Амала, тихая неприметная Амала ночевала в спальне Хозяина! Угву застыл на месте, пытаясь унять головокружение, собраться с мыслями. Это все Матушкино зелье виновато. Но главное — не то, что произошло между Хозяином и Амалой, главное, чтобы Оланна не узнала.

Оланна сидела напротив матери в гостиной наверху. Эту гостиную мать называла дамской — здесь она принимала подруг, здесь они смеялись, называли друг друга «картинка», «золотце», «сокровище» и сплетничали: чей сын развлекается с девицами в Лондоне, пока его ровесники строят дома на земле отцов, кто купил местное кружево и выдает за последнюю новинку из Европы, кто пытается отбить мужа у такой-то, кто привез из Милана дорогую мебель. На сей раз, однако, в комнате было тихо. Мать, сжимая в одной руке бокал тоника, а в другой — платок, со слезами рассказывала Оланне о любовнице отца.

— Он купил ей дом в Икедже! На той самой улице, где живет моя подруга.

Оланна смотрела, как мать осторожно промокает глаза. Платок, похоже, атласный, таким слезы не осушишь.

— Ты с ним говорила? — спросила Оланна.

— *Gwa ya gini?* Что я скажу? — Мать поставила бокал, так и не отпив ни глотка с тех пор, как служанка принесла его на серебряном подносе. —

Не о чем говорить. Просто хотела, чтобы ты знала, что происходит. Пусть не думает, что я буду страдать молча.

— Я с ним поговорю, мама.

Именно этого обещания и ждала от нее мать. Оланна прилетела из Лондона только вчера, а свет надежды, забрезживший после визита к гинекологу в Кенсингтоне, успел померкнуть. Оланна уже не помнила той радости, которая затеплилась в ней, когда доктор сказал, что она здорова и нужно лишь — он подмигнул — почаще стараться. Она мечтала вернуться в Нсукку.

— Представить противно, в какой грязи он эту шлюху откопал, — бормотала мать, комкая платок. — Овца из глухомани. Йоруба-деревенщина с двумя детьми от разных отцов. Говорят, еще и старуха, и уродина.

Оланна поднялась. Не все ли равно, как выглядит та женщина? Отец и сам старый урод. Больше всего мать волновало, конечно же, не наличие любовницы, а как он мог купить ей дом в районе, где обитает весь лагосский высший свет?

— Может, дождемся приезда Кайнене, пусть она с ним поговорит, нне? — Мать снова промокнула глаза.

— Я обещала, значит, сама поговорю, мама.

Но вечером, зайдя к отцу в комнату, Оланна поняла, что мать была права. У Кайнене вышло бы лучше. Уверенная в себе, острая на язык Кайнене не мучилась бы, подбирая слова, не испытывала бы неловкости и беспомощности.

— Папа...

Оланна закрыла за собой дверь. Отец сидел за письменным столом, на стуле из темного дерева с прямой спинкой. На минуту Оланна попыталась представить, что это за женщина, о чем она может разговаривать с отцом.

— Папа... — повторила Оланна и перешла на английский. На английском проще говорить сухо и отчужденно. — Имей уважение к моей матери.

Совсем не так собиралась она начать разговор. Сказав «моя мать», она сделала отца лишним, посторонним, о ком уже не скажешь «мой отец».

Отец скрестил руки на груди.

— Ты связался с... этой женщиной, купил ей дом по соседству с друзьями моей матери — это неуважение, — продолжала Оланна. — Ты едешь туда с работы, твой шофер ставит машину перед домом, на виду у всех. Тебе не стыдно? Это пощечина моей матери.

Отец опустил глаза — глаза человека, который потерял себя в жизни.

— Я не стану учить тебя, что ты должен сделать, однако что-то сделать ты обязан. Моя мать несчастна.

Слово «обязан» Оланна произнесла с нажимом. Никогда еще ей не приходилось разговаривать с отцом в подобном тоне, они вообще мало о чем говорили. Так они и смотрели друг на друга — сказать было нечего.

— Я понял, — отвечал отец тихо, заговорщицки, как будто Оланна дала ему добро на измену, лишь попросила впредь не попадаться.

Оланна разозлилась. Может быть, именно так и следовало понимать ее слова, и все же было неприятно. Оланна обвела взглядом комнату, и широкая отцовская кровать показалась ей вдруг незнакомой; она прежде не замечала ни отливавшего золотом атласного одеяла, ни причудливых витых ручек комода. Даже сам отец казался ей чужим — тучным незнакомцем. Оланне стало жаль и его, и мать, и себя, и Кайнене. Как вышло, что все они чужие люди и связывает их только общая фамилия.

— Я подумаю, как исправить дело, — добавил отец. Он поднялся и шагнул к Оланне. — Спасибо, *ola m*.

Оланна так и не поняла, за что он ее поблагодарил, почему назвал золотцем, — так он ее называл только в детстве, и сейчас это слово прозвучало с напускной торжественностью. Она повернулась и вышла из комнаты.

На другое утро, услышав крик матери: «Ничтожество! Болван!» — Оланна со всех ног бросилась по лестнице вниз. Ей представилось, что родители дерутся, что мать хватает отца за грудки, по примеру всех обманутых жен. Крики неслись из кухни. Оланна остановилась в дверях. Перед матерью стоял на коленях человек, с мольбой простирая руки.

— Прошу вас, мадам, прошу...

Мать обратилась к дворецкому Максвеллу, стоявшему в стороне:

— Видишь? Он думает, мы его наняли, чтоб он нас грабил средь бела дня?

— Нет, мэм, — отвечал Максвелл.

Мать вновь повернулась к человеку на коленях:

— Так вот чем ты занимался с самого начала, ничтожество? Пришел сюда воровать?

— Прошу вас, мадам, прошу! Богом заклинаю!

— Мама, в чем дело? — спросила Оланна.

Мать оглянулась:

— Ах, нне, ты уже встала?

— В чем дело?

— Эта скотина!.. И месяца не прослужил, а уже тащит все, что плохо

лежит. Вот как ты платишь за то, что тебя взяли на работу! — гаркнула она на слугу.

— Да что он сделал, мама?

— Пойдем покажу. — Мать вывела Оланну на задний двор, к дереву манго и велосипеду под ним. Рядом валялась упавшая с багажника сумка, из нее просыпался на землю рис. — Стащил рис и собрался домой! К счастью, сумка упала! Кто знает, сколько всего он еще украл? Теперь понятно, куда делись мои ожерелья.

— Прошу вас, поговорите с мадам! Дьявол меня попутал! — Слуга с мольбой протягивал руки к Оланне. — Прошу, заступитесь за меня.

Оланна отвернулась, чтобы не видеть морщинистого лица слуги, глаз с пожелтевшими белками; он оказался старше, чем она думала сначала, — хорошо за шестьдесят.

— Встаньте, — велела она.

Старик в нерешительности глянул на мать Оланны.

— Встаньте, я сказала! — Оланна не собиралась повышать голос, но вышло резковато.

Старик поднялся на ноги, сконфуженно опустил глаза.

— Мама, если ты решила его уволить — увольняй, и пусть идет. Бог с ним, — сказала Оланна.

Старик вздохнул, будто ожидал от нее совсем другого. Удивилась и мать, глянула на Оланну, на старика, на Максвелла. Уронила руку, упертую в бок.

— Даю тебе последнюю возможность исправиться, только ничего в этом доме не трогай без спросу. Слышишь?

— Да, мадам. Спасибо, мадам. Благослови вас Господь, мадам.

Старик продолжал рассыпаться в благодарностях; Оланна взяла со стола банан и вышла из кухни.

Она рассказала Оденигбо обо всем по телефону: как ей неприятно, что пожилой человек прилюдно унижался, и что мать сполна насладились его позором и своим праведным гневом.

— И все из-за каких-то четырех стаканов риса.

— Кража есть кража, нкем.

— Мой отец и его дружки-политики заключают грабительские контракты, но никто их не заставляет на коленях молить о пощаде. На ворованные деньги они строят дома, сдают беднякам вроде того старика, поднимают плату за жилье, так что продукты покупать уже не на что.

— Воровство нельзя оправдать воровством. — Голос у Оденигбо почему-то был хмурый.

— Что-нибудь случилось?

— Мама приехала. Нагрязнула без предупреждения.

Так вот откуда эта мрачность.

— Ко вторнику уедет?

— Не знаю. Жаль, что тебя здесь нет.

— Хорошо, что меня нет. Уже обсудили, как разрушить чары ученой ведьмы?

— Пусть только попробует намекнуть!

— Чтобы ее задобрить, скажи, что мы хотим ребенка. Или она придет в ужас? Подумать только, ее внук унаследует гены ведьмы!

Оланна надеялась рассмешить Оденигбо, но не преуспела.

— Скорей бы вторник, — вздохнул Оденигбо.

— И я жду не дождусь. Скажи Угву, пусть проветрит ковер в спальне.

Вечером к Оланне в комнату зашла мать, благоухая духами «Хлоя»; аромат чудесный, но для чего так поливаться духами на ночь? Духов у матери — целый парфюмерный магазин, весь комод уставлен пузырьками — высокими, низенькими, узкими, пузатыми. Не истратишь и за полвека.

— Спасибо, нне, — сказала мать. — Твой отец уже пытается загладить вину.

— Ясно. — Оланна не стала интересоваться, как именно отец заглаживает вину, но испытала странную гордость, что смогла поговорить не хуже Кайнене, чего — то добиться, принести пользу.

— Теперь миссис Нвизу перестанет мне названивать и сообщать, что видела его в доме любовницы, — продолжала мать. — На днях она съехидничала насчет людей, чьи дочери отказываются выходить замуж. Бросила камешек в мой огород и ждала, что я отвечу. Зато ее дочь в прошлом году вышла замуж, а для свадьбы ничего не заказали за границей — денег не хватило. Даже свадебное платье шили здесь, в Лагосе! — Она села на кровать. — Кстати, кое-кто хочет с тобой познакомиться. Знаешь семью Игве Оночи? Их сын — инженер. Он тебя, кажется, где-то видел и мечтает познакомиться поближе.

Оланна со вздохом откинулась на подушки и приготовилась слушать.

В Нсукку Оланна вернулась в тот тихий послеполуденный час, когда солнце палило нещадно и даже пчелы, истомленные зноем, неподвижно сидели на цветах. Машина Оденигбо стояла в гараже. Не успела Оланна постучать, а Угву уже открыл дверь, в расстегнутой рубашке, с влажными пятнами от пота под мышками.

— Добро пожаловать, мэ.м.

— Угву! — Ей не хватало его преданного взгляда, дружеской

улыбки. — *Unu anokwa ofuta*, как вам жилось без меня?

— Хорошо, мэ. — Угву отправился к такси за ее сумками.

Оланна зашла в дом. В гостиной стоял знакомый запах моющего средства, которым Угву чистил шторы. Она надеялась, что мать Оденигбо уже уехала, и не на шутку расстроилась, застав ту на диване, в дорожной одежде, с сумочкой в руках. Рядом стояла Амала с металлической шкатулкой.

— Нкем! — Оденигбо шагнул Оланне навстречу. — Наконец-то ты вернулась, наконец-то! — Он был напряжен, сухими губами слегка коснулся ее губ, коротко обнял. — Мама с Амалой как раз собрались уезжать. Я отвезу их к автобусу.

— Здравствуйте, Матушка, — сказала Оланна, но даже не попыталась подойти ближе.

— Оланна! *Kedu?* — Матушка сама обняла Оланну, первой тепло улыбнулась.

Оланна слегка опешила, но обрадовалась. Видно, Оденигбо объяснил ей, как сильно они любят друг друга, а их решение завести ребенка окончательно примирило Матушку.

— Амала, как дела? — спросила Оланна. — Я и не знала, что вы тоже здесь.

— С приездом, — промямлила Амала, не поднимая глаз.

— Ты все вещи собрала? — спросил Оденигбо у матери. — Скорей, скорей.

— Вы успели поесть, Матушка? — спросила Оланна.

— Я так сытно позавтракала, что есть до сих пор не хочется, — ответила та. Лицо у Матушки было довольное, взгляд лукавый.

— Пора ехать, — торопил Оденигбо. — У меня вечером игра.

— А вы, Амала? — При виде Матушкиной улыбки Оланне вдруг захотелось, чтобы они задержались еще хоть ненадолго. — Вы-то перекусили?

— Да, спасибо. — Амала упорно смотрела в пол.

— Дай Амале ключи, она отнесет вещи в машину, — сказала Матушка сыну.

Оденигбо шагнул к Амале, издали протянул руку с ключом. Амала взяла ключ осторожно, не касаясь руки Оденигбо. Это длилось всего лишь миг, но Оланна заметила, как старательно они избегали прикосновений, будто их объединяло нечто общее и столь важное, что исключало любую иную близость.

— Доброго пути.

Оланна проводила машину взглядом, но не двинулась с места, уверяя себя, что ошиблась, что ничего особенного в этом жесте не было. Нечто похожее она испытывала в приемной у гинеколога: уверенность, что с ней что-то не так, и одновременно жажду услышать, что все в порядке.

— Мэм, будете кушать? Рис разогреть? — предложил Угву.

— Попозже. — У нее мелькнула мысль спросить Угву, заметил ли он что-то неладное. — Сходи посмотри, не поспели ли авокадо.

— Да, мэм. — Угву чуть помедлил, прежде чем уйти.

Все время, дожидаясь Оденигбо, Оланна простояла у дверей.

— Что-то случилось? — спросила она, как только он переступил порог.

— В каком смысле? — В руке Оденигбо держал свежие газеты. — Один мой студент прогулял прошлый зачет, а сегодня явился и предложил мне денег, жалкий неуч.

— Я не знала, что Матушка приезжала с Амалой, — проронила Оланна.

— Да.

Оденигбо перебирал газеты, избегая взгляда Оланны, и мало-помалу ее объял ужас. По его судорожным движениям, по страху в глазах, по тому, как он силился взять себя в руки, она поняла: случилось то, что не должно было случиться.

— Ты переспал с Амалой.

Это не был вопрос, но все же Оланна ждала ответа, ждала, что его оскорбит такое предположение. Оденигбо молчал.

— Ты спал с Амалой, — повторила Оланна.

Никогда не забудет она его лица в тот миг: он смотрел на нее растерянно, будто и в страшном сне не мог вообразить подобной сцены и потому опешил, не находя слов.

Оланна пошла на кухню, но у обеденного стола пошатнулась. Слишком тяжел был груз, не для ее хрупких плеч.

— Оланна... — окликнул Оденигбо.

Она не отозвалась. Оденигбо не бросился следом — помешал страх виноватого человека. Оланна не села в машину и не уехала сразу к себе на квартиру. Опустившись на ступеньки заднего крыльца, она долго смотрела, как под лимонным деревом наседка водит шестерых цыплят, подталкивая их к крошкам на земле. Возле флигеля Угву срывал с дерева авокадо. Наседка вдруг отчаянно завохтала, расправила крылья, спеша загородить цыплят, но те не сразу бросились под крыло, и ястреб унес пестренького цыпленка. Все произошло так стремительно, миг — и ястреб исчез с

цыпленком в кривых когтях. Наседка с кудахтаньем носилась по двору, поднимая клубы пыли, остальные цыплята испуганно сбились в кучку. Оланна смотрела на них, гадая, понимают ли они скорбный танец матери, — и дала наконец волю слезам.

Тусклые дни тянулись, похожие один на другой. Оланна хваталась за мысли, за дела. Когда Оденигбо в первый раз пришел к ней на квартиру, она долго колебалась, впустить ли его. Но он ломился в дверь, повторяя: «Нкем, открой, пожалуйста, открой», и Оланна сдалась. Она сидела, цедя воду, пока Оденигбо оправдывался, что был пьян, что Амала набросилась на него, что это была лишь минутная похоть. В итоге Оланна выгнала его. Как у него хватило наглости оправдывать свой поступок «минутной похотью»! Оланне были противны и эти слова, и его спокойный тон, когда он пришел во второй раз и сказал: «Это ничего не значит, нкем, ровным счетом ничего». Неважно, что это ничего не значит, важен сам поступок: стоило ей на три недели уехать — он изменил ей с деревенской служанкой матери. С какой легкостью он обманул ее доверие. Оланна решила побывать в Кано, где всегда обретала ясность мыслей и душевный покой.

Летела она с остановкой в Лагосе, и, когда сидела в зале ожидания, мимо прошла высокая худая женщина. Оланна вскочила и чуть было не крикнула: «Кайнене!» — но поняла, что обозналась. Кожа у незнакомки была светлее, чем у Кайнене, и вдобавок Кайнене никогда не надела бы красную блузку с зеленой юбкой. А жаль, что это не Кайнене. Сели бы рядышком, и Оланна пожаловалась бы сестре на Оденигбо, а Кайнене нашла бы меткие, едкие и притом утешительные слова...

Аризе пришла в ярость, выслушав рассказ Оланны.

— Скотина из Аббы! Отсохни его блудливый член! Да разве он не понимает, что каждое утро должен на коленях благодарить Бога, что ты соизволила на него взглянуть? — бушевала она, успевая демонстрировать Оланне эскизы пышных свадебных нарядов. Ннакванзе все же сделал ей предложение. Оланна разглядывала наброски. Все казались безвкусными, но поддержка Аризе так ее тронула, что она, ткнув в один из рисунков, шепнула: «*О така*, очень красиво. Прелесть!»

Тетя Ифека завела речь об Оденигбо лишь спустя несколько дней. Они с Оланной сидели на веранде, солнце палило, и железная кровля потрескивала, будто стонала. И все же здесь было прохладнее, чем в дымной кухне, где стряпали сразу три соседки. Оланна обмахивалась рогожкой из рафии. У ворот остановились две женщины; одна кричала на игбо: «А я говорю, отдашь мне деньги сегодня! Не завтра, а сегодня! Ты все слышала?» Другая смотрела на нее умоляюще.

— Как настроение? — спросила тетя Ифека. Она толкла в ступке бобы.

— Хорошо, тетя. Здесь, у вас, мне всегда хорошо.

Тетя Ифека достала из бобовой кашицы черного жучка. Ее молчание располагало к откровенности.

— Отложу-ка я свой курс в Нсукке и поживу здесь, в Кано, — сказала Оланна. — Я могла бы преподавать у вас в институте.

— Мда. Нет. — Тетя Ифека прервала работу. — Поезжай в Нсукку.

— Не могу я вернуться к нему в дом, тетушка.

— Об этом речи нет. Я говорю, возвращайся в Нсукку. У тебя там квартира и работа, так? Оденигбо поступил как все мужчины: едва ты за порог — он давай совать член куда попало. Но ведь никто не умер!

Оланна опустила рогожку, и голова сразу взмокла.

— Когда мы с твоим дядей поженились, я сперва боялась, что его женщины на стороне выживут меня из дому. А теперь знаю: что бы он ни делал, моя жизнь не изменится. Она изменится, только если я захочу.

— Как это, тетушка?

— Теперь он стал очень осторожен — понял, что я уже не боюсь. Я ему сказала: «Только посмей меня опозорить — отрежу змею у тебя промеж ног!»

Тетя Ифека продолжила толочь бобы, а образ их брака, всегда существовавший в голове у Оланны, расплзался по швам.

— Никогда не веди себя так, будто мужчина — хозяин твоей жизни! Слышишь? Ты сама хозяйка своей жизни, *soso gi*.^[70] В субботу ты вернешься домой. А я поскорей приготовлю тебе в дорогу абачу.^[71]

Тетя Ифека попробовала и тут же сплюнула бобовую кашицу.

В субботу Оланна уехала. В самолете напротив нее, через проход, сидел красивый парень в шерстяном костюме-тройке. Такой темной атласной кожи Оланна ни у кого еще не видела. Оланна еще раньше заметила его: он не спускал с нее глаз, пока ждали самолет, во время посадки помог Оланне нести чемодан, а чуть погода попросил у стюардессы разрешения сесть с Оланной рядом, в свободное кресло. Протянул ей газету: «Не хотите ли почитать?» На среднем пальце блестел перстень с большим опалом.

— Спасибо. — Оланна взяла газету, пролистала, чувствуя на себе его взгляд и догадываясь, что газета — лишь повод завести разговор. А что, если он ей понравится? Вдруг с обоими случится нечто безумное, волшебное и, когда самолет приземлится, они возьмутся за руки и пойдут в

новую, светлую жизнь?

— В Лагосском университете сняли проректора — игбо, — сообщил сосед Оланна. — Зачем, спрашивается, в Лагосе проректор-игбо? — продолжал он и, когда Оланна чуть улыбнулась в знак того, что слушает, добавил: — Хуже всего, что игбо норовят всю страну прибрать к рукам. Всю страну. Все магазины скупили, весь чиновничий аппарат у них в руках, даже полиция. Если тебя арестуют, скажи *keda* — и тебя отпустят.

— *Kedu*, — тихо поправила Оланна. — На нашем языке это значит «Как дела?».

— Вы игбо? — недоверчиво спросил он.

— Да.

— По лицу я вас принял за фулани. — В его голосе прозвучала обида. Буркнув что-то вроде извинения, он отвернулся и полез в портфель.

Знал бы этот противник игбо, что его предвзятость пробудила в ней новые надежды. Ни к чему быть оскорбленной женщиной, чей мужчина переспал с деревенской девчонкой. Можно быть, к примеру, женщиной — фулани и высмеивать игбо с симпатичным незнакомцем. Она хозяйка своей жизни. Она может стать кем угодно.

Оланна наняла грузовик и отправилась к Оденигбо забирать вещи. Угву ходил за ней по пятам, пока она укладывала книги и указывала шоферу, что брать.

— У Хозяина такой вид, мэм, будто он каждую ночь плачет, — сказал ей по-английски Угву.

— Положи мой блендер в коробку, — велела Оланна; слово «мой» прозвучало странно: блендер всегда был просто блендером, без намека на владельца.

— Да, мэм. — Угву принес из кухни коробку. Держал он ее неуверенно. — Мэм, пожалуйста, простите Хозяина.

Оланна взглянула на Угву. Он знал; он видел, что эта женщина спала в хозяйской постели; он тоже предал ее.

— Отнеси мой блендер в машину. *Osiso!*^[72]

— Да, мэм. — Угву повернулся к двери.

— Гости все так же приходят по вечерам? — бросила ему в спину Оланна.

— Без вас уже не то, мэм.

— Но ведь приходят?

— Да.

— И Хозяин играет в теннис, ездит в клуб?

— Да.

— Хорошо.

Ничего хорошего. Оланна мечтала услышать, что прежняя жизнь стала для Оденигбо невыносимой.

Когда он заходил к ней, Оланна старалась не огорчаться при виде его спокойствия. Стояла в дверях, произносила общие фразы. Ее уязвляла его непринужденная говорливость, небрежный тон: «Ты ведь знаешь, я всегда буду любить только тебя, нкем» — словно был уверен, что со временем все станет по-старому. Не нравились ей и ухаживания других мужчин. Их внимание огорчало Оланну, ведь это подразумевало, что между нею и Оденигбо все кончено. Впрочем, предаваться тоске было некогда: она подыскивала новый материал для лекций, читала новые книги, покупала новые пластинки. Стала секретарем благотворительного общества и ездила по деревням, раздавая продукты, а потом писала протоколы заседаний. Она лелеяла циннии в садике перед домом и дружбу с соседкой, чернокожей американкой Эдной Уэйлер. Ей нравился тихий мягкий смех Эдны.

Соседка Оланны преподавала музыку, слушала джазовые пластинки на полной громкости, жарила нежные свиные отбивные и часто говорила о своем женихе, бросившем ее за неделю до свадьбы в Монтгомери, и о своем дяде, которого линчевали, когда она была маленькой. «Знаешь, что меня всегда поражало? — каждый раз спрашивала она Оланну. — Что культурные белые люди надели лучшие платья и шляпы ради такого зрелища — как белый вешает негра».

Эдна, тихонько смеясь, поправляла волосы — она распрямляла их горячими щипцами, и они отливали жирным блеском. Имя Оденигбо в беседах сначала не всплывало. Оланне приятно было общество человека, далекого от прежнего круга друзей. Но однажды Эдна, подпевая песне Билли Холидей, спросила: «За что ты его любишь?»

— Для любви, по-моему, не нужна причина.

— Еще как нужна.

— Ну, тогда сначала приходит любовь, а уж потом можно подумать о причинах. Просто когда я с ним, мне ничего другого не нужно. — Оланна сама поразила этим словам, но они оказались настолько верны, что глаза обожгли слезы.

— Перестань лгать себе, будто у тебя все хорошо.

— Я не лгу себе, — возразила Оланна.

Жалобный хриловатый голос Билли Холидей действовал ей на нервы. Оланна не предполагала, что ее видят насквозь, — была уверена, что смех ее звучит искренне и Эдна знать не знает, что она плачет, оставшись одна в квартире.

— Я не знаток мужчин, а тебе хорошо бы с кем-то поговорить. Может, со священником? В награду за все твои благотворительные поездки? — Эдна рассмеялась.

Шли дни. Оланна не раз садилась в машину и отправлялась в церковь Святого Петра, но с полпути поворачивала назад. И вот однажды она понеслась туда во весь дух, проскакивая «лежачих полицейских», не давая себе времени опомниться. Сидя на деревянной скамье в душном кабинете и остановив невидящий взгляд на картотечном ящике с надписью «Миряне», она рассказывала отцу Дамиану об Оденигбо.

— Он предал меня, причинил мне боль, и все равно он продолжает управлять моей жизнью.

Отец Дамиан оттянул воротничок, поправил очки, потер нос — мялся, не находя ответа.

— В прошлое воскресенье я не видел тебя в церкви, дочь моя.

Оланна сникла; он все-таки священник, и ответ у него на все один: ищите Господа. А ей хотелось, чтобы отец Дамиан оправдал ее, признал за ней право на жалость к себе, подтвердил, что она нравственно выше своего обидчика, заклеил бы Оденигбо.

— Вы считаете, я должна чаще бывать в церкви?

— Да.

Оланна кивнула и взялась за сумочку, готовая встать и покинуть храм. Не стоило и приходить. Не стоило и рассчитывать, что этот круглолицый добровольный евнух в белых одеждах поймет ее чувства. Священник смотрел на Оланну, и глаза его за толстыми линзами очков казались огромными.

— Еще я считаю, что вы должны простить Оденигбо. — Отец Дамиан потянул за воротничок, будто тот душил его.

Оланна едва удержалась от презрительной гримасы. Слишком у него все просто. Такие ответы ей и самой известны.

— Ладно. — Оланна встала. — Спасибо.

— Не ради него, а ради тебя самой.

— Что? — Оланне пришлось опустить взгляд, чтобы посмотреть ему в глаза, — отец Дамиан остался сидеть.

— Не называй это прощением. Просто дай себе право на счастье. Быть несчастной — твой собственный выбор, а что ты будешь делать со своим несчастьем? Питаться им?

Оланна перевела взгляд на распятие над окном, на безмятежное лицо Христа в агонии и ничего не сказала.

Оденигбо пришел ни свет ни заря, Оланна не успела даже

позавтракать. Она почуяла неладное еще до того, как открыла дверь и увидела его хмурое лицо.

— Что?! Что случилось? — Оланна ужаснулась мелькнувшей надежде, что его мать умерла.

— Амала беременна. — В голосе Оденигбо звучала нотка самоотверженности — таким голосом сообщают дурные вести, стараясь поддержать человека, на которого свалилось несчастье. — Только что приехала мама и сказала, что Амала ждет от меня ребенка.

Оланну разобрал смех. Она хохотала и хохотала и не могла остановиться, потому что все это — и нынешняя сцена, и события последних недель — вдруг показались ей невыносимыми.

— Позволь мне войти, нкем. Пожалуйста.

Оланна отступила от двери:

— Проходи.

Оденигбо присел на краешек стула, а у Оланны вдруг возникло ощущение, будто она кропотливо склеивала разбитую фарфоровую вазу, а та вновь разлетелась вдребезги, и обидней всего не то, что разбилась, а что склеивать с самого начала не было смысла.

— Нкем, прошу тебя, давай вместе искать выход, — пробормотал Оденигбо. — Как ты решишь, так и поступим. Только давай вместе.

Оланна сходила на кухню, выключила чайник. Вернувшись, села напротив Оденигбо.

— Говоришь, это случилось всего раз? Один раз — и она забеременела? С первого раза? — Оланна не собиралась повышать голос, но невольно перешла на крик.

Слишком уж невероятно: спяну переспал с женщиной, и она забеременела, — так бывает только в кино.

— Это случилось всего один раз, — подтвердил Оденигбо. — Всего один.

— Понимаю. — Нет, ничего она не понимала. Рука чесалась дать ему пощечину — так самоуверенно подчеркнул он слово «один», словно никто не безгрешен и дело только в количестве измен, а не в самом факте измены.

— Я сказал маме, что отправлю Амалу в Энугу, к доктору Оконкво, а она в ответ — только через ее труп. Пусть, мол, Амала родит ребенка, а растить она будет сама. У Амалы есть жених, плотник из Ондо. — Оденигбо поднялся. — Мама все это задумала с самого начала. Теперь-то я понимаю, что она напоила меня до беспамьятства и подслала Амалу. Такое чувство, будто меня против моей воли втянули во что-то чудовищное.

Оланна смерила его взглядом, от ореола курчавых волос до пальцев на

ногах в кожаных сандалиях, и испугалась своего отвращения к любимому.

— Никто тебя ни во что не втягивал.

Оденигбо попытался ее обнять; Оланна стряхнула его руки и велела уйти. Закрыв за ним дверь, она стояла перед зеркалом в ванной и безжалостно стискивала свой живот. Боль напоминала ей о собственной никчемности, о том, что ребенка Оденигбо носит не она, а чужая женщина.

Эдна упорно тарабанила в дверь. Оланне пришлось встать и впустить соседку.

— Что с тобой? — спросила Эдна.

— У моего деда была присказка: все пукают — и ничего, а он пукнет — и обделается.

Шутка не удалась из-за слез в голосе.

— Что случилось, Оланна?

— Девица, с которой он переспал, беременна.

— А ты при чем?

Оланна нахмурилась: то есть как — при чем?

— Возьми себя в руки. Думаешь, он тоже слезы льет дни и ночи напролет? Когда тот подлец в Монтгомери бросил меня, я пыталась покончить с собой, а он... знаешь, чем он был занят? Умотал в Луизиану развлекаться — играл в ансамбле. Взгляни на себя, Оланна. Ты красавица, добрейшая душа. Почему тебе для счастья нужно так много вне тебя? Разве одной себя недостаточно? Хватит быть размазней!

— Размазней? Ты что-то путаешь, Эдна. И не моя вина, что тебя бросили.

Изумление на лице Эдны сменилось отвращением, она развернулась и вышла. Оланна смотрела ей вслед, жалея о своих словах. Но она не кинулась вдогонку просить прощения, а решила выждать день-другой. Ее вдруг одолел голод, лютый голод. Оланна выскребла из кастрюли рис, даже не разогрев как следует, выпила две бутылки холодного пива, но голод так и не отступил. Проглотив печенье и два оставшихся апельсина, она решила сходить в «Истерн» за вином. И напиться. Будет пить, сколько влезет.

Две ее знакомые, индуска с факультета естественных наук и преподавательница антропологии, с улыбками приветствовали ее, а Оланне почудилось, что они украдкой жалостливо переглянулись.

Оланна обзревала винные бутылки, когда подошел Ричард.

— Я тебя издали увидел.

— Привет, Ричард. — Оланна заглянула к нему в корзину. — Сам ходишь за покупками?

— Харрисон уехал на несколько дней домой, — объяснил Ричард. —

Как дела? Все хорошо?

Оланну уязвило сочувствие в его глазах.

— Лучше не бывает. Никак не могу решить, какое выбрать. — Оланна указала на две бутылки. — А не взять ли обе? Выпьем вместе и определим, какое лучше. Есть у тебя свободный часок? Или надо бежать за письменный стол?

Ричард был ошарашен ее веселостью.

— Не хочу навязываться, право слово...

— Навязываться? О чем ты говоришь! К тому же ты еще не был у меня, — Оланна запнулась, — в квартире.

Она будет, как всегда, любезна, они выпьют вина и станут говорить о его книге, о цветах, которые она посадила, об искусстве Игбо-Укву и о провале выборов в Западной области. А потом Ричард расскажет Оденигбо, что у нее все отлично. У нее ведь все отлично, правда?

Пришли к ней. Ричард чопорно, с прямой спиной, сел на диван. В доме у Оденигбо он чувствовал себя непринужденно, а здесь даже бокал с вином сжимал побелевшими пальцами. Оланна устроилась на ковре, и они выпили за независимость Кении.

— Непременно напиши, какие ужасы творили британцы в Кении, — сказала Оланна. — Они отрезали кенийцам яйца...

Ричард что-то промямлил и отвел взгляд. Надо же, какой скромный, сконфузился от слова «яйца». Оланна наблюдала за ним с кривой ухмылкой.

— Разве они не отрезали кенийцам яйца?

— М-м-м... Да.

— Вот и напиши. — Второй бокал Оланна пила не спеша, запрокидывая голову; прохладная влага струилась в горло. — Название у книги уже есть?

— «Корзина рук».

— «Корзина рук»?.. — Оланна поднесла бокал к губам, проглотила последние капли. — Мрачновато.

— Это книга о труде. Обо всем, что было достигнуто трудом, о железных дорогах и прочем, но и об эксплуатации, о злоупотреблениях предпринимателей в колониях.

— Вот как.

Оланна откупорила вторую бутылку. Налила сначала себе. Во всем теле она ощущала легкость, и голова была ясная; Оланна знала, чего хочет, и отдавала себе отчет в том, что делает. Она подошла к Ричарду, вдохнула его запах.

— Я... еще не допил.

— Вижу.

Оланна поставила бутылку на пол, провела пальцами по мягким золотистым волоскам на руке Ричарда. Не сравнить с порослью на теле Оденигбо, вообще никакого сравнения с Оденигбо. Ричард повернул голову, посмотрел на нее. Оланна коснулась его лица, приложила ладонь к щеке.

— Сядь со мной рядом, — сказала она.

Они сели бок о бок на полу, спиной к дивану. Ричард промямлил: «Мне пора» — или что-то вроде. Но Оланна знала: он не уйдет и, если она ляжет на колкий ковер, он ляжет рядом. Она поцеловала его в губы. Он с силой притянул ее к себе, но тут же отстранился. Слышно было его шумное, частое дыхание. Оланна расстегнула ему брюки, отодвинулась, чтобы снять их, и рассмеялась — стащить брюки помешали ботинки. Она сняла платье. Ричард лег на нее сверху, ковер покалывал ее голую спину, мягкие губы Ричарда обхватили сосок. Он не кусался, как Оденигбо, не проводил языком по ее коже так, что она забывала все на свете; он просто целовал ей живот.

Все изменилось, едва он вошел в нее. Двигаясь ему в такт, Оланна будто стряхивала оковы, рвалась на свободу с громкими, громкими криками. Когда все кончилось, на нее снизошло счастье, довольство, чуть ли не благодать.

Ричард почти с облегчением услышал печальную новость. Кончина сэра Уинстона Черчилля обеспечила ему предлог не ехать на выходные в Порт — Харкорт. Он пока не был готов к встрече с Кайнене.

— Конец твоей дурацкой шутке про Черчилля? — спросила по телефону Кайнене, узнав, что Ричард едет в Лагос на панихиду в британском посольстве. Ричард засмеялся, а потом представил, что она обо всем узнает и бросит его и он никогда больше не услышит ее насмешливый голос.

Прошло всего несколько дней, но даже от квартиры Оланн у него уцелело лишь смутное воспоминание. Он тогда уснул на полу в гостиной, а проснулся с тупой головной болью, стыдясь своей наготы. Оланна, полностью одетая, молча сидела на диване. Ричард смутился, не зная, следует ли поговорить о том, что случилось. Кончилось тем, что он

повернулся и вышел без единого слова, не дожидаясь, пока сожаление на ее лице сменится неприязнью. Она не остановила свой выбор именно на нем, на его месте мог оказаться кто угодно. Ричард чувствовал это, даже когда держал ее нагую в объятиях, и все же ничто не помешало ему насладиться ее пышным телом, отзывчивым на ласки. Еще ни разу и ни с кем Ричарда не хватало так надолго.

Теперь он чувствовал горечь утраты. Его восхищение Оланной держалось на ее недоступности, он поклонялся ей издали, но после того, как ощутил вкус вина на ее губах, пропитался ее кокосовыми духами, будто лишился чего-то дорогого. Утратил мечту. Но страшнее всего было потерять Кайнене. Он решил во что бы то ни стало скрыть от нее правду.

Сьюзен сидела с ним рядом на панихиде и, стиснув руки в перчатках, прижималась к Ричарду, пока звучали отрывки из речей сэра Уинстона Черчилля. По окончании поминальной службы Сьюзен предложила выпить в клубе поло. Как-то раз она уже водила его туда и сетовала, сидя у кромки большого зеленого поля: «Черных стали сюда пускать всего несколько лет назад, зато сейчас они валят толпами — и ничего не смыслят в игре, уж ты мне поверь».

Они устроились на том же месте, у беленого ограждения. Трибуны были почти пусты, хотя на поле кипела игра, восемь игроков на лошадях носились за мячом, слышались крики и ругань. Сьюзен говорила тихо, исполненная скорби по человеку, с которым никогда не встречалась. Любопытно, рассказывала она, будто для Ричарда это была новость, что последним членом палаты общин, удостоившимся государственной церемонии похорон, был герцог Веллингтон. Обидно, что многие до сих пор не понимают, как много сделал Черчилль для Британии. И ужасно, что на панихиде кто-то осмелился сказать, что у матери Черчилля примесь индейской крови. Ричард не виделся со Сьюзен со своего отъезда в Нсукку. Несколько бокалов джина развязали ей язык, и она стала рассказывать, какой чудесный фильм о королевской семье видела в Британском Совете.

— Да ты меня не слушаешь! — вскоре спохватилась Сьюзен. Уши у нее покраснели.

— Слушаю, слушаю.

— Знаю я про твою зазнобу, дочь господина Озобиа, — продолжала Сьюзен; слово «зазноба» она произнесла с простонародным говором.

— Ее зовут Кайнене.

— Надеюсь, о резинках не забываешь? С этими людьми надо быть начеку, даже с самыми образованными. — Она вертела в руках бокал, размазывала капельки на запотевшем стекле.

Ричард вглядывался в бескрайний зеленый простор. С этой женщиной он никогда не знал бы счастья — жизнь была бы как паутина, дни сплетались бы в бесконечную пустоту.

— А у меня был роман с Джоном Блейком, — хохотнула Сьюзен. — Удивлен?

— Вовсе нет, — ответил Ричард, хотя в глубине души и впрямь удивился — не тому, что у Сьюзен был роман, а тому, что роман она завязала с Джоном, мужем ее близкой подруги Кэролайн. Но такова жизнь эмигрантов. Все здесь только тем и заняты, что соблазняют чужих жен и мужей — не по велению страсти, а чтобы скоротать душные дни под тропическим солнцем.

— Это пустяк, сущий пустяк, — продолжала Сьюзен. — Просто знай, что я хоть и жду, пока ты покончишь со своей грязной связью, но времени даром не теряю.

5. Книга: Мир молчал, когда мы умирали

Он пишет о голоде. Голод для Нигерии служил оружием в войне. Голод сломил Биафру, принес Биафре славу, помог Биафре просуществовать три года. Голод не оставил равнодушным остальной мир, вызвал волну протеста и демонстраций в Лондоне, в Москве и в Чехословакии. Благодаря голоду Замбия, Танзания, Берег Слоновой Кости и Габон признали Биафру, голод сделал Африку козырем для Никсона в предвыборной кампании, из-за голода в Биафре родители во всем мире просили детей не оставлять еду на тарелках. Голод заставил организации помощи тайком провозить в Биафру на самолетах продукты по ночам. Голод прославил многих фотографов. И наконец, из-за голода Международный Красный Крест назвал Биафру своей тяжелейшей работой со времен Второй мировой войны.

Угву мучил понос, живот болел нестерпимо. Не помогали ни горькие жевательные таблетки из аптечки Хозяина, ни кислые листья, что давал Джомо, и дело было не в еде — что бы Угву ни ел, он все равно без конца бегал в туалет. Он заболел от беспокойства. Страх Хозяина тревожил его.

С тех пор как Матушка принесла весть о беременности Амалы, Хозяин ходил, спотыкаясь, будто у него запотели очки, просил чаю полусшепотом, а если приходили гости, просил Угву говорить, что его нет дома, хотя его машина стояла в гараже. Он часто смотрел вдаль, все время слушал

хайлайф, постоянно говорил об Оланне. «Обсудим, когда вернется твоя хозяйка»; «Поставим это в коридоре — твоей хозяйке так больше понравится», — повторял он, а Угву отвечал: «Да, сэр», в глубине души зная, что Хозяин не стал бы так говорить, если б Оланна и впрямь собиралась вернуться.

Угву становилось хуже, когда приезжали Матушка и Амала. Он приглядывался к Амале. Она осталась, как прежде, стройной, живот не округлился — с виду не скажешь, что беременна; может быть, снадобье не помогло? Но Матушка приговаривала, снимая шкурки с горячего кокоямса: «Вот родится мальчик, и мне будет не так одиноко, и соседки перестанут звать меня матерью импотента».

Амала сидела в гостиной. Из Матушкиной служанки она стала будущей матерью ее внука, а значит, могла сидеть сложа руки и слушать радиолу. Угву смотрел на нее, стоя в дверях кухни. Хорошо, что она не села в кресло Хозяина или на любимый пуфик Оланны — пришлось бы ее согнать. Амала сидела, сдвинув колени, с пустым лицом глядя на стопку газет на столе. Как все — таки несправедливо, что самая простая девчонка в затрапезном платье и хлопчатобумажном платке оказалась в гуще событий. Не красавица и не уродина, она ничем не отличалась от девушек в его родном поселке, каждый день толпой ходивших к источнику. Ничего особенного. Угву смотрел на нее, и в нем вдруг закипела злоба, не на Амалу, а на Оланну. Нечего ей было сбегать из собственного дома из-за того лишь, что Матушкино зелье толкнуло Хозяина в объятия какой-то девчонки. Надо было остаться и показать Амале с Матушкой, кто здесь настоящая хозяйка.

Тянулись душные дни, похожие один на другой: Матушка варила пахучие супы и ела в одиночку — Хозяин где-то засиживался допоздна, Амалу тошнило, а Угву мучил понос. Но Матушке и горя мало — знай себе стряпала, убирала, напевала и хвалилась, что научилась включать плиту.

— Когда-нибудь и у меня будет плита — внук подарит, — смеялась она.

Прогостив больше недели, Матушка засобиравалась назад в деревню, а Амалу решила оставить.

— Видишь, как ей плохо? — спрашивала она Хозяина. — Мои враги пытаются навредить беременности, они не хотят, чтобы наш род продолжался, но мы победим.

— Пусть едет с тобой, — настаивал Хозяин.

Уже перевалило за полночь. Матушка не легла спать, дожидаясь Хозяина, а Угву клевал носом на кухне и ждал, когда можно будет запереть

дом.

— Разве не слышишь, ей плохо! — повторила Матушка. — Лучше ей остаться здесь.

— Покажем ее врачу, но пусть едет с тобой.

— Ты не Амалу отвергаешь, а родное дитя.

— Пусть едет с тобой, — стоял на своем Хозяин. — Скоро может вернуться Оланна. Нехорошо, если она застанет Амалу.

— Дитя родное отвергаешь, — скорбно покачала головой Матушка. — Завтра я уеду, мне надо на сходку женщин Аббы. А в конце недели вернусь за ней.

Сразу после Матушкиного отъезда Угву застал Амалу на грядке — она сидела на земле, сжавшись в комок, обхватив колени руками, и жевала перцы.

— Вам плохо? — спросил Угву. Может быть, Амала вовсе не женщина, а дух и пришла сюда исполнять какой-нибудь обряд вместе с другими огбандже?^[73]

Амала ответила не сразу. Она вообще говорила так мало, что Угву всякий раз удивлял ее детский, писклявый голосок.

— Перец избавляет от беременности, — объяснила Амала. — Если съесть много жгучего перца, то будет выкидыш. — Скорчившись в грязи, как жалкий щенок, она медленно жевала, а по щекам катились слезы.

— От перца ничего не будет, — возразил Угву, но сам вдруг подумал: а вдруг Амала все-таки права и перец поможет? Все тогда пойдет по-старому, Оланна и Хозяин снова будут вместе.

— Если съешь очень много, то будет, — упрямо сказала Амала и протянула руку за новым стручком.

Угву жаль было перцев, он так заботливо растил их для рагу, но если они вправду избавляют от беременности — ладно уж, пусть ест. Лицо Амалы было залито слезами и слюною, она то и дело по-собачьи высовывала обожженный перцем язык и часто-часто дышала. Угву хотелось спросить, зачем она пошла на такое, раз ей не нужен ребенок. Как-никак она сама явилась к Хозяину в спальню и наверняка знала, что задумала Матушка. Но спрашивать он не стал — ему ни к чему была ее дружба.

Амала уехала, а несколько дней спустя зашла Оланна. Она сидела на диване прямо, скрестив ноги, как чужая, и не попробовала чин-чин, который Угву принес на блюде.

— Отнеси назад, — велела она Угву, а Хозяин сказал: «Оставь на столе».

Угву мялся с блюдцем в руках.

— Раз так — уноси! — рявкнул Хозяин, будто вина Угву за неловкость, повисшую в комнате.

Угву оставил дверь кухни открытой, чтобы стоять у порога и слушать, но сердитый голос Оланны был бы слышен и через закрытую дверь.

— Дело не в твоей матери, а в тебе! Это случилось по твоей доброй воле. Надо отвечать за свои поступки.

Угву не думал, что голос Оланны, обычно мягкий и ласковый, может звучать так гневно.

— Ты же знаешь, я не ловелас. Ничего бы такого не случилось, если бы мама руку не приложила!

Не стоило Хозяину повышать голос. Он должен был знать, что просящий подавание не кричит.

— А член твой тоже матушка достала и вставила в Амалу?

Угву скорчился — у него забурлило в животе, пришлось бежать к себе во флигель, в туалет. Вернувшись, он застал Оланну под лимонным деревом. По лицу Оланны ничего нельзя было прочесть. Вокруг ее рта залегли глубокие морщинки, в позе чувствовалась уверенность, и в новом парике она казалась выше ростом.

— Что-нибудь нужно, мэм? — спросил Угву.

Оланна подошла к кустикам анары.

— Приятно посмотреть. Ты их удобрял?

— Да, мэм. Джомо дал удобрение.

— И перцы?

— Да, мэм.

Оланна пошла прочь. Непривычно было видеть ее в саду в черных туфлях и в юбке по колено, а не в домашнем платье.

— Мэм!

Оланна обернулась.

— Мой дядя торгует на Севере. Все ему завидуют, потому что дела у него идут хорошо. Как-то раз он выстирал свою одежду, повесил на улицу сушить, а когда снял с веревки, то увидел, что от рукава рубашки отрезан кусок.

Оланна смотрела на него, и по лицу ее Угву понял, что она не настроена выслушивать длинную речь.

— Рукав отрезали, чтобы навести на моего дядю порчу, да только ничего не вышло, потому что рубашку он сразу сжег. В тот день к его дому слетелась туча мух.

— Что ты болтаешь? — сказала по-английски Оланна. Она почти

никогда не говорила с Угву на английском, и слова ее прозвучали сухо.

— Матушка навела на Хозяина порчу, мэм. Я видел на кухне мух. И еще видел, как она что-то подсыпала Хозяину в еду. А потом чем-то натирала Амалу, наверняка зельем, чтобы та завлекла Хозяина.

— Чушь.

Слово у нее получилось неприятным шипением, и Угву невольно съезжился. Оланна изменилась, стала жестче. Она нагнулась, согнала с подола зеленую мошку и зашагала прочь. Но не к своей машине, стоявшей у крыльца, за гаражом Хозяина, а обратно в дом. Угву пошел следом. Зайдя на кухню, он услышал из кабинета ее голос, сплошной поток слов — разобрать невозможно, да и ни к чему. Потом — тишина. Стукнула дверь спальни. Чуть погодя Угву на цыпочках прошел через коридор и прижал ухо к двери. Вместо привычных низких, хриплых стонов из спальни неслись частые вздохи: «ах-ах-ах!» — будто она готова была взорваться, будто в ней боролись страсть и ярость, будто она желала насладиться сполна, прежде чем дать волю гневу. И все-таки в душе Угву ожила надежда. Когда они помирятся, он приготовит праздничный обед — вкусный рис джоллоф.

Позже, услышав рев мотора и увидев, как за кустом с белыми цветами вспыхнули фары, Угву решил, что Оланна поехала к себе на квартиру забрать кое-что из вещей. Он накрыл стол на двоих, но ужин подавать не спешил, чтобы еда не остыла.

В кухню зашел Хозяин.

— Решил поужинать один, друг мой?

— Я жду мадам.

— Принеси мне ужин, быстро, *osiso!*

— Да, сэр, — отозвался Угву. — Мадам скоро придет?

— Принеси ужин! — повторил Хозяин.

Оланна стояла посреди гостиной Ричарда. Аскетичная обстановка угнетала ее. Хоть бы полка с книгами, или картина, или выстроенные в ряд русские матрешки, а то глазу не на чем отдохнуть. На стене одна-единственная небольшая фотография оплетенного сосуда из Игбо-Укву; Оланна разглядывала ее, когда вошел Ричард. Неуверенная полуулыбка смягчала его лицо. Оланна иногда забывала, до чего он красив, этот голубоглазый блондин.

Она сразу заговорила:

— Добрый день, Ричард. — И продолжила, не дожидаясь его ответа и заминки после приветствий: — Ты виделся в выходные с Кайнене?

— Нет. Нет, не виделся. — Он смотрел поверх ее глаз, на блестящие пряди парика. — Я ездил в Лагос. Умер сэра Уинстон Черчилль.

— Мы с тобой сделали глупость. (Ричард молча кивнул.) Кайнене не умеет прощать. Ни к чему ей рассказывать...

— Да, конечно. — Ричард задумался. — У тебя проблемы, и мне не следовало...

— Виноваты мы оба, Ричард, — сказала Оланна, и ее захлестнуло презрение к нему — за дрожащие руки, за смущенную бледность, за все слабости, что он не сумел скрыть.

Вошел Харрисон с подносом:

— Я принести выпить, сэра.

— Выпить? — Ричард резко обернулся; к счастью, поблизости ничего не было, а то сбил бы непременно. — Спасибо, не надо. Или ты чего-нибудь хочешь, Оланна?

— Нет. Я уже ухожу. Как ваши дела, Харрисон?

— Быть хорошо, мадам.

Ричард проводил ее до дверей.

— Думаю, самое лучшее — делать вид, что ничего не произошло. — Оланна поспешила к машине.

Вероятно, вместо актерства нужен был спокойный разговор о том, что случилось. Да что толку ворошить вчерашнюю грязь? Оба хотели того, что произошло, — и оба теперь жалели; главное сейчас, чтобы ни одна живая душа не узнала.

Тем сильнее Оланна удивила саму себя, внезапно признавшись во всем Оденигбо. Она лежала на его кровати — его спальню она уже не считала их общей, — а Оденигбо сидел рядом. Со времени их ссоры они спали вместе уже второй раз. Оденигбо уговаривал ее вернуться к нему в дом.

— Давай поженимся, — сказал он, — и мама от нас отстанет.

То ли ее уязвил его самодовольный тон, то ли его несгибаемость — он упорно старался выгородить себя и свалить вину на мать, — но Оланна сказала:

— Я переспала с Ричардом.

— Что-о-о?! Нет! — Оденигбо замотал головой.

— Да.

Оденигбо встал и отошел подальше, к шкафу. Взгляд его говорил: если подойду ближе, то за себя не ручаюсь. Он снял очки, потер переносицу.

Оланна села на кровати и в этот миг поняла, что отныне их всегда будет разделять недоверие, что у каждого есть причины сомневаться в другом.

— Ты его любишь? — спросил Оденигбо.

— Нет.

Оденигбо снова сел с ней рядом. Казалось, он не знал, то ли обнять ее, то ли столкнуть с кровати. Потом резко вскочил и вышел. Перед уходом Оланна постучалась к нему в кабинет — он не ответил.

Вернувшись к себе, Оланна зашагала по комнате. Не стоило рассказывать Оденигбо о Ричарде. Или же признаться во всем до конца: что ей стыдно перед Оденигбо и Кайнене, но о самой близости с Ричардом она не жалеет. Надо было сказать, что это не примитивная месть, не желание отплатить той же монетой, а искупление.

На другое утро в дверь громко постучали, и Оланна облегченно вздохнула. Теперь-то они с Оденигбо сядут рядом, поговорят по душам и на этот раз точно поймут друг друга. Увы, на пороге стоял не Оденигбо. Вбежала Эдна, в слезах, с опухшими глазами. У нее на родине белые расисты разбомбили баптистскую церковь для черных. Погибли четыре девочки, одна из них — школьная подружка ее племянницы.

— Я видела ее полгода назад, когда ездила домой, — всхлипывала Эдна. — Всего полгода назад я ее видела.

Оланна заварила чай, они сели бок о бок, и Эдна рыдала, судорожно хватая ртом воздух. Волосы у нее, против обычного, не лоснились, а были тусклые, спутанные, как щетина старой швабры.

— Боже, — повторяла Эдна сквозь слезы. — Боже!

Оланна не знала, как облегчить ее безутешное горе, хотелось протянуть руку в прошлое и повернуть вспять историю. Когда измученная слезами Эдна заснула, Оланна осторожно подсунула ей под голову подушку и задумалась о том, как одно-единственное событие отдается эхом через пространство и время, оставляя следы, что никогда не сотрутся. Она думала о скоротечности жизни, о том, что нельзя добровольно обрекать себя на несчастье. Она дала себе слово вернуться в дом Оденигбо.

В первый вечер они ужинали молча. Оланне неприятно было смотреть, как жует Оденигбо, как взбухают желваки у него на щеках, как ходит челюсть. Сама Оланна почти не притронулась к еде и все поглядывала на свой ящик с книгами в гостиной. Оденигбо старательно обгладывал куриные косточки и в кои-то веки съел весь рис, не оставив на тарелке ни рисинки. Когда же он заговорил, то повел речь о беспорядках в Западной области.

— Напрасно вернули премьера на пост. Нечего теперь удивляться, что

бандиты взрывают машины и убивают соперников — и все во имя выборов! Продажная скотина такой и останется, — кипятился он.

— За ним стоит премьер-министр.

— На самом деле Сардауна за все в ответе. Он заправляет страной, как своим личным мусульманским владением.

— Мы все еще пытаемся завести ребенка?

Глаза Оденигбо за стеклами очков расширились.

— Конечно, пытаемся, нкем. Или... уже нет?

Оланна не ответила. Смутная печаль переполнила ей сердце при мысли о том, как они поступили друг с другом, и все же ее не покидало ощущение свежести, новизны — отныне они вместе на новой основе.

Зашел Угву убрать со стола.

— Принеси-ка мне бренди, друг мой, — попросил Оденигбо.

— Да, сэр.

Когда Угву принес бренди и ушел, Оденигбо сказал:

— Я попросил Ричарда больше не приходить.

— Почему?

— Я встретил его на улице у здания факультета, и выражение его физиономии мне совсем не понравилось, так что я проводил его до самой Имоке-стрит и отчитал как следует.

— Что ты ему сказал?

— Не помню.

— Помнишь. Просто не хочешь говорить.

— Не помню.

— Кто-нибудь еще там был?

— Его слуга как раз вышел из дома.

Они сидели на диване в гостиной. Оденигбо не имел права оскорблять Ричарда, срывать на нем зло, но Оланна его поняла.

— Я никогда не винула Амалу, — сказала она. — Это тебе я доверилась, и никто чужой без твоего позволения не мог разрушить это доверие. Я виню только тебя. И ты должен злиться на меня, а не на Ричарда.

Оденигбо молчал так долго, что Оланна уже не надеялась услышать ответ, но он вздохнул:

— Если бы я мог на тебя злиться!

Его беззащитность растрогала Оланну. Опустившись перед ним на колени, она расстегнула ему рубашку и покрыла поцелуями его мягко-упругий живот. Расстегнула молнию на его брюках, округлив губы, втянула его, и он тут же набух у нее во рту. Слегка ныла челюсть, широкие ладони

лежали на ее макушке — все волновало ее. Потом она спохватилась: «Боже, Угву, наверное, нас видел».

Оденигбо отвел ее в спальню. Они молча разделись и вместе встали под душ, прижимаясь друг к другу в тесноте ванной. Мокрые и разомлевшие, легли в постель. Его дыхание отдавало бренди, и Оланна едва не сказала, что старые добрые дни вернулись, но промолчала, зная, что он чувствует то же самое, и не желая нарушить объединявшее их молчание.

Когда Оденигбо уснул, обняв ее и всхрапывая, Оланна встала с постели и позвонила Кайнене. Нужно было убедиться, что Ричард не проболтался. Вряд ли его испугала брань Оденигбо, но кто знает?

— Кайнене, это я, — начала Оланна, когда сестра взяла трубку.

— Эджимам, — отозвалась Кайнене.

Давно не называла она Оланну сестренкой. У Оланны потеплело на душе и от ее слов, и от голоса, звучавшего, как обычно, суховато, будто разговор с Оланной для Кайнене — наименьшая из всех забот, но все-таки забота.

— Звоню сказать *kedu*, — продолжала Оланна.

— Все хорошо. Знаешь, который час?

— Я не думала, что уже так поздно.

— Ты помирилась со своим бунтарем?

— Да.

— Слышала бы ты, как о нем отзывалась мама! На этот раз он дал ей хороший повод. Разве он не нарушил основных принципов социализма, обрюхатив представительницу низших слоев?

— Ладно, дам тебе поспать.

Чуть помолчав, Кайнене весело попрощалась:

— *Ngwanu*, до свидания. Спокойной ночи.

Оланна положила трубку. Можно было догадаться, что Ричард не признается Кайнене — их чувства вряд ли выдержат испытания. И пожалуй, даже к лучшему, что он перестанет приходить в гости.

Амала родила девочку. В субботу, когда Оланна с Угву пекли банановые пирожки, раздался звонок в дверь, и Оланна тотчас догадалась: принесли весть от Матушки.

К дверям кухни подошел Оденигбо, спрятав руки за спиной.

— *O ti nwanu!*, — сообщил он тихо. — Она родила девочку. Вчера.

Оланна не подняла глаз от миски с размятыми бананами — не хотела, чтобы Оденигбо видел ее лицо, угадал ее одновременное желание расплакаться, ударить его и принять неизбежное.

— Сегодня же едем в Энугу, надо убедиться, что с ней и ребенком все

хорошо. — Оланна поднялась. — Угву, заканчивай скорей.

— Да, мэм.

Две пары глаз следили за ней. Оланна чувствовала себя актрисой, чья родня ждет от нее блестящего выступления.

— Спасибо, нкем. — Оденигбо попытался обнять Оланну, но та уклонилась.

— Сбегаю в ванную.

Всю дорогу оба молчали. Оденигбо поглядывал на Оланну — видно, хотел что-то сказать, но не знал, с чего начать. Оланна смотрела прямо перед собой и лишь однажды взглянула на Оденигбо. Она чувствовала себя выше, лучше него. Возможно, ее нравственное превосходство было мнимым, но иначе ей не справиться со своими чувствами теперь, когда чужая женщина родила от него ребенка.

Оденигбо заговорил, когда ставил машину напротив больницы.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

Оланна распахнула дверцу.

— О сестре Аризе. Еще и года не прошло, как она замужем, а думает только об одном — как бы скорей забеременеть.

Оденигбо не ответил. Матушка встретила их у входа в родильное отделение. Против ожиданий Оланной, она не приплясывала от радости, глаза не искрились насмешкой — морщинистое лицо было хмуро, улыбка, с которой она обняла Оденигбо, вышла натянутой. В воздухе пахло лекарствами.

— Матушка, *kedu*? — спросила Оланна. Ей хотелось выглядеть хозяйкой положения.

— Все хорошо. — где ребенок?

— В палате для новорожденных.

— Сначала навестим Амалу, — распорядилась Оланна.

Матушка провела их в одноместную палату. На кровати, застеленной лянляой простыней, лежала лицом к стене Амала. Оланна старалась не смотреть на ее живот — ей была невыносима мысль, что в этом теле еще недавно рос ребенок Оденигбо. На тумбочке у кровати стояли печенье, баночка глюкозы и стакан воды.

— Амала, к тебе пришли, — окликнула ее Матушка.

— Здравствуйте, нно, — проговорила Амала, но не повернулась.

— Как себя чувствуешь? — спросили Оденигбо и Оланна почти хором.

Амала что-то буркнула в ответ.

Оланна готовила себя к этому событию много месяцев, и все равно, глядя на Амалу, ощущала в душе мертвенную пустоту. Она никогда до

конца не верила, что этот день наступит.

— Пойдем взглянем на ребенка, — сказала она.

Когда они с Оденигбо направились к двери, Амала не посмотрела им вслед, не шевельнулась, не показала ни жестом, ни взглядом, что слышала их.

В палате для новорожденных медсестра попросила их обождать. Сквозь жалюзи видны были ряды кроваток и множество орущих младенцев, и Оланна испугалась, что медсестра перепутает, принесет не того ребенка. Но ребенок оказался тот самый: густые мягкие кудряшки, темную кожу, широко расставленные глаза не спутаешь ни с чем. Кроха совсем, два дня от роду, а уже вылитый Оденигбо.

Медсестра протянула завернутую в белое пушистое одеяльце девочку Оланне, но та указала на Оденигбо:

— Дайте отцу подержать.

— Знаете, что мать не желает к ней прикасаться? — сказала медсестра, протягивая ребенка Оденигбо. — Даже не притронулась к ней. Девочке взяли кормилицу. — Медсестра собиралась что-то добавить, но тут зашла молодая пара, и она поспешила навстречу.

— Я в курсе. Только что узнал от мамы, — сказал Оденигбо. И добавил извиняющимся тоном: — Схожу оплачу счет.

Оланна протянула руки, и, едва Оденигбо передал ей малышку, та истошно завопила. Из глубины комнаты за ними наблюдали медсестра и молодая пара, наверняка догадываясь, что Оланна не знает, как унять орущего младенца.

— Ш-ш-ш, *o zugo*,^[74] — шептала Оланна.

Крохотный ротик по-прежнему кривился, а плач был так пронзителен, что, должно быть, причинял малышке боль. Оланна вставила в кулачок ребенка мизинец. Мало — помалу плач затих, но ротик остался раскрытым, так что видны были розовые десны, а круглые глазенки уставились на Оланну. Оланна засмеялась. Подошла медсестра.

— Пора забирать, — сказала она. — Сколько у вас детей?

— Пока ни одного. — Оланна про себя порадовалась, что ее приняли за опытную маму.

Вернулся Оденигбо. В палате у постели Амалы сидела Матушка с накрытой эмалированной миской в руках.

— Не хочет кушать, ничего не хочет, — сокрушалась она. — *Gwakwa ya*.^[75] Уговори ее.

Оланна почувствовала неловкость Оденигбо еще до того, как он

заговорил, преувеличенно громко:

— Надо поесть, Амала.

Деревенская девчонка лежала на кровати, съезжившись, как будто под очередным жестоким ударом судьбы. На Оденигбо она так и не глянула — боялась и благоговела перед ним. Неважно, сама ли она пошла к нему в комнату или по приказу Матушки, но ей и в голову не пришло отказать: он хозяин, он говорит по — английски, у него машина. Значит, так надо.

— Слышала, что сказал мой сын? — обратилась к ней Матушка. — Надо поесть.

— Слышала, Матушка.

Амала села на кровати, взяла миску, глядя в пол. Оланна наблюдала за ней. Возможно, в душе Амала ненавидит Оденигбо. Кто знает, что чувствуют те, у кого нет права голоса?

Матушка и Оденигбо уже вышли в коридор.

— Мы уходим, — пробормотала Оланна.

— Счастливого пути.

Оланна хотела что-нибудь сказать на прощанье, но не нашла нужных слов и лишь погладила ее по плечу. Оденигбо и Матушка, остановившись у бака с водой, что-то обсуждали так долго, что на Оланну набросились москиты. Она села в машину и посигналила.

— Прости. — Оденигбо завел мотор. О чем он говорил с матерью, Оланна узнала только через час, когда въехали в ворота университетского городка.

— Мама не хочет оставлять у себя ребенка.

Оланна знала причину:

— Она мечтала о мальчике.

— Да, — кивнул Оденигбо и опустил окно. Оланне доставляла странное удовольствие покорность, что он напустил на себя с тех пор, как Амала родила.

— Мы решили, что девочка останется у родственников Амалы. На будущей неделе я съезжу к ним в Аббу, и мы обсудим...

— Девочка останется у нас. — Оланна сама удивилась, как четко выразила свое желание и как созвучно оно было ее душе. Точно она хотела этого с самого начала.

Оденигбо так резко сбавил скорость, что едва не заглох двигатель.

— Для меня превыше всего наша любовь, нкем, — сказал он тихо. — Мы должны принять верное решение.

— Ты о нас не думал, когда делал ей ребенка, — вырвалось у Оланны, но она тут же устыдилась злобы в собственном голосе.

Оденигбо завел машину в гараж. Он выглядел усталым.

— Давай еще подумаем.

— Пусть остается у нас, — сказала Оланна твердо.

Ей под силу вырастить ребенка, его ребенка. Надо купить книги о воспитании, найти кормилицу, обставить детскую. Ночью Оланна беспокойно ворочалась с боку на бок. Она испытывала к малышке вовсе не жалость: когда она держала этот теплый комочек, то словно прозрела и поняла, что им суждено быть вместе. Мать не разделяла ее чувств. На другой день, когда Оланна сообщила ей по телефону о своем решении, та отвечала мрачным, скорбным тоном, будто в доме покойник.

— Нне, у тебя самой рано или поздно появится ребенок. Зачем тебе младенец, которого Оденигбо сделал этой деревенщине? Воспитание ребенка — дело серьезное. Поверь, девочка моя, не стоит тебе сейчас зваливать это на себя.

Оланна застыла с трубкой в руке, разглядывая букет на столе. Один цветок завял; странно, что Угву не убрал. В словах матери была доля правды, но именно таким Оланна всегда представляла их с Оденигбо будущего ребенка: густые кудряшки, широко расставленные глаза, розовый ротик.

— Ее родня от тебя просто так не отступится, — продолжала мать. — Да и сама эта девка наделает тебе неприятностей.

— Ей не нужен ребенок.

— Ну так оставь ребенка ее родне. Предложи помощь, но девочка пусть остается у них.

Оланна вздохнула:

— Поняла. Еще подумаю.

Оланна повесила трубку, снова подняла и назвала телефонистке номер Кайнене в Порт-Харкорте.

— Очень благородно, — одобрила Кайнене, выслушав Оланну.

— При чем тут благородство?

— Ты удочеришь ее официально?

— Думаю, да.

— Что ты ей скажешь?

— Что я скажу?

— Да, когда подрастет.

— Правду: что ее мать — Амала. Пусть называет меня мамой Оланной, и если когда-нибудь Амала надумает вернуться, то будет просто мамой.

— Хочешь угодить своему бунтарю?

— Ничего подобного.

— Ты вечно стараешься всем угодить.

— Это не ради него. Это вообще не он придумал.

— Тогда зачем?

— Она такая крохотная, такая беспомощная. И сразу стала мне как родная.

Кайнене долго не отвечала. Оланна теребила провод телефона.

— По-моему, очень смелое решение, — раздалось в трубке.

И хотя Оланна прекрасно слышала сестру, но переспросила:

— Что?

— Говорю, очень смелый поступок.

Оланна откинулась в кресле. Одобрение Кайнене — а оно было ей в новинку — окрылило ее, придало веры в себя, стало добрым знаком. В этот миг она решила окончательно. Она возьмет ребенка в семью.

— Приедешь на крестины? — спросила Оланна.

— Я ни разу еще не была в вашей пыльной дыре, так что могу приехать.

Оланна, улыбаясь, повесила трубку.

Матушка принесла девочку, завернутую в коричневый платок, насквозь провонявший огири,^[76] устроилась с ней в гостиной и ждала, пока не вышла Оланна.

— *Ngwani*.^[77] Скоро приеду еще, — сказала Матушка, передав Оланне ребенка. Она очень суетилась, явно торопясь покончить с неприятным делом.

Проводив ее, Угву пригляделся к малышке, и на лице его мелькнула тень тревоги.

— Матушка говорит, девочка похожа на ее мать. В нее вселилась душа ее матери.

— Мало ли кто на кого похож, Угву, это не значит, что души переселяются.

— Но ведь так оно и есть, мэм. Все мы после смерти вернемся на землю.

Оланна отмахнулась.

— Немедленно выкинь этот платок в помойку. Ну и вонь от него!

Девочка плакала. Оланна успокоила ее, искупала в ванночке и, глянув на часы, заволновалась, что кормилица — дородная женщина, которую нашла тетушка Угву, — может опоздать. Когда кормилица появилась и малышка, наевшись, уснула в люльке рядом с их большой кроватью,

Оланна и Оденигбо склонились над спящим младенцем. Казалось, кожа ее, теплого коричневого оттенка, светится изнутри.

— Волосы густые, как у тебя, — прошептала Оланна.

— Будешь смотреть на нее и ненавидеть меня.

Оланна пожала плечами. Пусть не думает, будто она пошла на это ради него, сделала ему одолжение. Она поступила так для себя самой.

— Угву говорит, твоя мать ходила к дииби. Угву думает, ты переспал с Амалой из-за того, что тебя одурманили зельем.

Оденигбо помолчал.

— Иного объяснения он, пожалуй, не понял бы.

— Если бы всему виной было зелье, то родился бы желанный мальчик, ведь так? — продолжала Оланна. — Никакой логики.

— Точно так же нелогично верить в невидимого христианского Бога.

Оланна привыкла к беззлобным шуткам Оденигбо над ее «светской» верой и в другое время ответила бы, что не знает, верит ли в невидимого христианского Бога. Но теперь, когда в кроватке лежало беспомощное создание, настолько зависимое от других, что само его существование казалось милостью свыше, все стало иначе.

— Я верю, — сказала Оланна. — Верю в милосердного Бога.

— А я не верю ни в каких богов.

— Знаю. Ты ни во что не веришь.

— Только в любовь. — Оденигбо глянул на Оланну. — Я верю в любовь.

Оланна невольно рассмеялась, едва не сказав, что любовь тоже не знает логики.

— Девочке нужно имя, — задумалась она.

— Мама назвала ее Обиагели.

— Это имя нельзя оставить. (Его мать не имела права называть внучку, от которой отказалась.) Будем звать ее Малышкой, пока не подберем подходящего имени. Кайнене предложила назвать ее Чиамака. Мне всегда нравилось это имя: «Бог прекрасен». Кайнене будет ее крестной. Схожу к отцу Дамиану и договорюсь о крестинах.

Надо съездить за покупками в «Кингсвей», заказать в Лондоне новый парик. У Оланны голова закружилась от счастья.

Малышка шевельнулась, и вновь Оланну объял страх. Глядя на кудряшки, лоснившиеся от детского масла, она сомневалась, хватит ли у нее сил, сможет ли она вырастить ребенка.

Вечером Оланна не раз пыталась дозвониться до Кайнене, но трубку никто не брал. Наверное, Кайнене была в Лагосе. Ночью Оланна позвонила

еще раз и услышала в трубке хриплый голос сестры:

— Алло.

— Эджимам, ты простыла? — встревожилась Оланна.

— Ты трахалась с Ричардом.

Оланна подскочила.

— Ты ведь у нас хорошая, — продолжала Кайнене ровным голосом. — Хорошие не спят с любовниками сестры.

Вновь опустившись на пуфик, Оланна поняла, что ей стало легче. Кайнене все знает. Больше не надо жить в страхе, что до сестры дойдет правда. Теперь она вольна испытывать искреннее раскаяние.

— Я должна была тебе рассказать... Это ничего не значило.

— Разумеется, ничего. Подумаешь, переспала с моим любовником.

— Прости, что так вышло. — Слезы застилали Оланне глаза. — Кайнене, прости меня, пожалуйста.

— Зачем ты это сделала? — Голос Кайнене звучал пугающе спокойно. — Ты ведь у нас хорошая, и красавица, и борец за свободу, всеобщая любимица. И белые мужчины не в твоём вкусе. Так зачем?

— Не знаю, Кайнене, само собой вышло. Я очень жалею. Такое не прощается.

— Да, не прощается. — Кайнене бросила трубку.

У Оланны словно что-то оборвалось внутри. Она хорошо знала сестру. Кайнене долго помнит обиды.

Ричард отколотил бы Харрисона палкой, если б мог. Его всегда передергивало от мысли, что англичане в колониях пороли черных слуг, даже стариков. Теперь же он охотно взял бы с них пример. Пнул бы Харрисона, чтобы тот растянулся ничком на земле, и бил, бил, бил, пока тот не научится держать язык за зубами. И дернул же его черт взять Харрисона с собой в Порт-Харкорт. Но Ричард собирался пробыть там целую неделю и не хотел оставлять беднягу одного в Нсукке. В день их приезда Харрисон, будто желая доказать, что его взяли сюда не зря, приготовил роскошный обед: грибной суп с бобами, салат из папайи, цыпленка под сливочным соусом с зеленью, а на сладкое — лимонный пирог.

— Bravo, Харрисон! — похвалила Кайнене с озорным огоньком в глазах. Она была в хорошем настроении: когда Ричард приехал, она повисла у него на шее и закужила в шуточном танце по натертому паркету

гостиной.

— Спасибо, мадам. — Харрисон раскланялся.

— А дома вы готовите то же самое?

Харрисон обиженно надулся.

— Дома я не готовить. Мой жена готовить местный блюд. — Я готовить любой европейский блюд, все, что мой хозяин кушать в своя страна.

— Наверное, вам тяжело дома есть местные блюда. — Кайнене подчеркнула слово «местные», и Ричард едва сдержал смех.

— Да, мадам. — Харрисон снова отвесил поклон. — Но надо себя заставлять.

— Ваш пирог вкуснее, чем тот, который я ела в прошлый раз в Лондоне.

— Спасибо, мадам. — Харрисон просиял. — Мой хозяин говорить, что все в доме мистера Оденигбо сказать то же самая. Раньше я давать моему хозяин с собой еда, но больше я не готовить для мистер Оденигбо, потому что он кричать на мой хозяина. Кричать как сумасшедша, весь улиц слышать. У него с головой непорядка.

Кайнене повернулась к Ричарду, подняла брови. Ричард сбил рукой стакан с водой.

— Я приносить тряпка, сэр, — засуетился Харрисон.

— Что это Харрисон несет? — спросила Кайнене, когда вытерли воду. — Революционер на тебя наорал?

Ричард мог бы солгать. Харрисон-то в тот раз ничего не понял. Но врать Ричард не стал, боясь запутаться. Если правду из него вытащит Кайнене, будет хуже вдвойне. И он рассказал Кайнене все как есть. Рассказал, как они с Оланной выпили белого бургундского и как потом он горько сожалел о случившемся.

Кайнене отодвинула тарелку, оперлась локтями о стол, опустила подбородок на сцепленные руки. Минута шла за минутой, а она все молчала. По лицу нельзя было прочесть ее мысли.

— Надеюсь, ты не станешь просить прощения, — проговорила она наконец. — Большой пошлости не придумаешь.

— Пожалуйста, не гони меня.

На лице Кайнене мелькнуло удивление:

— Выгнать? Не слишком ли просто?

— Я виноват перед тобой, Кайнене.

Ричард чувствовал себя прозрачным, казалось, Кайнене видит его насквозь. Она смотрела на него, а Ричарду чудилось, будто она различает

деревянную резьбу за его спиной.

— Значит, ты волочился за моей сестрой. Как все.

— Кайнене... — начал Ричард.

Она встала:

— Икеджиде! Убери со стола.

Они вдвоем выходили из столовой, когда зазвонил телефон. Кайнене не стала брать трубку, но телефон не умолкал, и ей пришлось ответить. Вернувшись в спальню, она сказала:

— Это Оланна.

Ричард не спускал с нее молящих глаз.

— Я могла бы простить, если бы ты переспал с кем — то еще. Только не с моей сестрой, — сказала Кайнене.

— Прости меня.

— Ночевать будешь в комнате для гостей.

— Да, да, конечно.

Ричард не мог угадать мыслей Кайнене, и это самое страшное. Он взбил подушку, поправил одеяло, устроился на кровати, попытался читать. Но мешали беспокойные мысли. Вдруг Кайнене позвонит Маду и все ему выложит, а Маду, вдоволь насмеявшись, скажет: «Зря ты с ним связалась, пусть убирается вон, вон, вон». Уже засыпая, Ричард вспомнил слова Мольера: «Безоблачное счастье может наскучить, в жизни никак нельзя обойтись без приливов и отливов».

Утром Кайнене встретила его с каменным лицом.

Дождь барабанил по крыше, и низкие тучи погрузили гостиную в полумрак. Кайнене сидела при свете с газетой и чашкой чая.

— Харрисон жарит блинчики. — Она снова уткнулась в газету.

Ричард сел напротив, не зная, куда деться, даже чаю налить было стыдно. Молчание Кайнене, звуки и запахи из кухни внушали ему тревогу.

— Кайнене... Давай поговорим.

Кайнене подняла взгляд, и Ричард увидел, что глаза у нее опухшие, воспаленные, полные обиды и гнева.

— Мы поговорим, когда я захочу, Ричард.

Ричард уставился в пол, как нашкодивший мальчишка, и вновь его охватил страх, что Кайнене попросит его навсегда исчезнуть из ее жизни.

Ближе к полудню раздался звонок в дверь, и когда Икеджиде объявил, что приехала сестра мадам, Ричард ждал, что Кайнене не пустит Оланну на порог. Но ошибся. Кайнене велела Икеджиде принести выпивку и спустилась в гостиную, а Ричард, стоя на лестнице, напряг слух. Слышен был плачущий голос Оланны, но слов не разобрать. Оденигбо говорил

мало, непривычно спокойным тоном. Потом Ричард услышал голос Кайнене, ясный и твердый: «Ждать от меня прощения глупо».

Наступила тишина, скрипнула дверь. Ричард подбежал к окну. Из ворот задним ходом выезжала машина Оденигбо, синий «опель», который завернул к нему во двор на Имоке-стрит. Тогда Оденигбо, в наглаженном костюме, выскочил с криком: «Держись подальше от моего дома! Понял? Держись подальше! Чтоб ноги твоей не было в моем доме!» А Ричард, стоя в дверях, ждал, что Оденигбо бросится на него с кулаками. Потом до него дошло, что Оденигбо вовсе не собирается его бить, — наверное, не хочет руки марать, — и эта мысль вогнала его в тоску.

— Подслушивал? — спросила Кайнене, входя в комнату. Ричард отвернулся от окна, а она, не дожидаясь ответа, добавила беззлобно: — Я и забыла, что у революционера внешность чемпиона по борьбе, — однако не без изящества.

— Я никогда себе не прощу, если потеряю тебя, Кайнене.

Она стояла с неподвижным лицом.

— Утром я взяла из кабинета твою рукопись и спалила.

Ричард не смог бы дать названия охватившим его чувствам. «Корзина рук», стопка страниц, что могла бы стать основой настоящей книги, потеряна безвозвратно. Никогда больше не повторить тот напор и мощь, что рвались наружу с каждым словом. Впрочем, разве это важно? Главное другое: спалив рукопись, Кайнене дала понять, что не бросит его; если бы она решила уйти, то вряд ли причинила бы ему боль. Может, у него и нет призвания к писательству. Он где-то читал, что для настоящего писателя его искусство важнее всего, даже любви.

6. Книга: Мир молчал, когда мы умирали

Он пишет о том, как мир молчал, когда биафрийцы умирали, и доказывает, что в молчании повинна Британия. Оружие и помощь, что Британия давала Нигерии, определили отношение других стран. Соединенные Штаты считали Биафру «областью интересов Британии». Премьер-министр Канады спросил: «А где это — Биафра?» Советский Союз посылал в Нигерию самолеты и специалистов, радуясь возможности расширить влияние в Африке, не задев при этом ни Америку, ни Британию. А белые расисты ЮАР и Родезии торжествовали, в очередной раз убедившись, что правительства, возглавляемые черными, обречены на провал.

Коммунистический Китай осудил англо-американо-советский империализм, но больше никак не поддержал Биафру. От Франции Биафра получала оружие, но так и не дождалась признания, нужного ей как воздух.

И наконец, многие страны Африки опасались, что вслед за Биафрой потребуют независимости и их территории, поэтому встали на сторону Нигерии.

Оланна вздрагивала при каждом раскате грома. Ей представлялось, что их опять бомбят, с самолета сыплются бомбы и одна из них может угодить в дом, прежде чем они с Оденигбо, Малышкой и Угву успеют добежать до бункера на той же улице. Порой ей бывало страшно, что бункер обвалится и раздавит их. Оденигбо вместе с соседями соорудили его за неделю. Вырыли яму величиной с большой зал, сделали крышу из пальмовых бревен, скрепленных глиной, и Оденигбо сказал: «Теперь нам нечего бояться, нкем. Нечего». Но когда он учил ее слезать по неровным ступеням, Оланна заметила свернувшуюся в углу кольцом змею. Серебристые метки поблескивали на ее черной коже, вокруг сновали сверчки, из ямы веяло могильной сыростью, и Оланна закричала.

Оденигбо убил змею палкой и пообещал понадежней приладить железный лист у входа в убежище. Оланна не понимала его спокойствия. О новом мире, в котором они оказались, о переменах в их жизни он говорил невозмутимым тоном. Когда Нигерия провела денежную реформу и Радио Биафра тоже спешно объявило о новой валюте, Оланна четыре часа простояла в очереди в банке, увертываясь от кулаков мужчин и тычков женщин, пока не обменяла нигерийские деньги на красивые биафрийские фунты. А потом, за завтраком, потрясла пухлым конвертом с банкнотами и объявила: «Вот вся наша наличность».

Оденигбо весело глянул на нее.

— Мы оба зарабатываем, нкем.

— У вас в директорате уже второй месяц задерживают зарплату. — Оланна взяла с блюдца Оденигбо пакетик чая и опустила в свою чашку. — А то, что мне платят в Аквакуме, — разве это деньги?

— Скоро мы заживем по-прежнему, но уже в свободной Биафре, — заверил Оденигбо обычным бодрым голосом.

Оланна прижалась к своей чашке щекой, чтобы насладиться теплом, чтобы оттянуть первый глоток жидкого чая из использованного пакетика. Оденигбо встал из-за стола и поцеловал ее на прощанье, а Оланна задумалась, почему его не пугает их бедность. Может быть, потому, что он не ходит на рынок и не знает, что стакан соли дорожает на шиллинг в

неделю, курицу рубят на мелкие кусочки, но цены все равно бешеные, а рис продают только маленькими пакетиками, потому что мешки никому не по карману. В ту ночь Оланна не издала ни звука, впервые в жизни она не разделяла его наслаждения. Он что-то нашептывал ей в ухо, а она оплакивала свои сбережения в лагосском банке.

— Нкем? Что с тобой? — Оденигбо приподнялся, взглянул на нее.

— Ничего.

Он поцеловал ее в губы, перевернулся на другой бок и захрапел сипло, с присвистом. Он очень уставал. Долгая дорога пешком в Директорат труда, каждодневное бездумное переписывание имен и адресов изматывали его, и все равно домой он возвращался с горящими глазами. После работы он с агитбригадой ездил по деревням просвещать народ. Оланна часто представляла, как Оденигбо, стоя в гуще восторженных селян, зычным голосом вещает о великом будущем Биафры. Его взгляд был устремлен в грядущее. Оланна скрывала от него свою тоску о прошлом, а сама что ни день вспоминала то шитые серебром скатерти, то свою машину, то любимое Малышкино печенье.

С тех пор как миссис Муокелу — учительница начальных классов в Аквакуме — рассказала ей, как солдаты загоняют детей в грузовик и везут молоть маниоку, а возвращают глубокой ночью, со стертymi в кровь ладонями, Оланна велела Угву не спускать с Малышки глаз. Впрочем, какой работник из такой крохи? Гораздо больше пугали Оланну воздушные налеты. Ей стал сниться один и тот же сон, будто она, забыв о Малышке, бежит в бункер, а после бомбежки натыкается на труп ребенка, настолько обезображенный, что уже нельзя сказать, действительно ли это Малышка. Сон преследовал Оланну. Она без конца заставляла Угву бегать с Малышкой на руках, прятаться в бункере, учила Малышку укрываться — лечь на живот, руки на затылок.

И все-таки Оланна беспокоилась, что сон предвещает несчастье. Когда на исходе сезона дождей Малышка начала кашлять с хрипами, Оланна испытала облегчение. С Малышкой все-таки стряслась беда. Если есть на земле высшая справедливость, злоключения военной поры не нагрянут все разом; если Малышка больна, то воздушные налеты ей не страшны. На кашель можно повлиять, на бомбежки — никак.

Оланна повезла Малышку в больницу «Альбатрос». Угву убрал пальмовые листья, которые маскировали машину Оденигбо, но всякий раз, стоило Оланне повернуть ключ, мотор со свистом глох. Угву, молодец, догадался толкнуть машину. Оланна вела автомобиль медленно и притормаживала, если Малышка кашляла. У поста, где дорогу

перегородили толстым бревном, Оланна сказала ополченцам, что ее дочь серьезно больна, те извинились и не стали обыскивать ни машину, ни сумочку Оланны. Полутемный больничный коридор пропах мочой и пенициллином. Женщины сидели с детьми на коленях или стояли, пристроив ребенка на бедре, и голоса их мешались с детским плачем. Доктора Нвалу, двоюродного брата Оденигбо, Оланна помнила со свадьбы. Он помог ей встать после бомбежки, когда на плечи ее была накинута рубашка Океомы.

Медсестрам она представилась его коллегой с прежней работы и сказала по-английски, четко выговаривая слова и гордо подняв голову: «Я по срочному делу». Медсестра тут же провела ее в кабинет. Одна из ждавших в коридоре женщин разразилась руганью:

— *Tufiakwa!*^[78] Мы здесь ждем с рассвета! И все потому, что не гнусавим, как белые?

Доктор Нвала, стройный и гибкий, поднялся с кресла, вышел навстречу Оланне, пожал ей руку и заглянул в глаза.

— Оланна.

— Как ваши дела, доктор?

— Ничего, справляемся. — Он похлопал Малышку по плечу. — А у вас?

— Все хорошо. Океома заходил к нам на прошлой неделе.

— Да, он заезжал ко мне на денек. — Доктор смотрел на нее, но, казалось, не слушал, точно был где-то далеко. Он выглядел потерянным.

— Малышка уже несколько дней кашляет.

— Вот как.

Доктор повернулся к Малышке, приставил к ее груди стетоскоп, что-то приговаривая, когда она кашляла. Затем подошел к аптечке, начал рыться среди пузырьков и пакетов с лекарствами, и Оланну переполнила жалость. Лекарств было негусто, а он возился так долго.

— Я дам вам сироп от кашля, но Малышке нужны антибиотики, а у нас они, к сожалению, кончились, — сказал доктор, снова глядя ей в глаза долгим, странным взглядом. Лицо у него было усталое и печальное. Может, недавно потерял кого-то из близких? — Я выпишу рецепт, а вы попробуйте купить с рук, только у надежных людей, конечно.

— Конечно, — эхом отозвалась Оланна. — Моя приятельница, миссис Муокелу, сумеет помочь. — Оланна поднялась. — Заезжайте к нам, когда будет время.

— Да. — Он задержал ее руку в своей чуть дольше, чем того требовали приличия.

— Спасибо, доктор.

— За что? Я почти ничем не могу помочь. — Доктор указал на дверь, и Оланна поняла, что он имел в виду женщин, ждавших в коридоре. Уходя, Оланна оглянулась на полупустую аптечку.

Утром, по дороге в начальную школу Аквакумы, Оланна пробежала через городскую площадь. Открытые пространства она старалась миновать побыстрее, спеша под густую листву деревьев, где можно, как ей казалось, укрыться от бомбежки. Под деревом на школьном дворе ватага мальчишек швыряла камнями, стараясь сбить манго. «Марш на урок, *osiso!*» — крикнула Оланна, и ребята бросились врассыпную, но вскоре опять вернулись. Раздались визг и гиканье, когда один плод свалился на землю, а следом — громкий спор, чей камень его сбил.

Миссис Муокелу, стоя в дверях класса, вертела в руках звонок. Ее мускулистые руки и ноги, поросшие жесткими черными волосками, пушок над верхней губой, курчавая щетина на подбородке наводили Оланну на мысль, что миссис Муокелу следовало родиться мужчиной.

— Не знаете, где бы мне достать антибиотики? — спросила Оланна после приветственного объятия. — Малышка кашляет, а в больнице их нет.

Миссис Муокелу глубокомысленно замычала. С ее блузы свирепо смотрел Его Превосходительство; блузу с его портретом миссис Муокелу носила каждый день и обещала носить, пока государство Биафра не установится окончательно.

— Лекарства продают все кому не лень, но откуда нам знать, кто толчет на заднем дворе мел и выдает за нивакин, — сказала она. — Оставьте мне деньги, я схожу к матушке Ониче. Уж она-то подделок не держит. За подходящую цену хоть грязные подштанники Говона продаст.

— Подштанники пускай оставит себе, а нам продаст лекарство, — засмеялась Оланна.

— Вчера мне было видение, — сообщила миссис Муокелу.

Блуза была ей не по росту, волочилась по земле, и Оланна боялась, что миссис Муокелу наступит на подол и упадет.

— И что вы видели?

Миссис Муокелу часто посещали видения. В прошлый раз ей привиделось, будто сам Оджукву ведет бой в секторе Огоджа, а это значило, что враг там разбит наголову.

— Как древние воины из Абирибы, с луками и стрелами, разили врага в секторе Калабар и всех перебили. И знаете, дети шли к источнику по вражьим костям.

— Вот как! — отозвалась Оланна, изобразив серьезную мину.

— Значит, Калабар никогда не завоюют. — Миссис Муокелу затрясла звонком.

У Оланны не было ничего общего с полуграмотной учительницей начальных классов из Эзиовелле, верившей видениям. Но, как ни странно, в миссис Муокелу ей чудилось что-то родное. Не оттого, что миссис Муокелу тоже заплетала волосы в косички, ходила с ней на собрания Общества женщин-добровольцев и учила ее заготавливать впрок овощи, а оттого, что она излучала отвагу, точь-в-точь как Кайнене.

В тот же вечер, когда миссис Муокелу принесла газетный кулек с капсулами антибиотика, Оланна позвала ее в дом и показала фотографию Кайнене у бассейна, с сигаретой во рту.

— Это моя сестра-двойняшка. Она живет в Порт — Харкорте.

— Сестра-двойняшка? — воскликнула миссис Муокелу, теребя пластмассовую половинку желтого солнца, висевшую на шнурке у нее на шее. — Чудеса, да и только! Я и не знала, что у вас есть сестра-двойняшка. Но вы ни капли не похожи, ничего общего.

— Рот у нас один и тот же, — сказала Оланна.

Миссис Муокелу, снова глянув на снимок, покачала головой.

— Ничего общего, — повторила она.

У Малышки от антибиотиков пожелтели белки глаз. Кашлять она стала меньше и не так хрипло, но совсем потеряла аппетит. Она размазывала по тарелке гарри, а кашу оставляла нетронутой, и та застывала комком. Оланна истратила почти все деньги из конверта на печенье и ириски в блестящих обертках, которые покупала у женщины, торговавшей за линией фронта, но даже эти лакомства Малышку не радовали. Оланна сажала Малышку на колени и насильно совала ей в рот ямсовое пюре, а когда девочка давилась и плакала, Оланна тоже не могла сдержать слез. Больше всего она боялась, что Малышка может умереть. Мучительный страх не покидал ее, отравлял мысли. Оденигбо забросил агитбригаду и после работы мчался домой. Оланна знала, что он разделяет ее беспокойство, но вслух они это не обсуждали, как будто облечь их страх в слова значило сделать смерть Малышки неизбежной. Они избегали этой темы до того утра, когда Оденигбо собирался на работу, а Оланна сидела, склонившись над спящей Малышкой. Звучный голос ведущего Радио Биафра наполнял комнату.

Страны Африки пали жертвой заговора британо — американских империалистов, использовавших рекомендации комитета как предлог для поставки вооружений Нигерии, чей марионеточный неокOLONиалистский режим доживает последние дни...

— Так и есть! — сказал Оденигбо, наскоро застегивая рубашку.

Малышка заворочалась в кровати. Личико ее осунулось, стало недетским — изможденное, с тонкой кожей.

— Малышке не выжить, — проговорила Оланна едва слышно.

Оденигбо замер, выключил радио, подошел и прижал к груди голову Оланны. Его долгое молчание подтверждало, что Малышке не миновать смерти. Оланна отпрянула.

— Ей нездоровится, вот она и не ест ничего, — сказал он, но голосу недоставало привычной твердости.

— Ты только посмотри, как она исхудала!

— Нкем, кашель проходит, а значит, вернется и аппетит.

Он не сказал тех слов, что она ждала от него, не взял на себя роль доброго вестника, не заверил, что Малышка поправится, а продолжил спокойно собираться на работу. На прощанье он поцеловал ее не обычным долгим поцелуем, а небрежно, на ходу, — тоже повод для недовольства. Слезы застилали Оланне глаза. Вспомнилась Амала. Она не подавала вестей с того самого дня в больнице, но теперь Оланна задумалась, надо ли будет дать ей знать, если Малышка вдруг умрет.

Малышка зевнула и проснулась.

— Доброе утро, мама Ола. — Даже голосок ее будто совсем истаял.

— Малышка, *ezigbo nwa*,^[79] как себя чувствуешь? — Оланна взяла девочку на руки, прижала к себе, и к горлу подступил комок — до чего исхудала, стала легче пуха. — Будешь кашку, детка? Или хлеба? Что ты хочешь?

Малышка мотнула головой. Оланна упрашивала ее выпить хоть капельку молочного коктейля, когда появилась миссис Муокелу с мешком из рафии и победной улыбкой.

— На Бишоп-роуд открылся центр помощи, и я туда помчалась с утра пораньше. Пусть Угву принесет миску.

Угву принес миску, и миссис Муокелу отсыпала туда желтого порошка.

— Что это? — удивилась Оланна.

— Яичный порошок. — Миссис Муокелу повернулась к Угву: — Пожарь для Малышки.

— Пожарить?..

— Ты что, глухой? Плесни туда воды и пожарь, *osiso!* Говорят, детям нравится.

Угву, смерив ее долгим взглядом, пошел на кухню. Яичный порошок, поджаренный на пальмовом масле, вышел мокрым, противно-желтым. Малышка съела все до капли.

Центр помощи располагался в здании бывшей женской школы. Глядя на обнесенный стеною и поросший травой школьный двор, Оланна пыталась представить, каким он был до войны, как спешили по утрам на занятия старшеклассницы, а по вечерам бегали к воротам на свидания со студентами из правительственного коллежда неподалеку. Теперь же, на рассвете, ржавые ворота были заперты. Снаружи толпился народ. Оланна смущенно стояла среди мужчин, женщин и детей, которые, казалось, давно привыкли ждать, когда их впустят и дадут продукты, присланные из-за границы неизвестно кем. Возникло чувство, что она поступает безнравственно, получая продукты задаром. За оградой сустились люди, стояли столы с мешками провизии, видна была табличка: «Всемирный совет церквей». Женщины в очереди, сжимая корзины, заглядывали за ограду и ворчали, что люди из центра тянут время. Мужчины переговаривались между собой; самый древний старик был в красном головном уборе вождя, украшенном пером. Особенно шумно вел себя какой-то юноша — выкрикивал что-то бессмысленное.

— Он контуженный, — шепнула миссис Муокелу.

Все остальное время миссис Муокелу молчала, потихоньку протискиваясь ближе к воротам, ведя за собой Оланну. Позади них кто-то начал рассказ об одной из побед Биафры. «Ей-богу, все солдаты-хауса как один развернулись и побежали — поняли, что перед ними грозная сила...» Голос рассказчика оборвался, когда из глубины двора к воротам вышел инспектор — стройный, в просторной футболке с надписью «Земля восходящего солнца», с пачкой бумаг в руках. Выступал он важно, широко развернув плечи.

— Тихо! Тихо! — скомандовал он, открывая ворота.

Стремительный натиск толпы застал Оланну врасплох. Ее чуть не сбили с ног. Толпа словно выпихнула ее одним выверенным движением, почуяв, что она здесь чужая. Стоявший рядом старик больно ткнул ее локтем в бок и устремился в ворота. Миссис Муокелу бросилась к одному из столов. Старик в шапке с пером упал, но тут же поднялся и, спотыкаясь, побежал занимать очередь. Охранники с длинными бичами рявкали: «Тихо! Тихо!» Женщины за столами с суровыми лицами опускали продукты в протянутые сумки и говорили: «Все, следующий!»

— Переходите туда! — приказала миссис Муокелу, когда Оланна встала за ней. — Там очередь за яичным порошком, идите туда. Здесь дают вяленую рыбу.

Оланна встала в очередь и едва удержалась, чтобы не толкнуть женщину, которая старалась оттеснить ее. Оланна пропустила женщину

вперед. Стоять в очереди за подачками было неловко, стыдно. Почти у самого прилавка она заметила, что в сумки и миски насыпают не желтый порошок, а белый — кукурузную муку. Яичный порошок раздавали в следующей очереди. Оланна поспешила туда, но женщина за столом встала и крикнула: «Желток кончился!»

У Оланны сжалось сердце, она бросилась следом за женщиной.

— Послушайте, — молила она.

— Что вам? — спросила женщина. Стоявший неподалеку инспектор обернулся и устремил взгляд на Оланну.

— Моя дочка больна... — начала Оланна.

Женщина перебила ее:

— Вон очередь за молоком.

— Нет, нет, она ничего не ест, только омлет из яичного порошка. — Оланна схватила женщину за руку. — *Viko*, пожалуйста, мне нужен порошок.

Женщина отпихнула ее, влетела в здание школы и хлопнула дверью. Оланна осталась снаружи. Инспектор, по-прежнему не спуская с нее глаз и обмахиваясь стопкой бумаг, сказал:

— А я вас знаю.

Оланна обернулась. Плешивый, бородатый. Нет, она такого не знала. Наверняка один из тех, кто говорит «мы знакомы», чтобы приударить за женщиной. Оланна пошла прочь.

— Ну, вспомните, — сказал инспектор. Он подошел ближе, улыбнулся дружески; лицо у него было открытое, радостное. — Несколько лет назад, в аэропорту Энугу, когда я встречал брата — он возвращался из-за границы. Вы говорили с моей мамой. Вы ее успокоили, когда самолет приземлился, а остановился не сразу.

С тех пор прошло лет семь. Оланна смутно припоминала тот день в аэропорту, его простонародный говор, волнение от предстоящей встречи с братом. Тогда он выглядел старше, чем сейчас.

— Так это вы? — спросила она. — Но как вы меня узнали?

— Да разве ваше лицо забудешь? Моя мама всем рассказывает о красавице, что держала ее за руку. Эту историю знает вся наша семья. Если кто заговаривает о возвращении брата, мама ее рассказывает.

— Как поживает ваш брат?

Инспектор просиял от гордости.

— Он большой человек в директорате. Это он устроил меня в центр помощи.

Оланна тотчас же подумала, не поможет ли он ей достать яичный

порошок. Но вслух спросила:

— Как ваша матушка, здорова?

— Здорова. Живет в Орлу, у брата. Она сильно хворала, когда моя старшая сестра не вернулась из Зарии. Мы все думали, эти дикие звери сделали с ней то же, что и с остальными, но сестра вернулась — друзья-хауса ей помогли, — и мама поправилась. То-то обрадуется она, когда я расскажу, что видел вас!

Он замолчал, глянул в сторону — возле одного из столов сцепились две девчонки, одна кричала: «Я говорю — рыба моя!» — а другая: «Тогда нам обеим не жить!»

Инспектор вновь обратился к Оланне:

— Схожу посмотрю, что там стряслось. А вы подождите у ворот. Я к вам пришлю кого-нибудь с яичным порошком.

— Спасибо. — Оланна обрадовалась, что он предложил, и все же было неловко. У ворот она притаилась в укромном уголке, чувствуя себя воровкой.

— Я от Окоромаду, — сказала ей в ухо молодая женщина, и Оланна подскочила на месте. Сунув ей в руку пакет, женщина повернула в глубь двора.

— Передайте от меня спасибо!

Если женщина и услышала, то виду не подала. Пакет приятно оттягивал руку, пока Оланна дожидалась миссис Муокелу. Дома Малышка съела все, оставив на тарелке только жир, и Оланна диву давалась, как не противен ребенку пластмассовый вкус сухого желтка.

Когда Оланна снова пришла в центр помощи, Окоромаду у ворот разговаривал с людьми. Некоторые из женщин держали под мышками свернутые циновки; они провели ночь у школы.

— Сегодня ничего нет. Грузовик, который вез нам продукты из Авомамы, ограбили по дороге, — говорил Окоромаду. Таким сдержанным тоном политические деятели обращаются к своим сторонникам. Окоромаду знал, что от него зависит жизнь людей, и явно наслаждался властью. — У нас вооруженная охрана, но грабят нас солдаты. Перекрывают дороги и обчищают грузовики, даже бьют водителей. Приходите в понедельник — может быть, мы откроемся.

К Окоромаду подскочила женщина и сунула ему в руки младенца:

— Тогда забирайте моего сына! Кормите, пока не откроется! — И двинулась прочь.

— Вернись, женщина! — Окоромаду держал ребенка на вытянутых руках, подальше от себя. Малыш был худенький, кожа да кости, и вопил во

все горло.

Остальные женщины накинулись на мать: «Родное дитя бросаешь? Побойся Бога!» — но не кто-нибудь, а миссис Муокелу подбежала к Окоромаду, забрала малыша и отдала матери.

— Берите ребенка, — сказала она. — Он не виноват, что продуктов сегодня нет.

Толпа разошлась. Оланна и миссис Муокелу тоже медленно пошли прочь.

— Неизвестно, вправду ли солдаты ограбили грузовик, — говорила миссис Муокелу. — Откуда нам знать, сколько эти самые инспекторы припрятали? Соли здесь никогда не дают — вся идет на продажу.

Вспомнив, как миссис Муокелу вернула матери младенца, Оланна сказала:

— Вы мне напоминаете мою сестру.

— Чем?

— Она очень сильная. Ничего не боится.

— На фотографии, что вы мне показывали, она курит. Как проститутка.

Оланна, застыв на месте, уставилась на миссис Муокелу.

— Я не говорю, что она проститутка. Я просто хочу сказать, что курить нехорошо, потому что курят проститутки.

Оланне показалось, что щетина на подбородке и руках у миссис Муокелу злобно топорщится. Оланна молча прибавила шагу, обогнала миссис Муокелу и даже не простилась с ней у поворота на свою улицу. Малышка ждала ее на крыльце рядом с Угву.

— Мама Ола!

Оланна обняла девочку, пригладила ей волосы. Малышка держала ее за руку, заглядывала в глаза.

— Ты принесла желток, мама Ола?

— Нет, детка. Но скоро принесу, — пообещала Оланна.

— Здравствуйте, мэм. Ничего нет? — спросил Угву.

— Не видишь разве, корзина пустая? — огрызнулась Оланна. — Ты что, ослеп?

В понедельник Оланна отправилась в центр помощи одна. Миссис Муокелу не зашла за ней с утра, не увидела ее Оланна и среди толпы. Ворота оказались на замке, во дворе — ни души, и Оланна прождала час, пока люди не начали расходиться. Во вторник ворота были заперты. В среду на них повесили новый замок. Только в субботу ворота открылись, и Оланна сама удивилась, до чего легко она влилась в толпу, как проворно

переходила из очереди в очередь, увертывалась от свистевших в воздухе палок охраны, толкалась в ответ на тычки. Оланна собиралась домой с мешочками кукурузной муки, сухого желтка и двумя вялеными рыбинами, когда появился Окоромаду.

Он помахал ей и окликнул:

— *Nwanyi ota! Красавица!*

Окоромаду до сих пор не знал ее имени. Он подошел, положил ей в корзину банку говяжьей солонины и убежал, будто и не сделал ничего. При виде длинной красной жестянки Оланна чуть не рассмеялась от нечаянной радости. Она достала банку, оглядела со всех сторон, провела рукой по прохладному металлу, а когда подняла взгляд, на нее в упор смотрел контуженный солдат. Оланна спрятала жестянку в корзину, прикрыла сверху сумкой, довольная, что миссис Муокелу нет рядом и не надо с ней делиться. Дома она попросит Угву приготовить мясное рагу, но часть мяса побережет на бутерброды, и они с Оденигбо и Малышкой устроят настоящее чаепитие по-английски.

Контуженный солдат вышел следом за ней из ворот. На пыльной дороге, что вела к шоссе, Оланна ускорила шаг, но ее обступили сразу пятеро таких же, все в изодранной военной форме. Все тыкали пальцами в ее корзину, бормотали что-то бессвязное, Оланна разбирала лишь отдельные слова: «Женщина!», «Сестрица!», «Дай!» «Мы умирать голодный смерть!»

Оланна крепче сжала корзину. Еще чуть-чуть — и она разревелась бы от страха и бессилия.

— Прочь отсюда! А ну убирайтесь!

Не ожидав такого отпора, солдаты на миг притихли, но тут же двинулись на нее все разом, точно ведомые внутренним голосом. Они подступали все ближе. Они были способны на все, что-то преступное, незаконное чувствовалось в них и их оглушенных взрывами мозгах. Страх пополам с яростью придал Оланне сил, она представила, как бросается на них, душит, убивает. Говяжьё солонину она никому не отдаст. Никому. Она отступила на пару шагов. И вдруг — все произошло так быстро, что Оланна не сразу поняла, что случилось, — солдат в синем берете рванул у нее из руки корзину, выхватил банку мяса и бросился наутек. Остальные за ним. Лишь один застыл на месте, разинув рот глядя на Оланну, но вскоре тоже пустился бежать, но не вдогонку за всеми, а в противоположную сторону. Корзина осталась на земле. Оланна зарыдала беззвучно, в бессильном отчаянии. Говяжьё солонина и не принадлежала ей по праву. Она подняла корзину, стряхнула песок с мешочка кукурузной муки и

поплелась домой.

Оланна и миссис Муокелу почти две недели избегали друг друга в школе, и потому Оланна удивилась, вернувшись однажды домой и застав на крыльце миссис Муокелу с ведром серой древесной золы.

Миссис Муокелу встала:

— Я пришла научить вас делать мыло. Знаете, как оно вздорожало?

Оланна помолчала, глядя на ветхую хлопчатобумажную блузу с сердитым лицом Его Превосходительства. Своим добровольным уроком миссис Муокелу явно пыталась загладить вину. Взяв ведро с золой, Оланна провела миссис Муокелу на задний двор и, когда та рассказала и показала, как делать мыло, припрятала ведро возле груды бетонных плит.

Оденигбо, услышав рассказ Оланны, только головой покачал. Они сидели под тростниковой крышей веранды, на деревянной скамейке у стены.

— Бессмысленная затея. Ну какой из тебя мыловар?

— Думаешь, не смогу?

— Лучше бы она извинилась перед тобой.

— Вообще-то я тоже хороша, слишком близко к сердцу приняла. Потому что Кайнене оскорбили. — Оланна заерзала на скамейке. — Не знаю, дошли ли до Кайнене мои письма.

Оденигбо ничего не сказал, просто молча взял ее за руку; Оланне было приятно, что они понимают друг друга без слов.

— А грудь у миссис Муокелу тоже волосатая? — поинтересовался Оденигбо. — Ты не в курсе?

То ли он сам не выдержал, то ли Оланна прыснула первой, но оба зашлись хохотом, чуть не упали со скамейки. Потом их от каждого пустяка разбирал смех. Оденигбо заметил, что на небе ни облачка, Оланна добавила: отличная погодка для бомбардировщиков — и оба расхохотались. С ними поздоровался соседский мальчонка в дырявых шортах, обветренная попка наружу, — ответив на приветствие, они загоготали еще пуще. Чудо-Джулиус застал их на скамейке, рука в руке, с влажными от смеха глазами. Его расшитый блестками китель сверкал на солнце.

— Я вас угощу самым лучшим пальмовым вином в муахии! Пусть Угву принесет бокалы. — Чудо-Джулиус поставил на стол небольшую канистру. Весь он, броском наряде, излучал радостную уверенность, будто ему все нипочем. Когда Угву принес бокалы, он сказал: — Слышали, что в Лагос пожаловал сам Гарольд Вильсон? А с ним — британская армия, нас добивать. Говорят, он прихватил два батальона.

— Садись, дружище, и брось пороть чушь, — сказал Оденигбо.

Чудо-Джулиус хохотнул и шумно глотнул вина.

— Я порю чушь? Ну-ка, где у вас радио? Вряд ли Лагос объявит на весь мир, что британский премьер прибыл на расправу с нами, зато эти придурки в Кадуне уж наверняка скажут.

Вышла Малышка в стареньком, поношенном платье.

— Здравствуйте, дядя Джулиус.

— Малышка-мышка! Как твой кашель? Проходит? — Чудо-Джулиус окунул палец в пальмовое вино и дал Малышке лизнуть. — Вот лучшее средство от кашля.

Малышка с довольным видом облизала губы.

— Джулиус! — возмутилась Оланна.

Чудо-Джулиус широко взмахнул рукой:

— Вино — великая сила!

— Иди к нам, Малышка, посиди со мной, — позвала Оланна, посадила девочку на колени, обняла. Какая радость, что Малышка меньше кашляет и хоть что — то ест.

Оденигбо достал из-под скамейки приемник. Резкий звук нарушил тишину, и Оланна сперва решила, что это помехи, но тут же поняла: воздушная тревога. Кто-то неподалеку крикнул: «Вражеский самолет!» Чудо-Джулиус скомандовал: «В убежище!» — и прыгнул с веранды, опрокинув канистру с вином. Соседи бежали, кричали, но Оланна не разбирала слов — в голове гудел сигнал тревоги. Она поскользнулась в луже вина, ушибла колено. Оденигбо помог ей встать, схватил на руки Малышку и бросился в укрытие. С неба дождем посыпались пули, когда Оденигбо придерживал железный лист у входа в бункер и все забирались внутрь. Оденигбо спустился последним. Угву прилетел прямо из кухни, с ложкой, измазанной супом.

Прогредел первый взрыв. За ним — еще и еще, ближе, громче, содрогнулась земля. Плакали дети, женщины молились в голос. Оланне казалось, что мочевого пузыря у нее вот-вот лопнет и исторгнет не мочу, а смесь молитв, что она шептала. К ней вплотную стояла женщина с ребенком на руках, мальчиком младше Малышки. В полутьме бункера Оланна различила на теле малыша белые струпья: стригущий лишай. Новый взрыв сотряс землю. И вдруг все смолкло. Воздух был так тих, что, когда выбирались из бункера, слышны были крики птиц вдалеке. Пахло гарью.

— Молодцы наши зенитчики! — воскликнул кто-то.

— «Биафра победит!» — запел Чудо-Джулиус, и вскоре вся улица подхватила:

Биафра победит!
Ни броневик, ни миномет,
Ни истребитель-самолет
Не смогут сокрушить Биафру!

Оланна смотрела на Оденигбо, захваченного песней, и тоже попыталась подпевать, но слова не шли с языка. Болело ушибленное колено. Взяв за руку Малышку, Оланна медленно пошла в дом.

Вечером, когда Оланна купала Малышку, вновь прозвучал сигнал тревоги. Выхватив голенькую девочку из ванны, Оланна побежала на улицу. Мокрая Малышка чуть не выскользнула у нее из рук. Отовсюду несясь рев самолетов и треск зениток, и зубы у Оланны выбивали дробь. Она нырнула в бункер.

— Где Оденигбо? — хватилась она чуть погодя и вцепилась в руку Угву: — Где твой хозяин?

— Где-то здесь, мэ. — Угву крутил головой.

— Оденигбо! — крикнула Оланна.

Он не отозвался. Оланна не помнила, чтобы он заходил в бункер, — значит, до сих пор где-то снаружи. От мощного взрыва у нее заложило ухо, казалось, мозг вытечет, если наклонить голову набок. Оланна протискивалась к выходу из бункера. Угву окликал ее, женщина из соседнего дома звала: «Вернитесь! *Ebe ka I na-eje*, вы куда?»

Не обращая на них внимания, Оланна выбралась из бункера и от слепящего солнечного света едва не лишилась чувств. Сердце у нее колотилось, но она бежала и звала Оденигбо, пока не увидела его склонившимся над распростертым на земле человеком. Она смотрела на Оденигбо — волосатая грудь, небритый подбородок, рваные шлепанцы, — и от внезапной мысли о хрупкости всего живого, о том, что и он может умереть, к горлу подступил комок, сердце сжалось. Всклипнув, Оланна прильнула к нему. Соседний дом был объят пожаром.

— Нкем, ничего страшного, — пробормотал Оденигбо. — Его задело, но рана, похоже, неглубокая. — Отстранив Оланну, он опять склонился над раненым, которому перевязывал руку своей рубашкой.

Утром небо было похоже на море в штиль. Оланна заявила, что не пойдет на работу и Оденигбо не отпустит: надо на весь день спрятаться в бункере.

Оденигбо рассмеялся.

— Глупости.

— Все равно никто не приведет детей в школу.

— И чем ты будешь заниматься? — поинтересовался Оденигбо ровным тоном; так же спокойно он храпел всю ночь, пока Оланна лежала без сна, в поту, и ей слышались взрывы бомб.

— Не знаю.

Оденигбо чмокнул ее.

— В случае тревоги беги в убежище и ничего не бойся. Возможно, я немного задержусь, если поеду с агитбригадой в Мбайсе.

Сначала его беспечность разозлила Оланну, но потом, наоборот, успокоила. Она верила его словам, но лишь пока он был рядом. Как только дверь за ним закрылась, Оланна почувствовала себя совершенно незащитной. Она не стала принимать ванну, не решалась выйти в уборную, ни разу не присела, боясь задремать и не услышать сирену. Она пила воду, чашку за чашкой, уже раздуло живот, а во рту по-прежнему было сухо.

— Мы идем на весь день в бункер, — сказала Оланна Угву.

— В бункер, мэм?

— Ты слышал.

— Нельзя весь день просидеть в бункере, мэм.

— Я сказала, будем сидеть в бункере.

Угву пожал плечами:

— Да, мэм. Взять с собой еду для Малышки?

Оланна не ответила. Она залепила бы ему по физиономии при малейшем намеке на ухмылку. Впрочем, и по глазам видно, что его разбирает смех: надо же — взять тарелку с Малышкиной кашей и заползти на весь день в сырую яму!

— Собирай Малышку, — велела Оланна и включила радио.

— Да, мэм, — отозвался Угву. — *O nwere igwu.*^[80] Я сегодня нашел яйца у нее в волосах. Яйца вшей. Но всего два.

— Вши? Какие вши? Откуда у Малышки вши? Я ее держу в чистоте. Малышка! Малышка! — Оланна притянула девочку к себе и начала расплетать косички. — От соседских детей набралась, от грязнуль, с которыми играешь! — У Оланны тряслись руки, она нечаянно дернула прядку, и Малышка заплакала. — Стой тихо! — шикнула Оланна.

Малышка вывернулась, подбежала к Угву и встала с ним рядом, глядя на Оланну исподлобья, как на чужую. Их молчание разорвал гимн Биэфры по радио:

Земля рассвета, наш любимый край,

Обитель славы, родина героев!
Мы защитим себя или погибнем,
Заплатим жизнью мы за самое святое.

Они дослушали гимн до конца.

— Выведи Малышку на веранду и будь начеку, — устало попросила Оланна.

— В бункер не идем? — уточнил Угву.

— Просто выведи ее на веранду.

— Да, мэм.

Оланна крутила ручку настройки. Жаль, рано еще — не настал час сводок с фронта, огневых речей о мощи Биафры, нужных Оланне как воздух. По Би-би-си передавали военные новости: посланцы от римского Папы, от Организации африканского единства, от Содружества прибывали в Нигерию с предложением мира. Оланна слушала рассеянно и выключила, услышав, что Угву с кем-то разговаривает. Она поспешила на улицу посмотреть, кто пришел. Миссис Муокелу стояла за спиной Малышки и заплетала ей косички, которые распустила Оланна. Волосы у нее на руках лоснились, словно их хорошенько намазали пальмовым маслом.

— Вы тоже не пошли в школу? — спросила Оланна.

— Я знала, что родители не пустят детей на занятия.

— Ну конечно, кто же пустит? Нас бомбят без остановки!

— А все из-за приезда Гарольда Вильсона, — фыркнула миссис Муокелу. — Хотят его поразить, чтобы он привел сюда всю британскую армию.

— Чудо-Джулиус то же говорит, но быть такого не может!

— Быть не может? — Миссис Муокелу улыбнулась, как будто Оланна ляпнула несусветную глупость. — А кстати, насчет этого Чудо-Джулиуса, — вы знаете, что он продает фальшивые пропуска?

— Он армейский интендант.

— Может, он и поставляет армии всякую мелочевку, но еще и торгует поддельными пропусками. Брат у него большой начальник, и они заодно. Из-за таких всякая шушера и бегаёт с пропусками. — Миссис Муокелу заплела очередную косичку, погладила Малышку по голове. — Его брат — преступник. Говорят, он всем своим родственникам-мужчинам сделал отсрочки от армии. А знали бы вы, что он вытворяет с молоденькими девушками, которые ищут богатых покровителей! Заводит в спальню сразу по пять! Таких мерзавцев, как он, надо расстрелять, когда Биафра победит!

Оланна подскочила.

— Это самолет? Самолет?

— *Kwa*, откуда? — засмеялась миссис Муокелу. — Дверь у соседей скрипнула, а вы уж сразу — самолет.

Оланна опустила на пол веранды и вытянула ноги. Страх отнял у нее все силы.

— Слыхали, что наши сбили их бомбардировщик под Икот-Экпене? — продолжала миссис Муокелу. — сбил не кто-нибудь, а мирный житель, охотничьим ружьем! Видать, нигерийцы такие безмозглые, что всякий, кто с ними свяжется, тоже теряет разум. Россия с Британией дали им самолеты, а эти олухи даже летать на них не умеют, вот и приглашают белых летчиков, но и те в цель не попадают. Ха! Половина их бомб вообще не взрывается!

— Зато другой половины хватит, чтобы всех нас перебить, — вздохнула Оланна.

Миссис Муокелу пропустила ее слова мимо ушей.

— Говорят, перед нашими минами-огбунигве они от страха дрожат! В Афикпо одна такая мина убила несколько сот человек, целый нигерийский батальон разбежался в ужасе. Ничего подобного они прежде не видали. Нам еще есть чем их удивить! — Миссис Муокелу усмехнулась, покачала головой, дернула половинку пластмассового солнца на шее. — Говон послал их бомбить рынок Авгу после полудня, когда торговля в разгаре. Он запретил Красному Кресту присылать нам продукты, запретил *крат-крат*, [\[81\]](#) чтобы уморить нас голодом. Да только ничего у него не выйдет. Если бы к нам, как к Нигерии, само шло в руки оружие и самолеты, война давным-давно кончилась бы и все вернулись в родные дома. Но мы все равно победим! Разве Бог спит? Нет!

Взвыла сирена. Оланна так давно ждала сигнала тревоги, что вздрогнула еще до того, как услышала. Она кинулась к Малышке, но Угву уже схватил девочку на руки и помчался к бункеру. Рев самолетов показался Оланне далеким громом, а за ним раздались зенитные очереди. Забираясь в убежище, Оланна подняла голову. Бомбардировщики ястребами неслись над землей, низко-низко, в клубах сизого дыма.

Когда покидали убежище, кто-то крикнул:

— Бомбили начальную школу!

— Нашу школу разбомбили, варвары, — сказала миссис Муокелу.

— Гляньте-ка, еще один бомбардировщик! — Соседский парень со смехом показал на грифа в небе.

Оланна и миссис Муокелу вместе со всеми поспешили к начальной

школе Аквакумы. Навстречу им двое мужчин несли обугленный труп. Дорогу к школе разворотила воронка от бомбы, такая огромная, что в нее мог провалиться и грузовик. Крыша учебного корпуса превратилась в груды бревен, железа, мусора; и свой кабинет Оланна не узнала. Все окна в здании выбило взрывом, на школьном дворе, где дети всегда возились в песке, кусок шрапнели оставил в земле изящный след. Помогая выносить немногие уцелевшие стулья, Оланна не переставала удивляться, что смертоносный металл может выписывать на земле такие красивые завитки.

На следующее утро тревогу не объявляли. Оланна разводила кукурузную муку для Малышкиной каши, когда внезапно раздался гул бомбардировщиков — и она похолодела. Пришла чья-то смерть. Возможно, сегодня все они умрут. Смерть казалась единственной реальностью, пока Оланна сидела в убежище, сжавшись в комок, растирала землю в пальцах и ждала, когда бункер взлетит на воздух. Взрывы звучали все ближе и громче, земля дрожала. Оланна ничего не чувствовала, словно душа отделилась от тела. Прогремел еще взрыв, снова содрогнулась земля, захихикал кто-то из голых малышей, поймав сверчка. Взрывы смолкли, народ вокруг зашевелился. Если бы она умерла, а вместе с ней Оденигбо, Малышка, Угву, в бункере все так же пахло бы свежей землей, как на вспаханном поле, и так же всходило бы солнце, и прыгали бы сверчки. Война продолжалась бы, но уже без них. Мысль о собственном ничтожестве заставила позабыть о страхе, привела Оланну в бешенство. Ну уж нет, она не жалкая песчинка. Пока Биафра не победила, нельзя существовать в ожидании смерти, нельзя позволять вандалам диктовать условия твоей жизни.

Оланна первой выбралась из бункера. Рядом с мертвым ребенком каталась по земле женщина. «Говон, что я тебе сделала? Говон, *olee ihe m mere gi?*» — рыдала она. Несколько женщин поставили ее на ноги. «Тише, хватит плакать, — говорили они. — Подумай о других своих детях!»

Оланна пошла на задний двор, достала ведро с золой и начала просеивать. Разводя огонь, она закашлялась — от дыма щипало в носу.

Угву наблюдал за ней.

— Давайте я сам, мэм.

— Не надо. — Оланна высыпала золу в таз с холодной водой и размешала с такой силой, что облила ноги. Поставила таз на огонь. Угву молча ушел в дом — наверняка почувствовал ярость, что кипела в ней. Женщина на улице уже охрипла от плача. «Говон, что я тебе сделала? Говон, *olee ihe m mere gi?*» — повторяла она. Оланна добавила в остывшую смесь пальмового масла и мешала, мешала, покуда руки не онемели от

усталости. Все доставляло ей удовольствие: и струйки пота под мышками, и сила в каждом ударе сердца, и пахучее пенящееся месиво, которое у нее получилось. Она сделала мыло.

На другое утро по дороге в школу Оланна не стала перебегать площадь. Осторожность — признак слабости и безверия. Она шла твердой поступью, то и дело вскидывая голову и выискивая в ясном небе бомбардировщики, — покажись они только, она зашвыряет их камнями, осыплет проклятиями. На уроки пришло не больше четверти класса. Ребята сидели на струганых досках, и неяркое утреннее солнце светило в комнату, лишенную крыши. Оланна, развернув полотняный флаг Биафры, который взяла у Оденигбо, объяснила смысл символов. Красный цвет — это кровь наших братьев и сестер, убитых на Севере, черный — скорбь по ним, зеленый — грядущее процветание Биафры и, наконец, половина желтого солнца — славное будущее. Она научила ребят салютовать, как Его Превосходительство, и велела срисовать портреты двух вождей — ее собственные наброски. Его Превосходительство вышел у нее крепким, мускулистым и был обведен толстым контуром, а замухрышка Говон был нарисован тонкими линиями.

Нкирука, ее лучшая ученица, оттенила лица и несколькими штрихами снабдила Говона злобным оскалом, а Его Превосходительству подарила широкую улыбку.

— Я хочу убить всех вандалов, мисс, — сказала Нкирука, подходя к Оланне, чтобы отдать рисунок. На губах ее играла улыбка отличницы, осознающей свою правоту.

Дома, когда Оденигбо вернулся, Оланна рассказала ему, как легко слетело с уст ребенка слово «убить» и как ее обожгло чувство вины. Они сидели в спальне, тихо бормотало радио, за стеной звонко смеялась Малышка.

— Никого она не собирается убивать, нкем. Просто ты привила ей любовь к родине. — Оденигбо избавился от туфель.

— Не знаю, не знаю...

Однако слова Оденигбо и гордость на его лице воодушевили Оланну. Ему понравилось, что в этот раз она горячо говорила о правом деле, как полноправная его участница.

— Красный Крест сегодня вспомнил о нашем директорате. — Оденигбо кивнул на коробку, что принес с работы.

Оланна открыла коробку и выложила на кровать пузатые банки сгущенки, высокую узкую жестянку молочного коктейля и пачку соли. Настоящее сокровище. Звучный голос сообщил по радио, что доблестные

защитники Биафры теснят врага под Абакалики.

— Давай устроим праздник! — воскликнула Оланна.

— Праздник?

— Пусть скромный, но все же праздничный ужин. Ну, знаешь, как когда-то в Нсукке.

— Войне скоро конец, нкем, и мы вволю напразднуемся в свободной Биафре.

— Верно, но и война нам не помешает устроить праздник.

— Нам и для себя едва хватает.

— Для себя у нас более чем достаточно.

Слова ее вдруг обрели иной смысл, она отступила и одним движением сдернула через голову платье. Расстегнула ему брюки. Даже зная, что за стенкой Угву с *Малышкой*, она не могла сдержать стоны. Волна за волной накатывало первобытное удовольствие. Наконец *оба* в изнеможении откинулись на спину, задыхаясь и смеясь.

Угву терпеть не мог продукты из центра помощи. Рис мучнистый, совсем не то что длинные узкие зернышки в Нсукке, кукурузная мука слипалась в горячей воде комьями, а сухое молоко оседало на дне чашек. Угву скривился, отмеряя сухой желток. Неужели эта гадость получается из нормального куриного яйца? Всыпал порошок в тесто, размешал. Во дворе грелся на огне котел, до середины наполненный белым песком; чуть погода, когда раскалится, нужно будет поставить в песок тесто. Этому способу печь пироги Оланну научила миссис Муокелу. Угву сперва решил, что ничего путного не выйдет, миссис Муокелу чего только не сочинит, надоумила, к примеру, Оланну варить самодельное мыло — темно-бурую мешанину, по виду как детский понос. К удивлению Угву, первый опыт Оланне удался на славу. Оланна, правда, смеялась. Сказала, что эта смесь муки, пальмового масла и сухого желтка недостойна гордого имени пирога, зато хотя бы мука не пропала.

Угву злился на Красный Крест: чем присылать одну муку, спросили бы лучше у биафрийцев, какие им нужны продукты. Когда открылся новый центр помощи — куда Оланна пошла с четками на шее, узнав от миссис Муокелу, что в «Каритас» благоволят к католикам, — Угву надеялся, что продукты будут поприличней. Но Оланна принесла все то же самое, а вяленая рыба оказалась еще солоней. А Оланна все равно радовалась и

весело мурлыкала песенку.

Если Оланна возвращалась ни с чем, то не пела. Устроившись на веранде, она смотрела вверх, на тростниковую крышу, и вздыхала:

— Помнишь, Угву, как мы выливали мясной суп уже на второй день?

Угву жаждал сам пойти в центр помощи, уверенный, что Оланна, с ее манерами настоящей леди, дожидалась своей очереди, пока все не разберут. Да только не мог он пойти — Оланна больше не выпускала его из дому до заката. Носились слухи, что молодых парней силком забирают в армию. Соседского мальчишку и вправду среди бела дня увели, забрили в солдаты и тем же вечером отправили необученного на фронт, но все-таки зря Оланна так боялась, зря не пускала его на рынок, а за водой посылала до рассвета.

Угву услышал голоса из гостиной: Чудо-Джулиус едва не перекрикивал Хозяина. Угву прикинул, чем ему заняться. Вынуть пирог, а потом прополоть грядку с чахлой зеленью? Или просто посидеть на бетонных плитах, поглазеть на соседний дом? Вдруг выйдет Эберечи, крикнет: «Как дела, сосед?» Угву махнет в ответ, а про себя представит, как хватает ее за попку. Просто удивительно, до чего хорошо на душе, когда она с ним здороваётся. Пирог вышел с хрустящей корочкой, а внутри мягкий, влажный; Угву порезал его тонкими ломтиками и подал на блюдцах. Чудо-Джулиус и Оланна сидели в гостиной, а Хозяин стоял рядом и, размахивая руками, рассказывал, как ездил с агитаторами в деревню, где местные жители принесли в жертву в святилище бога ойи козу, чтобы избежать нападения врага.

— Целую козу! Столько белковой пищи пропало зря! — расхохотался Чудо-Джулиус.

Хозяин даже не улыбнулся.

— Нельзя недооценивать психологического значения подобных обрядов. Мы никогда не уговариваем их съесть козу, вместо того чтобы приносить ее в жертву.

— О, пирог! — Чудо-Джулиусу и вилка не понадобилась — он сунул в рот кусок целиком. — Обьедење, обьедење! Угву, моим домашним надо бы у тебя поучиться, они только и умеют, что чин-чин, изо дня в день все чин-чин да чин-чин, к тому же пресный и твердый. Бедные мои зубы!

— Угву у нас мастер, — согласилась Оланна. — Повариху из бара «Восходящее солнце» заткнет за пояс.

Зашел профессор Эквенуго, стукнув в открытую дверь. Руки его были в грязно-белых бинтах.

— Что с тобой, дружище? — встревожился Хозяин.

— Обжегся слегка. — Профессор растерянно глянул на свои забинтованные руки, словно только сейчас понял, что ему не удастся погладить свой длинный ноготь. — Мы делаем нечто грандиозное.

— Неужто первый биафрийский бомбардировщик? — поддразнила Оланна.

— Нечто грандиозное, со временем оно себя покажет, — загадочно улыбнулся профессор Эквенуго. Ел он неуклюже, крошки осыпались, пока он нес кусок до рта.

Хозяин подхватил шутливый тон:

— Держу пари, это прибор для обнаружения диверсантов.

— Чертовы диверсанты! — Чудо-Джулиус сплюнул. — Продали Энугу! Бросили мирных жителей — пусть, мол, защищают нашу столицу с одними мачете в руках! И Нсукку точно так же сдали — ни с того ни с сего вдруг взяли и отступили. Наверняка у кого-то из командиров жена-хауса. Небось подмешала ему в еду зелья.

— Энугу мы отвоюем, — заверил профессор Эквенуго.

— Как отвоюем, если вандалы там всюю хозяйничают? Сиденья от унитазов и те тащат. Сиденья от унитазов! Мне один беженец из Уди рассказал. Они занимают лучшие дома, а хозяйских жен и дочерей заставляют стряпать и раздвигать ноги.

Угву представил маму, Анулику, Ннесиначи под грязным, черным от солнца солдатом-хауса, представил так живо, что содрогнулся. Он вышел во двор и зажмурился. Может быть, враги уже в поселке, заняли тетушкин дом, крытый рифленным железом. А может быть, его семья бежала, прихватив кур и коз, как все те люди, что стекались в Умуахию. Угву видел беженцев, с каждым днем они прибывали — новые лица на улицах, у городского колодца, на рынке. В дверь к ним то и дело стучали женщины с голыми тощими ребятишками и предлагали работать за еду. Иногда, прежде чем отказать, Оланна приносила им размоченное в холодной воде гарри. Миссис Муокелу приютила у себя родню, восьмерых человек. Детей она приводила поиграть с Малышкой, и после их ухода Оланна каждый раз просила Угву проверять волосы Малышки на вшей. Все соседи брали к себе родственников. К Хозяину тоже приезжали двоюродные братья, жили в гостинной, а через несколько недель уехали на фронт. Напуганных, измученных, бездомных людей было так много, что угву не удивился, когда однажды Оланна пришла домой и сказала, что начальную школу превращают в лагерь для беженцев.

— Уже привезли бамбуковые кровати и посуду. На будущей неделе приезжает новый директор по мобилизации. — Голос у Оланны был

усталый. Приподняв крышку кастрюли, она уставилась на кусочки вареного ямса.

— А как же дети, мэм?

— Я спросила директрису, не переведут ли школу в другое здание, а она только расхохоталась. Оказывается, мы последние. Все школы давно превратили в лагеря для беженцев или в армейские лагеря. — Оланна накрыла кастрюлю крышкой. — Буду вести занятия здесь, во дворе.

— С миссис Муокелу?

— Да. И с тобой, Угву. Тебе тоже дадим класс.

— Да, мэм! — Радость и гордость переполнили Угву. — Мэм? Как думаете, наш поселок заняли?

— Нет, конечно, — отрезала Оланна. — Слишком он мал. С какой стати им там задерживаться? Нечего им делать в таком захолустье. Скорее уж заняли университетский городок.

Взгляды их встретились; повисло тяжелое, недоброе молчание.

— Продам свои коричневые туфли матушке Ониче, сошью Малышке новое красивое платье, — со вздохом проговорила Оланна.

Угву принялся мыть посуду.

Угву увидел, как по дороге мчится черный «мерседес-бенц», на номерной табличке значилось «Директор», возле дома Эберечи огромный автомобиль замедлил ход, и Угву понадеялся, что машина остановится, и шофер спросит у него дорогу до начальной школы. Тогда он вдоволь налюбовался бы на приборную панель. Машина не просто остановилась, она въехала прямо к ним во двор. Не успел заглухнуть двигатель, выскочил помощник в накрахмаленной форме и отдал честь, когда из машины выбрался директор.

Это был профессор Эзека. Он казался ниже ростом, чем Угву помнил, округлился, шея стала не такая тощая. Угву смотрел на него во все глаза. Профессор Эзека весь лоснился, одет был с иголки, но надменное лицо и хриплый голос остались прежними.

— Молодой человек, дома ли хозяин?

— Нет, сэр, — ответил Угву. В Нсукке профессор Эзека называл его по имени, а сейчас вроде и не узнал. — Он на работе, сэр.

— А хозяйка?

— Ушла в центр помощи, сэр.

Профессор Эзека знаком велел помощнику принести листок бумаги, нацарапал записку и протянул Угву. Его серебряная ручка сверкала.

— Передай им, что приезжал директор по мобилизации.

— Да, сэр.

Угву вспомнил, как в Нсукке профессор Эзека брезгливо разглядывал бокалы, как сидел, скрестив тощие ноги, и спорил с Хозяином. Когда машина отъехала — медленно-медленно, точно напоказ всей улице, — к Угву подошла Эберечи.

— Как дела, сосед?

— Хорошо. А у тебя?

Эберечи передернула плечами: ничего.

— Это сам директор по мобилизации только что от вас уехал?

— Профессор Эзека? — небрежно уточнил Угву. — Да, он наш старый знакомый из Нсукки. Он каждый день к нам заходил, ел мою перцовую похлебку.

— Вот как! — Эберечи засмеялась, широко раскрыв глаза. — Большой Человек! *Ihukwara moto*, видел его машину?

— Ходовая часть импортная.

Они помолчали. Никогда прежде они не вели таких долгих бесед, и никогда Угву не видел Эберечи так близко. Он старался смотреть не вниз, на ее восхитительные бедра, а на ее лицо, большие глаза, прыщики на лбу, острые косички. Эберечи тоже смотрела на него, и Угву было неловко за свои брюки с дырой на колене.

— Как поживает девочка?

— Малышка? Отлично. Спит.

— Придешь маскировать школьную крышу?

Угву знал, что армейский подрядчик бесплатно прислал рифленое железо, чтобы перекрыть сорванную крышу начальной школы, а добровольцы маскируют ее пальмовыми листьями. Но сам он туда не собирался.

— Приду.

— Тогда до встречи.

— Пока. — Угву дождался, когда Эберечи повернула к дому, чтобы еще раз полюбоваться ее попой.

Вернулась Оланна с пустой корзиной, прочла записку профессора Эзеки, улыбаясь уголком рта.

— Да, мы только вчера узнали, что он и есть новый директор. Записка в его духе.

Записку Угву прочитал: «Оденигбо и Оланна, заскочил поздороваться. На той неделе зайду еще, если позволит нудная должность. Эзека», но все равно спросил: «Почему, мэм?»

— Видишь ли, ему всегда жилось чуточку лучше, чем всем остальным. — Оланна положила записку на стол. — Профессор Ачара

обещал достать нам книги, скамейки, классные доски. Многие женщины согласились уже со следующей недели присылать к нам детей на занятия. — Она светилась радостью.

— Это замечательно, мэм. — Угву переминался с ноги на ногу. — Пойду маскировать школьную крышу. Когда вернусь, приготовлю Малышке еду.

Оланна вздохнула — она постоянно боялась, как бы его не угнали в солдаты.

— Думаю, надо помогать в таких делах, мэм, — прибавил Угву.

— Конечно, иди. Только осторожней.

Угву сразу заметил Эберечи среди остальных. Люди разбирали ворох пальмовых листьев, обрезали их, связывали и передавали мужчине, стоявшему на деревянной лестнице.

— Сосед! — обрадовалась Эберечи. — Я тут всем рассказываю, что твои домашние знакомы с самим директором!

Угву с улыбкой поздоровался со всеми. Кругом забормотали: «Добрый день, нно, *kedu*» — с восхищенным уважением. Знакомство с директором придало ему вес. Кто-то протянул нож для работы. На крыльце женщина толкла дынные семечки, девчонки играли в карты под деревом манго. Сильно воняло тухлятиной.

— Представь, каково жить в таком месте, — прошептала Эберечи, наклонившись к Угву. — А теперь, когда взяли Абакалики, сюда еще больше людей придет. С жильем стало совсем плохо. Те, которые работают в директоратах, и вовсе спят в машинах.

— Верно, — согласился Угву, хотя точно не знал, правда ли это. Ему нравилось, что Эберечи разговаривает с ним запросто, как со старым приятелем. В одном из классов включили радио: доблестные солдаты Баяфры завершали операцию по очистке захваченной территории от врага — название сектора Угву не расслышал.

— Наши ребята задали им жару! — улыбнулась женщина, которая толкла дынные семечки.

— Баяфра победит, это написано Богом на небесах, — сказал мужчина с бородой, заплетенной в тощую косицу.

Эберечи, прыснув, шепнула Угву:

— Деревенщина. Даже не знает, как называется его страна. «Баяфра»! — передразнила она.

Угву засмеялся. В пальмовых листьях кишели толстые черные муравьи, Эберечи взвизгнула и глянула на него беспомощно, когда один заполз ей на руку. Угву смахнул его. Кожа у Эберечи была теплая, чуть

влажная. Эберечи, видно, хотелось, чтобы Угву до нее дотронулся, — не похожа она на тех, кто вправду боится муравьев.

С охапкой пальмовых листьев в руках Угву остановился по пути к лестнице и заглянул в один из бывших классов. Всюду кастрюли, циновки, жестяные ящики, бамбуковые кровати — казалось, комната всегда служила пристанищем для тех, кому некуда больше податься. Женщина с младенцем, привязанным к спине, мыла в кастрюле с грязной водой очищенные клубни маниоки. Личико у ребенка было сморщенное. Угву чуть не задохнулся: вонь стояла ужасная. Несло выгребной ямой, прогорклыми вареными бобами и тухлыми яйцами.

Задержав дыхание, Угву вернулся к вороху пальмовых листьев.

— Наш город никогда не сдался бы, не будь среди нас диверсантов! — заявил мужчина с бородой-косицей. — Я был в народном ополчении и знаю, сколько мы обнаружили. — Он умолк и обернулся на крики мальчишек, игравших посреди школьного двора в войну. Всем лет по десять-одиннадцать, на головах — банановые листья, в руках — бамбуковые стебли вместо винтовок. Самая длинная винтовка принадлежала командиру биафрийцев — рослому скуластому пацану.

— Вперед! — крикнул он.

Мальчишки двинулись ползком.

— Огонь!

Швыряя камни, с винтовками наперевес, бойцы ринулись в атаку.

Бородатый захопал в ладоши.

— Молодцы, ребята! Дай им в руки оружие — и они прогонят врагов.

Со всех сторон раздались аплодисменты и одобрительные возгласы. О пальмовых листьях на время забыли.

— Знаете, я с самого начала войны рвался в армию, — рассказывал бородатый. — Куда я только не ходил! Но нигде меня не брали из-за ноги.

— А что у вас с ногой? — спросила женщина с дынными семечками.

Он повыше поднял ногу. Половина ступни была отрублена, а то, что осталось, походило на сморщенный клубень ямса.

— Потерял на Севере, — объяснил он.

Воцарилось молчание. Из класса вдруг выскочила маленькая девчонка, за ней гналась женщина, осыпая ее затрецинами.

— Говоришь, всего одну тарелку разбила? Ну же, давай, бей остальные! *Kiwa ha*, бей! У нас их много, да? Мы ж всю посуду привезли с собой, так? Бей! — кричала она.

Девочка спряталась за деревом манго. Мать постояла, побранилась, предупредила духов, надоумивших дочь перебить все тарелки, что у них

ничего не выйдет, и вернулась в класс.

— Ребенок разбил тарелку — подумаешь, велика беда! Есть-то из этих тарелок все равно нечего! — угрюмо сказала одна из женщин, все засмеялись, а Эберечи, наклонившись к Угву, шепнула, что у бородатого воняет изо рта, вот его и не взяли в армию. Угву тянуло прижаться к ней.

Уходили они вместе, и Угву оглянулся, чтобы убедиться, что все заметили. Мимо прошел солдат в форме биафрийской армии и шлеме, выкрикивая невнятицу на ломаном английском. Шел он пошатываясь, чуть не падая. У него была одна рука, вторая обрублена выше локтя. Солдат кричал: «Не промахнись! Один враг — одна пуля, раз — и готово!» Мальчишки, окружив его, смеялись, дразнили, улюлюкали.

Эберечи посмотрела ему вслед.

— Мой брат ушел в армию в самом начале войны.

— Я не знал.

— Да. Домой он приезжал всего однажды. Встречала его вся улица, и все пацаны дрались за то, чтобы потрогать его форму.

И она замолчала до самого дома.

— До завтра, Угву.

— До завтра, — отозвался Угву. И пожалел, что о многом не успел ей сказать.

Угву расставил скамьи: три — на веранде, для класса Оланны, две — у ворот, для учеников миссис Муокелу, а для своих первоклашек — еще две у бетонных плит.

— Математика, английский и граждановедение — каждый день, — объясняла Оланна Угву и миссис Муокелу за день до начала занятий. — Постараемся, чтобы после войны дети легко влились в обычную школу. Научим их говорить на безупречном английском и безупречном игбо, как Его Превосходительство. Научим их гордости за нашу великую родину.

Угву смотрел на Оланну, гадая, откуда блеск в ее глазах — то ли слезы, то ли отсветы солнца? Он хотел перенять как можно больше у нее и миссис Муокелу, стать прекрасным учителем, показать, на что он способен. В первый день занятий он пристраивал классную доску у наполовину спиленного дерева, когда пришла родственница Чудо-Джулиуса с дочерью. Женщина смерила Угву взглядом и поинтересовалась у Оланны:

— И это тоже учитель?

— Да.

— Он ведь ваш слуга? — взвизгнула она. — С каких это пор слуги стали учить детей?

— Не хотите, чтобы ваша дочь училась, — ведите ее домой.

Женщина ушла, волоча за руку дочь. Угву приготовился к сочувственному взгляду Оланны, точно зная, что ее жалость расстроит его еще больше, но Оланна дернула плечом:

— Скатертью дорожка. У ее дочери вши. Я сразу увидела яйца у нее в волосах.

Другие родители вели себя иначе. На Оланну, с ее удивительно красивым лицом, скромными расценками и безупречным английским, взирали с почтением. Ей несли пальмовое масло, ямс и гарри. Одна женщина, которая торговала за линией фронта, пришла с курицей. Армейский поставщик явился с двумя детьми и коробкой книг — книги для чтения, «Чике и река»,^[82] восемь адаптированных изданий «Гордости и предубеждения».

Но когда Оланна, открыв коробку, радостно обняла его, Угву стала противна похотливая улыбочка гостя.

Уже через неделю Угву убедился, что миссис Муокелу не хватает знаний. Простенькие примеры она решала с трудом, читала вслух тихо, монотонно, будто боясь запнуться, бранила учеников за ошибки, не объясняя при этом, как правильно. И Угву стал наблюдать только за Оланной. Каждый день она заставляла ребят читать вслух, так же делал и Угву. Лучше всех получалось у Малышки. В классе она была самой младшей — в свои неполные шесть лет училась вместе с семилетками, — но без ошибок читала несложные английские слова, произнося их точь-в-точь как Оланна. Зато она все время забывала, что к нему нужно обращаться «учитель», и в классе звала его по имени.

В конце второй недели, когда дети разошлись по домам, миссис Муокелу попросила Оланну посидеть с ней в гостиной.

— Я кормлю двенадцать ртов, — начала она, зажав между колен полы длинной блузы. — Муж на войне потерял ногу, какой из него работник? Я буду торговать за линией фронта, попробую раздобыть соли. А в школе больше работать не могу.

— Понимаю, — кивнула Оланна. — Но как вы будете добираться туда и возвращаться домой?

— Есть у меня знакомая — поставляет армии гарри и ездит на грузовике с вооруженной охраной. Грузовик нас довезет до Уфумы, а оттуда пойдем пешком туда, где легче перейти границу.

— Далеко идти?

— Миль пятнадцать-двадцать, смелому не помеха. Возьмем с собой нигерийские деньги, купим соли и гарри и вернемся к грузовику. Многие этим занимаются-и ничего. — Миссис Муокелу поднялась. — Пусть Угву

меня замещает. Я точно знаю, он справится.

Угву как раз кормил Малышку супом и сделал вид, что не слышал.

Со следующего дня Угву стал замещать миссис Муокелу. Его радовал блеск в глазах старших детей, когда он объяснял значение слов, нравилось, как Хозяин хвалился Чудо-Джулиусу: «Моя жена и Угву меняют лицо нового поколения биафрийцев своей сократической педагогикой», но особенно — как Эберечи шутя называла его «учитель». Она зауважала его. Если она, стоя возле дома, смотрела, как Угву ведет урок, Угву старался говорить громче, произносил слова отчетливей. Она стала заходить после занятий — посидеть с ним на заднем дворе, поиграть с Малышкой или посмотреть, как Угву полет грядку с зеленью. Иногда Оланна поручала ей отнести кукурузу на молотилку.

Как-то Угву стащил часть молока и сахара, что Хозяин принес из директората, переложил в старые жестянки и отдал Эберечи. Она поблагодарила, но равнодушно. Тогда Угву одним жарким полднем прокрался в комнату Оланны и отсыпал в самодельный бумажный пакетик душистого порошку. Ему хотелось во что бы то ни стало поразить Эберечи. Она понюхала, припудрила шею и сказала:

— Я не просила у тебя порошку.

Угву рассмеялся. Впервые он чувствовал себя с ней совершенно свободно. Она рассказала, как родители втолкнули ее к офицеру в спальню, а Угву сделал вид, будто не знал этой истории.

— У него было толстое брюхо, — продолжала она безразличным тоном. — Он все сделал быстро и велел лечь на него сверху. Когда он уснул, я хотела уйти, но он проснулся и запретил. Я всю ночь не спала, смотрела, как у него текут слюни. — Эберечи помолчала. — Потом он нам помог. Устроил брата в штаб армии.

Угву отвел взгляд. Он злился, что ей пришлось через это пройти, а еще больше был зол на себя за непристойные мысли, за то, что во время ее рассказа представлял ее голой. Позже он не раз воображал себя в постели с Эберечи — для нее все было бы совсем иначе, чем с полковником. Он обращался бы с ней бережно, как она того заслуживает, и делал бы только то, что ей нравится, только то, что она хочет. Показал бы ей позы из «Краткого руководства для пар», которое читал у Хозяина в Нсукке. Тоненькая книжица пылилась на полке в кабинете; наткнувшись на нее во время уборки.

Угву второпях пролистал ее, мельком проглядев карандашные наброски, — все на них было ненастоящее и оттого волновало еще больше. Угву позаимствовал брошюру и читал по ночам у себя во флигеле. Он

подумывал попробовать позу-другую с Чиньере, но не стал: ее упорное молчание во время их ночных свиданий исключало всякую новизну. Жаль, что книга осталась в Нсукке, неплохо было бы освежить в памяти кое-какие тонкости.

Угву готовил Малышке завтрак, а Хозяин принимал ванну, когда Оланна позвала их из гостиной. Радио орало на весь дом. Оланна кинулась на задний двор, к будке, с приемником в руке:

— Оденигбо! Оденигбо! Танзания нас признала!

Вышел Хозяин с влажным покрывалом вокруг пояса.

Его довольное лицо выглядело непривычно без толстых очков.

— Танзания нас признала! — повторила Оланна.

— Да ты что!

Хозяин и Оланна обнялись, прижались губами к губам, будто на двоих у них было одно дыхание.

Хозяин взял приемник и стал крутить ручку.

— Давай-ка послушаем, что другие говорят.

И «Голос Америки», и французское радио — Оланна переводила слова диктора — передавали: Танзания первой признала Биафру как независимое государство. Наконец-то Биафра существует!

— Ньерере^[83] войдет в историю как борец за правду, — сказал Хозяин. — Конечно, многие другие страны тоже признали бы нас, но из-за Америки боятся. Америка — камень преткновения!

Угву не совсем понял, почему из-за Америки другие страны не признают Биафру, — он-то считал, что виновата Британия, — но в тот же день повторил слова Хозяина Эберечи, с умным видом, как свои собственные.

Был знойный полдень, и, когда Угву пришел, Эберечи спала на циновке в тени веранды. Он окликнул ее.

Эберечи вскочила с красными глазами, обиженная, что разбудили. Но при виде Угву улыбнулась.

— Учитель, вы освободились?

— Слышала, что Танзания нас признала?

— Да, да. — Эберечи потеряла глаза и засмеялась, и от ее радостного смеха у Угву потеплело на душе.

— Многие другие страны не признают нас из-за Америки; Америка — камень преткновения!

Они сидели рядом на ступеньках.

— А у нас еще одна хорошая новость, — сказала Эберечи. — Мою тетю назначили местным представителем «Каритас». Она обещала

устроить меня на работу в центр помощи при церкви Святого Иоанна. Значит, буду приносить больше вяленой рыбы!

Она протянула руку и игриво ущипнула Угву за шею. Угву мечтал не просто стиснуть ее голую попку, а каждый день засыпать и просыпаться с ней рядом, говорить с ней, слышать ее смех. Она была как вторая Ннесиначи, только настоящая. Ему нравилось все, что она говорила и делала, но уже не в мечтах, а наяву. На него будто снизошло озарение, он готов был повторять снова и снова, что любит ее. Любит. Но вслух он этого не сказал. Они хвалили Танзанию, мечтали о вяленой рыбе, болтали обо всем подряд, когда по улице пронесся «пежо». Дав задний ход с громким визгом шин — водитель явно хотел покрасоваться, — машина остановилась перед домом. На борту алели неровные буквы: «Армия Биафры». Из машины вылез солдат с винтовкой. Эберечи поднялась, когда он подошел к ним.

— Вы Эберечи?

Она кивнула с опаской.

— А вы... насчет моего брата? Что-то случилось с моим братом?

— Нет. — Хитрая усмешка солдата сразу не понравилась Угву. — Вас спрашивает майор Нвогу. Он здесь, в баре.

— Ах! — Эберечи застыла с раскрытым ртом, прижав руку к сердцу. — Иду, иду. — Она бросилась в дом.

Ее внезапную радость Угву счел предательством. Солдат не спускал с него глаз. Угву поздоровался.

— Ты кто такой? — спросил солдат. — Штатский без определенных занятий?

— Я учитель.

— *Оnye nkuzi?* Учитель? — Солдат помахивал винтовкой.

— Да, — отвечал Угву по-английски. — Мы даем уроки местным детям, учим их биафрийской национальной идее. — Он старался говорить по-английски как Оланна и надеялся, что его напыщенный тон отобьет у солдата охоту расспрашивать.

— Что за уроки? — пробубнил солдат. Недоверие на его лице теперь было разбавлено уважением.

— В основном граждановедение, математику и английский. Директор по мобилизации выделил нам деньги.

Солдат продолжал сверлить его взглядом.

Из дверей выбежала Эберечи: лицо напудрено, брови подведены, губы ярко накрашены.

— Едем, — сказала она солдату и добавила шепотом Угву на ухо: —

Если меня будут искать — скажи, я ушла к Нгози.

— Что ж, господин учитель, до скорого. — попрощался солдат, и Угву почудился в глазах этого болвана — недоучки злорадный блеск.

Обида, смятение и стыд лишили Угву сил. Не верилось, что Эберечи только что попросила его солгать, а сама убежала на свидание с женщиной, о котором он прежде не слышал от нее ни слова. Угву пересек улицу на дрожащих ногах. Весь остаток дня был омрачен, и Угву не раз подумывал пойти в бар — посмотреть, что там творится.

Уже стемнело, когда Эберечи постучалась в заднюю дверь.

— Знаешь, что бар «Восходящее солнце» переименовали? — спросила она смеясь. — Теперь он называется «Танзания»!

Угву молчал, глядя на нее.

— Сегодня там играли танзанийскую музыку, танцевали, а какой-то богачей угостил всех пивом и курицей за свой счет, — тараторила Эберечи.

Он все молчал. Ревность поднималась в нем из самого нутра, сжимала горло, душила.

— А где тетя Оланна?

— Читает с Малышкой, — процедил Угву. Хотелось схватить ее и вытрясти всю правду об этом дне, что она делала с этим типом, куда девалась помада с губ.

Эберечи вздохнула.

— Водички бы попить. Во рту пересохло от пива.

Угву был поражен, что она ведет себя естественно, совершенно как всегда. Он налил ей полную чашку воды, Эберечи махом выпила.

— С майором я познакомилась несколько недель назад, он меня подвозил по дороге в Орлу, но я и не думала, что он меня помнит. Он милый. Я ему сказала, что ты мой брат. Он обещал позаботиться, чтобы тебя не забрали в армию. — Эберечи как будто гордилась своим поступком, а Угву было нестерпимо больно, словно ему вырывали зубы, один за другим.

— Пойду уберу со стола, — сказал он холодно. Он не нуждался в услугах ее любовника.

Эберечи выпила еще чашку воды и попрощалась.

Угву перестал заходить к Эберечи. Он не отвечал на ее приветствия, его выводили из себя ее непрерывные расспросы: «Что с тобой, Угву? Чем я тебя обидела?» Мало-помалу она перестала обращаться к нему. Ну и ладно. И все-таки Угву выбегал на каждый шорох колес — не «пежо» ли это с надписью «Армия Биафры»? Он видел, как Эберечи куда-то уходит по утрам, и думал, что на свидания к майору, пока однажды вечером она не

зашла к ним с вяленой рыбой для Оланны. Угву отворил дверь и взял сверток без единого слова.

— Такая славная девочка, *ezigbo nwa*, — сказала Оланна. — В центре помощи она на своем месте.

Угву не ответил. Восхищение Оланны задело его, как и расспросы Малышки, когда тетя Эберечи снова придет с ней поиграть. Лучше бы они тоже возмутились ее предательством, думал Угву, надо рассказать обо всем Оланне. Вообще-то Угву никогда еще не говорил с ней о чем-то интимном, но чувствовал, что мог бы. В пятницу Хозяин после работы отправился с Чудо-Джулиусом в бар «Танзания», Оланна с Малышкой пошли проведать миссис Муокелу, а Угву, поджидая их, полол грядку и мучился тревогой, что история его пустяковая. Вдруг Оланна только посмеется над ним снисходительно? Эберечи ведь ничего ему, Угву, не обещала. Впрочем, ей ли не знать о его чувствах? Даже если она не может ответить взаимностью, какой надо быть бессердечной, чтобы ткнуть ему в физиономию своим любовником-офицером!

Услыхав голос Оланны, он собрался с духом и зашел в дом. Они были в гостиной, Малышка сидела на полу и разворачивала какой-то газетный сверток.

— Здравствуйте, мэм, — сказал Угву.

Оланна обернулась, остановила на нем невидящий взгляд, и Угву похолодел. Что-то случилось. Может, она узнала, что он стащил для Эберечи сгущенку? Но глаза Оланны были совсем пустые — значит, дело не в этой краже месячной давности. Случилась большая беда. Сердце у него сжалось от дурного предчувствия.

— Погибла мать твоего хозяина.

Слова ее будто застыли, повисли в воздухе. До Угву не сразу дошел их смысл.

— Нам сообщил двоюродный брат Хозяина, — продолжала Оланна. — Ее застрелили в Аббе.

— Ох... — Угву попытался вспомнить Матушку, какой он видел ее в последний раз, когда она стояла под деревом кола и ни в какую не хотела бросать дом. Не получалось. Вспоминался лишь смутный образ — Матушка в Нсукке, на кухне, со стручком перца в руках. На глаза Угву навернулись слезы. О каких еще бедах предстоит узнать? А вдруг вандалы-хауса заняли и его родной поселок? Вдруг его маму тоже убили?

Вернулся Хозяин и ушел к себе в спальню, а Угву задумался, как быть — постучаться к нему или подождать, пока он выйдет сам? Решил подождать. Зажег керосинку стал мешать Малышкину кашу. Сейчас он

жалел, что злился на Матушку за ее пахучие супы.

В кухню зашла Оланна.

— Зачем ты включил керосинку? — закричала она. — *I na ezuzu-ezuzu?*

[84] Совсем спятил? Я велела не жечь зря керосин!

— Но, мэ... — изумился Угву, — вы просили готовить Малышке еду на керосинке.

— Ничего я такого не говорила! Ступай во двор, разжигай костер!

— Простите, мэ.

Нет, он ничего не перепутал, это были ее собственные слова. Теперь одну Малышку кормили три раза в день, остальные только завтракали и ужинали, и Оланна просила Угву готовить Малышке обед на керосинке, потому что от дыма костра Малышка кашляла.

— Знаешь, сколько стоит керосин? Раз ты живешь на всем готовом, значит, можешь все транжирить? У вас в поселке даже дрова роскошь, разве нет?

— Простите, мэ.

Оланна опустилась на бетонную плиту. Угву развел огонь, доварил Малышкину кашу. Он чувствовал на себе взгляд Оланны.

— Твой хозяин со мной не разговаривает, — прошептала она и снова умолкла.

Угву сделалось неуютно: никогда еще Оланна не говорила с ним о Хозяине так откровенно.

— Очень жаль, мэ. — Угву присел с ней рядом, хотел положить ей на плечо руку, чтобы утешить, но не смог, рука повисла в воздухе.

Оланна со вздохом поднялась и ушла. Из дома вышел Хозяин.

— Мадам сказала мне, что случилось, — проговорил Угву. — Ндо. Соболезную.

— Да, да, — ответил Хозяин и быстро зашагал к ветхой постройке с душем и уборной.

Угву растерялся: что это за разговор? Смерть Матушки требовала совсем иных слов и гораздо больше времени. А Хозяин едва взглянул на него. Позже, когда зашел Чудо-Джулиус выразить соболезнования, Хозяин был столь же краток и сух.

— Без жертв не обойтись. Смерть — цена нашей свободы, — сказал он, резко встал и скрылся в спальне, оставив Оланну в слезах наедине с Чудо-Джулиусом.

Угву думал, что на другой день Хозяин не пойдет на работу, но тот с утра принял душ даже раньше обычного. Он не притронулся ни к чаю, ни к вчерашнему ямсу, что разогрел Угву. И рубашку в брюки не заправил.

«Туда не попасть, Оденигбо», — твердила Оланна, торопясь за Хозяином, пока тот шел к машине. Хозяин убрал с крыши автомобиля пальмовые листья. Оланна говорила без остановки, но слов было не разобрать. Хозяин молча склонился над открытым капотом. Потом он сел в машину и тронулся, коротко махнув на прощанье. Оланна пустилась следом. У Угву мелькнула шальная мысль, что она помчалась вдогонку за машиной Хозяина, но Оланна вскоре вернулась.

— Он сказал, что должен похоронить ее. Но ведь все дороги захвачены, все дороги захвачены...

Она не сводила глаз с ворот. При каждом звуке, будь то грохот грузовика, птичий щебет, детский плач, она вскакивала со скамьи на веранде, летела к воротам и глядела на дорогу. Мимо прошагал с песней отряд добровольцев, вооруженных мачете. Вел их однорукый.

— Госпожа учительница! Так держать! — крикнул один из них, завидев Оланну. — Мы идем на вылазку! Идем бить диверсантов!

Оланна встрепенулась:

— Поищите моего мужа на синем «опеле»!

Однорукый обернулся и помахал ей с озадаченным видом.

Полуденное солнце жгло даже сквозь тростниковую крышу веранды. Малышка резвилась босиком во дворе. В ворота въехала длинная американская машина Чудо — Джулиуса, и Оланна вскочила:

— Вы его не видели?

— Ну кто сказал Оденигбо, что можно прорваться через дороги, захваченные врагом? Кто? — обеспокоенно спросил Чудо-Джулиус, не выходя из машины.

Угву хотелось заткнуть Чудо-Джулиусу рот. Не ему судить Хозяина. Чем щеголять тут в своем дурацком кителе, отправлялся бы искать Хозяина.

Когда Чудо-Джулиус уехал, Оланна опустилась на пол веранды, уронив голову на руки.

— Принести воды, мэм?

Оланна мотнула головой. Угву смотрел на закат. Тьма напозла быстро, внезапно, без постепенного перехода от дня к ночи.

— Что же мне делать? — всхлинула Оланна. — Что делать?

— Хозяин вернется, мэм.

Но Хозяин не возвращался. Оланна просидела на веранде до полуночи, прислонившись лицом к стене.

В дверь позвонили. Ричард приглушил радио, сложил листы бумаги в стопку и пошел открывать. На пороге стоял Харрисон: голова, шея, руки, ноги ниже шорт цвета хаки — все было в кровавых бинтах.

От вида крови Ричарду сделалось дурно.

— Боже, Харрисон! Что с вами?! На вас напали?

— Здравствуйте, хозяин.

Харрисон вошел в дом, поставил на пол потрепанную сумку и расхохотался. Ричард смотрел на него в изумлении. Харрисон принялся снимать окровавленный бинт с головы, сдернул повязку. Голова была цела — ни раны, ни царапины.

— Это свекла, сэр. — Харрисон снова рассмеялся.

— Свекла?

— Да, сэр.

— То есть... не кровь?

— Нет, сэр.

Харрисон шагнул в гостиную и хотел встать в уголке, но Ричард предложил ему сесть, и Харрисон примостился на краешке стула. Улыбка сошла с его лица, когда он заговорил.

— Я бежать из моя поселка, сэр. Я никому не сказать, что наша поселка скоро захватить. А то люди подумать, что моя диверсант. Но все уже знать, что враг не сильно далека. Два дня назад мы слышать огонь, но городской совет говорить, что это наша войска учится. И я увозить мой семья и коза на далека-далека ферма. А сам начать бежать в Порт-Харкорт, потому что не знай, что случилось с хозяин. Многа неделя назад я вам передать письмо с шофером профессора Блайден.

— Никакого письма я не получал.

— Он глупец, — буркнул Харрисон и продолжал: — Я намочать тряпка в свекольна сок, повязать как бинт и всем говорить, что я попадать под бомба. Только так ополченцы меня пустить в грузовика. Они пускать только женщина, дети и раненый.

— И что там в Нсукке? Как вы бежали?

— Прошло уже многа месяц, сэр. Когда с неба начинать падать бомба, я услышать бах-бах и собрать ваша вещи, а рукписон прятать в коробка и зарывать в саду, рядом с тот маленький цветочка, который Джомо садить в прошла раз.

— Вы закопали рукопись?

— Да, сэр, чтобы на дорога никто не отнять.

— Ты сделал все правильно, — кивнул Ричард. Глупо было надеяться, что Харрисон привезет с собой «В век оплетенных сосудов». — Как же вы жили все это время?

— Голодать, сэр. Моя семья смотрят на коз.

— Зачем?

— Смотрят, что козы кушать, а потом заваривать этот самый травка и поить детей. Чтобы не было квашиоркора.^[85]

— Ясно, — кивнул Ричард. — Ступайте во флигель для слуг, примите душ.

— Да, сэр. — Харрисон поднялся.

— И что вы теперь собираетесь делать? Хотите вернуться домой?

Харрисон теребил повязку на руке, пропитанную свекольным соком.

— Нет, сэр. Я ждать, пока война кончится, а пока стряпать для хозяин.

— Хорошо, — отозвался Ричард. Это к лучшему, что двое из слуг Кайнене ушли в армию и остался один Икеджиде.

— Но, сэр... Люди говорить, Порт-Харкорт скоро возьмут. Враг наступать, у них многа британский корабля. Они вести огонь рядом с город.

— Примите душ, Харрисон.

— Да, сэр.

Оставшись один, Ричард сделал погромче радио. Ему нравился мелодичный, с арабским акцентом, голос ведущего Радио Кадуна, но противна была злорадная уверенность, с которой он повторял: «Порт-Харкорт освобожден! Порт-Харкорт освобожден!» О падении Порт-Харкорта твердили уже два дня. Би-би-си тоже утверждала, что неизбежное падение Порт-Харкорта — это конец Биафры; Биафра потеряет жизненно важный морской порт и аэропорт, лишится контроля над нефтью.

Ричард выдернул бамбуковую затычку из бутылки на столе и наполнил бокал. От розового вина по телу разлилось приятное тепло. Его переполняли противоречивые чувства — радость, что Харрисон жив, горечь, что рукопись осталась в Нсукке, тревога за судьбу Порт-Харкорта. Прежде чем налить второй бокал, он прочел надпись на бутылке: «Республика Биафра, Научно-Производственный директорат, херес, 45 %». Ричард не спеша потягивал вино. Маду в прошлый раз принес два ящика, пошутив, что спиртное местного разлива в бутылках из-под пива — тоже часть кампании «Все для победы».

— Говорят, сам Оджукву пьет эту бурду, хотя я сомневаюсь, — сказал Маду. — Лично я пью только белое — розовое неизвестно чем подкрашивают.

Ричарда злила фамильярность Маду, называвшего Его Превосходительство «Оджукву», но он молчал, не желая видеть ухмылку Маду. С той же ухмылкой Маду говорил Кайнене: «Мы заправляем машины керосином пополам с пальмовым маслом»; «Мы усовершенствовали наши мины»; «Мы сделали броневик из металлолома». Его «мы» носило оттенок исключительности. Маду сознательно подчеркивал это слово, понижал голос, намекая, что Ричард — не часть этого «мы».

Поэтому несколько недель назад Ричард растерялся, услышав от Кайнене:

— Маду предлагает тебе писать статьи для Директората пропаганды. Он достанет тебе особый пропуск и бензин, чтобы ты мог всюду ездить. Твои статьи будут отправлять за границу, нашим представителям.

— Почему я?

Кайнене пожала плечами:

— А почему нет?

— Он меня ненавидит.

— Так уж и ненавидит. Не преувеличивай. Думаю, им нужны свои люди с опытом, знающие ситуацию изнутри, чтобы писать статьи, где фигурирует не только число убитых.

«Свои люди». Ричард был вдохновлен, но вскоре его одолели сомнения. Свой человек он для Кайнене, а не для Маду. Маду считает его чужаком — возможно, именно поэтому и выбрал его. Когда Маду позвонил и спросил, согласен ли он, Ричард ответил отказом.

— Хорошо подумали? — спросил Маду.

— Вы бы мне не предложили, не будь я белый.

— Разумеется, я предлагаю, потому что вы белый. Статьи белого будут воспринимать всерьез. Видите ли, если уж начистоту, это не ваша война, не ваша идея. Ваше правительство эвакуирует вас по первому зову. Чтобы поддержать Биафру, мало кричать «ура». Если и вправду хотите помочь, помогите делом. Расскажите миру правду — мир не может молчать, когда мы умираем. Белому, живущему в Биафре, к тому же не профессиональному журналисту, должны поверить. Расскажите о том, как мы держимся и побеждаем, хотя нас каждый день бомбят нигерийские самолеты с русскими и египетскими пилотами, убивая женщин и детей; как союз нечестивых — СССР и Британии — снабжает Нигерию оружием; как американцы отказались нам помочь; как наши самолеты с гуманитарной помощью летают по ночам без огней, потому что днем их сбивают нигерийцы...

Маду остановился перевести дух, и Ричард воспользовался паузой:

— Я согласен.

«Мир не может молчать, когда мы умираем». Эта Фраза Маду с тех пор преследовала его.

В первой статье Ричард рассказал о взятии Оничы. Писал, что нигерийцы не раз пытались захватить этот древний город, но биафрийцы стояли насмерть; что дым от пылающего моста через Нигер заволок небо. Он описал католическую церковь Святой Троицы, где солдаты Второй нигерийской дивизии испражнились на алтарь, перед тем как перебить двести мирных жителей.

Работая над статьей, Ричард словно вернулся в детство, когда писал письма тете Элизабет под присмотром директора школы. Директора Ричард помнил как сейчас — и его веснушчатое лицо, и как он называл естествознание дрянью, и как ел в столовой овсянку на ходу, считая, что так подобает джентльмену. Ричард так и не разобрался, что ему в то время было противней — писать домой из-под палки или постоянно быть под надзором. И теперь он до конца не понимал, что хуже — представлять Маду своим надзирателем или сознавать, что мнение Маду ему небезразлично. Через несколько дней от Маду пришла записка: «Отличная работа (разве что в следующий раз поменьше цветистых фраз), отправили в Европу». Почерк у Маду был неразборчивый, надпись «Армия Нигерии» на почтовой бумаге была зачеркнута чернилами, а вместо нее коряво, печатными буквами написано: «Армия Биафры». Как бы то ни было, похвала Маду убедила Ричарда в правильности принятого решения. Он вообразил себя молодым Уинстоном Черчиллем, пишущим о битве Китченера при Омдурмане, где силы изначально были неравны, — только, в отличие от Черчилля, он сочувствовал тем, на чьей стороне было моральное превосходство.

Написав не одну статью, Ричард чувствовал себя полноправным участником событий. Его радовало, что шофер стал с некоторых пор смотреть на него с уважением и выскакивал из машины, спеша открыть ему дверь, хотя Ричард всячески отнекивался от этой почести. Радовало, что подозрительные взгляды ополченцев на его пропуск сменялись широкими улыбками, стоило ему обратиться к ним на игбо. Радовало, что люди охотно отвечали на его вопросы. Приятно было смотреть свысока на иностранных журналистов, вскользь упоминать о причинах войны — всеобщая забастовка, перепись, беспорядки в Западной области, — твердо зная, что они в неведении.

И все-таки самой большой радостью стало для него знакомство с Его

Превосходительством. Дело было на спектакле в Оверри. В театре во время бомбежки сорвало жалюзи, и ночной ветер уносил слова актеров. Ричард сидел чуть позади Его Превосходительства, и после спектакля важный чиновник из Директората мобилизации представил их друг другу. Крепкое рукопожатие, благодарность «за отличную работу» преисполнили Ричарда гордостью. И хотя он нашел пьесу на злободневную политическую тему слишком незатейливой, вслух он этого не сказал. Он согласился с Его Превосходительством: «Великолепно, просто великолепно!»

Слышно было, как хлопчет на кухне Харрисон. Ричард поймал Радио Биафра, дослушал конец сообщения, что враг под Обой отброшен, и выключил приемник. Подлил в бокал еще вина и перечитал последнее предложение. Он писал о командос, народных любимцах, но из-за его личной неприязни к командиру, немецкому наемнику, фразы выходили сухими. Вино не притупило его тревогу, а, напротив, усилило. Ричард позвонил Маду:

— Есть новости о Порт-Харкorte? Город в опасности? Умуоквуриси обстреливают, ведь так?

— По сообщению надежных источников, это просто кучка диверсантов дорвалась до снарядов. По-вашему, если бы вандалы были близко, они ограничились бы стрельбой вполсилы?

Насмешливый тон Маду смутил Ричарда.

— Простите за беспокойство. Я просто подумал... — Ричард осекся.

— Ничего. Привет Кайнене, когда вернется. — Маду повесил трубку.

Ричард осушил бокал, хотел налить еще, но решил, что хватит, и вышел на веранду. На море был штиль. Ричард провел рукой по волосам, будто смахивая дурное предчувствие. Если Порт-Харкорт возьмут, он потеряет город, который полюбил, город, где он любил. Лишится частички себя. Но Маду наверняка сказал правду. Маду не стал бы скрывать, если бы городу грозила опасность, тем более городу, где живет Кайнене. Раз он сказал, что Порт-Харкорт ничто не угрожает, значит, так и есть.

Ричард глянул на свое размытое отражение в стеклянной двери. Лицо было покрыто загаром, слегка взъерошенные волосы казались гуще — и ему припомнились слова Рембо: «Во мне говорит другой».

Кайнене посмеялась над рассказом Ричарда о Харрисоне и свекле.

— Не волнуйся, он спрятал рукопись в коробку, а значит, термиты ей не страшны, — пошутила она.

Скинув рабочую одежду, Кайнене потянулась, и Ричард залюбовался ее грациозно выгнутой спиной. Забурлило желание, но он решил дождаться вечера. Они поужинают, разойдутся гости, ляжет спать Икеджиде. Вот

тогда они вдвоем выйдут на веранду, он отодвинет стол, расстелет мягкий коврик и ляжет на него голой спиной. Кайнене оседлает его, а он будет сжимать ее бедра, глядя в ночное небо, и в эти минуты познает высшее блаженство. Этот их ритуал, возникший с начала войны, — единственное, за что Ричард был благодарен войне.

— Колин Уильямсон заходил ко мне на работу, — сказала Кайнене.

— Я не знал, что он вернулся. — Ричарду вспомнилось загорелое лицо Колина, его желтоватые зубы и много раз пересказанная история о том, как он ушел с Би-би-си из-за несогласия с редакторами, поддерживавшими Нигерию.

— Колин привез мне письмо от мамы, — продолжала Кайнене. — Она прочла его статью в «Обсервер», связалась с ним и спросила, не собирается ли он назад в Биафру и не передаст ли письмо ее дочери в Порт — Харкорт. Очень удивилась, что он с нами знаком.

— Как они там?

— Лондон ведь не бомбят. Маме снится в страшных снах, что мы с Оланной погибли, она молится за нас, а еще они приняли участие в кампании «Спасем Биафру» — другими словами, расстались с небольшой суммой. — Кайнене протянула конверт: — Ловко она вклеила британские фунты внутрь открытки, надо ж было додуматься. Она и для Оланны передала письмо.

Ричард пробежал письмо глазами. Его имя упоминалось единственный раз — «Привет Ричарду» в самом низу голубой страницы. Он не стал спрашивать, как она собирается передать письмо Оланне. Месяц за месяцем, год за годом имя Оланны обходили молчанием. С начала войны от Оланны пришло три письма, оставшихся без ответа. Ричард вернул ей конверт.

— На будущей неделе пошлю кого-нибудь в Умуахию, чтобы передали письмо.

— Нигерийцы только и говорят, что о Порт-Харкорт, — прервал неловкую паузу Ричард.

— Порт-Харкорт им не взять. Здесь наш лучший батальон.

Голос у Кайнене был спокойный, но в глазах притаилась тревога, та самая, что и несколько месяцев назад, когда она собралась купить недостроенный дом в Орлу. Кайнене объяснила, что безопаснее иметь недвижимость, чем наличные деньги, но Ричард подозревал, что она готовит для них пристанище на случай падения Порт-Харкорта. Ричарду претила сама мысль, что Порт — Харкорт может пасть. По выходным они ездили проверять, как идет стройка, не крадут ли материалы, но Ричард ни

разу не заговорил о том, что они будут здесь жить, — это было бы кощунством.

Вдобавок он утратил вкус к разъездам. Он хотел охранять Порт-Харкорт своим присутствием; пока он здесь, казалось ему, ничего не случится. Но представители Биафры в Европе ждали от него статьи о полево́м аэродроме в Ули, и он с большой неохотой отправился туда рано утром, чтобы успеть вернуться до полудня, пока нигерийские самолеты не начали обстреливать машины на магистралях. На дороге зияла воронка от бомбы, шофер вильнул, объезжая ее, и в душе Ричарда вновь зашевелилось дурное предчувствие, но на подъезде к Ули он приободрился. Он впервые видел этот единственный мостик от Биафры к внешнему миру, эту чудополосу, где самолеты с продуктами и оружием ускользали от нигерийских бомбардировщиков. Ричард выбрался из машины, глянул на бетонированную ленту, по обе стороны которой тянулся густой кустарник, и подумал о тех, кто делал так много, довольствуясь столь малым. На дальнем конце посадочной полосы стоял крохотный реактивный самолет. Утреннее солнце припекало. Трое рабочих, обливаясь потом, маскировали полосу пальмовыми листьями, работали они быстро и слаженно.

Из недостроенного здания аэропорта вышел человек в форме, пожал Ричарду руку.

— Только не пишите слишком много, не выдавайте наших секретов! — пошутил он.

— Не выдам, — отозвался Ричард. — Можно с вами побеседовать?

Человек в форме просиял, расправил плечи.

— Гм, я начальник таможни и миграционной службы.

Ричард сдержал улыбку: его собеседники всегда напускали на себя важность, когда он брал интервью. Они поговорили, не отходя от полосы, потом начальник таможни вернулся в здание, разминувшись в дверях с высоким светловолосым мужчиной. Ричард сразу узнал его: граф фон Розен. Он выглядел старше, чем на снимке, ближе к семидесяти, чем к шестидесяти, но старость его была величественна — твердый подбородок, широкий шаг.

— Мне сказали, что вы здесь, и я решил поздороваться. — Рукопожатие графа было твердым, как и взгляд зеленых глаз. — Недавно прочитал вашу статью о Детской бригаде Биафры. Великолепная работа.

— Счастлив познакомиться с вами, граф фон Розен.

Ричард не кривил душой. Узнав о шведе-аристократе, бомбившем нигерийские объекты на маленьком личном самолете, он мечтал о встрече с ним.

— Удивительный народ. — Граф бросил взгляд на рабочих, маскировавших черную бетонную полосу, чтобы с высоты она не отличалась от кустарника рядом. — Удивительная страна.

— Да, — кивнул Ричард.

— Любите сыр? — спросил граф.

— Сыр? Да. Люблю, конечно.

Граф сунул руку в карман и достал пакетик:

— Отменный чеддер.

Ричард взял пакетик, стараясь не выдать удивления.

— Спасибо.

Граф опять рылся в кармане — неужели не весь сыр достал? Оказалось — солнечные очки.

— Говорят, жена ваша из богатых игбо, которые остались здесь бороться за правое дело. — Граф нацепил очки.

Ричарду не приходило в голову, что Кайнене осталась бороться за правое дело, и все же слова графа порадовали его, тем более что тот назвал Кайнене его женой. Его переполнила гордость за Кайнене.

— Да. Она необыкновенная женщина.

Такой оригинальный подарок, как сыр, требовал чего-то равноценного, и Ричард, открыв записную книжку, показал графу сначала снимок Кайнене у бассейна, с сигаретой, а затем — фотографию оплетенного сосуда.

— Сначала я влюбился в искусство Игбо-Укву, а потом в Кайнене.

— И жена ваша красавица, и сосуд красивый. — Граф снял очки, чтобы получше разглядеть снимки.

— У вас и сегодня боевой вылет, граф?

— Да.

— Для чего вам это?

Граф снова надел очки.

— Я помогал борцам за свободу Эфиопии, а годы назад доставлял гуманитарную помощь в Варшавское гетто, — сказал он с легкой улыбкой, как будто в этом и заключался ответ. — Ну, мне пора. Так держать!

Глядя вслед фон Розену, шагавшему гордой поступью аристократа, Ричард думал, до чего не похож он на немца-наемника во главе войск особого назначения. «Мне нравятся биафрийцы, — вещал краснолицый немец. — Не то что чертовы дикари в Конго». Он принимал Ричарда у себя в доме посреди буша, хлебал виски из большой бутылки и поглядывал, как его приемный сын, очаровательный биафрийский карапуз, играет на полу с осколками шрапнели. Ричарду было неприятно и его ласково-презрительное обращение с малышом, и то, как он делал исключение для

биафрийцев, словно наконец-то нашлись чернокожие, до которых он мог снизойти. Граф совсем другой. Садясь в машину, Ричард еще раз оглянулся на маленький самолет.

На обратном пути, перед самым Порт-Харкортон, Ричард услышал далекую пулеметную очередь. Скоро все стихло, но Ричард встревожился. На другой день Кайнене предложила съездить в Орлу — поискать плотника для нового дома. Ричард согласился неохотно, он предпочел бы остаться дома; два дня вдали от Порт — Харкорта — это слишком долго.

Новый дом был обсажен деревьями кешью. Ричард помнил, каким удручающе унылым выглядело здание, когда Кайнене его купила, — недостроенное, некрашеные стены в зеленой плесени, — и как вид упавших кешью, облепленных мухами и пчелами, вызвал у него тошноту.

Обходя сейчас пустые, только что окрашенные комнаты, Ричард признал, что дом не лишен скромной прелести. Кайнене наняла двух плотников из лагеря беженцев и оставила им наброски на листе бумаги. Уже в машине пожаловалась Ричарду: «Вряд ли они сумеют сделать приличный стол».

На обратном пути из Орлу их застиг вой сирены. Шофер резко затормозил, все выскочили из машины и бросились в густые заросли. Несколько женщин, шедших по дороге, припустили в их сторону, на бегу в ужасе задирая головы к небу. Ричард в первый раз укрывался от бомбежки вместе с Кайнене. Она неподвижно лежала на земле с ним рядом, шофер чуть поодаль. Тишина стояла мертвая. Услыхав над ухом громкий шорох, Ричард вздрогнул, но это оказалась лишь красноголовая ящерица. Они ждали долго и поднялись с земли, заслышав вблизи рев мотора и крики: «Где мои деньги? Деньги пропали!» Рядом был рынок, и одну из торговек обокрали, пока та пряталась. Ричард видел ее и других женщин возле прилавков — все они кричали, махали руками. Не верилось, что всего минуту назад здесь стояла полная тишина; еще труднее было представить, что после бомбежки нигерийцами уличного рынка Авгу биафрийские рынки так легко возродились к жизни, только переместились в буш.

— Ложная тревога бывает хуже настоящей, — вздохнул шофер.

Кайнене долго отряхивалась, но земля была влажная, и на ее голубом платье остался грязный узор. Она злилась, Ричард это чувствовал.

— Я решил написать о наших новых рынках в буше, — сказал он.

Шофер затормозил у поста. У обочины стоял грузовик с диванами, полками, столами, а рядом мужчина что — то доказывал девушке из народного ополчения, в джинсах защитного цвета и парусиновых туфлях. Отойдя от него, она направилась к Ричарду и Кайнене, смерила их

взглядом. Велела шоферу открыть багажник, заглянула в бардачок и потянулась к сумочке Кайнене.

— Будь у меня бомба, стала бы я прятать ее в сумочке? — буркнула Кайнене.

Тщательно обыскав сумочку, девушка достала карманный приемник.

— Это что? Передатчик?

— Нет. Это ра-ди-о, — с издевкой процедила Кайнене.

Девушка проверила их паспорта и улыбнулась.

— Извините, мадам. Сейчас, знаете ли, много диверсантов ездят с передатчиками, замаскированными под что угодно. Бдительность — наш девиз.

— А почему вы остановили тот грузовик? — поинтересовалась Кайнене.

— Мы не пропускаем машины с мебелью. Бегство со всеми вещами сеет панику среди мирных жителей, — заученно объяснила девушка. — А для тревоги причин нет.

— А если его родной город вот-вот захватят? Вы знаете, откуда он едет?

Девушка нахмурилась:

— До свидания, мадам.

Когда машина тронулась с места, Кайнене сказала:

— Все это похоже на злую шутку. Страх, который внушают людям. Бомбы в лифчиках у женщин, бомбы в банках из-под детского питания, повсюду диверсанты. Будьте осторожны с вашими детьми — вдруг они нигерийские шпионы?

— Война есть война. — Ричард подумал, что в своем ехидстве Кайнене порой хватает через край. — Люди должны знать, что среди нас есть диверсанты.

— Нет никаких диверсантов, все это выдумки Оджукву. Диверсантами он объявляет своих противников и тех, у кого уводит жен.

О Его Превосходительстве она всегда отзывалась точь-в-точь как Маду. Все началось с жалоб Маду, что Его Превосходительство не дал ему повышения и назначил командующим офицера, который был младше по званию. Если бы Его Превосходительство не обошел Маду, может быть, и Кайнене не судила бы его так строго.

— Знаешь, скольких офицеров он бросил в тюрьмы? Он настолько не доверяет своей армии, что даже закупку оружия поручает штатским. Маду говорит, они только что купили в Европе партию дрянных ружей. Когда Биафра победит, Оджукву придется убрать с поста.

— А на его место кого? Маду?

Кайнене рассмеялась. Ричард был удивлен и обрадован, что она оценила его колкость. Когда подъезжали к Порт-Харкорту, дурные предчувствия вновь зашевелились в нем.

Дома Икеджиде успел сказать, что полковник Маду звонил четыре раза, и телефон снова зазвонил. Ричард схватил трубку.

— Как вы там? Все хорошо? — раздался обеспокоенный голос Маду.

— Да, а что?

— Прошел слух, что Британия поставила Нигерии пять военных кораблей, поэтому молодежь поджигает дома англичан и британские магазины по всему Порт — Харкорту. Я хотел убедиться, что вас не тронули. Могу прислать для охраны парочку своих ребят.

Досада Ричарда, что он до сих пор здесь иностранец, на которого могут напасть, сменилась благодарностью Маду за участие.

— Все хорошо, — заверил он. — Мы только что из Орлу, ездили посмотреть новый дом.

— Ясно. При малейшей опасности дайте мне знать. — Маду прервался, бросил несколько слов кому-то рядом и продолжал: — Напишите о том, что сказал вчера французский посол. «Мне говорили, что биафрийцы сражаются как герои, но теперь я знаю, что герои сражаются как биафрийцы», — процитировал Маду с гордостью, будто похвала касалась его лично.

— Понял, — сказал Ричард. — В Порт-Харкorte все спокойно?

Маду замешкался с ответом.

— Схватили нескольких диверсантов, все из меньшинств. Не понимаю, почему эти люди так рвутся помогать врагу. Но победа будет за нами. Кайнене рядом?

Несколько дней Ричард провел дома. Писал статью о рынках в буше, часто выходил на веранду и глядел на дорогу, опасаясь увидеть на подступах к дому толпу юнцов с пылающими факелами. Кайнене по пути на работу видела один из пострадавших домов. «Не слишком усердствовали, — сказала она, — только стены закоптили». Ричард тоже хотел взглянуть на дом, написать о нем, а заодно и о том, как недавно на правительственном поле жгли чучела Вильсона и Косыгина. Выждав неделю, чтобы британцу можно было без опаски показаться на дороге, он ранним утром отправился в поездку по городу.

Увидев на Эггри-роуд новый пост, да еще и охраняемый солдатами, он удивился. Очевидно, причина в поджогах. Улица обезлюдела, исчезли торговцы газетами, арахисом, жареной рыбой. Путь машине преградил

солдат, взмахнув винтовкой. Шофер затормозил, Ричард показал пропуск. Солдат, не обратив на пропуск внимания, потрясал винтовкой: «Назад! Назад!»

— Доброе утро, — начал Ричард. — Меня зовут Ричард Черчилль, я...

— Назад, стрелять буду! Покидать Порт-Харкорт запрещено. Нечего сеять панику!

Шофер развернул машину. От предчувствия беды Ричард не мог дышать, будто в ноздри набилась галька, но дома, рассказывая обо всем Кайнене, старался говорить спокойно:

— Наверняка ничего страшного. Столько слухов носится по городу — видимо, армия просто решила пресечь панику.

— Хороший способ выбрали, нечего сказать. — Кайнене складывала в папку документы. — Надо позвонить Маду, узнать, в чем дело.

Ричард кивнул.

— Пойду побреюсь. Не успел перед отъездом.

Первый взрыв он услышал из ванной, но продолжал водить бритвой по подбородку. Снова загрохотало, лопнуло оконное стекло, и осколки со звоном полетели на пол.

Дверь ванной распахнулась:

— Я велела Харрисону и Икеджиде уложить в машину самое необходимое. «Форд» оставляем здесь, едем на «пежо».

Ричард оглянулся на нее и чуть не заплакал. Он завидовал ее самообладанию, стыдился, что у него дрожали пальцы, когда он мыл руки. Он взял крем для бритья, мыло Кайнене, пару губок и бросил в сумку.

— Ричард, скорей, огонь совсем близко, — торопила Кайнене, а снаружи опять загрохотало.

Кайнене укладывала в чемодан вещи, свои и Ричарда. Ящики с его рубашками и бельем выдвинуты, ее движения быстры и четки. Ричард с сожалением провел рукой по полке с книгами и занялся поисками своих заметок об *огбунигве*, необыкновенных наземных минах, изобретенных в Биафре. Должно быть, оставил на столе.

— Не видела мои бумаги?

— Надо проскочить главную дорогу, пока они не продвинулись вперед. — Кайнене опустила в сумочку два пухлых конверта.

— Что это?

— Деньги на черный день.

Вбежали Харрисон и Икеджиде, потащили к дверям два набитых чемодана. Ричард услышал над головой рев самолетов — и не поверил

собственным ушам. Порт — Харкорт до сих пор ни разу не бомбили, так зачем бомбить сейчас, когда город вот-вот падет и вражеский огонь уже так близко? Но звук ни с чем нельзя было спутать.

Ричард бросился к Кайнене, но она уже выбегала из комнаты, и он помчался следом. «Скорей в сад!» — велела Кайнене, пробегая мимо Харрисона и Икеджиде, забравшихся под кухонный стол.

Воздух в саду был влажен. Ричард поднял голову и увидел, как два самолета, два зловещих силуэта, чертят в небе серебристо-белые полосы. От страха он обмяк и растянулся рядом с Кайнене на земле под апельсиновыми деревьями. Из дома выскочили Харрисон и Икеджиде; Харрисон рухнул пластом на землю, а Икеджиде побежал дальше, наклонившись вперед, размахивая руками, мотая головой. В воздухе просвистел снаряд, врезался в землю и взорвался. Ричард прижал к себе Кайнене. Мимо пролетел осколок величиной с кулак. Икеджиде все бежал, Ричард на миг зажмурился, а когда открыл глаза, Икеджиде снесло голову. Он еще бежал, чуть наклонившись вперед, только без головы, осталась одна окровавленная шея. Кайнене взвизгнула. Тело рухнуло возле ее машины, самолеты растаяли вдали, а все трое долго еще лежали, пока Харрисон не поднялся со словами: «Я приносить сумка».

Вернулся он с сумкой из рафии. Ричард отвел взгляд, когда Харрисон пошел за головой Икеджиде, поднял ее и положил в сумку. И пока они вдвоем несли Икеджиде — Харрисон за запястья, Ричард за еще теплые лодыжки — к неглубокой могиле на дальнем краю сада, Ричард так и не поднял глаз.

Кайнене неподвижно сидела на земле.

— Тебе плохо? — спросил ее Ричард.

Кайнене молчала. Взгляд у нее был жуткий, застывший. Ричард встряхнул ее, а она все смотрела перед собой невидящим взглядом. Отчаявшись вывести ее из ступора, Ричард сбегал к крану и окатил ее ледяной водой из ведра.

— Прекрати, — выдохнула Кайнене и выпрямилась. — Теперь платье насквозь мокрое.

Она достала из чемодана другое платье и переделалась на кухне. Кайнене уже не торопилась в Орлу — она аккуратно поправила воротник, разгладила мятую юбку. Грохот минометов, частые пулеметные очереди мешали Ричарду вести машину, и всю дорогу он ждал, что из-за угла выскочит нигерийский солдат, остановит их, швырнет гранату. Однако добрались без помех. Дороги были наводнены беженцами, посты исчезли. Харрисон испуганно зашептал с заднего сиденья: «Они бросать все силы,

чтоб взять Порт-Харкорт».

Кайнене и двух слов не сказала, когда приехали в Орлу и не увидели ни плотника, ни мебели, оба рабочих исчезли, прихватив аванс. Кайнене, недолго думая, пошла в лагерь беженцев неподалеку и наняла нового плотника, с землистым лицом, — он был готов работать за продукты. Следующие дни она была молчалива, замкнута, часами просиживала с Ричардом возле дома, наблюдая, как плотник пилит, строгаёт, забивает гвозди.

— Почему вы не берете денег? — как-то спросила его Кайнене.

— А что на деньги купишь? — ответил он вопросом на вопрос.

— Глупости. За деньги можно много чего купить.

— Только не здесь, в Биафре. Уж лучше получать гарри и рис.

Кайнене промолчала. На пол веранды упал птичий помет, Ричард вытер его листом кешью.

— Знаешь, что Оланна видела женщину, которая везла голову своего ребенка? — спросила его Кайнене.

— Да.

На самом деле он не знал, Кайнене никогда не рассказывала ему о том, что пережила Оланна во время погромов.

— Я хочу увидеть сестру.

— Поезжай. — Коротко выдохнув, Ричард остановил взгляд на грубо сколоченном стуле.

— Как мог осколок шрапнели отсечь Икеджиде голову? — Казалось, Кайнене хотела услышать, что ничего подобного не было.

По ночам Кайнене плакала. Она призналась Ричарду, что мечтала увидеть во сне Икеджиде, но, просыпаясь, снова представляла его бегущее обезглавленное тело, а в спокойном, зыбком мире снов курила сигарету в изящном золотом мундштуке.

К ним завезли на фургоне пакеты с гарри, и Кайнене запретила Харрисону их трогать. Она поставляла продукты в лагерь беженцев.

— Я сама раздам еду беженцам, а в институте сельского хозяйства закажу дерьма, — объявила она Ричарду.

— Дерьма?

— Навоза. Устроим в лагере ферму. Будем сами выращивать белковые продукты — сою и бобы акиди. Есть там один человек из Энугу, настоящий самородок — мастерит чудесные корзины и светильники. Пусть учит других. Мы могли бы сами зарабатывать, приносить пользу. А еще я договорюсь с Красным Крестом, чтобы к нам раз в неделю присылали доктора.

Она горела внутренним огнем, когда по утрам уезжала в лагерь и возвращалась в изнеможении, с кругами под глазами. Об Икеджиде она больше не вспоминала. Теперь Кайнене говорила только о том, как двадцать человек ютятся на пятачке, где и одному было бы тесно, о совсем маленьких пацанах, которые уже играют в войну, о кормящих матерях, о самоотверженных священниках отце Марселе и отце Иуде. Но больше всего говорила об Инатими. Он состоял в Союзе Освобождения Биафры, потерял всю семью во время погромов и не раз бывал в тылу врага. В лагерь он пришел, чтобы нести просвещение беженцам.

— Он считает, люди должны знать, что наше дело правое, и понимать почему. Я ему говорила, что незачем им рассказывать о федерализме, об абурийских соглашениях и прочей ерунде. Все равно не поймут. Многие из них даже в начальную школу не ходили. Но он меня не слушает.

Кайнене превозносила Инатими, как будто одно то, что он ее послушался, доказывало его героизм, и Ричард заочно возненавидел его. Инатими представлялся ему безупречным, бестрепетным, закаленным в испытаниях. Когда Ричарду удалось познакомиться с Инатими, он чуть не расхохотался в лицо прыщавому человечку с носом-картошкой. Однако с первого взгляда было видно, что Биафра — единственный бог для Инатими. Он горячо верил в правое дело.

— Потеряв всех родных, всех до единого, я будто заново родился, — рассказывал Инатими Ричарду своим неизменно тихим голосом. — Я стал новым человеком, потому что некому было напоминать мне, кем я был до сих пор.

Священников Ричард тоже представлял совсем иными. Его поразила их тихая бодрость духа. В ответ на их слова: «Удивительно, сколько добра совершает здесь Господь», Ричард хотел спросить, почему Бог допустил эту войну. Но их вера тронула его. Если во имя Бога они так искренне заботятся о людях, в Бога стоит верить.

Однажды утром в лагерь приехала женщина-врач. На ее запыленном «моррис-миноре» алела надпись: «Красный Крест». Еще до того как она представилась — доктор Иньянг — и непринужденно пожала ему руку, Ричард угадал, что она принадлежала к одному из здешних мелких племен. Он гордился своим умением различать, кто игбо, а кто нет. Внешность была тут ни при чем — в игбо он чувствовал что-то родное.

Кайнене провела доктора Иньянг в классную комнату в конце коридора, Ричард последовал за ними. Он слушал, как Кайнене рассказывает о каждом из больных, что лежали на бамбуковых циновках. Беременная молодая женщина села на постели и закашлялась так, что

тяжело было слышать.

Доктор Иньянг склонилась над ней со стетоскопом и участливо спросила на ломаном английском: «Как ваша здоровья? Как вы чувствовать?»

Молодая женщина отшатнулась, а потом плюнула со злостью, собравшей морщинами ее лоб. Плевок пришелся доктору Иньянг в подбородок.

— Лазутчица! — выкрикнула беременная. — Это вы, меньшинства, указываете путь врагу! Это вы открыли врагу путь в мой город!

Доктор Иньянг остолбенела, а Кайнене подскочила к беременной и с размаху ударила ее по щеке раз, другой.

— *Anyincha bu Biafra*, все мы здесь биафрийцы! Ясно? Все мы биафрийцы!

Эта вспышка Кайнене потрясла Ричарда. Кайнене такая хрупкая: тронь — и рассыплется, но взялась за новое дело с неистовством, грозившим сокрушить ее.

Оланне приснился радостный сон. Он тут же забылся, оставив лишь ощущение счастья, и ее согревала мысль, что она все еще способна видеть хорошие сны. Жаль, Оденигбо ушел на работу, она поделилась бы с ним, а он улыбнулся бы ласково, чуть снисходительно. Но эта улыбка не появлялась с тех пор, как погибла его мать, с того дня, как он пытался добраться до Аббы и вернулся мрачный, с тех пор, как он стал уходить на работу ни свет ни заря, а по дороге домой заворачивать в бар «Танзания». Не пытайся он тогда прорваться через занятые дороги, он не сделался бы так сумрачен и нелюдим, к его скорби не примешивалась бы горечь провала. Ни в коем случае нельзя было его отпускать. Но в тогдашней его решимости чувствовалась тихая враждебность, словно он не признавал за Оланной права его удерживать. С его словами «Я должен похоронить то, что оставили грифы» между ними пролегла непреодолимая пропасть.

Когда Оденигбо садился в машину, Оланна сказала: «Наверняка ее уже похоронили». А потом, дожидаясь Оденигбо на веранде, она жестоко корила себя за то, что не нашла нужных слов. «Наверняка ее уже похоронили». Какая холодная фраза. Оланна действительно была уверена, что Аньеквена, двоюродный брат Оденигбо, похоронил Матушку. Послание Аньеквены, переданное через солдата в отпуске, было кратко: Аббу взяли,

он пробрался туда, чтобы вывезти кое-что из вещей, и нашел Матушку мертвой, с пулевыми ранами, у стены дома. Больше он ничего не сообщил, но не мог же он оставить труп Матушки стервятникам.

Те часы ожидания Оденигбо изгладились у Оланны из памяти, осталось лишь ощущение слепоты. Ей знаком был страх потерять Малышку, Кайнене или Угву, она смутно предчувствовала будущие утраты, но мысль о смерти Оденигбо не посещала ее никогда. Никогда. Без него она не представляла жизни. Когда он возвратился далеко за полночь, в облепленных грязью башмаках, Оланна поняла, что прежним он уже не станет. Он попросил у Угву стакан воды и сказал ей очень спокойно: «Меня то и дело разворачивали, и я спрятал машину и пошел пешком. Кончилось тем, что какой-то биафрийский офицер пригрозил, если я не поверну назад, пристрелить меня и избавить вандалов от хлопот».

Оланна прижалась к нему и зарыдала. Радость, что он жив, была отравлена отчуждением.

— Я не пропаду, нкем, — заверил Оденигбо. Однако он больше не ездил с агитаторами по деревням, зато каждый вечер стал навещать бар «Танзания», а домой возвращался безмолвный, с плотно сжатыми губами. А когда все-таки говорил, то сокрушался о своих неизданных научных трудах, оставшихся в Нсукке, — их было почти достаточно для профессорского звания, а теперь неизвестно, что сделали с ними вандалы. Оланна понимала глубину его скорби — ведь ему не дано узнать, как погибла Матушка, — но не ощущала себя сопричастной его горю. И может статься, это ее вина. Не хватило у нее внутренней силы, чтобы добиться права скорбеть вместе с ним.

Приехал Океома выразить соболезнования.

— Я узнал, что у вас случилось, — сказал он, когда Оланна отворила дверь. Обнимая его, глядя на неровный, воспаленный шрам, тянувшийся от подбородка к шее, она думала, как все-таки быстро разносятся вести о смерти.

— Мы так и не поговорили с ним по-настоящему, — пожаловалась Оланна. — Он несет всякий вздор.

— Оденигбо всегда боялся выдать свою слабость. Не суди его строго, — успел шепнуть Океома, прежде чем вышел Оденигбо. Они обнялись, похлопали друг друга по спине. Океома заглянул ему в глаза: — Ндо. Соболезную.

— Никак не ожидала она такой смерти, — заговорил Оденигбо. — Мама так и не поняла, что идет настоящая война и жизнь ее в опасности.

— Что было, того не вернешь, — проговорил Океома. — Мужайся.

В комнате повисло хмурое молчание.

— Джулиус принес молодого пальмового вина, — сказал Оденигбо. — Сейчас его везде разбавляют водой, но это отличное.

— Успею попробовать вино. Где тот виски «Уайт Хоре», что вы приберегаете для особых случаев?

— Почти допили.

— Значит, я допью, — сказал Океома.

Оденигбо принес бутылку, и они сели в гостиной, где тихонько работало радио и витал запах супа Угву.

— Наш командир хлещет его как воду. — Океома потрянул бутылку, проверяя, сколько осталось.

— Как он тебе, ваш командир, белый наемник? — поинтересовался Оденигбо.

Океома, метнув виноватый взгляд на Оланну, отвечал:

— Опрокидывает девиц прямо на улице, на виду у солдат, не выпуская из рук мешка с деньгами. — Он отхлебнул из горлышка, поморщился. — Мы бы запросто отвоевали Энугу, если бы он нас слушал, но он мнит, что знает нашу страну лучше нас. Начал конфисковывать машины с гуманитарной помощью. А на той неделе грозился Его Превосходительству уйти, если ему не заплатят. — Океома снова хлебнул из бутылки. — Два дня назад я вышел в штатском, так на дороге меня остановил ополченец и назвал дезертиром. Я ему пригрозил: еще раз услышу — узнаешь, чем командос отличаются от обычных солдат! Я ушел, а он смеялся мне вдогонку. Представляете? В прежние времена никто бы не посмел потешаться над командос. Надо срочно что-то менять, иначе потеряем престиж.

— Зачем платить белым, чтобы сражались за нас? — Оденигбо откинулся в кресле. — Среди нас немало истинных бойцов, готовых отдать жизнь за Биафру.

Оланна встала.

— Давайте поедим, — предложила она. — Ты уж прости, Океома, что суп у нас без мяса.

— «Прости, что суп без мяса», — передразнил Океома. — Я ведь не в мясную лавку пришел.

Угву расставил тарелки с гарри.

— Океома, сними, пожалуйста, гранату, раз уж мы за столом, — попросила Оланна.

Океома отстегнул с пояса гранату и положил в угол.

Сначала ели молча, лепили из гарри шарики, макали в суп.

— Откуда у тебя шрам? — спросила Оланна.

— Пустяки. — Океома тронул бугристый шрам. — С виду страшный, а на самом деле ерунда.

— Тебе надо вступить в Лигу биафрийских писателей. Будешь ездить за границу, рассказывать о нашей борьбе.

Не дослушав, Океома возразил:

— Я солдат.

— Ну хотя бы одно стихотворение для нас у тебя есть в запасе?

Океома проглотил шарик гарри и покачал головой:

— Нет.

После обеда Оденигбо ушел в спальню. Океома, прикончив виски, пил бокал за бокалом пальмовое вино, пока не уснул на стуле в гостиной. Дышал он тяжело, что-то бормотал во сне и пару раз взмахивал руками, будто отбиваясь от невидимых противников. Оланна потрясла его за плечо:

— Пойдем в комнату, ляжешь на кровать.

Океома открыл покрасневшие, испуганные глаза.

— Я не сплю. — И подавил зевок. — А стихи у меня в запасе все-таки есть.

Темнокожая,
В мерцанье, словно в рыбьей чешуе,
Появляется она,
Неся серебряный рассвет;
И солнце сопутствует ей,
Русалке,
Что никогда не станет моей.

— Оденигбо сказал бы: «Голос поколения!» — улыбнулась Оланна.

— А ты что скажешь?

— Голос мужчины.

Океома сконфузился, и Оланна вспомнила, как Оденигбо посмеивался, говоря, что Океома тайно влюблен в нее. Стихи были о ней, и Океома этого не скрывал. Они сидели молча, пока глаза его не стали слипаться. Оланна смотрела на Океому, гадая, что ему снится. Океома все еще спал, что-то бормоча во сне, когда пришел профессор Ачара.

— А-а, ваш друг-коммандо здесь, — сказал он. — Позовите, пожалуйста, Оденигбо. Выйдем на веранду.

Сели на скамью. Профессор Ачара, глядя в пол, сжимал и разжимал

кулаки.

— У меня плохие новости, — выдавил он.

Страх сдавил грудь Оланны: что-то случилось с Кайнене, и профессору поручили ей сообщить. Пусть бы он ушел сию минуту, ни слова не говоря.

— В чем дело? — резко спросил Оденигбо.

— Я пытался уговорить домовладельца. Я сделал все, что в моих силах. Но он отказался. Просит вас съехать через две недели.

— Боюсь, я не совсем понял, — сказал Оденигбо.

Но Оланна была уверена, что он все прекрасно понял. Их просят освободить дом, потому что хозяин нашел других жильцов, готовых платить вдвое, а то и втрое больше.

— Мне очень жаль, Оденигбо. Вообще-то он человек здравый, да только время сейчас безумное. Я помогу вам подыскать другое жилье.

Им удалось найти комнату — по нынешним временам, когда Умуахию заполнили беженцы, роскошь. В доме с длинным коридором было девять комнат, двери выходили на узенькую веранду. Кухня располагалась в одном конце, ванная — в другом, рядом с банановой рощицей. Их комната была ближе к ванной. В первый раз увидев ее, Оланна не могла поверить, что ей предстоит жить здесь с Оденигбо, Малышкой и Угву, есть, одеваться, заниматься любовью — и все в одной комнате. Оденигбо взялся отгородить угол для сна занавеской, и позже, глянув на провисшую веревку, привязанную к вбитым в стену гвоздям, Оланна вспомнила комнату дяди Мбези и тети Ифеки в Кано и расплакалась.

— Не переживай так, нкем. Мы скоро найдем что —нибудь поприличней, — утешал ее Оденигбо, а Оланна молча кивнула, не признавшись, что плачет не только из-за комнаты.

Через стенку жила тетушка Оджи. Лицо у нее было суровое, а от немигающего взгляда Оланне во время их первого разговора сделалось не по себе.

— Добро пожаловать, цно, — сказала тетушка Оджи. — Ваш муж дома?

— На работе.

— Я хотела его повидать прежде всех остальных, поговорить насчет моих детей.

— Насчет детей?

— Домовладелец называл его «доктор».

— Ах, нет, он не врач. Он доктор наук.

Тетушка Оджи сверлила Оланну холодным, непонимающим взглядом.

— Он доктор-ученый. Больных не лечит.

— Вон что. У всех моих детей астма. С начала войны трое умерли. А трое остались.

— Сочувствую вашему горю, ндо, — сказала Оланна.

Тетушка Оджи, пожав плечами, сообщила Оланне, что все соседи — воры со стажем. Оставишь на кухне канистру керосина — найдешь ее пустой. Забудешь в ванной мыло — убежит. Развесишь без присмотра одежду — улетит с веревки.

— Будьте начеку, — наставляла Оланну тетушка Оджи. — И запирайте дверь на ключ, даже когда выходите в туалет.

Оланна поблагодарила ее, жалея, что Оденигбо — доктор наук, а не врач. Благодарила она и других соседей, заходивших познакомиться и посудачить. Здесь было как в муравейнике — через стенку от Оджи жила семья из шестнадцати человек. Пол в ванной был склизким от грязи, смывавшейся с десятков тел, а в туалете стояла вонь. Влажными вечерами, когда острее чувствовались запахи, Оланна мечтала о вентиляторе, об электричестве. В их прежнем доме, в другой части города, электричество отключали в восемь вечера, здесь же, в отдаленном районе, его не было вовсе. Оланна купила самодельные масляные светильники из консервных банок. Когда Угву их зажигал, Малышка с визгом отскакивала от открытого огня. Глядя на нее, Оланна благодарила судьбу, что Малышка восприняла очередной переезд, очередную перемену в жизни как должное, что она день-деньской играет с новой подружкой Аданной, с криком «В убежище!» бросается в банановые заросли, смеясь, прячется от воображаемых самолетов. Правда, Оланна боялась, что Малышка переймет у новой подружки местный говор, или подцепит какую-нибудь заразу от волдырей на руках у Аданны, или нахватается блох от ее шелудивого пса Бинго.

Когда Оланна и Угву в первый раз стряпали на кухне, зашла мать Аданны — Аданна-старшая — и протянула эмалированную миску:

— Отлейте, пожалуйста, чуточку супа.

— Нам самим не хватает, — покачала головой Оланна, но, вспомнив единственное платье Аданны, сшитое из продуктового мешка, с буквами «МУ» на спине («КА» ушло в шов), все-таки плеснула в миску немного жидкого супа. На другой день Аданна-старшая попросила «чуточку гарри», и Оланна дала полстакана. На третий день она опять попросила у Оланны супу.

— Нечего ее подкармливать! — гаркнула тетушка Оджи. — Она у всех новых жильцов выпрашивает! Шла бы лучше растить маниоку, кормила бы семью да оставила людей в покое! Она же местная, из Умуахии, а не

беженка вроде нас! Как она смеет клянчить у беженки еду? — Присвистнув, тетушка Оджи продолжила толочь в ступке финики. Оланна загляделась на ее решительное лицо.

— А кто уничтожил все наши запасы? — парировала мать Аданны. Разве не вы, беженцы?

— Заткни свою гнилую пасть!

И Аданна-старшая послушалась — поняла, что ей не под силу тягаться с Оджи, которая никогда не лезла за словом в карман.

По вечерам, когда тетушка Оджи ругалась с мужем, ее слышал весь двор. «Баран кастрированный! Называешь себя мужчиной, а сам из армии сбежал! Только попробуй еще хоть раз сказать, что ранен в бою! Еще хоть раз откроешь свой поганый рот — кликну солдат и покажу, где ты хоронишься!»

Без ругани тетушки Оджи невозможно было представить двор. Как и без молитв пастора Амброза, расхаживавшего взад-вперед, и без звуков пианино в комнате рядом с кухней. Оланна была потрясена, в первый раз услышав печальные звуки дивной красоты, музыку столь совершенную, что замирали даже качавшиеся на ветру банановые деревья.

— Это Элис, — объяснила тетушка Оджи. — Она приехала, когда взяли Энугу. Вначале вообще ни с кем не разговаривала, а теперь хотя бы здоровается. Она живет в комнате одна. Никогда не выходит во двор и никогда не стряпает. Никто не знает, что она ест. Когда мы в прошлый раз прочесывали буш, она с нами не пошла — это, мол, ниже ее достоинства. Все соседи искали, не прячутся ли в буше вандалы, а она носа не высунула из дома. Кое-кто из соседок даже грозился заявить на нее ополченцам.

Музыка все лилась из окна — наверное, Бетховен, но Оланна не была уверена. Оденигбо узнал бы. Потом зазвучало что-то быстрое, яростно-настойчивое, набиравшее высоту, — и вдруг музыка оборвалась. Вышла Элис. Хрупкая, миниатюрная. Оланна при взгляде на нее почувствовала себя неуклюжим переростком. В светлой, почти прозрачной коже и тонких пальчиках Элис было что-то детское.

— Добрый вечер, — поздоровалась Оланна. — Меня зовут Оланна. Мы ваши новые соседи.

— Добро пожаловать. Я видела вашу дочку. — Рукопожатие Элис оказалось вялым, словно она берегла себя, не позволяла себе резких движений.

— Вы чудесно играете.

— Что вы, я слабо играю. — Элис покачала головой. — Откуда вы?

— Из Университета Нсукки. А вы?

Элис помедлила с ответом.

— Из Энугу.

— У нас там были друзья. Есть у вас знакомые в Нигерийской школе искусств?

— Ой, туалет свободен!

Элис развернулась и торопливо ушла, удивив Оланну своим бегством. Затем она снова скрылась у себя в комнате, и оттуда послышалась музыка, медленная, протяжная.

Оланна часто думала об Элис, о ее хрупком изяществе, о небывалой мощи ее игры. Когда она, собрав во дворе Малышку, Аданну и других ребяташек, читала им вслух, то надеялась, что выйдет Элис и присоединится к ней. Но Элис почти не покидала своей комнаты, выходила только в туалет, а на стук Оланны не отзывалась.

Однажды они встретились на рынке. Едва рассвело, и Оланна блуждала в лесной прохладе, обходя толстые корни. Она долго торговалась за маниоку с розовой кожицей — когда-то Оланна считала ее ядовитой, до того ярко-розовыми были клубни, но миссис Муокелу заверила, что их можно есть. В кронах деревьев кричали птицы. Оланна остановилась у прилавка с обветренными, сероватыми кусочками сырой курятины, мечтая схватить их и броситься наутек. Если купить курицу, больше ни на что денег не останется, и Оланна купила четыре улитки среднего размера. Улитки помельче, в витых раковинах, лежавшие горками в корзинах, стоили дешевле, но Оланна не могла представить, что их едят, она всегда воспринимала их как игрушки для деревенской детворы. Перед самым уходом Оланна заметила Элис.

— Здравствуйте, Элис.

— Доброе утро, — отозвалась та.

Оланна хотела было обнять ее по-соседски, но Элис чопорно протянула руку.

— Нигде не могу найти соли, нет ее и в помине, — пожаловалась Элис. — А у тех, кто втянул нас в эту войну, соли хоть отбавляй.

Оланна удивилась ее наивности: разумеется, соли здесь не найдешь. В шерстяном платье с поясом Элис выглядела изящной, подтянутой — такому платью место в витрине лондонского магазина. Посмотреть со стороны — и не скажешь, что это биафрийка, пришедшая на рассвете на лесной рынок.

— Говорят, нигерийцы без остановки бомбят Ули и вот уже неделю ни один самолет с продуктами не может сесть, — сказала Элис.

— Да, я слышала, — отозвалась Оланна. — Вы уже домой?

Элис устремила пристальный взгляд в сторону, в густую лесную чащу.

— Попозже.

— Я могу подождать, пойдём вместе.

— Это ни к чему. До скорого!

Элис повернулась и пошла в сторону прилавков грациозной, но манерной походкой, словно ее ввели в заблуждение, что так ходят настоящие леди. Оланна постояла, глядя ей вслед и гадая, что скрывается за ее внешностью. По дороге домой она завернула в центр помощи, посмотреть, не привезли ли продуктов, — вдруг какому-нибудь самолету все-таки удалось приземлиться? Двор был пуст. Дранный плакат на стене здания за запертыми воротами когда-то гласил: «ВСЦ, Всемирный Совет Церквей». Теперь надпись была жирно перечеркнута углем, а ниже нацарапано: «ВСЦ, Все Съела Церковь».

Подходя к молотилке, Оланна увидела, как из дома у дороги выбежала женщина вдогонку за двумя солдатами, тащившими под руки рослого паренька. «Возьмите лучше меня! — кричала женщина. — Берите! Мало вам одного Абучи?»

Оланна отступила в сторону, а дома пришла в ярость, застав Угву у ворот за беседой со стариками-соседями.

— Поди-ка сюда. Ты что, спятил? Я же просила тебя не выходить!

Угву взял у нее из рук корзину и промямлил:

— Простите, мэм.

— Где Малышка?

— В комнате Аданны.

— Дай мне ключ.

— Хозяин дома, мэм.

Оденигбо никогда не возвращался с работы так рано. Он сидел на кровати сторбившись, неподвижно, только плечи поднимались и опускались.

— Что случилось? — Оланна бросилась к нему.

— Я слишком мало делал для мамы, — выдохнул он и зарыдал в голос. Каждый всхлип напоминал Оланне Малышку; Оденигбо плакал, как его дочь.

— Ничего, — прошептала Оланна. Она тоже жалела, что не очень-то старалась поладить с его матерью, избрала легкий путь обиды и отчуждения. Жаль, что уже ничего не исправишь.

— Мы никогда по-настоящему не помним о смерти. Мы жили бы совсем иначе, если б помнили, что все умрем. Все мы умрем.

Оланна крепче прижала его к себе.

— Я подумываю об армии, нкем, — продолжал Оденигбо. — Пожалуй,

мне надо вступить в новую бригаду Его Превосходительства.

Оланна долго не отвечала, борясь с желанием вцепиться ему в бороду, выдрать клоч с мясом.

— Если уж ты решил покончить с собой, Оденигбо, найди лучше веревку покрепче и дерево потолще.

Не глядя на него, Оланна встала и включила погромче радио, наполнив комнату звуками песни «Биттлз».

— Надо построить бункер, — сказал Оденигбо и пошел к дверям. — Здесь необходим бункер.

Его пустые, стеклянные глаза, поникшие плечи тревожили Оланну, но если он рвется что-то сделать, пусть лучше строит бункер, чем уходит в армию.

У ворот дома Оденигбо что-то обсуждал с дядюшкой Оджи и еще несколькими мужчинами.

— Видите банановые заросли? — спрашивал дядюшка Оджи. — Все бомбежки мы в них пережидали — и ничего. Не нужен нам бункер. В банановой роще ни пули, ни бомбы не страшны.

Взгляд Оденигбо был холоден, как и его ответ:

— Что может дезертир смыслить в бункерах?

Оденигбо принялся вместе с Угву размечать площадку за домом и рыть яму. Вскоре подросла на помощь молодежь, а к закату взялись за работу и старики, в их числе и дядюшка Оджи. Оланна следила за их работой, гадая про себя, что думают они об Оденигбо. Все вокруг смеялись и отпускали шуточки, кроме него. Он говорил только о деле. Его потная майка прилипла к телу, и Оланна впервые заметила, как он исхудал.

В ту ночь они лежали щека к щеке. Оденигбо молчал. Она поцеловала его в шею, в ухо — в те ночи, когда Угву спал на веранде, такие поцелуи неизменно заставляли Оденигбо лхнуть к ней. Но на этот раз он отвел ее руку со словами, которых она прежде от него не слышала: «Я устал, нкем». От него пахло несвежим потом, и Оланну пронзила тоска по «Олд Спайс», оставшемуся в Нсукке.

Даже блестящая операция под Абаганой не порадовала Оденигбо. В прежние времена они бы праздновали ее, как его личное достижение, а теперь, услышав объявление по радио, он лишь сказал: «Отлично, отлично» — и безучастно глядел на танцующих соседей.

Тетушка Оджи завела песню: «*Onye ga-enwe mmeri?*» — а соседки подхватили: «*Biafra ga-enwe mmeri, igba!*»^[86] Все встали в круг и притопывали, покачиваясь, при каждом слове «*igba*». Вдохновенная патриотической песней, встала в круг и Оланна, жалея, что Оденигбо сидит

в стороне с равнодушным лицом.

— Оланна танцует, как белые! — засмеялась тетушка Оджи. — Разучилась крутить задом!

В первый раз за все время Оланна увидела, как она смеется. На веранде во всю мочь орали приемники. Сообщение передавали снова и снова, и каждый раз многие из соседей повторяли вслед за диктором: «Спаси Биафру для свободного мира — вот задача, которую необходимо выполнить!» Эти слова знала наизусть даже Малышка. Из всех жильцов не вышла во двор одна Элис. Оланне оставалось только гадать, чем та занята.

— Элис гордячка каких свет не видывал, — ворчала тетушка Оджи. — Вот вы — совсем другое дело. Всем известно, что вы дочь Большого Человека. Но вы-то к людям относитесь по-людски. Что она о себе такое возомнила?

— Может, она спит?

— Да уж, спит! Лазутчица она, эта Элис. По лицу видно. Она работает на врага.

— С каких это пор у людей на лбу написано, что они лазутчики? — усмехнулась Оланна.

Тетушка Оджи пожала плечами, не считая нужным уверять Оланну в том, что и так ясно.

Спустя несколько часов, когда веселье во дворе поутихло, приехал шофер профессора Эзеки. Протянув Оланне записку, он открыл багажник и достал две коробки. Угву, подхватив их, поспешил в дом.

— Спасибо, — поблагодарила Оланна. — Привет хозяину.

— Да, мэ. — Шофер застыл возле машины.

— Что-нибудь еще?

— Пожалуйста, мэ, проверьте, все ли на месте, а я подожду.

На одной стороне листка каракулями профессора Эзеки был нацарапан список всех его подарков. На обратной стороне приписка: «Проверьте, пожалуйста, не стянул ли чего шофер». Оланна зашла в дом пересчитать банки сухого молока, чая, печенья, молочного коктейля, сардин, пакетики сахара, соли — и ахнула при виде туалетной бумаги. Больше не придется Малышке подтираться старыми газетами. Оланна набросала несколько слов восторга и благодарности и отдала шоферу; даже если Эзека хотел покрасоваться, это нисколько не омрачило ее радости. А Угву радовался еще сильнее, чем она.

— Прямо как в Нсукке, мэ! — ликовал он. — Одни сардины чего стоят!

— Отсыпь, пожалуйста, в мешочек немного соли. Четверть этой пачки.

— Мэм! Для кого? — Во взгляде Угву мелькнуло подозрение.

— Для Элис. И не рассказывай соседям, что нам привезли. Будут спрашивать — скажи, старый друг передал хозяину книги.

— Да, мэм.

Провожаемая недовольным взглядом Угву, Оланна понесла мешочек Элис. На ее стук не ответили. Оланна уже собралась уходить, когда Элис открыла дверь.

— Друг передал нам продукты. — Оланна протянула мешочек соли.

— Ой! Куда мне столько? — сказала Элис, протягивая руку за солью. — Спасибо. Ах, спасибо большое!

— Мы с ним давно не виделись. И вот, пожалуйста, сюрприз!

— Вы и обо мне побеспокоились. Не стоило, право. — Элис прижимала мешочек к груди. Глаза ее были обведены темными кругами, под прозрачной кожей просвечивали вены.

Но вечером, когда Элис вышла на веранду и уселась рядом с Оланной на полу, вытянув ноги с крохотными ступнями, она казалась свежее, здоровее. Лицо было слегка припудрено, от нее пахло знакомым кремом для тела. Аданна-старшая, проходя мимо, удивилась: «Надо же, Элис, в первый раз вижу тебя на веранде», и легкая улыбка тронула губы Элис. Возле банановых зарослей молился пастор Амброз. Его алое одеяние с длинными рукавами пламенело в закатных лучах. «О великий Иегова, порази вандалов священным огнем! О великий Иегова, сражайся за нас!»

— Бог сражается за Нигерию, — неожиданно произнесла Элис. — Бог всегда с теми, кто лучше вооружен.

— Бог на нашей стороне! — Оланна сама удивилась собственной резкости. — Думаю, Бог с теми, на чьей стороне правда, — добавила она уже спокойнее.

Элис отогнала москита.

— Амброз прикинулся пастором, чтобы избежать армии.

— Верно. — Оланна улыбнулась. — Знаете ту диковинную церковь на Огуи-роуд в Энугу? Он с виду похож на тамошних священников.

— Я на самом деле не из Энугу. — Элис поджала к груди колени. — Я из Асабы. Закончила там педагогический колледж и уехала в Лагос, устроилась на работу перед войной. Познакомилась с полковником, и через несколько месяцев он позвал меня замуж, скрыв, что женат, а жена его за границей. Я забеременела. Он все не ехал в Асабу просить моей руки у родителей. А я верила его сказкам, что он занят, что ему тяжело из-за того, что творится в стране. Когда стали убивать офицеров-игбо, он сбежал, и я вместе с ним приехала в Энугу. Там у меня родился малыш. Мы жили

вместе в Энугу, но перед самой войной вернулась его жена, и он меня бросил. Вскоре умер мой малыш. Потом захватили Энугу. И вот я здесь.

— Какой ужас. Мне очень жаль.

— Я дурочка. Верила его небылицам.

— Полно себя ругать.

— Вы счастливица. У вас муж, дочка. Не знаю, как вам все удается — и семья на вас держится, и детей учите, и все такое. Жаль, что я не такая, как вы.

Оланне была приятна похвала Элис.

— Что вы, я такая же, как все, ничего особенного, — смущенно отозвалась она.

Отец Амброз разошелся не на шутку:

— Дьявол, я тебя пристрелю! Сатана, я тебя разбомблю!

— Как вы эвакуировались из Нсукки? — спросила Элис. — Много потеряли?

— Все. Мы уезжали в спешке.

— Как и я из Энугу. Не знаю, почему от нас всегда скрывают правду, не дают подготовиться. Люди из Министерства информации разъезжали по городу в фургоне с громкоговорителем и объявляли, что все спокойно, а стрельба — это учения наших войск. Если бы они сказали правду, многие из нас были бы лучше готовы, не остались бы ни с чем.

— Но пианино-то вы привезли. — Оланне не понравилось, как Элис говорила «они», словно сама она по другую сторону.

— Это единственное, что я привезла из Энугу. Он... этот... передал мне денег и прислал за мной фургон в тот день, когда Энугу взяли. Нечистая совесть заставила. Потом я узнала от шофера, что сам он с женой уехал на родину за несколько недель до того. Вы подумайте!

— Вы знаете, где он сейчас?

— Не знаю и знать не хочу. Если встречу его, *ezi okwu m*,^[87] убью собственными руками. — Элис протянула почти детские ручки. В первый раз она перешла на игбо, и говор выдавал в ней уроженку Асабы. — Страшно подумать, сколько я из-за него вытерпела! Бросила работу в Лагосе, без конца врала родным, перессорилась с друзьями, которые твердили, что он меня водит за нос. — Элис нагнулась, подняла что-то с песка. — И ведь ничего не мог.

— Что?

— Вскарабкается на меня, чуть поблеет козлом — и готово дело. — Элис подняла палец. — С такой-то фитюлькой! А потом расплывался в улыбке, и неважно, поняла ли я хотя бы, когда он начал и кончил. Мужчины

все одинаковы, что с них взять?

— Нет, не все. Мой муж свое дело знает, и у него далеко не фитюлька.

Обе засмеялись, и Оланна почувствовала, что их связывает общее женское знание, непристойное и прекрасное.

Оланна ждала, когда вернется Оденигбо, ей не терпелось рассказать, что она подружилась с Элис. Она мечтала, что он придет домой и с силой прижмет ее к себе, как давно уже не прижимал. Но когда Оденигбо вернулся из бара «Танзания», в руке он сжимал ружье.

— *Gini bu ife a?*^[88] — всполошилась Оланна, глядя на длинную почерневшую двустволку, которую он положил на кровать.

— Дали в директорате. Старое. Но на всякий случай сгодится.

— Не нужно мне в доме ружье.

— Идет война. У всех ружья. — Оденигбо снял брюки, повязал вокруг пояса покрывало и стал расстегивать рубашку.

— Я говорила с Элис.

— С какой еще Элис?

— С соседкой, которая играет на пианино.

— А-а, с этой. — Оденигбо смотрел на занавеску, отгораживавшую спальный угол.

— Вид у тебя усталый, — сказала Оланна. А про себя подумала: не усталый, а грустный. Если б ему найти достойное занятие, дело по душе, не осталось бы времени грустить.

— Все в порядке, — сказал Оденигбо.

— Надо бы тебе повидаться с Эзекой. Попроси его перевести тебя в другое место. Пусть даже не в своем директорате — у него есть связи повсюду.

Оденигбо повесил брюки на гвоздь.

— Слышишь меня? — спросила Оланна.

— Не пойду я к Эзеке, — отрезал он.

Оланне было хорошо знакомо это выражение лица. Люди принципов не ищут помощи у высокопоставленных друзей.

— Ты принесешь больше пользы Биафре на другой работе, с твоим-то умом и талантом.

— Я и так приношу пользу Биафре в Директорате труда.

Оланна оглядела хаос, в котором они теперь жили, — кровать, матрас у грязной стены, сваленные в углу коробки и сумки, пара ямсовых клубней, керосинка, которую брали на кухню, лишь когда готовили, — и ее захлестнуло отвращение, захотелось бежать, бежать, бежать, прочь от этой жизни.

Заснули они спиной друг к другу, а утром Оланна уже не застала Оденигбо. Она тронула его половину постели, погладила теплый след на смятой простыне. И решила сходить к Эзеке, попросить за Оденигбо. По дороге в ванную Оланна кивала соседям: «Доброе утро! Хорошо спалось?» Малышка, вместе с другими детьми помладше, возле банановых зарослей слушала рассказ дядюшки Оджи, как он в Калабаре сбил из пистолета вражеский самолет. Ребята постарше подметали двор с песней:

Biafra, kunie, buso Nigeria agha,
Anyi emelie ndi awusa,
Ndi na-amaro chukwu,
Tigbue fa, zogbue fa,
Nwelu nwude Gowon^[89].

Когда песня смолкла, громче зазвучала утренняя молитва пастора Амброза.

— Чем молоть языком, пастор Амброз, шел бы лучше в армию. Что толку от твоей тарабарщины для нашего правого дела? — пробурчала тетушка Оджи. Она стояла у дверей своей комнаты рядом с сыном; мальчик, с накрытой полотенцем головой, склонился над дымящейся миской. Когда он поднял голову, чтобы глотнуть воздуха, Оланна взглянула на варево из мочи, масел, трав и еще невесть чего, помогающего, по мнению тетушки Оджи, от астмы.

— Плохо было ночью? — спросила Оланна.

Оджи пожала плечами:

— Бывает и хуже. — И накинулась на сына: — Тебе наподдать, чтоб ты дышал? Остынет ведь, пропадет зря!

Мальчик вновь нагнулся над миской.

— Иегова, разрази Говона! — взревел басом пастор Амброз.

— Кончай вопить, иди в армию! — гаркнула тетушка Оджи.

Из соседней комнаты крикнули:

— Тетушка Оджи, да отстаньте вы от пастора! Пусть сперва ваш муженек-дезертир в армию вернется!

— Мой-то хотя бы воевал! А твой живет жалкой жизнью труса, прячется от солдат в лесах Охафии!

Из-за дома показалась Малышка, следом за ней выбежал пес.

— А где Аданна?

— Спит. Она болеет. — Малышка замахала руками, отгоняя мух от

Бинго.

Тетушка Оджи буркнула:

— Говорила же я, что у девочки не малярия. А мать пичкает ее листьями мелии, от которых никакого проку. Если больше никто не скажет, так я скажу: у Аданны синдром Гарольда Вильсона, вот так!

— Синдром Гарольда Вильсона?

— Квашиоркор. У девочки квашиоркор.

Оланну разобрал смех. Надо же, квашиоркор окрестили в честь британского премьера! Но когда она зашла провести Аданну, веселье мигом улетучилось. Девочка лежала на циновке, полузакрыв глаза. Живот у Аданны раздуло, а цвет кожи был нездоровый, намного бледнее, чем каких-нибудь пару недель назад.

— Что-то малярия никак не отступит, — вздохнула ее мать.

— Это квашиоркор, — сказала Оланна тихо.

— Квашиоркор, — повторила та, подняв на Оланну полные страха глаза.

— Нужны креветки или молоко.

— Молоко? Откуда? Мне ж его взять? Зато здесь неподалеку растет анти-кваш. Матушка Обике мне на днях рассказала где. Схожу нарву.

Не успела Оланна оглянуться, как та подоткнула подол и исчезла в придорожных кустах. Вскоре соседка вернулась с пучком тонких зеленых листьев.

— Положу их в кашу, — сказала она.

— Аданне нужно молоко, — возразила Оланна. — Листья не помогут.

— Оставьте женщину в покое. Листья помогут, если только их не варить слишком долго, — вмешалась тетушка Оджи. — Все равно в центрах помощи ничего нет. А слышали вы, что в Нневи все дети отравились молоком из центра и умерли? Вандалы подмешали туда яд.

Оланна позвала Малышку, отвела в комнату и раздела. Малышка удивилась:

— Угву меня уже купал!

— Да, да, детка, — кивала Оланна, внимательно осматривая ее.

Кожа у Малышки по-прежнему была цвета красного дерева, черные волосы не посветлели, и, хотя Малышка похудела, живот у нее не вспух.

На кухне мать Аданны варила листья. Оланна достала из коробки, что прислал Эзека, банку сардин и немного сухого молока и принесла ей:

— Никому ни слова. Давайте Аданне по чуть-чуть.

Та бросилась Оланне на шею:

— Спасибо, спасибо, спасибо! Никому не скажу.

Но все-таки проболталась. Чуть позже, когда Оланна уходила в контору профессора Эзеки, ее окликнула тетушка Оджи:

— У моего сына астма, немного молока ему тоже не помешает.

Оланна сделала вид, что не слышит.

Дойдя до шоссе, Оланна встала под деревом и поднимала руку, едва завидев любую машину. Остановился солдат на ржавом «универсале». Усаживаясь с ним рядом, Оланна заметила его похотливый взгляд, поэтому говорила с сильным английским акцентом, чтобы труднее было понять, всю дорогу твердила о борьбе за правое дело и вскользь упомянула, что ее машина и шофер в автомастерской. Солдат высадил ее у здания директората, так и не узнав, кто она и к кому приехала.

Хищная на вид секретарша профессора Эзеки оглядела Оланну от парика до туфель и рявкнула:

— Его нет!

— Тогда позвоните ему немедленно и передайте, что его ждет Оланна Озобиа.

Секретарша в удивлении выпучила глаза.

— Повторить? Наверняка профессору будет интересно узнать о ваших пререканиях. Где мне присесть, пока вы звоните?

Без единого слова указав на стул, секретарша взяла трубку. Через полчаса явился шофер и отвез Оланну в Дом профессора, притулившийся в глухом немощем переулке.

— Я-то думала, важная персона вроде вас, профессор, должна жить в правительственном квартале, — сказала Оланна после приветствий.

— Боже сохрани. Правительственный квартал в первую очередь станут бомбить.

Профессор ничуть не изменился. Впустив Оланну, он с прежним самодовольством в голосе попросил подождать, пока он закончит работу.

Супругу профессора, женщину робкую, необразованную, Оланна видела в Нсукке всего два раза и постаралась не выдать изумления, когда госпожа Эзека в просторной гостиной встретила ее с распростертыми объятиями:

— Как приятно видеть старых друзей! Мы нынче общаемся только с деловыми людьми, сплошные приемы в правительстве. — С длинной цепочки на шее госпожи Эзека свисал золотой кулон. — Памела, поздоровайся с тетей.

Вышла девочка постарше Малышки, лет восьми, с пупсом в руках. Щеки у нее были пухлые, как у матери, в волосах розовые атласные ленты.

— Здравствуйте, — сказала девочка, стягивая с куклы юбку.

— Как дела? — спросила Оланна.

— Спасибо, хорошо.

Оланна опустилась на красный плюшевый диван. На столике посреди комнаты стоял кукольный дом, а в нем — крохотные изящные тарелочки и чашечки.

— Что будете пить? — весело спросила госпожа Эзека. — Помнится, Оденигбо любил бренди. У нас есть отличный бренди.

Оланне неоткуда было знать, что у них пил Оденигбо, — муж ни разу не приводил ее к ним на вечера.

— Мне холодной воды, пожалуйста.

— Просто воды? — удивилась госпожа Эзека. — Ладно, что-нибудь покрепче выпьем после обеда. Официант!

Официант возник мгновенно, будто ждал за дверью.

— Холодной воды и колы, — приказала госпожа Эзека.

Памела захныкала — тугая одежда никак не снималась с куклы.

— Давай помогу, — сказала госпожа Эзека. И обратилась к Оланне: — Она сейчас такая капризная! Видите ли, мы еще на прошлой неделе должны были ехать за границу. Двое старших уже там. Его Превосходительство давным-давно выдал нам разрешение. Мы должны были лететь на самолете с гуманитарной помощью, но ни один не смог приземлиться из-за нигерийских бомбардировщиков. Представьте, вчера два с лишним часа прождали в Ули, в недостроенном здании — не аэропорт, одно название, — и ни одного самолета. Надеюсь, в воскресенье все-таки улетим. Сначала в Габон, а оттуда в Англию, — ясное дело, с нигерийскими паспортами. Британия ведь не признала Биафру.

Смех госпожи Эзека отозвался в душе Оланны острой болью.

Официант принес воду на серебряном подносе.

— Точно холодная? — спросила госпожа Эзека. — Из новой морозилки или из старой?

— Из новой, мэм, как вы просили.

— Торт, Оланна? — предложила госпожа Эзека, когда официант ушел. — Только сегодня испекли.

— Нет, спасибо.

Вошел профессор Эзека с папками в руках:

— Это все, что вы пьете? Воду?

— Дом у вас красоты несказанной, — проронила Оланна.

— Слова-то какие — «красоты несказанной», — хмыкнул профессор.

— Оденигбо очень недоволен службой в директорате. Не могли бы вы помочь ему перевестись в другое место? — с трудом выговорила Оланна,

только теперь осознав, до чего ей мерзко просить, как хочется скорей покончить с неприятным делом и бежать прочь из этого дома с красным ковром, красными диванами, телевизором и приторным запахом духов госпожи Эзека.

— Сейчас все забито, совсем забито, — покачал головой профессор Эзека. — Просьбы сыплются отовсюду. — Он сел нога на ногу, положил папки на колени. — Но я посмотрю, что можно сделать.

— Спасибо. И еще раз спасибо за продукты.

— Попробуйте торт, — вставила госпожа Эзека.

— Спасибо, не хочу.

— Может, после обеда?

Оланна поднялась:

— Я не могу остаться на обед. Надо бежать. Я учу детей, через час урок. Мы собираемся во дворе.

— Ах, какая прелесть! — восхитилась госпожа Эзека, провожая Оланну до дверей. — Какая досада, что я уезжаю за границу. Мы вместе потрудились бы для победы.

Оланна заставила себя улыбнуться.

— Шофер вас отвезет, — сказал профессор Эзека.

— Спасибо.

Перед тем как распрощаться, госпожа Эзека позвала ее на задний двор, посмотреть новый бункер, построенный по распоряжению мужа, — прочный, цементный.

— Подумать только, до чего эти варвары нас довели! Мы с Памелой, бывает, спим прямо здесь, когда нас бомбят. Но мы выстоим.

— Да, — ответила Оланна, разглядывая гладкий пол и две кровати: хоть и под землей, но жилая комната с мебелью.

Вернувшись, Оланна застала Малышку в слезах. Из носа у нее текло.

— Бинго съели! — рыдала Малышка. — Мама Аданны съела Бинго.

— Угву, в чем дело? — спросила Оланна, обняв Малышку.

Угву пожал плечами:

— Так соседи говорят. Мать Аданны куда-то увела собаку и на вопросы, где Бинго, молчит. А суп только что сварила с мясом.

Кайнене приехала знойным днем. Оланна замачивала на кухне маниоку, когда тетушка Оджи крикнула: «Там женщина в машине спрашивает вас!»

Оланна выбежала во двор и застыла, увидев возле банановой рощи сестру. Песочного цвета платье по колено очень ей шло.

— Кайнене! — Оланна протянула руки робко, неуверенно, и Кайнене

шагнула к ней; они обнялись коротко, едва коснулись друг друга, и Кайнене отступила.

— Я приехала в ваш бывший дом, а меня послали сюда.

— Хозяин нас вышвырнул — что взять с нищих?

Оланна посмеялась своей неудачной шутке, Кайнене без улыбки заглянула в комнату. Оланна пожалела, что сестра не приехала чуть раньше, пока они жили в отдельном доме, — ей не было бы так стыдно их бедности.

— Проходи, садись.

Оланна притащила с веранды скамью, и Кайнене, глянув на нее с опаской, села, зажав в руках кожаную сумочку, коричневую, под цвет завитого парика. Оланна отодвинула занавеску, отделявшую закуток для сна, села на кровать, одернула подол. Они не смотрели друг на друга.

— Как жизнь? — спросила наконец Оланна.

— До взятия Порт-Харкорта дела шли неплохо. Я поставляла продукты в армию, у меня была лицензия на поставку вяленой рыбы. Сейчас живу в Орлу, заведую лагерем беженцев.

— Вот как.

— Осуждаешь меня за то, что я наживалась на войне? Кто-то же должен ввозить вяленую рыбу. Многие поставщики брали деньги, но заказов не выполняли. Я хотя бы выполняла.

— Я ни о чем таком не думала.

— Думала.

Оланна отвела взгляд. В голове вихрем вертелись мысли.

— Мне было так страшно, когда взяли Порт-Харкорт. Я тебе писала...

— Я получила твое письмо через Маду. — Кайнене теребила ремешки сумочки. — Ты писала, что учишь Детей. А сейчас? Все так же стараешься для победы?

— Школу превратили в лагерь беженцев. Иногда я учу соседских ребят прямо во дворе.

— А как поживает муженек-революционер?

— Служит все там же, в Директорате труда.

— Где же ваша свадебная фотография?

— В день свадьбы нас бомбили. Фотограф уронил аппарат.

Кайнене кивнула, не посчитав нужным выразить сожаление, и открыла сумочку:

— Вот, привезла тебе. Мама передала через одного англичанина-журналиста.

Оланна взяла конверт, колеблясь, стоит ли открывать при Кайнене.

— А еще я привезла Малышке два платья. — Кайнене указала на сумку возле ног. — Одна женщина из Сан-Томе возит на продажу детские вещи.

— Ты привезла Малышке одежду?

— Чему ты удивляешься? Кстати, давно пора девочку называть Чиамакой. А то все Малышка да Малышка!

Оланна засмеялась. Подумать только — сестра приехала ее навестить, сидит с ней рядом, привезла одежду для ее дочери!

— Хочешь воды? Больше пить нечего.

— Спасибо, не надо. — Кайнене встала, шагнула к стене, где был прислонен матрас, снова села. — Ты знала моего слугу Икеджида?

— Которого привез с собой Максвелл?

— Да. — Кайнене снова поднялась. — Он погиб в Порт-Харкорт. Нас бомбили, и осколком ему снесло голову, начисто снесло, а он все бежал. Бежал, но уже без головы.

— Господи...

— На моих глазах.

Оланна пересела на скамью рядом с сестрой, обняла ее. От Кайнене пахло домом. Они долго просидели молча.

— Я подумывала поменять твои деньги, — нарушила молчание Кайнене. — Но ты можешь поменять их в банке и положить на счет, так?

— Видела вокруг банка воронки от бомб? Мои деньги лежат под кроватью.

— Смотри, как бы тараканы до них не добрались. Им тоже тяжело живется. — Кайнене усмехнулась, прижалась к Оланне и вдруг, будто опомнившись, подскочила, одернула платье. — Совсем забыла о времени!

— Приедешь еще?

Кайнене помедлила, прежде чем ответить:

— Я с утра до вечера в лагере беженцев. Приезжай лучше ты посмотреть, как я живу. — Она порылась в сумочке, достала клочок бумаги и написала, как добраться до ее дома.

— Хорошо, приеду. В следующую среду.

— На машине?

— Нет, ведь всюду посты. Да и бензина у нас мало.

— Привет бунтарю! — Кайнене села в машину, завела мотор.

— У тебя новый номер. — Оланна разглядывала буквы «БДИ» на табличке.

— Я доплатила за патриотический номер. «Бдительность!» — Кайнене подняла брови, махнула и тронулась. «Пежо-404» быстро исчез из виду, но

Оланна постояла еще немного; на душе было светло, будто она проглотила солнечный лучик.

Оланна приехала в среду рано утром. Харрисон открыл дверь и вытаращился на нее, от изумления даже позабыв отвесить свой обычный поклон.

— Мадам, с добрым утром! Давно вы у нас не были!

— Как дела, Харрисон?

— Все хорошо, мадам. — Харрисон поклонился.

Оланна примостилась на одном из двух диванов в светлой полупустой гостиной с распахнутыми настежь окнами. Где-то в глубине дома орало радио, и, услышав шаги, Оланна с трудом сложила губы в улыбку, не зная, что скажет Ричарду. Но к ней вышла Кайнене, в помятом черном платье, с париком в руке.

— Эджимам, — сказала она, обнимая Оланну. — Вовремя ты подросла — вместе съездим в научный Центр, а оттуда в лагерь. Хочешь рису? Мне на прошлой неделе в центре помощи дали пачку — только тогда я поняла, как давно не ела рис.

— Нет, попозже. — Оланне хотелось долго-долго не выпускать сестру из объятий, вдыхать родной запах дома.

— Я на днях слушала нигерийское радио. Лагос передает, что китайские солдаты сражаются за них, а Кадуна — что каждую женщину-игбо следует изнасиловать, — рассказывала Кайнене. — Богатая у них фантазия.

— Я их никогда не слушаю.

— А я слушаю Лагос и Кадуну чаще, чем Радио Биафра. Врага надо знать в лицо.

Вошел Харрисон, снова поклонился:

— Мадам, принести выпить?

— Послушать его, так у нас здесь целый винный погреб, в этом-то недостроенном доме, — буркнула Кайнене, взбивая пальцами парик.

— Мадам?

— Нет, Харрисон, не надо. Мы уезжаем. Не забудь, обед на двоих.

— Да, мадам.

У Оланны мелькнула мысль о Ричарде — где он может быть?

— Харрисон — самая церемонная деревенщина на свете, — сказала Кайнене, заводя машину. — Знаю, ты не любишь слово «деревенщина».

— Не люблю.

— Но ведь он такой и есть.

— Все мы здесь деревенщины.

— Неужели? Слышу голос Ричарда.

У Оланны пересохло в горле.

Кайнене метнула на нее взгляд.

— Ричард сегодня уехал ни свет ни заря. На будущей неделе он собирается в Габон, в центр лечения квашиоркора, и сказал, что нужно сделать кое-какие приготовления. Но по-моему, он улизнул так рано от тебя.

Оланна поджала губы.

С уверенной беспечностью Кайнене вела машину по рытвинам, мимо пальм со срезанными листьями, мимо крестьянина с козой на веревке — оба кожа да кости.

— Тебе когда-нибудь снится тот калebas с головой ребенка? — спросила Кайнене.

Глядя в окно, Оланна вспоминала узор из косых линий на калebasе, закатившиеся детские глаза.

— Я не помню своих снов.

— Дедушка так говорил об испытаниях, выпавших на его долю: «Что меня не убило, то сделало мудрее». *O gburo t egbu, o tee ka t malu ife.*

— Помню.

— Есть на свете вещи настолько непростительные, рядом с которыми все остальное — пустяки, — сказала Кайнене.

В наступившей паузе что-то давно, казалось, окаменевшее ожило в сердце Оланны.

— Ты меня поняла?

— Да.

Возле научного центра Кайнене остановила машину под деревом и попросила Оланну обождать. Через минуту вернулась и завела мотор — нужного ей человека на месте не оказалось. Оланна молчала до самого лагеря беженцев, который расположился в бывшей начальной школе. Стены корпусов, некогда белые, теперь облупились. Беженцы во дворе подошли поздороваться с Кайнене и поглазеть на Оланну. К машине приблизился молодой стройный священник в линялой сутане.

— Отец Марсель, это моя сестра-двойняшка, Оланна, — представила Кайнене.

Священник явно был удивлен.

— Добро пожаловать, — сказал он и зачем-то добавил: — Вы совсем не похожи.

Стоя под огненным деревом, он рассказывал Кайнене, что в лагерь прислали мешок креветок, что Красный Крест приостановил доставку

продуктов самолетами, что заезжал Инатими с кем-то из Союза Освобождения Биафры и обещал вернуться чуть позже. Кайнене что-то отвечала, а Оланна почти не слушала, наблюдая за сестрой, дивясь ее энергии и уверенности.

— Пойдем на экскурсию, — сказала Кайнене, когда ушел отец Марсель. — Начнем, как всегда, с бункера. — Показав Оланне бункер — наспех вырытую яму, крытую бревнами, — Кайнене двинулась к зданию в дальнем конце двора. — А теперь — к точке невозврата.

Оланна последовала за ней. У первой же двери ее сразило зловоние. От смрада затошнило, вареный ямс, что она ела на завтрак, запросился обратно.

— Не хочешь — не заходи, — сказала Кайнене, приглядываясь к ней.

Желания не было, но Оланна чувствовала, что обязана зайти. Смрад шел непонятно откуда, но заполнял все, сделался почти зримым, висел грязно-бурым облаком. Оланна была близка к обмороку. В первой из классных комнат около дюжины человек лежали на бамбуковых кроватях, на циновках, на полу. Ни один даже не пытался отгонять жирных мух, никто не двигался, кроме ребенка у самой двери — он крутил руки то так, то эдак. Он походил на обтянутый кожей скелет, даже скрещенные руки казались плоскими. Кайнене окинула быстрым взглядом комнату и повернула к выходу. За дверью Оланна глотнула воздуха. В следующей комнате ей показалось, что даже воздух у нее в легких загрязнен, хотелось зажать ноздри, чтобы не травиться дальше. На полу сидела женщина, подле нее двое детей. На вид нельзя было угадать их возраст. Они лежали голые: рубашки на раздутых животах не застегнулись бы. Кожа на боках и ягодицах свисала складками, на макушках — пучки рыжеватых волос. Взгляд Оланны встретился с пристальным взглядом матери, и Оланна быстро отвела глаза. Согнав с лица муху, Оланна со злостью подумала, что в отличие от людей здешние мухи откормленные, полные жизни.

— Та женщина умерла, ее надо унести, — сказала Кайнене.

Оланна пришла в ужас: мертвецы так не смотрят. Но Кайнене говорила о другой женщине, лежавшей ничком на полу; к ней льнул истощенный малыш. Кайнене забрала ребенка, вышла на улицу, крикнула отцу Марселю, что еще одного надо хоронить, и села на крыльце с малышом на руках — он даже не заплакал. Кайнене пыталась засунуть ему в рот мягкую желтоватую пилюлю.

— Что это? — спросила Оланна.

— Белковая таблетка, на вкус — та еще гадость. Я тебе дам для Чиамаки. На прошлой неделе дождались от Красного Креста. Не хватает,

конечно же, я берегу для детей. Что толку давать всем подряд — все равно большинству не помогут. Но этому малышу, возможно, и помогут, как знать. Его мать приехала издалека, из города, который взяли одним из первых. Они сменили около пяти лагерей, прежде чем попали сюда.

— Сколько их в день умирает?

Кайнене не отвечала. Малыш тоненько пискнул, и она ловко сунула в крохотный раскрытый ротик белую пилюлю. Оланна смотрела, как отец Марсель и еще кто-то из мужчин, взяв мертвую женщину за лодыжки и запястья, вынесли ее из класса и потащили за школьный корпус.

— Иногда я их ненавижу, — обронила Кайнене.

— Вандалов?

— Нет, их. — Кайнене кивнула в сторону класса. — За то, что они умирают.

Кайнене отнесла малыша в комнату и передала другой женщине, родственнице умершей. Та дрожала костлявым телом, глаза у нее были сухие, и Оланна не сразу поняла, что женщина плачет, прижимая ребенка к плоской, пустой груди.

Возвращаясь рядом с сестрой к машине, Оланна почувствовала в своей руке ее ладонь.

Угву не верил рассказам пастора Амброза, что какие-то люди из заграничного фонда поставили столик в конце Сент-Джонс-роуд и даром раздадут прохожим вареные яйца и охлажденную воду в бутылках. Вдобавок он помнил, что со двора опасно выходить — Оланна не уставала это твердить. Но Угву одолела скука. Жара стояла адская, а вода в глиняном горшке за домом была противная на вкус, отдавала золой. Хотелось чего-нибудь прохладного. А вдруг пастор Амброс говорит правду — чего на свете не бывает! Малышка играла с Аданной; если сбегать туда-обратно, то она и не заметит его отсутствия.

Обогнув церковь Святого Иоанна, Угву заметил в глубине улицы нескольких человек. Они стояли в затылок друг другу, руки за голову, а с ними — двое дюжих солдат, один с винтовкой наперевес. Угву застыл, будто на стену наткнулся. Солдат с винтовкой рванул к нему, на ходу что-то выкрикивая. Угву похолодел. Вдоль дороги тянулись жидкие кусты, не спрячешься, позади — пустая улица, негде укрыться от пули. Он нырнул в церковный двор. У главного входа, на верхней ступеньке, стоял старик-

священник в белом. Угву подпрыгнул от радости: солдат не побежит за ним в церковь. Угву дернул дверь, но та оказалась заперта.

— Пустите, святой отец, — взмолился он.

Священник покачал головой.

— Те, что снаружи, кого забирают в солдаты, — тоже дети Божьи.

— *Viko*, пожалуйста! — Угву рванул дверь.

Солдат ворвался в церковный двор.

— Да пребудет с тобой благословение Божие.

Священник, покачав головой, отступил.

— Стой, стрелять буду! Знаешь, как меня прозвали? «Бац-и-готово»! — Дранные брюки были коротки этому верзиле, не доходили до черных ботинок. Сплюнув, он потянул Угву за руку: — За мной, чертов штатский!

Угву поплелся следом. Священник крикнул вдогонку:

— Боже, благослови Биафру!

Не глядя на товарищей по несчастью, Угву встал в строй, тоже руки за голову. Это сон, не иначе сон. Где — то невдалеке лаяла собака. Бац-и-готово рывкнул на одного из новобранцев, взвел курок и пальнул в воздух. Чуть поодаль сбились в кучку несколько женщин, одна из них обращалась к напарнику Бац-и-готово. Вначале она говорила тихо, умоляюще, затем сорвалась на крик, замахала руками:

— Разве не видно, он двух слов связать не может! Он же слабоумный! Куда ему винтовку держать!

Бац-и-готово расставил новобранцев попарно, скрутив каждому руки за спиной, а между ними туго натянув веревку. Напарник Угву рванул веревку, словно пробуя на прочность, — Угву едва устоял на ногах.

— Угву! — раздался крик из толпы женщин. Угву обернулся. На него смотрела полными ужаса глазами миссис Муокелу. Не рискнув подать голос, Угву лишь кивнул. Миссис Муокелу пустилась прочь почти бегом, а Угву глядел ей вслед со смесью разочарования и надежды.

— Шагом марш! — заорал Бац-и-готово. Повернув голову, он заметил в глубине улицы парня и погнался за ним. Второй солдат направил винтовку на новобранцев:

— Кто побежит — стреляю.

Вернулся Бац-и-готово, ведя перед собой очередную жертву.

— Молчать! — рывкнул он, связывая парню руки. — Шагом марш! Наш фургон на соседней улице.

Колонна нестройно двинулась вперед, и тут Угву увидел Оланну. Она бежала перепуганная, в наспех нахлобученном парике. Догнав колонну, она

улыбнулась, знаком подозвала Бац-и-готово, и тот приказал новобранцам остановиться. Выслушав Оланну, спиной к строю, он повернулся, разрубил веревку, связывавшую Угву руки, и крикнул напарнику:

— Этот уже служит родине. Мы берем только бездельников.

Хмельная радость вскружила Угву голову. Он потер затекшие запястья. По дороге домой Оланна не сказала ему ни слова, и ее молчаливая ярость угадывалась лишь в той силе, с какой она повернула ключ и распахнула дверь.

— Простите меня, мэм, — со вздохом пробормотал Угву.

— Ты, глупец, не заслужил счастья, что тебе сегодня выпало, — ответила Оланна. — Я отдала солдату последние деньги — все, что было. Теперь сам корми моего ребенка, слышишь?

— Простите меня, мэм, — повторил Угву.

Оланна почти не разговаривала с ним следующие дни. Сама варила Малышке кашу, словно больше не доверяла ему, на его приветствия отвечала кивками. А Угву вставал раньше обычного, чуть свет мчался за водой, до блеска натирал в комнате пол, стараясь вернуть ее дружбу.

Помогли ему жареные ящерицы. Дело было утром, когда Оланна с Малышкой собирались в Орлу навестить Кайнене. Во двор зашла торговка с эмалированным подносом, накрытым газетами; в руке она держала жареную ящерицу на палочке и кричала во все горло, предлагая свой товар.

— Давай купим, мама Ола, пожалуйста, — попросила Малышка.

Оланна, не обращая на нее внимания, продолжала причесываться. Пастор Амброз вышел из своей комнаты и стал торговаться с разносчицей.

— Мамочка Ола, купи, — канючила Малышка.

— От них один вред, — сказала Оланна.

Пастор Амброз вернулся к себе с небольшим газетным свертком.

— Пастор себе купил, — хныкала Малышка.

— А мы не станем покупать.

Малышка залилась слезами. Оланна метнула отчаянный взгляд на Угву, и вдруг оба заулыбались: подумать только, Малышка плачет оттого, что ей не разрешают съесть ящерицу!

— Что едят ящерицы? — спросил Малышку Угву.

— Муравьев.

— Если ты съешь ящерицу, из нее вылезут муравьи, будут ползать у тебя в животе и кусаться, — невозмутимо сказал Угву.

Малышка заморгала. Посмотрела на Угву, словно раздумывая, верить ему или нет, и утерла слезы.

Когда Оланна с Малышкой уехали на неделю в Орлу, Хозяин в первый

же день вернулся с работы раньше обычного, не заходя в бар «Танзания», и слушал на веранде радио. Угву удивился, когда по дороге в ванную к Хозяину подошла Элис. Он ждал, что Хозяин будет держаться с ней холодно, отвечать односложно, и она вернется к себе за пианино. Однако они беседовали вполголоса, и, хотя слов Угву почти не разбирал, он слышал хихиканье Элис. На другой день она сидела с Хозяином на скамейке. Сидела и на третий, допоздна, пока все соседи не разошлись спать. Еще через пару дней, вернувшись с заднего двора, Угву нашел веранду пустой, а дверь в комнату — закрытой наглухо. У него сжалось сердце, от воспоминаний об Амале к горлу подступил ком. Элис была совсем иной. Ее обманчивая детскость настораживала Угву. Она и без всякого колдовского зелья соблазнит Хозяина, одной светлой кожей и беспомощностью. Угву сходил к банановым зарослям и обратно, вернулся к двери и громко постучал. Надо их остановить, помешать им. За дверью послышался шорох. Угву постучал еще и еще.

— Да? — Голос Хозяина звучал приглушенно.

— Это я, сэр. Я хотел спросить, можно взять керосинку, сэр?

Сначала керосинку, потом чашку гарри, последний кусочек ямса, черпак. Он готов был изобразить судороги, припадок, все что угодно, лишь бы помешать Хозяину и этой женщине. Прошло несколько томительных минут, прежде чем Хозяин впустил его. Он был без очков, с опухшими глазами.

— Сэр! — Угву окинул взглядом комнату. Она была пуста. — Что-нибудь случилось, сэр?

— Еще как случилось, жалкий неуч. — Хозяин смотрел в пол, на шлепанцы. Казалось, он ушел в свои мысли. — Профессор Эквенуго ехал с Отделом науки ставить наземные мины, машина налетела на ухаб, и мины взорвались.

— Взорвались?

— Эквенуго взорвался. Погиб.

Хозяин отступил:

— Бери, за чем пришел.

Забирая ненужную керосинку, Угву вспомнил длинный ноготь профессора Эквенуго. В ушах звенело: «Взорвался». Взорвался. Профессор Эквенуго, с его историями о ракетах, горючем и бронемашинах, сделанных из ничего, всегда служил ему живым доказательством, что Биафра победит. Разорвало ли его на куски, которые обуглились, как головешки, или можно понять, где что? Или он рассыпался в пыль, словно иссушенный лист? Взорвался.

Хозяин скоро ушел в бар, а Угву переоделся в свои лучшие брюки и поспешил к Эберечи. Он старался не думать о том, как расстроится Оланна, если узнает от матушки Оджи, что он высунул нос из дому, старался не гадать, как встретит его Эберечи — радостно, или холодно, или руганью.

Эберечи сидела на веранде одна, в знакомой узкой юбочке, только прическу она сменила, остригла косички.

— Угву! — Она подскочила от удивления.

— Ты подстриглась?

— А где терпеть найдешь нитки для косичек? Да и покупать не на что.

— Тебе идет.

Эберечи пожала плечами.

— Прости, что раньше не зашел, — сказал Угву. Зря он перестал с ней разговаривать из-за какого-то офицера, которого знать не знал. — Прости меня.

Эберечи протянула руку и слегка ущипнула его за шею. Угву игриво шлепнул ее по руке, а потом сжал ладонь. Рука в руке они сели рядом на крыльце, и Эберечи стала рассказывать, что вместо его Хозяина дом сняли очень плохие люди, что соседские парни прятались под потолком, когда пришли солдаты угонять их в армию, что во время последней бомбежки в их доме пробило стену и в дыру теперь шмыгают крысы.

А Угву сказал, что профессор Эквенуго погиб.

— Помнишь, я тебе про него рассказывал? Из Отдела науки, тот самый, что изобретал всякие чудесные штуки, — напомнил он.

— Помню, — отозвалась Эберечи. — Это который с длинным ногтем.

— Он его состриг...

Угву заплакал, но слез было мало, от них щипало глаза. Эберечи положила руку ему на плечо, и Угву замер, чтобы не стряхнуть ее ненароком. Эберечи изменилась — или он смотрел на нее другими глазами? Теперь он верил в бесценное.

— Говоришь, он состриг свой длинный ноготь? — переспросила Эберечи.

— Да, — подтвердил Угву. Даже к лучшему, что состриг. Угву не вынес бы мысли, что и замечательный ноготь тоже сгорел в огне. — Мне пора, — спохватился Угву. — Пойду, пока не вернулся Хозяин.

— Завтра загляну к тебе, — пообещала Эберечи. — Я знаю короткую дорожку до вашего дома.

Когда Угву вернулся, Хозяина еще не было. Тетушка Оджи ругала мужа: «Стыд и срам! Стыд и срам!»; пастор Амброз молился: «Господи, разнеси Британию небесным динамитом!»; где-то плакал ребенок.

Понемногу все стихло. Стемнело. Погасли масляные светильники. Угву сел за дверью комнаты и терпеливо ждал, пока не явился Хозяин с виноватой улыбкой и красными глазами.

— Друг мой, — сказал он.

— Здравствуйте, сэр.

Угву поднялся. Хозяин еле стоял на ногах, его кренило влево. Угву подскочил к нему, обнял за плечи, поддержал. Едва переступили порог комнаты, Хозяин согнулся пополам, и его вырвало. Хозяин сел на кровать, а Угву притащил воду, тряпку и стал вытирать пол.

— Хозяйке ни слова, — попросил Хозяин.

— Да, сэр.

Эберечи стала заходить часто, и ее улыбка, прикосновения, игривые щипки за шею сделались для Угву изысканным удовольствием. В первый раз они поцеловались днем, когда Малышка спала. Они сидели в комнате на скамье и играли в карты; Эберечи сказала: «Карты на стол!» — и выложила последнюю. Тут-то Угву наклонился к ней и поцеловал ее за ухом, ощутив пыльный привкус. Он стал целовать ее шею, подбородок, губы, положил ей руку на грудь, Эберечи отстранила его. Угву опустил ладонь пониже, ей на живот, поцеловал ее в губы, и рука его скользнула ей под юбку.

— Дай посмотреть, — сказал Угву — быстро, чтобы она не успела возразить. — Я только гляну — и все.

Эберечи встала. Она не удерживала его, когда он задрал ей юбку, приспустил хлопчатобумажные трусы с дырочкой у резинки и стал разглядывать большие, гладкие ягодицы. Угву натянул трусы, одернул юбку. Он любил ее. Он хотел сказать ей, что любит.

— Я пошла. — Эберечи поправила блузку.

— Как твой дружок-офицер?

— Он в другом секторе.

— У вас что-нибудь было?

Эберечи провела губами по тыльной стороне ладони, как будто что-то стерла, и молча пошла к двери.

— Он тебе нравится! — в отчаянии воскликнул Угву.

— Ты мне нравишься больше.

Ну и пусть она до сих пор встречается с офицером. Главное — кто ей нравится больше. Угву схватил Эберечи, притянул к себе, но она высвободилась.

— Пусти, задушишь, — засмеялась она. — Пусти.

— Провожу тебя немножко, — сказал Угву.

— Не надо. Не бросай Малышку одну.

— Я успею вернуться, пока она спит.

Угву хотел взять Эберечи за руку, но не стал, просто пошел с ней совсем рядом, почти касаясь ее. Пройдя совсем немного, он повернул назад. До дома было рукой подать, когда Угву увидел фургон, а рядом — двух солдат с винтовками.

— Эй, ты! Стой!

Угву пустился бегом, но услышал выстрел, такой оглушительный и так близко, что рухнул наземь, ожидая, что вот-вот его пронзит боль, почти наверняка зная, что ранен. Но боли он так и не почувствовал. Когда подбежал солдат, Угву увидел сначала парусиновые туфли, потом, подняв взгляд, — худую фигуру, хмурое лицо. На шее солдата висели четки. Из дула винтовки тянуло пороховым дымом.

— А ну вставай, чертов штатский! Ступай вон к тем!

Угву поднялся, солдат ударил его по затылку, да так, что из глаз полетели искры. С трудом удержавшись на ногах, Угву двинулся туда, где, подняв руки, уже стояли двое: пожилой, за шестьдесят, и подросток лет пятнадцати. Угву промямлил приветствие, поднял руки и встал рядом с пожилым.

— В фургон, — приказал второй солдат. Густая борода закрывала ему пол-лица.

— Если до того дошло, что вы призываете стариков вроде меня, значит, Биафра погибла, — тихо сказал пожилой.

Первый рявкнул: «Заткни свою вонючую пасть, *agadi*»^[90] — и ударил его.

— Хватит! — сказал второй солдат и обратился к старику: — Иди, отец. *Gawa*, ступай.

Старик двинулся прочь, сперва медленно, нерешительно, потирая ушибленную щеку, потом засеменил быстрее. Угву провожал его взглядом, мечтая догнать, схватиться за его руку, спастись.

— В машину! — скомандовал первый солдат и с силой втолкнул в фургон подростка и Угву.

Протискиваясь в дальний конец фургона, подросток упал, но тут же поднялся. Сидений не было; старые мешки из рафии, сыромятные ремни и пустые бутылки валялись на ржавом полу. Угву был поражен, увидев сидевшего на полу маленького мальчика; тот хлебал из грязной пивной бутылки и что-то напевал под нос. Угву учуял резкий дух местного джина. Может, это и не мальчик вовсе, а взрослый карлик?

— Хай-Тек, — представился мальчишка, дохнув алкоголем на Угву.

— А я Угву.

Он оглядел соседа — рубаха с чужого плеча, драные шорты, ботинки, берет. И вправду совсем ребенок, лет тринадцать от силы. Но холодный, наглый взгляд делал его на вид гораздо старше подростка, сидевшего напротив.

— *Gi kwani*, а тебя как? — спросил Хай-Тек подростка.

Мальчишка рыдал. Лицо его показалось Угву знакомым — наверняка один из соседских ребят, бегавших до рассвета к скважине за водой. Угву было жаль его, но в то же время в нем поднималась злоба, потому что слезы пацана подтверждали безнадежность их положения. Их в самом деле забрали в армию. Их в самом деле пошлют необученными на фронт.

— Ты что, не мужчина? — бросил Хай-Тек. — Что реवेशь как девчонка?

Малчишка плакал, уткнувшись лицом в ладони. Усмешка Хай-Тека сменилась издевательским хохотом:

— Гляньте на него, не хочет драться за правое дело!

Угву молчал; от смеха Хай-Тека и запаха джина его замутило.

— Я провожу реконсервировку! — объявил Хай-Тек, переходя на английский.

Угву тянуло поправить: «рекогносцировку»; малолетке не помешало бы взять пару уроков у Оланны.

— У нас батальон саперов, и мы ставим только мощные *огбунигве*. — Хай-Тек рыгнул и выдержал паузу, будто ожидая восхищения слушателей.

Подросток рыдал; Угву слушал с напускным безразличием. Ему хотелось заслужить уважение Хай-Тека, а единственный способ — ничем не выдать страха, от которого по спине ползали мурашки.

— Я определяю, где находится враг. Подкрадываюсь поближе, залезаю на дерево, узнаю точное местонахождение, а наш командир решает, где начать операцию. — Хай-Тек смотрел на Угву, тот слушал. — В прошлом батальоне я прикидывался сиротой и пробирался в тыл врага. Меня прозвали Хай-Тек, потому что мой первый командир говорил, что я лучше всякого высоко-техно-ло-гичного устройства слежения, — старательно выговорил он, явно пытаясь произвести впечатление на Угву.

— Не реконсервировка, а рекогносцировка, — неожиданно для себя поправил Угву.

Хай-Тек вытаращил на него глаза, хохотнул и протянул бутылку, но Угву мотнул головой. Хай-Тек хлебнул еще и стал напевать «Биафра победит», отбивая такт ногой по полу фургона. Подросток все не успокаивался. Первый солдат вел машину, затягиваясь самокруткой и

пуская едкий дым, и ехали так долго, что Угву чуть не обмочился.

— Я в туалет хочу! — крикнул он.

Солдат остановил фургон, махнул винтовкой.

— Вылезай. Побежишь — пристрелю.

Когда приехали в учебный лагерь — здание бывшей начальной школы, укрытое для маскировки пальмовыми листьями, — тот же солдат обрил Угву наголо осколком стекла, поцарапав голову до крови. Циновки и матрасы, разложенные в бывших классах, кишели клопами. Заморыши-солдаты — ни обуви, ни формы, ни половины желтого солнца на рукавах — дрались, пинались и дразнили Угву на учениях. После строевых занятий затекали руки. От бега по полосе препятствий ныли икры. От каната волдыри лопались на ладонях. Жидкий суп, что наливали раз в день из железного таза, и пригоршня гарри не утоляли голода. А от небрежной жестокости этого нового мира, где Угву не имел права голоса, в нем сгустился страх.

Под окном класса свила гнездо пара птиц. По утрам их щебет заглушался пронзительным свистком командира, криком «Стройся!» и топотом солдат всех возрастов. Днем, когда жара иссушала волю и жажду действия, солдаты переругивались, играли в карты и обсуждали, сколько вандалов взорвали в прошлые операции. Когда кто-нибудь говорил, что следующая операция уже совсем скоро, страх Угву мешался с радостью — ведь он боец и сражается за Биафру. Жаль, что не в настоящем батальоне, не разит врагов из винтовки. Он вспомнил, как профессор Эквенуго описывал *огбунигве*: «мощная наземная мина». Звучало великолепно: гордость Биафры, «ведро Оджукву», чудо, наводившее на вандалов такой ужас, что те, по слухам, гнали впереди себя стада скота, чтобы понять, как *огбунигве* убивает все живое вокруг. Угву вытаращил глаза на первых учениях, увидев перед собой всего-навсего железный ящик с металломом.

Угву жалел, что не может рассказать Эберечи о своем разочаровании. И о командире — единственном в батальоне, у кого была настоящая форма, всегда накрахмаленная и отутюженная, и как он все время рывкал по радиосвязи, а когда один подросток пытался сбежать с учений, поколотил его собственноручно, разбил в кровь нос и отправил на гауптвахту. Особенно живо вспоминалась ему Эберечи, когда приходили деревенские женщины с гарри, водянистым супом и очень редко — с рисом, приготовленным на пальмовом масле, почти без приправ. Бывало, женщины помоложе заходили к командиру в штаб и появлялись оттуда с виноватыми улыбками. Часовые у входа, впуская женщин, всегда

поднимали шлагбаум, хоть в этом не было нужды — его можно было обойти. Однажды Угву увидел, как со двора уходила девушка, виляя круглой попкой, и чуть не крикнул: «Эберечи!» — хоть и знал, что это не она. Как-то раз, разыскивая клочки бумаги, чтобы записать подробности своей жизни, а потом рассказать Эберечи, в углу за классной доской он наткнулся на книгу «Повесть о жизни Фредерика Дугласа, американского раба, написанная им самим». На титульном листе синела печать библиотеки Правительственного колледжа. Угву одолел книгу за два дня и начал снова, смакуя каждое слово, запоминая наизусть отрывки: «Рабы стали бояться дегтя не меньше, чем кнута. Тяжело жилось без кроватей, но еще тяжелее — без времени на сон».

Хай-Тек частенько подсаживался к Угву, когда тот читал. Он то напевал нудным голосом биафрийские песни, то болтал о том о сем. Угву не обращал на него внимания. Но однажды женщины не принесли в лагерь ничего съестного, и солдаты хмуро ворчали день напролет. Ночью Хай-Тек растолкал Угву, протянул банку сардин, и Угву вцепился в нее. Хай-Тек прыснул: «Это нам на двоих». Где он ее раздобыл? Угву диву давался, откуда у Хай-Тека, совсем еще пацана, такая сметливость и хватка. Они спрятались за корпусом и вдвоем умяли рыбу в масле.

— Вандалов кормят на убой! — сказал Хай-Тек. — Когда я однажды пробрался в их лагерь, там женщины варили суп с большущими кусками мяса. И даже наших угощали на Пасху. Тогда неделю боев не было.

— На Пасху не было боев? — переспросил Угву.

— Ага. Они даже в карты с нашими играли и пили виски. Бывает и такое — устраивают перемирия, чтобы все отдохнули. — Хай-Тек глянул на Угву и хихикнул: — Ну и башка у тебя — умора!

Угву дотронулся до макушки: осколком стекла его обрили неровно, тут и там торчали пучки волос.

— Да уж.

— Это оттого, что брили по сухому, — со знанием дела объяснил Хай-Тек. — Давай я побрею бритвой, с мылом.

Хай-Тек достал кусок пахучего зеленого мыла, намылил Угву голову и мастерски побрил лезвием. Позже, когда Хай-Тек шепнул ему: «Операция через два дня», Угву вспомнил обычай бриться наголо в знак траура. Бритье как дань скорби. Угву лежал лицом вверх на тонком матрасе, прислушиваясь к противному храпу со всех сторон. Он заслужил уважение товарищей, до конца выкладываясь на учениях, преодолевая полосу препятствий, лазая по грубому канату, — но так ни с кем и не сдружился по-настоящему. Говорил он очень мало, и чужая судьба не интересовала

его. Лучше никого ни о чем не расспрашивать — пусть на душе у каждого лежит свой груз. Он мечтал встать тихонько, выпрыгнуть в окно и бежать до самой Умуахии, до своего двора, и снова увидеть Хозяина и Оланну, обнять Малышку! Но часть его души хотела остаться здесь и бороться за правое дело.

Земля в окопе была мягкая, сырая, как размоченный хлеб. Угву лежал неподвижно. По руке пополз паук, но Угву не стал его смахивать. В кромешной, хоть глаз выколи, тьме он представлял мохнатые паучьи лапки, не привыкшие ощущать вместо прохладной почвы теплую живую плоть. Изредка показывалась луна, тускло высвечивая контуры деревьев впереди. Враг где-то там. Хоть бы чуточку побольше света, как вначале, когда Угву зарывал *обунигве*. Теперь же сгустился мрак. Шнур холодил руку. Рядом с ним солдат бормотал молитвы, так тихо, словно нашептывал в ухо Угву: «Матерь Божия, молись за нас, грешных, и теперь, и в наш последний час». Когда враги открыли огонь, Угву стряхнул паука и выпрямился. Со всех сторон грохотали орудия, пехота вела ответный огонь, чтобы запугать вандалов, этих грязных пастухов, которые знать не знают, что их поджидают мины-огбунигве.

Угву вспомнилось, как Эберечи щипала его за шею, как он целовал ее влажный рот. Вандалы открыли минометный огонь. С грохотом разорвался снаряд, засвистели осколки. Невдалеке вспыхнула трава, и впереди, возле островка деревьев, Угву заметил хорька — с выгнутой спиной он походил на гигантскую черепаху. И тут Угву увидел их — темные крадущиеся силуэты, целую орду. Они были в зоне действия его мины. Угву даже не ожидал, что они сами придут к нему в руки, что ему так скоро предстоит взорвать свою *огбунигве*, и разлетится дождем разящий металл. Аккуратно и решительно он соединил провода — и был поражен небывалой силой взрыва, хоть и ждал его. Съежился на миг в страхе: вдруг ошибся в расчетах, вдруг мимо? И услышал возглас совсем рядом: «Есть!» Крик долго еще отдавался в ушах, пока сидели в окопе, прежде чем выбраться и пойти к трупам врагов.

— Раздевай их! Снимай штаны и рубашки! — крикнул кто-то.

— Только башмаки и винтовки! — раздался другой голос. — Некогда. К ним идет подкрепление! Быстро, быстро!

Угву склонился над худым телом, стащил башмаки и сунул руку в карман. Пальцы наткнулись на орех кола в липкой теплой крови. Лежавший рядом солдат дернулся, когда Угву тронул его, и Угву отпрянул. Умиравший протяжно вздохнул и затих. Угву вздрогнул. Недалеко от него парень потрясал винтовками в обеих руках и кричал.

— Пошли! — Угву обтер окровавленную ладонь о штаны.

После этой операции Угву окрестили Меткий Глаз. Собравшиеся возле штаба солдаты одобрительно хлопали Угву по спине и шутили: «Вычитал в своей книжке, как это делается?» От успеха у Угву будто отросли крылья. Все дни перед следующей операцией, когда солдаты играли в карты и пили джин, Угву не ходил, а летал по воздуху.

Лежа на спине, он наблюдал, как Хай-Тек скручивает на двоих косяк. Вообще-то Угву больше нравились сигареты «Марс», от травы ноги становились ватными. Курили в открытую, потому что командир ходил довольный, а новость, что Биафра отбила у вандалов Оверри, преисполнила всех надеждой. Дисциплина стала менее строгой, солдат даже отпустили в бар у скоростной автострады.

— Идти далеко, — заметил кто-то, а Хай-Тек расхохотался:

— Конфискуем чью-нибудь машину!

Смех его напомнил Угву, что Хай-Тек еще ребенок. Ему ведь всего тринадцать. Среди девятерых взрослых мужчин он выглядел нелепо. В тишине шаркали по асфальту резиновые шлепанцы. Двое шли босиком. Подождали немного, и, завидев пыльный «фольксваген — жук», встали поперек дороги. Машина остановилась, солдаты застучали по капоту:

— Вылезайте, чертовы штатские!

Мужчина за рулем смотрел сурово, давая понять, что запугать его не так просто. Жена заплакала, начала умолять:

— Пропустите нас, пожалуйста, мы ищем сына! Говорят, его видели в лагере беженцев.

— Машина нужна для боевой операции.

Женщина, сдвинув брови, всматривалась в лицо Хай-Тека. Подумала, наверное, что это может быть ее сын.

— Мы за вас жизнь отдаем, а вы раскатываете в свое удовольствие?

Женщину вытащили из машины. Муж ее вылез сам, встал рядом с автомобилем, зажав в кулаке ключ.

— Так нельзя. Вы не имеете права отбирать машину. У меня пропуск. Я правительственный работник.

Один из солдат ударил его по лицу, он покачнулся, солдат ударил еще раз, и еще, и еще, и он рухнул наземь, выронив ключ.

— Хватит! — крикнул Угву.

Другой солдат пощупал у пострадавшего пульс, убедился, что тот жив. Женщина склонилась над мужем, а солдаты набились в машину и покатали в бар.

Девушка за стойкой сказала, что пива нет.

— Точно? Или прячешь? Боишься, что не заплатим?

— Нет-нет, точно. Пива нет, — настаивала худощавая, с резкими чертами, неулыбчивая официантка.

— Мы разгромили врага! — не унимался солдат. — Пива нам сюда!

— Она же сказала, пива нет, — буркнул Угву. Наглость солдата злила его; это был тот самый, что бросил свою *огбунигве* и дал стрекача, когда враг был еще далеко. — Пусть принесет кай-кай.

Девушка подала местный джин и металлические стаканчики, и солдаты завели речь о нигерийских офицерах, о том, как после победы Биафры повесят за ноги Данджуму^[91] и Говона. Хай-Тек сворачивал самокрутку. Бумага показалась Угву знакомой, он разобрал слово «повесть». Нет, не может быть...

— Что за бумага? — спросил он.

— Твоя книга. Первая страница. — Хай-Тек с ухмылкой протянул Угву косяк.

Угву не взял.

— Ты порвал мою книгу?

— Я вырвал только первую страницу. У меня бумага кончилась.

Угву закипел от гнева. Удар был быстрый, яростный, но Хай-Тек в последний миг увернулся, и Угву лишь слегка задел ему щеку. Угву опять замахнулся, но другие удержали его, оттащили прочь: подумай, книга — хлебни-ка еще джина!

— Извини, — промямлил Хай-Тек.

У Угву разболелась голова. Он глотал джин и наблюдал за остальными, смотрел, как движутся губы, изрыгая грязные шуточки, тщеславную похвальбу, солдатские байки. Вскоре и бар, и скамьи вокруг стола — все поплыло перед глазами. Официантка едва успевала менять бутылки; джин, должно быть, делали здесь же, на заднем дворе. Угву вышел на улицу по нужде, а потом прислонился к дереву, глотнул свежего воздуха. Он представил, будто снова сидит в палисаднике в Нсукке, глядя на лимонное дерево, на свою грядку с зеленью, на аккуратно подстриженные Джомо кусты. Из бара неслись громкие крики — должно быть, кто-то выиграл какой-нибудь дурацкий спор. Он устал от них от всех, устал воевать. Переступив порог бара, Угву замер. Официантка лежала навзничь на полу, один из солдат держал ее за плечи, покрывало на ней было задрано до пояса, ноги разведены широко-широко. Она всхлипывала: «Не надо — не надо — не надо». Между ног ее двигался Хай-Тек. Двигался резкими толчками, тощий зад казался темнее ног. Солдаты подзадоривали:

— Ну же, Хай-Тек! Выпускай заряд!

Хай-Тек со стоном повалился на девушку. Другой солдат оттащил его прочь и взялся за ширинку, но кто — то остановил его:

— Нет! Теперь очередь Меткого Глаза!

Стоявший в дверях Угву попятился.

— *Ujo abiala o!*^[92] Меткий Глаз трусит!

Угву, передернув плечами, шагнул вперед.

— Это я-то трушу? — презрительно бросил он. — Просто не люблю чужие объедки, вот и все.

— Еда еще свежая!

— Меткий Глаз, ты разве не мужчина?

Девушка лежала на полу неподвижно. Угву спустил брюки и сам удивился, что уже готов к действию. Когда он вошел в нее, внутри у нее было сухо и туго. Угву не видел ничего вокруг — ни ее лица, ни державшего ее за плечи солдата; быстрые движения — и разрядка: облегчение и отвлечение к себе. Под аплодисменты солдат он застегнул ширинку. Наконец он решился взглянуть на девушку. Та смотрела ему прямо в глаза спокойным, ненавидящим взглядом.

Операции следовали одна за другой. Временами Угву сковывал страх, леденил душу. Он мысленно пытался отделить разум от тела, когда лежал в окопе, припав к земле, наслаждаясь близостью к ней. Треск пулеметов, крики, запах смерти, взрывы отовсюду — все было где-то далеко. Но когда возвращались в лагерь, голова Угву становилась ясной: он хорошо помнил солдата, стиснувшего обеими руками вспоротый живот, чтобы не выпали кишки, и другого, который прошептал что — то о сыне и затиш. И после каждой операции Угву глядел на все как в первый раз. Ежедневная порция гарри казалась чудом. Он снова и снова перечитывал одни и те же страницы книги. Дотрагивался до своей кожи и представлял, как она разлагается после его смерти.

Однажды командирский джип привез в лагерь тощего связанного козла — его реквизировали у местного жителя. Козел жалобно блеял, а вокруг толпились солдаты, радуясь в предвкушении мяса. Двое солдат зарезали козла, разожгли костер, а как только поджарилось накромянное крупными кусками мясо, командир приказал все отнести в штаб. Он долго глядел в миску, проверяя, все ли на месте: ноги, голова, яйца. Потом из деревни пришли две женщины и их отвели в штаб: много позже, когда они уходили, солдаты швыряли им вслед камни. В ту ночь Угву приснилось, будто командир половину туши отдал солдатам и они съели все без остатка, с костями.

Разбудило его радио и плач Хай-Тека. Умуахия пала. Столица Биафры

сдана. Кто-то из солдат всплеснул руками; «А все этот козел, дурной знак! Все пропало, мы отступаем!» Остальные сникли. Даже слова командира о секретном плане контратаки, чтобы отвоевать Умуахию, никого не ободрили. Зато порадовала новость о приезде Его Превосходительства. Солдаты вымели двор, выстирали одежду, расселись на скамейках в ожидании. Когда в лагерь въехала колонна джипов и «пontiаков», все встали с мест и отдали честь.

Угву салютовал вяло — ему не было дела ни до Его Превосходительства, ни до командира, ни до офицеров с их самодовольными ухмылками и неуважением к солдатам. Но капитаном по фамилии Охаэто, сдержанным и собранным, Угву восхищался. И однажды, оказавшись рядом с Охаэто в окопе, Угву решил продемонстрировать ему свою храбрость. В окопе было сухо, он кишел не пауками, а муравьями. По треску орудий и грохоту снарядов Угву понимал, что враг приближается, но точно определить мешала темнота. Угву очень хотелось блеснуть перед капитаном Охаэто; вот досада, что так темно! Угву уже готовился соединить провода, но что-то просвистело над самым ухом, и в тот же миг жгучая боль опалила спину. Капитан Охаэто превратился в кровавую кашу. Угву почувствовал, как его, беспомощного, безвольного, выбросило из окопа, а когда он приземлился, то потерял сознание от боли, пронзавшей все тело.

Ричард отодвинулся в салоне «пежо» подальше от двух журналистов-американцев, прижался к самой дверце. Надо было сесть рядом с шофером, а ординарца усадить с ними сзади. Но откуда ему было знать, что от обоих так скверно пахнет — и от Чарльза-толстяка в приплюснутой шляпе, и от рыжего Чарльза с жиденькой бородкой.

— Два журналиста приехали в Биафру, один со Среднего Запада, другой из Нью-Йорка, и обоих зовут Чарльз. Вот так совпадение! — засмеялся толстяк, когда оба представились. — И обе наши мамы зовут нас Чак!

Сколько они прождали рейса в Лиссабоне, Ричард не запомнил, а в Сан-Томе ожидание самолета на Биафру с гуманитарной помощью растянулось на семнадцать часов. Обоим журналистам не мешало бы помыться. А когда толстяк, сидевший рядом с Ричардом, заговорил о своей первой командировке в Биафру в начале войны, Ричард подумал, что и

почистить зубы ему не повредило бы.

— Я летел на нормальном самолете, и приземлились мы в аэропорту Порт-Харкорта, — рассказывал толстяк. — А в этот раз сидел на полу в самолете без огней, а рядом — двадцать тонн сухого молока. Летели ниже некуда, из окна было видно, как палят нигерийские зенитки. Я от страха едва не обделался. — Его широкое, добродушное лицо расплылось в улыбке.

Рыжему совсем не было смешно.

— Точно неизвестно, нигерийские ли это зенитки. Может, и биафрийские.

— Да ну! — Толстяк бросил взгляд на Ричарда, но тот сделал каменное лицо. — Разумеется, огонь вели нигерийцы.

— Биафрийцы перевозят в самолетах продукты вперемешку с оружием. — Рыжий повернулся к Ричарду: — Правда ведь?

Ричарду он не нравился. Не нравились водянисто — зеленые глаза, лицо в конопушках. Когда Ричард, встретив их в аэропорту, вручил им пропуска и сказал, что будет их гидом и правительство Биафры приветствует их, его насторожила презрительная насмешка на лице рыжего. Казалось, тот ехидничал: это вы-то представляете Биафру?

— Наши самолеты с гуманитарной помощью перевозят только продукты, — сказал Ричард.

— Само собой, — кивнул рыжий. — Исключительно продукты.

Толстяк, перегнувшись через Ричарда, выглянул в открытое окно.

— Надо же, люди гуляют, ездят на машинах. И не подумаешь, что идет война.

— Это до первой воздушной тревоги. — Ричард отвернулся, стараясь не дышать.

— Можно посмотреть, где биафрийские солдаты застрелили итальянца-нефтяника? — спросил рыжий. — Мы писали об этом для «Трибюн», но я бы хотел осветить подробнее.

— Не получится, — отрезал Ричард.

Рыжий сверлил его взглядом.

— Ладно. Как насчет новых подробностей?

Ричард вздохнул. Словно жгучий перец на рану: биафрийцы гибнут тысячами, а рыжему нужны подробности об одном убитом белом. Ричард решил, что напишет об этом: правило западной журналистики — один убитый белый равен сотне мертвых черных.

— Ничего нового, — сказал он. — Эта территория теперь занята.

На посту Ричард заговорил с девушкой из народного ополчения на

игбо. Та придирчиво изучила их пропуска, обещающе улыбнулась, и Ричард улыбнулся в ответ; высокая, стройная, плоскогрудая, она чем-то напомнила ему Кайнене.

— А она была бы не против, — хмыкнул толстяк. — Говорят, здесь полно бесплатного секса. Но от здешних девиц можно подцепить какую-то болячку... Болезнь Бонни? Так что, ребята, осторожней, чтоб не привезти домой подарочек.

Теперь и толстяк с его самоуверенностью раздражал Ричарда.

— Лагерем беженцев, куда мы с вами сейчас едем, заведует моя жена.

— Правда? И давно она здесь?

— Она биафрийка.

Рыжий, до этого смотревший в окно, развернулся к Ричарду:

— В колледже у меня был друг-англичанин, ему нравились цветные девушки.

Явно смущенный, толстяк поспешно спросил:

— Вы ведь хорошо говорите на игбо?

Ричард кивнул. Он собирался показать им фотографии Кайнене и оплетенного сосуда, но теперь передумал.

— Буду очень рад с ней познакомиться, — сказал толстяк.

— Она уехала. Пытается выхлопотать побольше продовольствия для лагеря.

Ричард первым выбрался из машины и увидел, что их поджидают два переводчика — вот досада. Идиомы, тонкости и диалекты игбо в самом деле ускользали от него, но директорат уж слишком торопился присылать переводчиков. Беженцы уставились на приезжих белых с рассеянным любопытством. Истощенный человек с кинжалом за поясом расхаживал по двору и разговаривал сам с собой. Пахло гнилью. Мальчишки жарили на костре крыс.

— Бог ты мой! — Толстяк, стянув шляпу, вытаращился на них.

— Черномазые жрут все без разбору, — процедил рыжий.

— Что вы сказали? — ледяным тоном обратился к нему Ричард.

Тот сделал вид, что не услышал, и вслед за одним из переводчиков поспешил к компании, игравшей в шашки.

Толстяк сказал:

— Знаете, что в Сан-Томе на складах пылятся и кишат тараканами продукты, потому что невозможно их сюда доставить?

— Да. — Ричард запнулся. — Можно вам дать пару писем? В Лондон, для родителей жены.

— Без проблем. Как только выберусь отсюда, брошу их в почтовый

ящик. — Толстяк достал из рюкзака большую плитку шоколада, развернул, откусил пару раз. — Это ведь такая мелочь, я бы с удовольствием помог чем — нибудь посущественней.

Он подошел к детям, дал им конфет, сделал пару снимков, а ребята столпились вокруг, загалдели, выпрашивая еще конфет. Он сказал о ком-то: «Чудная улыбка!» Когда он отошел, пацаны вернулись к своим крысам.

Примчался рыжий, фотоаппарат у него на шее раскачивался при каждом шаге.

— Хочу посмотреть на настоящих биафрийцев, — сказал он. Вы поглядите на этих. Два года не ели по — человечески, а еще рассуждают о правом деле, о Биафре, об Оджукву.

— Вы перед каждым интервью заранее решаете, чему верить, а чему нет? — ровным тоном поинтересовался Ричард.

— Я хочу поехать в другой лагерь беженцев.

— Хорошо, поедем.

Другой лагерь беженцев, ближе к центру города, в здании бывшего муниципалитета, был меньше и не так вонял. На крыльце однурукая женщина что-то рассказывала кучке людей. Присев на ступеньку рядом с рассказчицей, рыжий завел с ней разговор через переводчика.

— Вы голодаете?

— Конечно, все мы голодаем.

— Вы знаете причину войны?

— Да, вандалы-хауса хотели нас всех перебить, но Бог не спал.

— Вы хотите, чтобы война кончилась?

— Да, Биафра вот-вот победит.

— А если не победит, что тогда?

Женщина сплюнула на землю, посмотрела сначала на переводчика, потом на рыжего долгим сочувственным взглядом. Поднялась и ушла в корпус.

— Чудеса, — подивился рыжий. — Пропаганда в Биафре налажена на славу!

Ричард знал таких, как этот Чарльз. Вашингтонских информаторов президента Никсона, лондонских членов комитета премьера Вильсона, приезжавших с твердыми белковыми таблетками и еще более твердыми убеждениями: нигерийцы не бомбят мирных жителей, слухи о голоде раздуты, на войне как на войне.

— Пропаганда здесь ни при чем, — возразил Ричард. — Чем больше бомбят мирных жителей, тем сильнее сопротивление.

— Цитируете Радио Биафра? — спросил рыжий.

Ричард не ответил.

— Они едят что попало, — покачал головой толстяк. — Каждый паршивенький листик для них теперь овощ.

— Если бы Оджукву хотел положить конец голоду, он согласился бы на продуктовый коридор. Дети не должны питаться грызунами, — сказал рыжий.

Толстяк щелкал фотоаппаратом.

— Не так все просто, — возразил он. — О безопасности тоже нельзя забывать. Он же войну ведет, черт ее дери!

— Оджукву придется сдаться. Нигерии осталось лишь чуть поднажать. Биафра уже не отвоюет всю захваченную территорию, — сказал рыжий. — И что теперь Биафре делать с нефтью, если потерян порт?

— Мы и сейчас добываем нефть на месторождениях в Эгбеме, — сказал Ричард, не потрудившись объяснить, где это — Эгбема. — Сырую нефть переправляем на нефтеперегонные заводы по ночам, в танкерах без огней, чтобы не увидели бомбардировщики.

— Вы все время говорите «мы», — заметил рыжий.

— Да, я все время говорю «мы». Вы раньше бывали в Африке?

— Нет, в первый раз. А что?

— Просто любопытно.

— Думаете, я новичок в джунглях? Я три года работал корреспондентом в Азии, — улыбнулся рыжий.

Толстяк, пошарив в рюкзаке, выудил бутылку бренди и протянул Ричарду:

— Купил в Сан-Томе, да так и не довелось попробовать. Отличная штука.

Ричард взял бутылку.

Перед отъездом в Ули, на самолет, они пообедали в гостинице тушеным цыпленком с рисом; Ричарду думать было противно, что правительство Биафры оплатило рыжему обед. Машины то подъезжали к зданию аэровокзала, то отъезжали, впереди чернела взлетно — посадочная полоса. Их встретил начальник аэропорта в тесном костюме защитного цвета, пожал им руки и сказал:

— С минуты на минуту ждем самолет.

— Смехота: и в этой дыре блюдут протокол, — ухмыльнулся рыжий. — Когда я сюда прилетел, мне печать в паспорте поставили и спросили, есть ли вещи, подлежащие таможенному сбору.

Громкий взрыв сотряс воздух. Начальник аэропорта крикнул: «За мной!» — и они бросились за ним в недостроенный аэровокзал. Легли на

пол. Жалюзи на окнах дребезжали, земля тряслась. Взрывы сменились редкими пулеметными очередями, и начальник аэропорта встал, отряхнулся.

— Все в порядке. Пошли.

— Вы в уме? — взвизгнул рыжий.

— Раз начали стрелять, значит, бомбы кончились, бояться уже нечего, — бросил на ходу начальник аэропорта.

На взлетной полосе грузовик вываливал гравий в воронки от бомб. Вспыхнули посадочные огни — и вновь тьма; в иссиня-черном мраке у Ричарда закружилась голова. Вновь зажглись огни и опять погасли. Снова зажглись и погасли. Шел на посадку самолет, слышно было, как он приземлился и покатил по полосе.

Едва успели сесть три самолета, к ним уже подъехали грузовики с потушенными фарами. Рабочие вытаскивали из самолетов мешки. Огни вспыхивали и гасли. Кричали пилоты: «Живей, лежебоки! Сгружайте! Шевелись, черт подери!» Слышался американский, бурский, ирландский говор.

— Вот уроды, могли бы быть и повежливей, — возмутился толстяк. — Им бешеные деньги платят за каждый рейс.

— Они жизнью рискуют, — возразил рыжий.

— Грузчики, черт возьми, тоже.

— Бывало, люди здесь натыкались в темноте на работающие пропеллеры, — невозмутимо сообщил Ричард, сам не зная зачем, — возможно, чтобы сбить с рыжего спесь.

— И что с ними было? — спросил толстяк.

— Догадайтесь.

Из темноты показалась машина; ехала она медленно, фары не горели. Машина остановилась неподалеку, открылись и закрылись двери, и вскоре подошли пятеро истощенных детей и монахиня в сине-белой рясе. Ричард поздоровался:

— Добрый вечер. *Ke ka I te?*^[93]

Монахиня улыбнулась.

— Вы тот самый белый человек, который говорит на игбо. Вы пишете замечательные статьи о нашем правом деле! Молодчина!

— В Габон летите?

Монахиня ответила утвердительно и усадила детей на бревна. В тусклом свете было видно, что у малышей гноятся глаза. На руках монахиня держала самого младшего — сморщенную куколку с ножками-спичками и раздутым животом. Ричард так и не понял, мальчик это или

девочка, и это неожиданно привело его в такую ярость, что он даже не ответил на вопрос рыжего: «Как мы узнаем, что пора на самолет?»

Одна из девочек хотела подняться, но упала и осталась лежать ничком, не шевелясь. Монахиня, посадив на землю малыша, подняла упавшую девочку. «Сидите тут. Кто попробует уйти, того отшлепаю», — сказала она остальным и поспешила прочь.

Толстяк спросил:

— Девочка что, уснула?

Ричард снова промолчал.

— Чертова американская политика, — буркнул толстяк.

— Политика как политика, — возразил рыжий.

— Власть означает ответственность. Ваше правительство знает, что люди умирают! — повысил голос Ричард.

— Конечно, наше правительство знает, что люди умирают, — отозвался рыжий. — Умирают в Судане, в Палестине, во Вьетнаме. Умирают везде. Месяц назад из Вьетнама привезли тело моего младшего брата.

Ричард с толстяком промолчали. В наступившей тишине даже крики пилотов и шум разгрузки звучали приглушенно. Позже, когда рыжего и толстяка в спешке отвезли на взлетную полосу, втолкнули в самолет и тот поднялся при мигающих огнях, Ричарду пришло в голову название для книги: «Мир молчал, когда мы умирали». Он напишет ее после войны — историю трудной победы Биафры, приговор остальному миру.

Вернувшись в Орлу, Ричард рассказал Кайнене о журналистах, о том, как противен был ему рыжий и в то же время как жаль его, как одиноко ему было с ними рядом и как придумалось название книги.

Кайнене подняла брови:

— Мы? Мир молчал, когда МЫ умирали?

— Я непременно отмечу, что нигерийские бомбы тщательно избегали граждан с британскими паспортами, — съязвил Ричард.

Кайнене засмеялась. Последнее время она смеялась часто. Смеялась, рассказывая о том, как оставшийся без матери малыш продолжал бороться за жизнь, рассказывая о молоденькой девушке, в которую влюбился Инатими, о том, как пели женщины по вечерам. Смеялась она и в то утро, когда Ричард наконец-то встретился с Оланной. «Устал придумывать командировки», — со смехом сказала Кайнене.

Ричард всматривался в лицо Кайнене, ища хотя бы намек на отчуждение, тень злобы, хоть что-нибудь. Но ничего не находил. Сам он тоже, против ожидания, не чувствовал неловкости, стыда, груза

воспоминаний, снова встретившись при ней с Оланной.

7. Книга: Мир молчал, когда мы умирали

Вместо эпилога он написал стихотворение, подражание стихам Океомы, Называется оно:

МОЛЧАЛ ЛИ ТЫ, КОГДА МЫ УМИРАЛИ?

Ты видел снимки в шестьдесят восьмом —
Детей, чьи волосы рыжели, выгорали,
И превращались в жалкие пучки,
И как сухие листья облетали?

Представь себе ручонки-зубочистки
И животы — надутые мячи.
То был квашиоркор — страшнее слово
Едва ль найдется, сколько ни ищи.

Нужды нет представлять — ведь были снимки
В журнале «Лайф», на глянцевых страницах.
Ты видел? Мимоходом пожалел
И отвернулся, чтоб обнять девицу?

Бледнела кожа, будто жидкий чай,
Под ней синели вены паутиной.
Смеялись ребятишки, а фотограф
Нащелкал снимков и ушел, один.

Оланна увидела четверых оборванных солдат, тащивших на плечах труп. От ужаса у нее закружилась голова. Оланна застыла, уверенная, что несут Угву, и лишь когда солдаты быстро, молча прошли мимо, она поняла, что для Угву он слишком высок. Пятки его, все в трещинах, были облеплены слоем сухой грязи: он сражался босиком. Оланна, глядя вслед удалявшимся солдатам, силилась побороть дурноту, унять недоброе предчувствие, вот уже много дней туманившее ум.

Потом она рассказала Кайнене, как боялась за Угву, как ей казалось, что за каждым углом поджидает беда. Кайнене обняла ее и успокоила:

Маду поручил всюду искать Угву. Но когда Малышка спросила: «Угву сегодня вернется, мама Ола?» — Оланне подумалось, что и у Малышки тоже дурное предчувствие. Потом тетушка Оджи передала чью-то посылку, и Оланне пришло в голову, что там весточка об Угву. Трясущимися руками она взяла завернутую в коричневую бумагу коробку, потрепанную, прошедшую через множество рук, — и узнала почерк Мухаммеда, изящный, с красивыми росчерками. Посылка была на ее имя. Внутри оказались носовые платки, тонкое белье, несколько кусочков мыла «Люкс», шоколад. Можно было только удивляться, как эти сокровища дошли нетронутыми, пусть даже через Красный Крест. Письмо Мухаммеда было написано три месяца назад, но до сих пор хранило слабый мускусный аромат.

Я отправил тебе столько писем, но не знаю, какие из них дошли. Моя сестра Хадиза в июне вышла замуж.

Я все время о тебе думаю. Я стал намного лучше играть в поло. У меня все хорошо, и не сомневаюсь, что у вас с Оденигбо тоже. Очень прошу, постарайся ответить.

Оланна повертела в руке шоколад, глянула на надпись «Сделано в Швейцарии». И швырнула плитку через комнату. Письмо Мухаммеда оскорбило ее, настолько не вязалось оно с ее жизнью. Впрочем, откуда ему знать, что у них в доме нет ни крупинки соли, что Оденигбо каждый день пьет кай-кай, что Угву забрали в армию, а она продала свой парик? Откуда ему знать? И все — таки Оланну разозлило, что Мухаммед верен своим прежним привычкам, верен настолько, что спокойно пишет об игре в поло.

Постучала тетушка Оджи. Оланна медленно сосчитала про себя до десяти, отворила дверь и протянула ей кусочек мыла.

— Спасибо. — Тетушка Оджи схватила мыло, поднесла к носу, понюхала. — Но посылка-то была немаленькая. Больше вы ничем со мной не поделитесь? Разве консервов не прислали? Или вы их бережете для своей подружки-диверсантки Элис?

— Ну-ка, верните мне мыло, — возмутилась Оланна. — Отдам матери Аданны, она умеет быть благодарной.

Тетушка Оджи приподняла блузку и сунула мыло в дырявый лифчик.

— Я тоже благодарна.

С улицы донеслись крики, и Оланна с Оджи выбежали во двор. Отряд ополченцев с мачете в руках гнал двух женщин. Те с плачем ковыляли по дороге; одежда их была изодрана, глаза красны от слез. «Чем мы виноваты? Мы не диверсантки! Мы беженки из Ндони, мы ни в чем не виноваты!»

Пастор Амброз выскочил на дорогу с молитвой:

— Господи, изничтожь диверсантов, что указывают путь врагу! Спали их священным огнем!

Выбежали соседи, и вслед женщинам полетели камни, плевки и насмешки.

— Повесить бы им шины на шею да сжечь! — заорала тетушка Оджи. — Сжечь всех диверсантов до единого!

Складывая письмо, Оланна вспомнила дряблые животы женщин в дырявых тряпках и промолчала.

— С этой Элис надо держать ухо востро, — в который раз предупредила тетушка Оджи.

— Да оставьте вы Элис в покое. Никакая она не диверсантка.

— Она из тех, кто уводит чужих мужей. Каждый раз, когда вы уезжаете в Орлу, она сидит на крылечке с вашим мужем. Даже если она не диверсантка, все равно женщина непорядочная. Поосторожнее с ней.

Оланна растерялась. Оденигбо не говорил, что в ее отсутствие проводит время с Элис. При Оланне он вообще ни разу и словом не обменялся с соседкой.

— Ладно, буду осторожнее. — Оланна заставила себя улыбнуться.

Тетушка Оджи будто хотела прибавить что-то еще, но передумала и напустилась на сына:

— Ступай отсюда вон! Совсем сдурел? *Ewu awusa!*^[94] Знаешь ведь, что сейчас начнешь кашлять!

Чуть позже Оланна, взяв кусок мыла, постучалась к Элис условным стуком: три коротких, быстрых удара. Глаза у Элис были заспанные с темными кругами.

— Вернулась? — сказала она. — Как там сестра?

— Отлично.

— Видела тех несчастных женщин, над которыми издеваются и зовут диверсантками? — Не дожидаясь ответа, Элис продолжала: — Вчера так же издевались над беженцем из Огоджи. А за что? Нельзя бить людей за то лишь, что Нигерия бьет нас. Взять, к примеру, меня: я уже два года не ела как следует. И сахара в рот не брала. И воды холодной не пила. Откуда у меня силы помогать врагу?

Элис всплеснула тоненькими ручками, и то, что Оланна всегда считала хрупкостью и утонченностью, вдруг показалось надменным самолюбованием, эгоизмом высшей пробы. Послушать Элис, так война коснулась лишь ее одной.

Оланна протянула мыло:

— Мне прислали несколько кусочков.

— Ах! Значит, и я буду среди тех, кто в Биафре моется мылом «Люкс». Спасибо.

Улыбка преобразила лицо Элис, глаза засияли, и Оланна задумалась, находит ли Оденигбо ее хорошенькой. Она смотрела на миниатюрную женщину с золотистой кожей и тонким станом — все, что прежде ее восхищало, теперь таило угрозу.

— Ну, пойду готовить Малышке обед. — Оланна попрощалась.

В тот вечер она пошла и к миссис Муокелу с кусочком мыла.

— Кого я вижу! Вы ли это? Давно не виделись! — воскликнула миссис Муокелу. На рукаве ее блузы, прямо на лице Его Превосходительства, зияла прореха. Миссис Муокелу осунулась, и худоба была ей не к лицу, она вся поникла, словно не могла больше нести себя прямо. Даже волосы на руках и те поникли.

— Прекрасно выглядите, — соврала Оланна.

— А вы, как всегда, цветете. — Миссис Муокелу обняла Оланну.

Зная, что миссис Муокелу не притронется ни к чему нигерийскому, Оланна сказала, протягивая мыло:

— Мама прислала из Англии.

— Храни вас Господь. Ваш муж и Малышка, как у них дела?

— Все хорошо.

— А Угву?

— Его забрали в армию.

— Все-таки забрали?! Но все будет хорошо. Он вернется. Кто-то ведь должен воевать за правое дело.

Миссис Муокелу молча теребила половинку желтого солнца на шее.

— Кто-то пустил слух, что Умуахия в опасности. — Миссис Муокелу заглянула Оланне в глаза.

— Да, я тоже слышала.

— Но Умуахия выстоит. Нечего срывать с места.

Оланна пожала плечами, гадая, почему миссис Муокелу так упорно смотрит на нее.

— Говорят, те, у кого есть машины, запасаются бензином. — Миссис Муокелу по-прежнему сверлила ее взглядом. — Им приходится быть очень осторожными, очень, а то спросят: если вы не диверсанты — откуда знали, что Умуахия падет?

Оланна поняла, что миссис Муокелу предупреждает ее, велит готовиться.

— Да, надо быть осторожными, — кивнула она.

Оланна знала, Биафра победит, иначе и быть не может, но то, что даже

миссис Муокелу считает падение столицы неизбежным, удручало ее. Оланна обняла миссис Муокелу на прощанье с гнетущим чувством, что видит ее в последний раз. По дороге домой она впервые всерьез задумалась о том, что Умуахия может пасть. Значит, победы ждать дольше, Биафре придется тяжелее, зато они переедут в Орлу к Кайнене и будут жить там до конца войны.

Оланна остановилась у автозаправки возле больницы и ничуть не удивилась, увидев таблички с надписью мелом: «Бензина нет». Биафрийский бензин перестали продавать с тех пор, как поползли слухи о падении Умуахии, чтобы никто не пустился в бегство. Вечером Оланна сказала Оденигбо:

— Надо запастись бензином на черном рынке. Случись что — нашего бензина не хватит.

Что-то буркнув о Чудо-Джулиусе, Оденигбо вяло кивнул. Он только что вернулся из бара и лежал на кровати, слушая радио. За занавеской спала на матрасе Мальшка.

— Что ты сказал? — переспросила Оланна.

— У нас нет сейчас денег на бензин. Он стоит фунт за галлон.

— Тебе на прошлой неделе дали зарплату. Надо, чтобы машина была на ходу.

— Я попросил Чудо-Джулиуса обменять чек. Он пока не принес деньги.

Оланна сразу поняла, что он лжет. Чудо-Джулиус постоянно менял им чеки и всегда приносил Оденигбо Деньги в тот же день или через день.

Половина желтого солнца.

— Как же мы купим бензин?

Оденигбо не ответил.

Оланна, не глянув на него, вышла на улицу. Луна скрылась за тучей, и даже здесь, в темном дворе, Оланна чуяла тяжелый запах дешевого местного джина, который шлейфом тянулся за Оденигбо. В Нсукке спиртное — золотистый, изысканный бренди — обостряло его ум, очищало мысли, придавало уверенности, так что он, сидя в гостинной, говорил без умолку, и все не отрываясь слушали. Здесь же пьянство погружало его в безмолвие, заставляло уходить в себя и смотреть на мир воспаленными глазами, а Оланну приводило в ярость.

Оланна обменяла остатки британских фунтов и купила бензин у спекулянта, который завел ее в сырой покосившийся сарай, где на засыпанном опилками полу кишели жирные опарыши, и осторожно отлил бензин из своей металлической канистры в канистру Оланны. Оланна

отнесла ее домой в мешке из-под кукурузной муки и едва успела сунуть в багажник «опеля», как подъехал армейский джип. Из машины вышла Кайнене, за ней солдат в шлеме, и сердце Оланнны упало: что-то случилось с Угву. Что-то случилось с Угву. Солнце припекало, кружилась голова, Оланна искала глазами Малышку, но не нашла. Приблизившись, Кайнене взяла ее за плечи и сказала: «*Ejiiima t*, крепись. Угву погиб». Оланна не нуждалась в словах, она все поняла по той силе, с которой худые пальцы Кайнене стиснули ей плечи.

— Нет. — Она мотнула головой. Все вокруг казалось ненастоящим, как перед пробуждением.

— Маду прислал вестового с письмом. Угву служил в батальоне саперов. На прошлой неделе во время операции они понесли большие потери. Вернулись немногие, и Угву среди них не было. Тело не нашли, но точно так же не нашли и тела других. — Кайнене вздохнула. — Всех разорвало на куски.

Оланна все мотала головой и ждала пробуждения.

— Поехали со мной, Оланна. Бери Чиамаку и едем к нам в Орлу.

Кайнене обнимала ее, Малышка что-то говорила, и все вокруг было подернуто дымкой, пока Оланна, подняв глаза, не увидела небо. Синее, чистое. Значит, это не сон — небо ей никогда не снится. Оланна повернулась и зашагала по дороге. Отдернула грязную занавеску у входа в «Танзанию» и смахнула со стола Оденигбо стакан; светлая жидкость разлилась по цементному полу.

— Выпил достаточно? — спросила Оланна тихо. — *Ugwu anwigo*. Слышал? Угву погиб.

Оденигбо поднялся и уставился на нее из-под набрякших век.

— Можешь продолжать. Давай, пей дальше, не останавливайся! Угву погиб.

Подошла хозяйка бара, воскликнула: «Ах, соблезную, ндо» — и попыталась обнять, но Оланна оттолкнула ее. «Оставьте меня! — выкрикнула она. — Оставьте!» Ошарашенная хозяйка пятилась назад, Оланна кричала, не сразу заметив, что Кайнене молча удерживает ее за плечи.

Дни потянулись мрачные, пустые. Оденигбо не ходил в бар. Он рано возвращался с работы, купал Малышку, готовил гарри. Однажды он обнял, поцеловал Оланну, но от его прикосновения у нее по коже побежали мурашки, она отстранилась и ушла спать на веранду, на циновку Угву. Слез не было. Оланна заплакала только один раз, когда пошла к Эберечи сказать о смерти Угву и девушка накричала на нее, назвала лгуньей. Оденигбо

известил родных Угву о его гибели через трех женщин, ездивших торговать за линию фронта. Он же устроил во дворе отпевание. Соседи вынесли во двор пианино Элис и поставили под бананами. «Вы пойте, а я вам подыграю», — сказала Элис, но едва кто-нибудь запевал, тетушка Оджи начинала хлопать в такт, громко и настойчиво, а следом за ней и все соседи, так что Элис не могла играть. Она безучастно сидела за пианино с Малышкой на коленях.

Начали с быстрых песен, а потом раздался голос Аданны-старшей, печальный, с хрипотцой:

Naba na ndokwa,
Ugwu, naba na ndokwa,
O ga-adili gi mma,
Naba na ndokwa.

Они еще пели, когда Оденигбо, спотыкаясь, выскочил за ворота, окинув всех подозрительным взглядом, словно не верил словам: «Покойся с миром, Угву, покойся с миром, да пребудет с тобой благодать». Оланна проводила его глазами. Непонятная злоба душила ее. Не в его силах было уберечь Угву от гибели, но пьянство, беспробудное пьянство делало его невольным соучастником. Оланне было противно с ним разговаривать, спать с ним рядом. Она спала на циновке на веранде, и даже укусы вездесущих moskitov служили ей утешением. С Оденигбо она говорила лишь о самом насущном: чем кормить Малышку, что делать, если падет Умуахия.

— Поживем у Кайнене, но недолго, пока не подыщем угол, — сказал Оденигбо, будто у них был выбор. В прежние времена он сказал бы, что Умуахия не падет.

Оланна объяснила Малышке, что Угву отправился на небо.

— Но ведь он скоро вернется, мама Ола? — спросила Малышка.

И Оланна сказала: да. Не для того, чтобы утешить Малышку, а потому что сама до конца не верила в смерть Угву. Она твердила про себя, что Угву жив, — возможно, был на волосок от смерти, но не умер. Мечтала получить о нем весточку. Теперь она мылась прямо во дворе — ванна заросла бледно-зеленой плесенью и провоняла мочой, — и ей приходилось вставать чуть свет и с ведром воды идти за дом. Однажды утром она уловила движение у самого угла дома, оказалось, за ней следит пастор Амброз. «Пастор Амброз! — крикнула Оланна, и его как ветром сдуло. —

Не стыдно вам? Лучше б молились, чтобы мне принесли весточку об Угву, чем подсматривать, как замужня женщина купается!»

Оланна пошла к миссис Муокелу в надежде услышать о каком-нибудь видении, означавшем, что Угву цел и невредим, но узнала от соседа, что вся семья миссис Муокелу уехала, никого не предупредив. Оланна стала внимательнее слушать сводки с фронта по Радио Биафра, словно бодрый голос, сообщавший об отступлении врага и победах славной биафрийской армии, мог сообщить ей о судьбе Угву. Однажды в субботу во дворе появился человек в испачканном белом кафтане, и Оланна кинулась к нему, решив, что он принес вести об Угву.

— Скажите! — взмолилась она. — Пожалуйста, скажите, где Угву!

Незнакомец смешался:

— Я ищу Элис Нджокамма из Асабы.

— Элис? — Оланна прищурилась, будто ожидая, что он передумает и спросит не Элис, а ее. — Элис?

— Да, Элис из Асабы. Она дома? Я ее родич. Наши семьи живут в соседних домах.

Оланна указала на дверь Элис. Гость подошел, стукнул раз, другой. Постучал снова и сказал:

— Я из Асабы, из семьи Исиома.

Элис открыла дверь, впустила родственника, но уже через миг выскочила, упала ничком и стала кататься по песку; в лучах заката прилипшие к коже песчинки вспыхивали золотом.

«*O gini mere?* Что стряслось?» — Соседи обступили Элис.

— Я из Асабы, и сегодня утром до меня дошли вести о нашем городе, — начал гость. Акцент у него был сильнее, чем у Элис, и Оланна с трудом его понимала. — Несколько недель назад враги взяли наш город. Всем жителям велели выходить и говорить: «Единая Нигерия». За это обещали дать риса. И люди послушались. Они вышли из укрытий, сказали «Единая Нигерия», а вандалы всех расстреляли — мужчин, женщин, детей. Всех до единого. — Он помолчал. — Из семьи Нджокамма никого не осталось. Никого.

Элис билась о землю головой и стонала, волосы были полны песка. Вдруг она вскочила и пустилась бежать в сторону дороги. Пастор Амброс догнал ее, привел назад, а Элис вырвалась и снова бросилась на землю — оскалившись, с перекошенным лицом.

— Почему я до сих пор жива? Пусть схватят меня и убьют! Пусть убьют!

Соседи охали и качали головами. Элис каталась по земле, царапая

кожу камешками, пока не подошел Оденигбо. Он помог Элис подняться, и, уронив голову на его плечо, она горько заплакала. Оланна наблюдала за ними. Было что-то привычное в изгибе рук Оденигбо. Он обнимал Элис так, словно уже обнимал ее прежде.

Опустошенная, убитая горем, Элис то и дело вскакивала и с криком хваталась за голову. Оденигбо, пристроившись рядом, упрасивал ее выпить воды. Гость из Асабы и Оденигбо переговаривались вполголоса, будто лишь они вдвоем отвечали за Элис, а немного спустя Оденигбо подошел к Оланне, сидевшей на веранде.

— Поможешь уложить ее вещи, нкем? Родич Элис сказал, что живет вместе с земляками из Асабы и они готовы приютить ее на время.

Оланна подняла на него холодный взгляд:

— Нет.

— Что?

— Нет, — повторила Оланна громче. — Нет.

Она встала и ушла в комнату. Не будет она укладывать чужое белье. Оланна не знала, кто собирал вещи Элис — возможно, сам Оденигбо, — но слышала голоса соседей: «*Ije ota*, в добрый путь», когда Элис с родственником уезжали поздно вечером. Спала Оланна на веранде и видела во сне Оденигбо с Элис в постели в Нсукке, на ее, Оланны, свежем постельном белье. Разбудило ее жгучее подозрение в сердце и грохот снарядов в ушах.

— Враг близко! — крикнул пастор Амброз, первым выбегая со двора с набитым вещмешком.

Поднялась суэта: все кричали, собирались, уезжали. Пальба продолжалась, как приступ жестокого, надрывного кашля, а машина никак не заводилась. Оденигбо пробовал раз за разом, вдоль дороги уже потянулись беженцы, взрывы гремели совсем рядом, на Сент — Джонс-роуд. Тетушка Оджи осыпала бранью мужа, мать Аданны умоляла Оланну пустить ее в машину вместе с несколькими детьми.

— Нет, — отрезала Оланна. — Берите детей и уходите, скорее.

Оденигбо снова попытался завести машину, но двигатель взвыл и заглох. Двор почти опустел. Женщина тащила по дороге козу, та упиралась, ее хозяйка, не выдержав, бросила упрямо животное и двинулась дальше. Оденигбо повернул ключ, но машина опять не завелась. Земля под ногами ходила ходуном при каждом взрыве.

Оденигбо вновь и вновь безуспешно поворачивал ключ.

— Бери Малышку, идите пешком. — Оденигбо вытер взмокший лоб. — Я вас нагоню, когда заведется машина.

— Если уж идти, так всем вместе.

Оланна оглянулась, дивясь спокойствию Малышки. Она сидела на заднем сиденье рядом со скатанными матрасами и внимательно смотрела на Оденигбо, словно умоляла взглядом и его, и машину.

Оденигбо выбрался наружу, открыл капот. Оланна тоже вышла и выпустила Малышку, прикидывая, что из багажника взять с собой, а что оставить. Двор обезлюдел, поредел и поток беженцев на дороге. Пулеметы строчили совсем рядом. Оланне стало страшно, у нее тряслись руки.

— Пойдем пешком, — сказала она. — Никого не осталось во всей Умуахии!

Оденигбо сел за руль, со вздохом повернул ключ, и мотор заработал. Ехали быстро, а на выезде из Умуахии Оланна спросила:

— У тебя что-нибудь было с Элис?

Оденигбо молчал, глядя перед собой.

— Я тебя спрашиваю, Оденигбо.

— Мда, нет! Ничего у нас с ней не было. — Он мельком посмотрел на Оланну и опять стал глядеть на дорогу.

Они ехали молча до самого Орлу, где их встретили Харрисон с Кайнене. Харрисон стал выносить скарб из машины.

Кайнене обняла Оланну, взяла на руки Малышку и повернулась к Оденигбо.

— Занятная бородка, — усмехнулась она. — Подражание Его Превосходительству?

— Я никогда не стремлюсь кому-либо подражать.

— Ах, прости, совсем забыла. Ты ведь у нас единственный и неповторимый.

Голос Кайнене отражал сгустившееся напряжение. Оланна кожей ощущала его влажную тяжесть, и когда пришел Ричард и неловко обменялся рукопожатием с Оденигбо, и позже, когда все расселись вокруг стола и принялись за ямс, поданный Харрисоном в эмалированных тарелках.

— Поживем здесь, пока не найдем квартиру. — Оденигбо поднял глаза на Кайнене.

Кайнене повела бровью, крикнула:

— Харрисон! Еще пальмового масла для Чиамаки!

Когда Харрисон, поставив перед Малышкой миску с маслом, ушел, Кайнене сказала:

— На прошлой неделе он нас потчевал жареной крысой — пальчики оближешь! А с каким видом подавал — можно подумать, седло барашка!

Оланна засмеялась. Смеялся и Ричард, но осторожно. Смеялась даже Малышка, будто поняла, о чем речь. Лишь Оденигбо без улыбки уставился в тарелку. По радио повторяли Ахиарскую декларацию, звучал решительный голос Его Превосходительства:

Биафра не предаст чернокожих. Даже если все против нас, мы будем сражаться из последних сил, и все чернокожие мира смогут с гордостью указать на нашу Республику во всем ее величии, торжество национальной идеи в Африке...

Извинившись, Ричард вышел из-за стола и вернулся с бутылкой бренди.

— Один журналист подарил, — обратился он к Оденигбо. — Американец.

Оденигбо уставился на бутылку.

— Бренди, — неизвестно зачем добавил Ричард.

Он не общался с мужем Оланны несколько лет, с того самого дня, когда Оденигбо заехал к нему во двор и наорал на него. И сегодня после рукопожатия они не обменялись ни словом.

Оденигбо не взял бутылку.

— Как насчет биафрийского хересу? — предложила Кайнене. — Наверняка лучше подойдет для печени стойкого революционера.

Оденигбо посмотрел на нее с кривой усмешкой, словно Кайнене и позабавила, и разозлила его. Потом встал из-за стола:

— Не надо бренди, спасибо. Мне бы выспаться. Завтра меня ждет долгая дорога — директорат переехал в буш.

Оланна проводила его глазами. На Ричарде она ни разу не остановила взгляд.

— Пора спать, Малышка, — сказала она.

— Не хочу, — заупрямилась та и набычилась, глядя в пустую тарелку.

— Марш в постель, — велела Оланна, и Малышка спрыгнула со стула.

В спальне Оденигбо повязывал вокруг пояса покрывало.

— Я как раз собирался уложить Малышку, — сказал он Оланне, но та будто и не слышала. — Спи сладко, Малышка, *ка chi fo*.

— Спокойной ночи, папочка.

Оланна уложила Малышку, укрыла, поцеловала в лоб и чуть не разрыдалась, вдруг вспомнив об Угву. Он спал бы на циновке в гостиной.

Оденигбо подошел и остановился вплотную к ней. Оланна отступила, не зная, чего он хочет. А он коснулся ее ключицы:

— Кожа да кости...

Оланне стало не по себе от его прикосновения. Она опустила голову —

ключицы и вправду торчали, она и не заметила, что так сильно похудела. Не говоря ни слова, Оланна ушла из спальни.

Ричарда в гостиной уже не было, Кайнене сидела за столом одна.

— Решили, значит, искать угол? Мое скромное жилище вам с Оденигбо не по вкусу?

— Кого ты слушаешь? Ничего мы не решили. Если он хочет искать квартиру — пожалуйста, пусть живет там один.

Кайнене свела брови:

— Что у вас случилось?

Оланна покачала головой.

Кайнене обмакнула в пальмовое масло палец, поднесла ко рту.

— Что случилось? — с нажимом повторила она.

— Да так, ничего особенного. — Оланна покосилась на бутылку бренди на столе. — Скорей бы кончилась эта война, тогда он снова станет прежним. Он совсем не тот, что раньше.

— Война идет для всех, и каждый решает для себя, меняться ему или нет.

— Он пьет и пьет кай-кай. Каждый вечер наливается. Только получит зарплату — и деньги мигом улетели. Похоже, он спал с нашей соседкой; Элис из Асабы. Он мне противен. Мне противно с ним рядом.

— Вот и замечательно.

— Замечательно?

— Именно. Твоя любовь к нему слепа и безвольна — ты столько лет им восхищалась, не видя недостатков. Даже не замечала, какое он страшилище!

Легкая улыбка тронула губы Кайнене, и через миг она залилась смехом, а вслед за ней и Оланна. Сестра сказала совсем не то, что ей хотелось услышать, и все — таки от ее слов на душе стало легче.

Утром Кайнене показала Оланне пузатый флакончик крема для лица:

— Глянь-ка! Привезли из-за границы. Все мои кремы давным-давно кончились, и я мазалась жутким биафрийским маслом.

Оланна повертела в руках розовый флакончик, и они по очереди макали в него пальцы и втирали в кожу крем не спеша, с удовольствием. Затем поехали в лагерь беженцев. Каждое утро они ездили туда. Начался сезон харматтана, ветер носил пыль, и Малышка играла с тощими голопузыми ребятишками. Они собирали кусочки шрапнели, хвастались ими, менялись. Когда Малышка принесла домой два осколка, Оланна накричала на нее, оттаскала за уши и отобрала шрапнель. Ее передергивало при мысли, что Малышка играет со смертоносным металлом, но Кайнене

попросила Оланну вернуть девочке осколки, а Малышке дала банку, чтобы хранить шрапнель. Кайнене велела ей учиться у ребят постарше ставить ловушки на ящериц и плести из пальмовых листьев коконы для муравьев-мздо. Кайнене позволила Малышке потрогать кинжал беженца, который расхаживал по лагерю и бормотал: «Пусть, пусть придут вандалы, пусть придут хоть сейчас». А еще Кайнене разрешила Малышке съесть лапку ящерицы.

— Чиамака должна видеть жизнь такой, как есть, эджимам, — говорила Кайнене, намазываясь кремом. — Ты слишком оберегаешь ее от жизни.

— Просто хочу, чтобы с моим ребенком ничего не случилось плохого. — Взяв чуть-чуть крема, Оланна стала втирать его в кожу подушечками пальцев.

— Родители нас оберегали сверх меры. — Кайнене похлопывала ладонями по лицу. — Вовремя мама сбежала — как она обходилась бы без кремов и прочей ерунды? Только представь нашу маму с бутылкой косточкового пальмового масла!

Оланна засмеялась, но ей больно было смотреть, как Кайнене расходует крем. Если брать так много, надолго не хватит.

— Почему ты всегда так старалась угодить родителям? — спросила Кайнене.

Оланна задумалась, подперев лицо руками.

— Не знаю. Жалела их, наверное.

— Ты всегда жалела тех, кому твоя жалость не нужна.

Оланна промолчала — просто не знала, что сказать. В первый раз Кайнене пожаловалась на нее и родителей. В былые времена Оланна обязательно обсудила бы это с Оденигбо, но теперь они почти перестали разговаривать. Он проторил дорожку в бар по соседству; на прошлой неделе заходил хозяин бара и спрашивал Оденигбо — тот сильно задолжал. Оланна ни слова не сказала Оденигбо о визите владельца бара. Она уже не знала, когда муж ходил на работу, а когда сразу заворачивал в бар. Ей было не до него.

У нее хватало других проблем: месячные скудные, и кровь не алая, а грязно-коричневого цвета; у Малышки выпадают волосы; ученики от голода совсем ничего не запоминают. Оланна старалась развивать их ум (как — никак они — будущее Биафры) и потому каждый день вела уроки под огненным деревом, подальше от смрада лагерных корпусов. Она учила с ними стихи, по строчке в день, а наутро дети все забывали. Они охотились на ящериц. Теперь они ели гарри с водой всего раз в день:

поставщики Кайнене не могли больше ездить за гарри в Мбоси, за линию фронта, все дороги были перекрыты. Кайнене объявила кампанию «Вырастим еду сами», и когда она вместе с мужчинами, женщинами и детьми стала рыхлить землю, Оланна только удивлялась про себя, где Кайнене научилась обращаться с мотыгой. Но земля была сухая, от харматтана трескались губы и подошвы. В один из дней умерло сразу трое детей, отец Марсель служил по ним мессу без святого причастия. У молоденькой девушки Уренвы стал расти живот, и Кайнене сомневалась, квашиоркор это или беременность, пока мать не отвесила дочери оплеуху со словами: «Кто? Кто тебя так? Где ты встретила того подльца?» Докторша больше не приезжала — бензина мало, а умирающих солдат слишком много. Колодец высох. Кайнене много раз ездила в Ахиару, в директорат, чтобы выхлопотать цистерну с водой, но каждый раз привозила лишь неопределенные обещания. Вонь невымытых тел и запах разложения из мелких могил на окраине делались все сильнее. Мухи облепляли болячки на телах детей. Всюду кишели клопы, под покрывалами у женщин, вокруг пояса, краснела сыпь — воспаленные следы укусов с запекшейся кровью. Настала пора апельсинов, и Кайнене велела всем есть плоды прямо с веток, хоть от них и был понос, а кожей натираться, чтобы отбить запах пота.

По вечерам Оланна и Кайнене вместе возвращались пешком домой. Говорили о людях в лагере, о своих школьных годах в Хитгроув, о родителях, об Оденигбо.

— Ты поговорила с ним о той женщине из Асабы? — спросила Кайнене.

— Пока нет.

— Для начала влепи пощечину. Если он посмеет дать тебе сдачи, я брошусь на него с кухонным ножом Харрисона. Оплеуха точно выбьет из него правду.

Оланна, рассмеявшись в ответ, заметила, что шагают они с Кайнене в ногу, одновременно взметая шлепанцами коричневую пыль.

— Дедушка говорил: если хуже некуда, дальше будет только лучше. *O dikata njo, o dikwa mma*, — сказала Кайнене.

— Помню.

— Скоро в мире все изменится и Нигерия сдастся. Мы победим.

Сестра укрепляла веру Оланны в победу.

Бывали вечера, когда Кайнене подолгу молчала, погружалась в себя. Однажды сказала: «Я почти не замечала Икеджиде», и Оланна молча положила ей руку на плечо. Но чаще Кайнене бывала в хорошем настроении, и они сидели на веранде, болтали, слушали радио и летучих

мышей, порхавших вокруг деревьев кешью. Иногда им составлял компанию Ричард, и никогда — Оденигбо.

Однажды вечером полил дождь, хлесткий, с ветром — странный ливень в разгар сухого сезона. Возможно, потому Оденигбо не пошел в бар и в тот вечер наконец принял от Ричарда бренди. Перед каждым глотком он вдыхал аромат напитка и по-прежнему не разговаривал с Ричардом. В тот же вечер приехал доктор Нвала с сообщением: убит Океома. Перед самым его приездом полыхнула молния, грянул гром, и Кайнене засмеялась:

— Как из миномета!

— Давненько нас не бомбили — не к добру это, — заметила Оланна. — Интересно, что они затевают.

— Неужто ядерный удар?.. — Кайнене вскочила, услышав мотор въехавшей во двор машины. — Кого это принесло на ночь глядя в такой ливень?

Она открыла дверь, и вошел доктор Нвала, насквозь промокший. Оланне вспомнилось, как в день свадьбы после бомбежки он протянул ей руку и помог встать. С тех пор он похудел, осунулся, казалось, сядет — переломится. Он не стал ни садиться, ни тратить время на приветствия. Оттянул полы широкой рубахи, стряхнул воду и сказал:

— Океома убит, Океомы больше нет. Погиб на задании, когда пытались отбить Умуахию. Мы с ним виделись с месяц назад. Он сказал, что пишет стихи и Оланна — его муза; попросил, если с ним что-нибудь случится, постараться, чтобы стихи дошли до нее. Но я не могу их найти. Его товарищи, от которых я узнал о его гибели, сказали, что при них он никогда ничего не писал. Я пообещал им, что сообщу вам о его гибели и о том, что стихи так и не нашлись.

Оланна кивала, не вполне понимая, о чем речь, — слишком быстро говорил доктор Нвала, слишком сбивчиво. И вдруг замерла. Океома убит. Льет дождь в сухой сезон, и Океома убит.

— Океома? — переспросил Оденигбо надтреснутым шепотом. — Вы про Океому?

Вцепившись в его руку, Оланна закричала иступленно, будто у нее все разрывалось внутри. Горе раздавило, сокрушило ее. Она не отпускала руки Оденигбо, пока доктор Нвала не исчез в дожде и они не легли молча на свой матрас на полу. Когда Оденигбо вошел в нее, она удивилась, до чего он невесом. Он замер неподвижно, так неподвижно, что ей пришлось тянуть его за бедра, но он не шевелился. Но когда он начал двигаться в ней, ее наслаждение возросло во много раз, точно из нее высекали искры. Она плакала, рыдала громче и громче. Завозилась Малышка, и Оденигбо

накрыл ладонью губы Оланны. Он тоже плакал; лишь когда слезы покатились на Оланну, она увидела его мокрое лицо.

Потом он, приподнявшись на локте, взглянул на нее.

— Ты такая сильная, нкем.

Никогда прежде Оланна не слышала от него ничего подобного. Он постарел: глаза слезились, на лице читалась безнадежность. Оланна хотела спросить, почему он так сказал, что значили его слова, но не стала. Проснулась до рассвета, чувствуя дурной запах изо рта и грустный, тревожный покой на душе.

Угву сперва хотел умереть. Не из-за невыносимого звона в ушах, липкой крови на спине, боли в ягодицах, не из-за того, что было трудно дышать, а из-за жажды. Горло жгло огнем. Пехотинцы, которые его несли, говорили, что его спасение — хороший повод для них отсюда убраться, что у них кончились патроны, что они просили подкрепления, но никого не прислали, а враг наступает. От жажды у Угву даже уши заложило, и он едва разбирал слова солдат. Он лежал у них на плечах, перевязанный их рубашками, и боль пронзала его насквозь. Он хватал ртом воздух и никак не мог надышаться. Его тошнило от жажды.

— Воды, воды... — хрипел он.

Воды не давали. Будь у него силы, он призвал бы на их голову все мыслимые проклятия. Будь у него винтовка, перестрелял бы всех и сам застрелился.

Теперь, в госпитале, куда его принесли, Угву уже не мечтал о смерти, а страшился ее. Всюду лежали раненые — на циновках, на матрасах, на голом полу, — и всюду столько крови. Угву слышал вопли раненых, когда доктор осматривал их, и понимал, что многим здесь гораздо тяжелее, чем ему, несмотря на его ранение. Вместе с кровью он терял и волю: сестры пробегали мимо, забыв сменить ему повязку, а Угву не подзывал их. Молчал и когда они подходили, поворачивали его набок и грубо, наспех делали уколы. В бреду ему являлась Эберечи в узенькой юбке и делала непонятные знаки. А в минуты просветления его занимали мысли о смерти. Он пытался вообразить рай, Бога на троне, но не мог. Однако не верилось и в то, что смерть — лишь вечное молчание. Какая-то часть его была способна мечтать, едва ли она могла навсегда погрузиться в безмолвие. Вероятно, смерть — абсолютное знание, но страшно не представлять

заранее, что именно тебе откроется.

Вечерами приходил священник с двумя помощниками с керосиновыми лампами, они раздавали солдатам молоко и сахар, расспрашивали, кого как зовут и кто откуда родом.

«Из Нсуки», — ответил Угву, когда спросили его. Голос священника показался ему смутно знакомым, — впрочем, все здесь было смутно знакомо: кровь соседа по палате пахла, как его собственная; сестра, приносившая ему миску жидкой кукурузной каши, улыбалась, как Эберечи.

— А как зовут? — спросил священник.

Угву силился сосредоточить взгляд на его круглом лице, очках, грязном воротничке. Это был отец Дамиан.

— Угву. Я приходил с мадам Оланной в благотворительное общество.

— А-а! — Отец Дамиан так стиснул ему руку, что Угву дернулся от боли. — Ты сражался за правое дело? Куда тебя ранило?

Угву молча качнул головой. Ягодицу жгло огнем, боль поглощала его целиком. Отец Дамиан дал ему с ложки сухого молока и оставил для него мешочки с сахаром и с порошковым молоком.

— Оденигбо служит в Директорате труда. Я дам ему знать, — пообещал отец Дамиан. Перед уходом он надел Угву на руку деревянные четки.

С тех пор Угву не снимал четок; ощущал он их приятную прохладу и в тот день, когда приехал мистер Ричард.

— Угву, Угву!

Угву смотрел на светлые волосы, диковинного цвета глаза — и не узнавал, кто это склонился над ним.

— Слышишь меня, Угву? Я за тобой приехал.

Тот же голос когда-то расспрашивал его о празднестве у них в поселке. Мистер Ричард хотел помочь ему встать, но резкая боль прострелила бок и ягодицу, отрикошетила в голову, в глаза. Угву вскрикнул, сжал зубы, до крови прикусил губу.

— Ничего, ничего, — шептал мистер Ричард.

Лежа на заднем сиденье «пежо», подпрыгивавшего на ухабах под палящим солнцем, Угву думал, что в самом деле умер, а смерть — это бесконечная дорога на машине. Наконец остановились у больницы, где пахло не кровью, а хлоркой. Лишь очутившись на настоящей кровати, Угву поверил, что, пожалуй, все-таки не умрет.

— За последнюю неделю бомбежки здесь участились, поэтому мы уедем, как только тебя осмотрит врач. Вообще-то он не совсем врач — учился на четвертом курсе, когда началась война, — но отлично

справляется, — говорил мистер Ричард. — Оланна, Оденигбо и Малышка живут у нас в Орлу с тех пор, как Умуахию взяли, и Харрисон, конечно же, с нами. Кайнене очень нужна помощь в лагере беженцев, так что ты уж давай поправляйся скорей.

Угву понимал, что мистер Ричард говорит без умолку только ради него — чтобы он не заснул до прихода врача. И был благодарен мистеру Ричарду за смех и болтовню, за то, что он оживил воспоминания, вернул Угву в те дни, когда записывал его ответы в книжицу в кожаном переплете.

— Мы все чуть с ума не сошли, когда узнали, что ты жив и лежишь в госпитале Эмекуку, — от радости, конечно. Слава богу, не успели устроить символические похороны — только нечто вроде поминальной службы перед самым падением Умуахии.

Веки Угву задрожали.

— Вам сказали, что я умер, сэр?

— Да, так и сказали. В твоём батальоне, видно, решили, что ты погиб во время операции.

Глаза у Угву слипались, как он ни сопротивлялся. Когда он огромным усилием разлепил веки, мистер Ричард смотрел на него.

— Кто такая Эберечи? Ты без конца повторял: Эберечи, Эберечи.

— Моя знакомая, сэр.

— Из Умуахии?

— Да, сэр.

— И ты не знаешь, где она сейчас?

— Не знаю, сэр.

— Ты не менял одежды с тех пор, как тебя ранило?

— Не мог, сэр. Пехотинцы мне дали брюки и рубашку.

— Тебе бы помыться.

Угву улыбнулся:

— Да, сэр.

— Страшно было? — спросил мистер Ричард чуть погодя.

— Бывало, сэр. — Угву ерзал на кровати, но в любом положении было больно. — Я нашел в лагере книгу. Так грустно и обидно за автора...

— Что за книга?

— Автобиография Фредерика Дугласа, черного американца.

— Пригодится для моей книги. — Мистер Ричард что-то записал в блокнот.

— Вы пишете книгу? О чем, сэр?

— О войне, о времени до войны, обо всем том, чего не должно было случиться. Называться она будет «Мир молчал, когда мы умирали».

Потом Угву повторял про себя заглавие: «Мир молчал, когда мы умирали». Оно преследовало его, наполняя стыдом. Ему вспоминалась девушка из бара, ее заостренное лицо и полный ненависти взгляд, когда она лежала навзничь на грязном полу.

Хозяин и Оланна обнимали Угву, но очень осторожно, чтобы не причинить боли. Угву сделалось неловко: никогда прежде они не обнимали его.

— Угву, — повторял Хозяин, качая головой, — Угву.

Малышка повисла на его руке и не отпускала. Угву вдруг вспомнилась вся его жизнь, в горле встал ком, и он зарыдал. Угву злился на себя за слабость, и позже, рассказывая обо всем, что с ним случилось, говорил с небрежным спокойствием. Он утаил правду о том, как попал в армию, — соврал, что пастор Амброз умолял его помочь отвести больную сестру к травнику, а на обратном пути его поймали солдаты.

— А нам сказали, что ты погиб. — Оланна не сводила с него глаз. — Может быть, и Океома жив. А еще я слышала, что квашиоркор все-таки забрал Аданну. Малышка, конечно, не знает.

— Очень много людей гибнет. — Угву отвел взгляд. Он злился на Оланну за дурные вести.

— Война есть война, — вздохнула Оланна. — Но мы победим. Поправить подушку?

— Спасибо, не надо, мэм.

Он мог сидеть только на одной ягодице, поэтому первые несколько недель в Орлу лежал на боку. Оланна не отходила от него, заставляла есть и бороться за жизнь. Он часто бредил. Вспоминал взрыв своей *огбунигве*, смех Хай-Тека, смертельную ненависть в глазах официантки из бара. Черты лица ее стерлись из памяти, но взгляд он забыть не мог. В смутные минуты между сном и бредом он видел бар, вдыхал запах спиртного, слышал подзуживания солдат: «Давай, Меткий Глаз», только на полу лежала не официантка, а Эберечи. Очнувшись, он ненавидел свой сон и себя самого. Нужно время, чтобы искупить вину. А потом он разыщет Эберечи. Может быть, она с семьей в деревне в Мбайсе или где-то рядом, в Орлу. Она его дождется; она должна знать, что он за ней приедет. Ее ожидание служило залогом прощения, помогало ему выздоравливать. Ему казалось чудом, что тело вновь становится прежним, а мысли — ясными.

Днем Угву помогал в лагере беженцев, а по вечерам писал. Садился под огненным деревом и писал мелким, четким почерком на полях старых газет, на листках с расчетами Кайнене, на обороте старого календаря. Он сочинил стихотворение про импортные ведра и сыпь на ягодицах, но

вышло не так красиво, как у Океомы, и Угву порвал стихи; потом он написал, как девушка с круглой попкой щиплет за шею парня, и тоже порвал.

Стал писать о безвестной гибели тети Аризе в Кано, о том, как у Оланны отнялись ноги, о ладно сидевшей военной форме Океомы и о забинтованных руках профессора Эквенуго.

Писал о детях из лагеря беженцев, как они охотились за ящерицами, как четверо ребят загнали шустрю ящерку на дерево манго и один полез за ней, а ящерка спрыгнула с дерева и упала в раскрытые ладони другого.

— Ящерицы поумнели. Бегают быстрее и прячутся под бетонными плитами, — объяснил Угву пацан, который лазал на дерево.

Ящерицу они зажарили и разделили между собой, отогнав других ребят. Мальчишка предложил Угву кусочек своей доли волокнистого мяса. Угву поблагодарил, но отказался. И понял, что ему никогда не удастся запечатлеть на бумаге этого ребенка, облечь в слова страх, туманивший глаза матерей в лагере при виде бомбардировщиков на ясном небе. Никогда не описать ему, как это жестоко — бомбить голодных людей. Но Угву все равно пытался, и чем больше писал, тем меньше грезил наяву.

Однажды утром, когда Оланна учила детей таблице умножения, к огненному дереву подбежала Кайнене.

— Представляете, от кого беременна малышка Уренва? — Глаза ее, полные слез и гнева, казались огромными. — Не поверите — от отца Марсея! Куда я смотрела? И она не одна такая! Он их трахает, когда раздаёт креветок, которых я с таким трудом добываю!

Потом Кайнене дубасила кулаками по груди отца Марсея, едва не сбив его с ног, и вопила ему в лицо:

— *Amosu!*^[95] Дьявол! — Она развернулась к отцу Иуде: — А вы смотрели спокойно, как он раздвигает ноги голодным девчонкам? Как вы будете оправдываться перед своим Богом? Вон отсюда оба, сию секунду! Я до самого Оджукву дойду, если понадобится!

По лицу ее катились слезы, но было в ее гневе что — то величественное. После ухода священников Угву с тяжелым сердцем приступил к своим новым обязанностям — раздавать гарри, улаживать ссоры, присматривать за сожженными фермами. Он чувствовал себя порочным и ни на что не годым. Что сказала бы Кайнене, что сделала бы, как относилась бы к нему, узнай она о той девушке из бара? Возненавидела бы его. И Оланна тоже. И Эберечи.

По вечерам Угву слушал разговоры, запоминал, а позже переносил на бумагу. Говорили в основном Кайнене и Оланна, как будто они создали

свой мир, не доступный до конца ни Хозяину, ни мистеру Ричарду. Иногда приходил Харрисон, садился с ним рядом, но говорил очень мало, словно теперь Угву вызывал у него почтение и трепет. Из простого слуги Угву превратился в одного из «наших ребят», воевавших за правое дело. Каждую ночь луна бывала ослепительно белой, и ветерок порой доносил крики сов и голоса из лагеря беженцев. Малышка спала на циновке, укрытая покрывалом Оланна, чтобы москиты не кусали. Заслышав далекий гул самолетов с гуманитарной помощью, совсем не похожий на свист низко летящих бомбардировщиков, Кайнене всякий раз говорила: «Надеюсь, этот приземлится». А Оланна тихонько смеялась в ответ: «Следующий суп готовим с вяленой рыбой».

Если включали Радио Биафра, Угву поднимался и уходил, отказываясь слушать жалкий спектакль под названием «вести с фронта», голос, бросавший людям крохи призрачной надежды. Как-то раз к огненному дереву подошел Харрисон с приемником, настроенным на Радио Биафра.

— Будь добр, выключи, — попросил Угву. Он смотрел, как дети играют на крохотном пяточке травы. — А то птиц не слышно.

— Птицы и так не поют.

— Выключи.

— Сейчас будет выступать Его Превосходительство.

— Выключи или унеси.

— Не хочешь послушать Его Превосходительство?

— Мда, не хочу.

Харрисон топтался рядом, удивленно разглядывая Угву — он что, не понимает?

— Это будет великая речь.

— Подумаешь, великая, — фыркнул Угву.

Харрисон обиженно поплелся прочь, и Угву не стал окликать его, а снова устремил взгляд на детей. Они неуклюже бегали по выжженной траве с палками вместо винтовок, гонялись друг за другом, поднимая тучи пыли. Дети играли в войну. Четверо ребят. Еще вчера их было пятеро. Угву забыл, как звали пятого — Чидиебеле или Чидиебубе, — но помнил, как с недавних пор живот у него распух, будто он проглотил огромный мяч, волосы стали вылезать пучками, а кожа выцвела, из красно-коричневой сделалась болезненно-желтой. Ребята дразнили его. Угву хотел объяснить им, что такое квашиоркор, — может быть, прочесть им, как он сам описал эту болезнь. Но решил, что лучше не надо. К чему им заранее знать то, что всех их неизбежно ожидает? Угву не помнил, чтобы тот малыш хоть раз играл роль биафрийского офицера; он всегда был нигерийцем, а значит,

каждый раз проигрывал и в конце игры падал замертво. Может, потому он и выбирал роль врага — чтобы передохнуть, прилечь на траву.

Семья мальчика приехала из Огуты; они были из тех, кто до последнего не верил, что их родной город может пасть, и мать его первое время смотрела с вызовом: мол, только попробуйте сказать, что это не сон! В день их приезда, на закате, грохот зениток потряс лагерь. Мать выбежала и растерянно прижала к себе единственного сына. Рев самолетов приближался, и женщины трясли ее: «Скорее в бункер! С ума сошла? Бегом в укрытие!»

Женщина упорно отказывалась — так и стояла, дрожа, обнимая сына. Угву сам не понял, почему сделал то, что сделал. Возможно, просто потому, что руки у него были свободны: Оланна сама унесла Малышку в укрытие. Угву выхватил у женщины ребенка и пустился бегом. Малыш тогда еще не был совершенно невесомым, Угву ощущал его тяжесть. Матери ничего не оставалось, как броситься следом. Самолеты атаковали с бреющего полета, и не успел Угву спустить ребенка в бункер, мимо просвистела пуля; Угву даже не увидел ее, а унюхал — почуял запах раскаленного металла.

В бункере, играя на влажной земле, кишевшей муравьями и сверчками, малыш сказал, как его зовут. Наверное, Чидиебеле — это имя чаще встречается. Теперь имя звучало как насмешка. Чидиебеле: «Бог милостив».

Когда четверо ребят, доиграв в войну, ушли в корпус, Угву услышал из класса в дальнем крыле тонкий, задушенный плач. Скоро выйдет тетка мальчика и сообщит соседям, а мать будет кататься по земле и кричать, пока не сорвет голос, а потом обреется наголо.

Угву надел майку и пошел вместе с остальными копать могилку.

Ричард сидел рядом с Кайнене и поглаживал ее плечо, а Кайнене смеялась, слушая Оланну. Ему нравилось, как она смеется, запрокинув голову, выгнув стройную шею. Он любил проводить вечера с ней, Оланной и Оденигбо, ему вспоминался полумрак гостиной Оденигбо в Нсукке, вкус пива и жгучего перца на языке. Кайнене потянулась к эмалированной тарелке с жареными сверчками — новым фирменным блюдом Харрисона. Тот будто чутьем угадывал, где их копать в сухой земле, и умел делить готовых сверчков на кусочки, чтобы хватило надолго. Кайнене положила в рот кусочек. Ричард взял сразу два, захрустел. Темнело, и деревья кешью

превратились в безмолвные серые тени. В воздухе дымкой висела пыль.

— Чем вы объясните успех миссии белых в Африке, Ричард? — спросил Оденигбо.

Временами Оденигбо раздражал Ричарда: молчит — молчит, а потом возьмет да и ляпнет что-нибудь.

— Именно. Успех. Мне известно значение этого слова. Английский — мой второй язык.

— Объяснять надо не успех белых, а неудачу черных, — сказала Кайнене.

— А кто виновен в появлении расизма? — рявкнул Оденигбо.

— Не понимаю, при чем тут расизм. — Кайнене дернула плечом.

— Белые использовали расизм как оружие войны. Всегда легче покорить более гуманный народ.

— Значит, если мы покорим нигерийцев, то станем менее гуманными? — спросила Кайнене.

Оденигбо не ответил. Под деревьями кешью послышался шорох, и Харрисон метнулся на звук: вдруг крыса, которую можно поймать.

— У меня есть нигерийские фунты. Инатими дал, — сказала Кайнене. — У них в Союзе Освобождения Биафры полно нигерийских денег. Я хочу поехать на Девятую милю — что-нибудь куплю, а если удастся, продам что-нибудь из того, что беженцы в лагере сделали своими руками.

— Это называется торговля с врагом, — заявил Оденигбо.

— Это торговля с неграмотными нигерийками, у которых есть то, что нам нужно.

— Это опасно, Кайнене, — сказал Оденигбо на удивление мягко.

— Тот сектор не занят, — возразила Оланна. — Наши там свободно торгуют.

— И ты тоже собралась? — Оденигбо в изумлении уставился на Оланну.

— Нет. По крайней мере, не завтра. Может, в другой раз.

— Завтра? — Пришел черед Ричарда удивляться. Кайнене упоминала, что хочет торговать за линией фронта, но для него было новостью, что она уже назначила срок.

— Да, — подтвердила Кайнене. — А Оланну не слушайте, она никогда не поедет — всю жизнь как огня боялась торговли.

Кайнене рассмеялась, следом засмеялась Оланна и шлепнула ее по руке. Ричард впервые заметил, что у них один и тот же изгиб рта, форма зубов.

— Девятая миля постоянно переходит из рук в руки, разве не так? — Оденигбо был встревожен. — Не стоит вам ехать.

— Все решено. Мы с Инатими выезжаем завтра с утра и к вечеру вернемся.

Ричард уловил знакомую решимость в голосе Кайнене. Собственно, он был не против поездки, многие его знакомые занимались тем же.

В ту ночь ему приснилось, что Кайнене вернулась с полной корзиной тушеной курятины, пряного риса джоллоф, густого рыбного супа, и он разозлился, когда был разбужен криками под окном. Не хотелось, чтобы сон кончился. Проснулась и Кайнене, и оба выбежали на улицу, Кайнене в покрывале, а Ричард в одних шортах. Было темно, заря едва занималась. Кучка беженцев из лагеря колотила и пинала лежавшего на земле юношу, а тот прикрывал руками голову от ударов. Брюки его были изодраны в клочья, воротник висел на ниточке, но половина желтого солнца все еще болталась на рваном рукаве.

— В чем дело? — выкрикнула Кайнене.

Ричард сразу все понял. Солдата поймали на воровстве с фермы. Теперь это была не редкость: фермы грабили по ночам, уносили молодую кукурузу, еще без ядрышек, и совсем крошечный ямс.

— Видите, почему мы сажаем, а ничего не растет? — спросила женщина, у которой на прошлой неделе умер ребенок. Ее покрывало, повязанное низко, приоткрывало обвислую грудь. — Такие, как он, приходят и тащат, а мы умираем голодной смертью.

— Хватит! — велела Кайнене. — Прекратите сейчас же! Руки прочь от него!

— Руки прочь от вора? Сегодня отпустим — завтра набегит десяток.

— Он не вор, он голодный солдат.

Ее спокойный, властный голос заставил толпу утихнуть. Все понемногу разошлись по классам. Солдат встал, отряхнулся.

— Вы с фронта? — спросила Кайнене.

Солдат кивнул. На вид ему было лет восемнадцать. На лбу вздулись две огромные шишки, из носа шла кровь.

— *I na-agba oso?* Вы бежали? Дезертировали? — спросила Кайнене.

Солдат молчал.

— Пойдемте, возьмете гарри на дорогу.

Прикрыв ладонью распухший, слезящийся левый глаз, солдат последовал за Кайнене. За все время он не сказал ни слова, только шепнул: «*Dalu* — спасибо» — и ушел, сжимая сверток гарри. Кайнене молча оделась, собралась в лагерь, где ждал Инатими.

— Ты сегодня пораньше поедешь, Ричард? — спросила она. — А то не застанешь Больших Людей, ведь они заглянут в контору всего на полчаса.

— Я еду через час. — Ричард собирался в Ахиару, в центр гуманитарной помощи, выбивать продовольствие.

— Скажи им, что я умираю и нам нужно молоко и мясные консервы, чтобы спасти мне жизнь, — сказала Кайнене. В голосе ее сквозили новые, горькие нотки.

— Хорошо, — ответил Ричард. — Удачи тебе. Привези побольше гарри и соли.

Они поцеловались перед ее отъездом, коротко, на ходу. Ричард видел, что встреча с несчастным солдатом расстроила ее. Юноша ведь ни в чем не виноват. В неурожае повинны бесплодная земля, жестокий харматтан, отсутствие навоза и семян. Кайнене удалось раздобыть ямса на посадку, но половину съели. Его бы воля, думал Ричард, вывернул бы наизнанку небо, чтобы добыть Биафре победу. Ради Кайнене.

Вечером, когда он приехал из Ахиары, Кайнене еще не вернулась. Из кухни доносился запах отбеленного пальмового масла, Малышка, лежа на циновке, листала «Эзе идет в школу».

— Поиграем в лошадки, дядя Ричард!

Малышка подбежала к нему. Ричард, сделав вид, что не в силах ее поднять, упал на стул.

— Какая большая девочка! Тебя уже не поднять.

— А вот и нет!

В дверях кухни стояла Оланна, глядя на них.

— Малышка с начала войны поумнела, но не выросла.

Ричард улыбнулся.

— Лучше ум, чем рост, — ответил он, и Оланна тоже улыбнулась. Ричард подумал, как мало они говорят друг с другом, стараясь не оставаться наедине.

— В Ахиаре ничего не получилось? — спросила Оланна.

— Нет. Куда я только не совался! В центрах помощи пусто. Возле одного из зданий видел мужчину — он сидел на земле и сосал палец.

— А что твои знакомые в директоратах?

— Сказали, что ничем не могут помочь, что наша цель сейчас — самостоятельность, а вся надежда на фермерство.

— Какое фермерство, если нечего сажать? И как может клочок земли, что мы занимаем, прокормить миллионы людей?

Ричард сдвинул брови. Его задевал любой намек на критику Биафры. С тех пор как пала Умуахия, в душу закрались сомнения, но Ричард не

высказывал их вслух.

— Кайнене в лагере? — спросил он.

— Наверное. Им с Инатими уже пора бы вернуться.

Ричард вышел во двор поиграть с Малышкой. Посадил ее на плечи, помог сорвать лист кешью высоко над головой и снова поставил на ноги, удивляясь про себя, какая она крохотная и легонькая для своих шести лет. Он начертил на песке линии, попросил ее собрать камешки и стал учить ее играть в нчоколо.^[96] Потом Малышка высыпала из банки и разложила перед ним осколки железа — свою коллекцию шрапнели. Прошел час, а Кайнене все не возвращалась. Взяв с собой Малышку, Ричард отправился в лагерь. Он не увидел Кайнене на крыльце возле «точки невозврата», где она частенько сидела. Не было ее ни в лазарете, ни в одной из бывших классных комнат. Под огненным деревом сидел Угву и что-то царапал на клочке бумаги.

— Тетя Кайнене еще не вернулась, — сказал он, прежде чем Ричард спросил.

— Может быть, она приехала, а потом ушла куда — то еще?

— Нет, сэр. Но, вероятно, скоро будет.

Ричарда позабавило, с каким подчеркнутым старанием Угву выговорил «вероятно»; его восхищало упорство Угву и то, как с недавних пор он без конца что-то писал на любых обрывках бумаги, попадавших под руку.

— Что это ты пишешь? — поинтересовался Ричард.

— Да так, небольшой рассказец, сэр, — ответил Угву.

— Я останусь с Угву, — сказала Малышка.

— Хорошо, детка.

Сейчас она пойдет в корпус искать кого-нибудь из ребят, чтобы вместе ловить ящериц или сверчков. Или разыщет добровольца с кинжалом за поясом и попросит потрогать клинок. Ричард пошел домой. Как раз вернулся с работы Оденигбо. Его рубашка была до того заношена, что сквозь ткань просвечивали курчавые волосы на груди.

— Кайнене здесь? — спросил он у Ричарда.

— Нет еще.

Оденигбо глянул на Ричарда с упреком и ушел в дом переодеваться. В покрывале, обмотанном вокруг тела и завязанном на шее, он сел с Ричардом в гостиной. По радио Его Превосходительство объявил, что отправляется за границу искать мира.

В соответствии со своими неоднократными заявлениями о готовности лично отправиться куда угодно ради мира и безопасности для своего народа, я выезжаю за рубеж, чтобы выяснить...

На закате вернулись домой Угву и Малышка.

— Только что умерла маленькая девочка Ннека, а мать не дает ее забрать и похоронить, — сказал Угву, поздоровавшись с Оденигбо и Ричардом.

— Кайнене в лагере? — спросил Ричард.

— Нет, — покачал головой Угву.

Встал Оденигбо, за ним — Ричард, и они вместе пошли в лагерь. За всю дорогу они не обменялись ни словом. В одном из классов рыдала женщина. На их расспросы все отвечали одно: Кайнене уехала с Инатими рано утром. Она сказала, что едет торговать за линию фронта и к вечеру вернется.

Прошел день, другой. Все было по-прежнему: сухой воздух, пыльные ветры, беженцы, пахавшие иссушенную землю, — только Кайнене не возвращалась. Ричарду казалось, что мир вокруг него сузился, а сам он тает с каждым часом. Оденигбо сказал, что Кайнене, наверное, просто задержалась на той стороне и ждет, когда отойдет враг. По словам Оланны, такое сплошь и рядом случалось с женщинами, торговавшими за линией фронта. Но в глазах Оланны притаился страх. Даже Оденигбо казался испуганным, когда отказывался ехать с ними на поиски Кайнене, говоря, что она и так вернется; он как будто боялся того, что они могут узнать. Оланна села в машину рядом с Ричардом, и они отправились на Девятую милю. Ехали молча, но когда Ричард останавливался и расспрашивал встречных, не видели ли они женщину, похожую на Кайнене, Оланна повторяла слова Ричарда: «*O tolu ogo, di ezigbo oji* — высокая, очень темнокожая», будто взывая к их памяти. Ричард показывал всем фотографию Кайнене. Но никто не видел Кайнене. Никому не попадалась машина как у Инатими. Расспрашивали биафрийских солдат, которые не пропускали их, говоря, что дороги заняты. Качая головой, солдаты отвечали, что не видели ее. По дороге домой Ричард заплакал.

— Что ты плачешь? — напустилась на него Оланна. — Кайнене просто застряла за линией фронта.

Ослепнув от слез, Ричард свернул с дороги, и машина въехала в густой кустарник.

— Стой! — Оланна забрала ключи у Ричарда и сама села за руль. Всю дорогу домой она тихонько напевала.

Оланна очень бережно провела деревянным гребнем по голове Малышки, и все равно на зубьях осталось очень много волос. Угву что-то писал, сидя на скамейке. Миновала неделя, а Кайнене так и не вернулась. Сухой ветер-харматтан в тот день чуть поутих и уже не раскачивал деревья кешью, но в воздухе летала пыль и витали слухи, что Его Превосходительство, вместо того чтобы искать мира, сбежал. Оланна знала, что это невозможно, и твердо верила, что Кайнене возвратится домой, а поездка Его Превосходительства будет удачной. Он привезет подписанный документ об окончании войны, объявит Биафру свободной. Он привезет справедливый мир и соль.

Оланна еще раз провела гребнем, и опять выпало много волос. Оланна держала в руке тонкие прядки, изжелта-коричневые, — а от природы волосы у Малышки угольно-черные. Несколько недель назад Кайнене назвала это знаком особой мудрости — девочке всего шесть лет, а у нее уже выпадают волосы — и сразу поехала за белковыми таблетками для Малышки.

Угву оторвался от работы:

— Может, не стоит заплетать ей косички, мэм?

— Верно. Оттого волосы и выпадают — слишком туго мы заплетаем.

— И ничего у меня волосы не выпадают! — Малышка похлопала себя по темечку.

Оланна отложила гребень.

— Никак не могу забыть голову той девочки в поезде, у нее были очень густые волосы. Тяжело, наверное, было матери заплетать ей косички.

— А какая была прическа? — спросил Угву.

Оланну удивил вопрос, но оказалось, она явственно помнила, как были заплетены волосы, и начала описывать прическу, потом — голову, открытые глаза, посеревшую кожу. Угву слушал, и его внимание, неподдельный интерес вдруг придали ее рассказу важность, наполнили его глубоким смыслом. Оланна рассказала Угву все, что помнила, про поезд, набитый людьми, которые молились, плакали, кричали и мочились под себя.

Не успела она закончить, как появились Оденигбо и Ричард. Пришли они пешком, хотя утром уехали на «пежо» в Ахиару, чтобы искать Кайнене в больнице.

Оланна вскочила:

— Нашли?

— Нет, — бросил Ричард, входя в дом.

— А машина где? Солдаты забрали?

— Бензин кончился по дороге. Я позже вернусь за ней. — Оденигбо обнял Оланну. — Мы встретили Маду. Он передал нам гарри, сахару и немного бензина. Он уверен, что Кайнене все еще на той стороне. Видимо, вандалы заняли дорогу, которой она приехала, и теперь она ждет, когда откроется другая. Так бывает сплошь и рядом.

— Да, конечно. — Оланна взяла гребень и принялась расчесывать свои спутанные волосы.

Оденигбо напомнил ей, что она должна быть рада, ведь если Кайнене нет в больнице, значит, она жива, только на нигерийской стороне. Но слова его не понравились Оланне: она не нуждалась в напоминаниях. Через несколько дней, в ответ на ее уговоры поехать в морг, Оденигбо сказал то же самое: Кайнене жива-здорова, только на другой стороне.

— Я поеду, — настаивала Оланна.

— Нет смысла, — пожал плечами Оденигбо.

— Нет смысла? — возмутилась Оланна. — Нет смысла искать тело моей сестры?

— Твоя сестра жива. Нет никакого тела.

Оланна направилась к выходу.

— Даже если ее расстреляли, ее не повезли бы в биафрийский морг.

Оденигбо был прав, но Оланну уязвили его слова и то, что он назвал ее по имени вместо привычного «нкем», и она все равно поехала в зловонный морг, где прямо во дворе, разбухая на солнце, свалены были трупы погибших во время недавней бомбежки. У входа толпились люди: «Пустите, пожалуйста, мой отец пропал во время бомбежки»; «Пустите, пожалуйста, я не могу найти дочку».

Увидев записку от Маду, смотритель впустил Оланну. Она уговорила его показать все до единого женские трупы, даже, по его словам, слишком старые, а на обратном пути остановила машину, и ее стошнило. «Если солнце не взойдет, мы заставим его взойти». Так называлось стихотворение Океомы. Дальше она забыла — что-то про лестницу в небо, сложенную из глиняных горшков.

Дома Оденигбо играл с Малышкой, а Ричард сидел, глядя в пустоту. Никто не спросил, нашла ли она тело Кайнене. Угву показал на ее платье и шепотом сказал, что у нее большое пятно. Харрисон пожаловался, что на ужин ничего нет, и Оланна лишь тупо уставилась на него, потому что всем ведала Кайнене, Кайнене знала бы, что делать, если кончились продукты.

— Приляг, нкем, — шепнул Оденигбо.

— Ты помнишь стихи Океомы о том, что если солнце не взойдет, мы заставим его взойти?

— «Из глины горшки обожжем, лестницу в небо из них возведем, под ногами прохладу их ощутим».

— Да, да.

— Это моя любимая строчка. Остальное забыл.

Во двор с криком вбежала женщина из лагеря, размахивая зеленой ветвью. Такая сочная, блестящая зелень — откуда? Все окрестные деревья и кусты были иссушены зноем, оголены пыльными бурями. Земля была желтая, сухая.

— Войне конец! — кричала женщина. — Слушайте! Войне конец!

Оденигбо бросился к приемнику. Мужской голос по радио был им незнаком.

История знает множество случаев, когда угнетенные люди, защищая себя, брались за оружие, если мирные переговоры не имели успеха. Мы не исключение. Мы прибегли к оружию из-за чувства опасности, которое вселили в наш народ погромы. Мы сражались за правое дело.

Оланне нравились честность и спокойный, твердый голос выступавшего по радио. Малышка теребила Оденигбо: «Почему тетя из лагеря так кричит?» Ричард поднялся и подошел ближе к приемнику, и Оденигбо прибавил звук. Женщина из лагеря сказала:

— Говорят, вандалы идут сюда с палками, бить мирных жителей! Мы уходим в буш! — Она повернулась и побежала в сторону лагеря.

Пользуясь случаем, благодарю наших офицеров и солдат за отвагу и доблесть, восхитившие мир. Благодарю мирное население за стойкость и мужество перед лицом великих испытаний и голода. Я считаю, что страданиям нашего народа нужно немедленно положить конец. Поэтому объявляю организованный роспуск войск. От имени всего человечества призываю генерала Говона приостановить боевые действия на время мирных переговоров.

Не веря своим ушам, Оланна опустила на скамью.

— И что теперь будет, мэм? — спросил тусклым голосом Угву.

Оланна отвернулась и долго смотрела в сторону, на запыленные деревья кешью, на безоблачное небо, на далекий горизонт.

— Теперь я найду сестру, — тихо отозвалась она.

Прошла неделя. В лагерь беженцев приехал фургон из Красного Креста, и две женщины раздавали всем молоко в кружках. Многие семьи ушли из лагеря на поиски родных или в буш, прятаться от нигерийских солдат с кнутами. Но когда Оланна впервые увидела на главной дороге нигерийских солдат, никаких кнутов у них не было. Они громко переговаривались на йоруба, смеялись и заигрывали с деревенскими

девчонками: «Выходи за меня замуж, дам рису и бобов».

Оланна стояла в толпе, глядя на солдат. Их нарядная отутюженная форма, начищенные черные башмаки, уверенные взгляды рождали в ее душе пустоту, точно ее ограбили. Солдаты перекрыли дорогу и не пропускали машины: «Движение пока закрыто. Закрыто». Оденигбо рвался в Аббу, узнать, где похоронена мать, и каждый день ходил на главную дорогу спрашивать, не пропускают ли нигерийские солдаты машины.

— Надо собираться, — сказал он Оланне. — Дороги откроются не сегодня-завтра. Выедем с утра пораньше, чтобы успеть остановиться в Аббе и до темноты добраться до Нсукки.

Оланне не хотелось собираться — нечего было собирать — и вообще не хотелось уезжать.

— А как же Кайнене?

— Кайнене без труда нас найдет, нкем. — Оденигбо вышел.

Кайнене найдет их? Хорошо ему говорить. А вдруг она ранена и ей не под силу перенести дальний путь? А вдруг она все же доберется сюда, ожидая, что за ней будут ухаживать, а обнаружит лишь пустой дом?

Во двор кто-то зашел. Оланна не сразу узнала двоюродного брата Одинчезо, а когда узнала, то с криком бросилась ему на шею. Разжав объятия, она заглянула ему в лицо. В последний раз она видела Одинчезо с братом у себя на свадьбе, в форме народных ополченцев.

— Что с Экене? — спросила она со страхом в голосе. — Экене *kwanu*?

— Он в Умунначи. Я сразу приехал, как только узнал, что ты здесь. Я еду в Окиджу. Мне передали, там мамина родня.

Оланна провела Одинчезо в дом, налила воды.

— Как дела, братишка?

— Мы выжили.

Оланна села с ним рядом, взяла за руку; на его заскорузлых ладонях белели мозоли.

— Как же ты пробирался по дорогам — там ведь нигерийские солдаты?

— Никто меня не тронул. Я говорил с ними на хауса. Один достал портрет Оджукву и велел на него помочиться, я так и сделал. — Губы Одинчезо тронула усталая улыбка, и он стал так похож на тетю Ифеку, что Оланна не сдержала слез.

— Ну-ну. — Одинчезо обнял ее. — Кайнене вернется. Одна женщина из Умудиоки поехала торговать за линию фронта, а вандалы заняли сектор, и она застряла на четыре месяца. Только вчера вернулась к родным.

Оланна кивнула, не признавшись, что горюет не о Кайнене, не об

одной Кайнене. Одинчезо посидел еще немного, обняв ее, а перед уходом сунул ей в руку пятифунтовую бумажку.

— Мне пора, — сказал он. — Путь неблизкий.

Оланна уставилась на деньги: хрустящая красная бумажка казалась чудом.

— Одинчезо! Не многовато ли?

— Кое у кого из нас, ополченцев, были нигерийские деньги. У тебя ведь их нет? Говорят, правительство закроет все счета биафрийцев в банках. Надеюсь, это неправда.

Оланна пожалала плечами: откуда ей знать? Какие только слухи не ходили. Сначала говорили, что все сотрудники университетов Биафры должны явиться в военкомат Энугу, потом — в Лагос. И наконец — что обязаны явиться только те, кто служил в армии Биафры.

В тот же день, отправившись с Малышкой и Угву на рынок, Оланна изумленно глядела на горы риса и бобов, на чудесную рыбу, на свежайшее мясо. Вся эта роскошь будто упала с небес. Женщины-биафрийки торговались и отсчитывали сдачу, словно пользовались нигерийскими фунтами всю жизнь. Оланна купила немного риса и вяленой рыбы. Расставалась с деньгами она неохотно: мало ли что ждет впереди.

Вернувшийся домой Оденигбо сообщил, что дороги свободны.

— Завтра мы уезжаем.

Оланна ушла в спальню и заплакала. Малышка растянулась рядом на матрасе:

— Мамочка Ола, не плачь, *ebezi na!*

Чувствуя на себе ее теплые ручонки, Оланна лишь пуще разрыдалась. Малышка лежала рядом, обняв ее, пока Оланна не успокоилась и не вытерла слезы.

В тот же вечер уехал Ричард.

— Я еду искать Кайнене в городах за Девятой милей, — сказал он.

— Подожди до утра, — посоветовала Оланна.

Ричард покачал головой.

— Бензина хватит? — спросил Оденигбо.

— До Девятой мили хватит, если под горки катиться.

Оланна поделилась с Ричардом нигерийскими фунтами, и он уехал вместе с Харрисоном. Утром, когда все вещи были уже в машине, Оланна спешно набросала записку и оставила в гостиной.

Эджимам, мы едем в Аббу, оттуда в Нсукку. Через неделю вернемся, проверим дом. О.

Хотела добавить: «скучаю» или «надеюсь, ты хорошо добралась», но

передумала. Кайнене только посмеется. «Я ведь не в отпуск ездила, — скажет она. — Я была в тылу врага».

Забравшись в машину, Оланна остановила взгляд на деревьях кешью.

— Тетя Кайнене приедет в Нсукку? — спросила Малышка.

Оланна повернулась, взгляделась в ее лицо в поисках знака: вдруг Малышка чувствует, что Кайнене вернется? Вроде бы увидела знак, но усомнилась.

— Конечно, детка. Тетя Кайнене приедет в Нсукку.

— Она еще там... за фронтом?

— Да.

Оденигбо завел мотор. Очки он снял и завернул в лоскуток ткани. Нигерийские солдаты, по слухам, не жаловали интеллигентов.

— Без очков вести сможешь? — спросила Оланна.

— Постараюсь. — Он оглянулся на Угву с Малышкой на заднем сиденье и вырулил со двора.

Миновали несколько нигерийских постов, и всякий раз, когда их пропускали, Оденигбо что-то шептал себе под нос. В Абагане проезжали мимо уничтоженного нигерийского транспорта — длинной-предлинной колонны обугленных машин. Оланна смотрела не отрываясь.

— Они победили, но это наших рук дело.

«Они победили» прозвучало нелепо. И странно было говорить о поражении, в которое она не верила. Оланна чувствовала себя не побежденной, а обманутой. Оденигбо сжал ее руку. Когда подъезжали к Аббе, по его стиснутым губам Оланна угадала его волнение.

— Посмотрим... цел ли мой дом, — пробормотал он.

Все кругом заросло; низенькие лачужки утопали в порыжелой траве. У ворот их усадьбы зеленел кустарник. Оденигбо остановил машину, тяжело дыша. Дом уцелел. Когда пробирались к нему сквозь густую траву, Оланна озиралась, боясь наткнуться на Матушкин скелет. Но двоюродный брат Оденигбо похоронил Матушку — под гуавой они обнаружили холмик с крестом, грубо сколоченным из двух палок. Оденигбо опустил перед холмиком на колени, сорвал пучок травы и зажал в руке.

До Нсукки добирались по дорогам, изрытым, как оспинами, следами пуль и воронками от бомб; машину часто заносило. Дома стояли обугленные, покосившиеся, без крыш. Тут и там чернели остовы сгоревших машин. Веяло странным покоем. На горизонте темнели изогнутые силуэты парящих грифов. Подъехали к посту. Несколько рабочих срезали ножами высокую придорожную траву, другие носили доски к дому со стенами как швейцарский сыр, сплошь в дырах от пуль.

Оденигбо затормозил рядом с нигерийским офицером. Пряжка его ремня поблескивала; он заглянул в машину, сверкнув жемчужными зубами.

— Почему вы до сих пор не сменили биафрийские номера? Сочувствуете разгромленным мятежникам? — Говорил офицер преувеличенно громко, театрально, словно красовался в роли тирана. Позади него кто-то из солдат покрикивал на рабочих. В кустах лежал труп мужчины.

— Сменим, когда доберемся до Нсукки, — объяснил Оденигбо.

— До Нсукки? — Офицер выпрямился и загоготал. — А-а, Университет Нсукки! Так это вы, очкарики, подбили Оджукву на мятеж!

Оденигбо молчал, глядя перед собой. Офицер рванул дверь машины:

— Оуа!^[97] Ну-ка, вылезайте да потаскайте нам доски! Посмотрим, какая от вас может быть польза единой Нигерии.

Оденигбо взглянул на него.

— Это еще зачем?

— Смеешь вопросы задавать? Говорю, вылезай — значит, вылезай!

Стоявший позади офицера солдат взвел курок.

— Это шутка, — пробормотал Оденигбо. — *О-на егви-егви.*^[98]

— Выходи! — приказал офицер.

Оланна открыла дверь:

— Оденигбо, Угву, выходите. Малышка, посиди в машине.

Первым вылез Оденигбо, и офицер ударил его по лицу, так неожиданно и сильно, что Оденигбо отлетел к машине. Малышка заплакала.

— Скажите спасибо, что мы вас всех не перебили! Берите по две доски и несите, живо!

— Пусть моя жена останется с дочкой, — попросил Оденигбо.

Вторая пощечина вышла не такой хлесткой, как первая. Оланна старалась не смотреть на Оденигбо, она сосредоточила взгляд на одном из рабочих, тащившем цементный блок, на его худой голой спине в бисеринках пота. Оланна подошла к штабелю досок и взяла две. Покачнувшись под их весом — доски оказались тяжелее, чем выглядели, — Оланна выпрямилась и зашагала в сторону дома. Когда она вернулась, с нее градом лил пот. Всю дорогу за ней следил один из солдат, раздевая взглядом. Пока она несла вторую пару досок, солдат поджидал ее внизу возле штабеля.

Оланна, глянув на него, крикнула:

— Господин офицер!

Офицер как раз пропустил очередную машину. Он обернулся:

— В чем дело?

— Скажите ему, пусть только попробует тронуть меня! — крикнула Оланна.

Угву стоял за ее спиной, и Оланна услышала его резкий выдох, почувствовала его страх. Но офицер засмеялся, изумленный и восхищенный ее смелостью.

— Никто вас не тронет, — заверил он. — У моих ребят дисциплина на высоте. Не то что в вашей так называемой армии, в этой разбойничьей шайке!

Он остановил еще одну машину:

— Ну-ка, вылезай!

Тщедушный человечек встал рядом с машиной. Офицер сорвал с него очки и швырнул в кусты.

— Ага, зрение испортилось? А когда пропаганду для Оджукву писал, хорошо видел? Вот чем вы, штатские, занимались!

Хозяин машины сощурился, потер глаза.

— Ложись! — скомандовал офицер.

Тот лег на асфальт. Офицер взял длинную трость и стал хлестать его по спине и ягодицам; трость свистела в воздухе, а хозяин машины кричал что-то непонятное.

— Скажи: «Спасибо, сэр!» — велел офицер.

— Спасибо, сэр!

— Повтори!

— Спасибо, сэр!

Офицер прервался и сделал знак Оденигбо:

— Ладно, проезжайте, умники. Да не забудьте сменить номера!

Они молча поспешили к машине. У Оланны саднило ладони. Когда они отъезжали, Трость офицера опять принялась за дело.

Остановившись у буйно разросшегося куста с белыми цветами, Угву смотрел на груды сгоревших книг. Их свалили в кучу и подожгли, и Угву разгребал руками золу в надежде, что огонь хоть что-то пощадил. Он нашел две нетронутые книги, вытер обложки о рубашку. Несколько книг сгорели не полностью, можно было разобрать слова и цифры.

Хозяин опустился рядом с Угву на корточки и стал рыться в

сожженных листках, бормоча: «Все мои черновики здесь. Смотрите, вот работа по ранговым критериям обнаружения сигнала...» Он уселся прямо на голую землю, вытянув ноги, и Угву было стыдно на него смотреть, до того жалким и беспомощным выглядел Хозяин. Оланна, держа за руку Малышку, смотрела на казуарину, иксору и лилии, запущенные, неухоженные. Да и вся Одим-стрит, заросшая густым кустарником, казалась запущенной, неухоженной. Даже у нигерийского броневика, брошенного в конце улицы, из покрышек росла трава.

Угву первым зашел в дом. За ним — Оланна с Малышкой. Углы гостиной затянула белесая паутина. Не было ни диванов, ни занавесок, ни ковра, ни полок. Жалюзи сорваны, выбитые окна зияли, и пыль, принесенная харматтаном, осела повсюду бурым слоем. В кухне осталась лишь тяжелая деревянная ступка. В прихожей Угву поднял с пола пыльный пузырек, поднес к носу и уловил слабый кокосовый аромат. Души Оланны.

Когда зашли в ванную, Малышка расплакалась. В ванне бесстыдно темнели окаменевшие кучи дерьма, по полу были разбросаны страницы из журнала «Драм», в темных пятнах — ими подтирались вместо туалетной бумаги. Оланна утешала Малышку, а Угву вспоминал, как в этой самой ванне Малышка играла с желтым пластмассовым утенком. Угву открыл кран, что-то пискнуло, но вода не потекла. Трава за домом оказалась Угву по плечи, сквозь нее было не пробраться, и пришлось поискать палку, чтобы пробивать себе дорогу. Гнезда диких пчел на дереве кешью уже не было. Дверь во флигель болталась на сорванных петлях; толкнув ее, Угву вспомнил, что оставил на гвозде рубашку. Зная наперед, что не найдет ее, он все-таки глянул на стену. То была любимая рубашка Анулики. Сердце замирало от радости и страха, что через несколько часов он увидит Анулику, что он наконец-то вернется домой. Угву не позволял себе думать о том, кого застанет в живых, а кого уже нет на этом свете.

Угву готов был немедленно взяться за работу — мыть, чистить, скрести дом, но он боялся, что одной уборкой не обойтись. Может статься, дом осквернен до самого фундамента, и комнаты навеки пропитались запахом мертвечины, и крысы всегда будут шуршать под потолком. Хозяин нашел веник, сам подмел кабинет, оставив под дверью кучу пыли и помета ящериц. Заглянув в кабинет, Угву увидел Хозяина — тот сидел на единственном трехногом стуле, прислоненном к стене, и разбирал груды полусожженных бумаг и папок.

Отдирая палкой кучи дерьма в ванне, Угву проклинал вандалов и их отродье; он уже успел вычистить ванну, когда Оланна попросила его отложить уборку на потом, а сначала навестить родных.

Угву стоял не шевелясь, пока Чиоке, младшая жена отца, осыпала его песком.

— Ты настоящий, Угву? — спрашивала она. — Настоящий?

Чиоке нагибалась, набирала пригоршни песка и швыряла ему на плечи, на руки, на живот. Наконец прекратила и обняла его: не исчез от песка — значит, не призрак. Вышли и остальные, обнимали его, трогали, чтобы лишний раз убедиться, что он не дух. Женщины плакали. Угву вгляделся в лица — все осунулись, на всех печать лишений, даже на лицах детей. Но больше всех изменилась Анулика. Лицо ее было в угрях, и она не смотрела ему в глаза, когда повторяла в слезах: «Ты жив, ты жив». Он помнил сестру красавицей — неужели ошибался? На него смотрела незнакомка, дурнушка, косившая глазом.

— Мне передали, что мой сын убит. — Отец ухватил Угву за плечи.

— А где мама? — спросил Угву. И понял все без слов. Он знал все с той минуты, когда к нему выбежала Чиоке. На ее месте должна была быть мама, она сердцем почуяла бы, что он здесь, и встретила бы его возле рощицы деревьев убе.

— Мамы больше нет, — сказал отец.

Слезы обожгли глаза Угву.

— Бог никогда им не простит.

— Не болтай зря. — Отец с опаской огляделся, хотя они были вдвоем. — Вандалы тут ни при чем. Ее свел в могилу кашель. Пойдем, покажу тебе, где она лежит.

Могила была без креста, над ней зеленел кустик кокоямса.

— Давно? — спросил Угву. — Давно она умерла?

Казалось невыносимым спрашивать такое о маме. Да и неважно, когда она умерла. Пока отец говорил ненужные слова, Угву упал на колени, уткнулся в землю лбом, прикрыл голову руками. Отец вернулся в хижину, оставив его одного.

Позже Угву сел с Ануликой под хлебным деревом. На его вопросы сестра отвечала не так, как он ожидал, — без жестов, без метких словечек. Да, свадьбу отпраздновали как раз перед тем, как вандалы заняли поселок. Онъека жив-здоров, уехал на ферму. Детей у них пока нет. Она часто отводила взгляд, как будто ей было неуютно с ним рядом, и Угву не мог понять, куда девалась их былая близость. Когда ее позвала Чиоке, Анулика ушла с видимым облегчением.

Угву смотрел, как вокруг хлебного дерева носится с визгом детвора, когда пришла Ннесиначи, с малышом в перевязи. Она ничуть не изменилась и, в отличие от других, не похудела. Грудь стала пышнее, глаза

блестели. Она обняла Угву, крепко прижалась к нему. Малыш хныкнул.

— Я знала, что ты не погиб, — сказала она. — Знала, что твой чи не дремлет.

Угву погладил малыша по щечке.

— Ты вышла замуж во время войны?

— Я не замужем. — Ннесиначи перевесила малыша на другой бок. — Я жила с солдатом-хауса.

— С вандалом? — Угву был не в силах вообразить подобное.

Ннесиначи кивнула:

— Они жили здесь, в поселке, и он обо мне очень заботился, такой хороший человек. Будь я здесь в тот день, с Ануликой ничего не случилось бы. Но мы с ним поехали в Энугу за покупками.

— А что случилось с Ануликой?

— Тебе разве не сказали? Ее изнасиловали. Пятеро. — Ннесиначи села, положила малыша на колени.

Угву смотрел вдаль, в небо.

— Где это случилось?

— Больше года назад.

— Я спросил — где.

— А-а. — Голос Ннесиначи дрогнул. — У источника.

— Прямо на улице?

— Да.

Угву нагнулся, подобрал с земли камешек.

— Говорят, первому она прокусила руку. Ее избили до полусмерти. Один глаз у нее с тех пор не открывается до конца.

В тот же день Угву прошелся по поселку и, дойдя до источника, вспомнил, как по утрам сюда вереницей приходили за водой женщины. Он сел на камень и зарыдал.

Вернувшись в Нсукку, Угву не рассказал Оланне о том, что его сестру изнасиловали. Оланна редко бывала дома. Она получала весть за вестью о том, где видели женщин, похожих на Кайнене, ездила в Энугу, Оничу, Бенин и возвращалась, тихонько напевая.

— Я найду сестру, — всякий раз отвечала она на расспросы Угву.

— Конечно, найдете, мэ, — вторил ей Угву: он должен был верить ради нее.

Он делал уборку, бегал на рынок, ходил на площадь Свободы взглянуть на гору почерневших библиотечных книг, сожженных вандалами. Играл с Малышкой, записывал мысли на клочках бумаги, сидя на ступеньках заднего крыльца. В соседнем дворе кудахтали куры. Глянув на

живую изгородь, он подумал о Чиньере: жива ли, вспоминает ли о нем? Доктор Океке и его семья не вернулись, в их доме поселился кривоногий профессор химии, который стряпал на открытом огне и держал кур. Однажды, уже в сумерках, Угву поднял голову и увидел, как на соседский двор ворвались трое солдат и вскоре вытащили профессора.

Угву слышал, что нигерийские солдаты обещали перебить пять процентов преподавателей в Нсукке, но лишь теперь по-настоящему почувствовал опасность. И несколько дней спустя, услышав громкий стук в дверь, решил, что пришли за Хозяином. Он хотел сказать, что Хозяина нет дома или даже что Хозяин умер. Бросившись в кабинет, он закричал шепотом: «Прячьтесь под стол, сэр!» — затем побежал к двери, открыл и обомлел. Вместо зловеще-зеленой военной формы, вместо блеска башмаков и винтовок он увидел коричневый кафтан, шлепанцы на плоской подошве и смутно знакомое лицо, которое вспомнил не сразу. Мисс Адебайо.

— Добрый вечер, — поздоровался Угву. Он был почти разочарован.

Мисс Адебайо смотрела прямо перед собой, в глубину коридора; дикий страх искажил ее лицо до неузнаваемости, сделал похожим на череп с пустыми глазницами.

— Оденигбо? — шептала она. — Оденигбо?

Угву понял, что она больше ничего не в состоянии произнести, что его самого она вряд ли узнала и не решается задать прямой вопрос: «Оденигбо жив?»

— Хозяин жив-здоров, — сказал Угву. — Он в своем кабинете.

Мисс Адебайо впиалась в него взглядом.

— А-а, Угву! Да ты совсем взрослый. — Она переступила порог. — Где он? Как он?

— Сейчас позову его, мэм.

Хозяин застыл в дверях кабинета.

— В чем дело, друг мой?

— Там мисс Адебайо, сэр.

— И ты велел мне спрятаться под стол от мисс Адебайо?

— Я думал, это солдаты, сэр.

Мисс Адебайо обняла Хозяина и долго-долго не отпускала.

— Мне сказали, кто-то из вас — или ты, или Океома — не вернулся.

— Океома не вернулся.

Мисс Адебайо зарыдала.

— Видишь ли, мы не представляли до конца, что творилось в Биафре. Жизнь шла своим чередом, в Лагосе женщины рядились в кружева по

последней моде. Но потом я поехала в Лондон на конференцию и там услышала доклад о голоде. — Мисс Адебайо помолчала. — А возвратившись, сразу вступила в общество добровольцев, мы возили продукты через Нигер...

Угву была неприятна мисс Адебайо, нигерийка до мозга костей. Однако в глубине души он готов был все ей простить, только бы вернулась прошлая жизнь, ее жаркие споры с Хозяином в гостиной, пропахшей бренди и пивом. Теперь к ним никто не приходил, кроме мистера Ричарда. Только он был уже не гость. Он сделался им почти родным и мог сидеть в гостиной с книгой, пока Оланна хлопотала по дому, а Хозяин работал в кабинете.

Как-то под вечер, когда у них гостил мистер Ричард, громкий стук в дверь разозлил Угву. Он положил свои черновики на кухонный стол. Как мисс Адебайо не поймет, что лучше ей убраться в свой Лагос и оставить их в покое? У дверей он отпрянул, увидев сквозь стекло двоих солдат. Они дергали ручку запертой двери. Угву впустил их. Один был в зеленом берете, у другого на подбородке белела родинка с апельсиновое зернышко.

— Всем, кто есть в доме, выйти и лечь на пол!

Хозяин, Оланна, Угву, Малышка и мистер Ричард растянулись на полу в гостиной, пока солдаты обыскивали дом. Малышка закрыла глаза и лежала на животе не шелохнувшись, как взрослая.

У солдата в зеленом берете глаза горели ненавистью, он кричал и рвал бумаги на столе. Наступив ногой мистери Ричарду на ягодицы, он рявкнул: «*Oyinbo*, белый! Гляди не обделайся со страху!» Он же приставил к виску Хозяина пистолет и спросил: «Биафрийские деньги точно не прячете?»

Тот, что с родинкой на подбородке, объяснил: «Приказано искать все, что представляет угрозу единству Нигерии». Он прошел на кухню и вынес две тарелки, доверху наполненные рисом джоллоф, который приготовил Угву. Солдаты уничтожили рис, запили водой и, громко рыгая, сели в машину и укатили. Парадная дверь осталась нараспашку. Первой поднялась с пола Оланна. Пошла на кухню и вывалила остатки риса в мусорное ведро. Хозяин запер дверь. Угву помог Малышке встать и увел ее. «Пора купаться», — сказал он, хотя было еще не время.

— Я сама, — сказала Малышка.

Угву стоял рядом и смотрел, как она в первый раз сама купается. Малышка, смеясь, брызнула в него водой, и Угву с грустью понял, что скоро он ей будет не нужен.

На кухне он застал мистера Ричарда — тот читал записи, брошенные Угву на столе.

— Потрясающе, Угву! — удивленно воскликнул мистер Ричард. — Оланна тебе рассказывала о женщине в поезде, которая везла голову девочки?

— Да, сэр. Это войдет в большую книгу. Это работа на много лет. Называться будет «Повесть о жизни страны».

— Ну ты замахнулся...

— Жаль, нет под рукой книги Фредерика Дугласа.

— Сожгли, вероятно, вместе с остальными. — Мистер Ричард покачал головой. — На будущей неделе я еду в Лагос, поищу ее там. Хочу повидать родителей Кайнене. Но сначала съезжу в Порт-Харкорт и в Умуахию.

— В Умуахию, сэр?

Мистер Ричард больше ничего не сказал, он никогда не распространялся о своих поисках Кайнене.

— Если успеете, сэр, сможете разузнать для меня кое о ком?

— Об Эберечи?

Угву расплылся в улыбке, но тут же посерьезнел.

— Да, сэр.

Угву назвал фамилию и адрес семьи, мистер Ричард записал, а потом, в неловком молчании, Угву напряженно раздумывал, как бы продолжить разговор.

— Вы все еще пишете книгу, сэр?

— Нет.

— «Мир молчал, когда мы умирали». Хорошее название.

— Да, хорошее. Меня на него натолкнули слова полковника Маду. — Ричард запнулся. — Не мое это дело — писать об этой войне.

Угву кивнул. Он с самого начала так думал.

— Если увидите Эберечи, сможете ей передать письмо, сэр?

Угву забрал у мистера Ричарда свои записи и принялся готовить Мальшке ужин.

Ричард пошел в сад, к тому месту, откуда столько раз любовался морем. Его любимое апельсиновое дерево спилили. Многие деревья были вырублены, на их месте разбили газоны. Посмотрев туда, где Кайнене когда-то сожгла его рукопись, Ричард вспомнил, как недавно в Нсукке у него ничто не шевельнулось в душе, когда он застал Харрисона в саду с лопатой. «Простите, сэр. Простите, сэр. Я здесь зарывать рукописи. Я

помнить, что здесь зарывать».

Дом Кайнене был перекрашен в бледно-зеленый цвет; бугенвиллею, увивавшую стены, срезали. Ричард подошел к парадному крыльцу, позвонил и представил, что ему откроет Кайнене и скажет, что у нее все хорошо, просто ей хотелось побыть одной. Женщина с тонкими шрамами на лице, по два на каждой щеке, чуть приоткрыла дверь:

— Что вам?

— Добрый день, — начал Ричард. — Меня зовут Ричард Черчилль. Я жених Кайнене Озобиа.

— Ну и?..

— Я здесь жил. Это дом Кайнене.

Лицо женщины стало жестким.

— Дом был брошенный. Теперь он мой. — Она хотела закрыть дверь.

— Минуточку. Вы позволите забрать наши фотографии? Могу я взять часть фотографий Кайнене? Альбом на полке в кабинете.

Женщина свистнула.

— У меня злая собака. Если сейчас же не уйдете, натравлю на вас.

— Пожалуйста, только фотографии...

Женщина свистнула еще раз. Где-то в доме зарычала собака. Ричард повернулся. На обратном пути, открыв окна машины и вдыхая запах моря, он вспоминал, как возила его Кайнене по этой глухой дороге. Поездку в Порт-Харкорт Ричард откладывал до последнего — хотел сначала разыскать Кайнене, а потом приехать с ней вместе, увидеть, что они потеряли. Кайнене, конечно, пыталась бы вернуть дом, писала бы жалобы, ходила по судам и всем объявила бы, что федеральное правительство украло у нее дом; она никого не побоялась бы, она ведь такая бесстрашная! С тем же бесстрашием защитила она от побоев молодого солдата. Это было последнее воспоминание Ричарда о Кайнене, и его память сама меняла подробности, расшивая ее смятое во сне покрывало то красным, то золотым узором.

Он бы и сейчас не поехал, если бы мать Кайнене не попросила.

— Съезди, пожалуйста, Ричард, просто съезди взглянуть на дом, — сказала она по телефону тихо, робко.

А вначале, сразу после приезда из Лондона, она говорила совсем иначе, излучала решительность:

— Кайнене, должно быть, где-то ранило. Надо разузнать, да поскорее, чтобы перевезти ее в хорошую больницу. Когда она поправится, спрошу ее, как нам поступить с этим подлецом-йоруба, которого мы считали другом. Представь себе — продает нам наш собственный дом! Подделал документы

на него, да еще и говорит — скажите, мол, спасибо, что недорого возьму. Мало того, он и мебель забрал! Отец Кайнене боится ему слово сказать. Рад, что у него остался еще один дом. Кайнене такого не потерпела бы.

Теперь мать переменялась, как будто с течением времени ее покидала надежда. Просто взгляни на дом, просила она, просто взгляни.

У родителей Кайнене в Лагосе гостил Маду. Его долго держали в тюрьме Алагбон, уволили из нигерийской армии и дали двадцать фунтов взамен всех денег, что были у него до и во время войны. Именно Маду получил известие, что в Ониче видели высокую худую женщину, явно не из простых, образованную. Ричард с Оланной поехали в Оничу, где их встретила госпожа Озобиа, но женщина оказалась не Кайнене. Ричард был уверен, что это Кайнене — она потеряла память, не знает, кто она такая, — и, заглянув в глаза незнакомки, он впервые в жизни ощутил смертельную ненависть к постороннему человеку.

Ричард вспоминал об этом по дороге в Умуахию, в центр для бездомных. В здании не оказалось ни души. Невдалеке зияла воронка от бомбы. Ричард поехал по адресу, который дал Угву, и не сразу нашел нужный дом. Вышедшая из дверей старушка встретила его со спокойным безразличием, будто к ней каждый день заходили белые и на чистейшем игбо спрашивали о родственниках. Ричард удивился, он привык, что его, белого, говорящего на игбо, все считают диковинкой. Старушка вынесла ему стул, назвалась сестрой отца Эберечи. Тетушка Эберечи была в белом платке, в засаленном покрывале и говорила так тихо, что Ричард не раз просил ее повторить.

Эберечи убило осколком в тот самый день, когда взяли Умуахию, а спустя всего несколько дней вернулся из армии брат Эберечи, живой и невредимый. Ричард, сам не зная почему, сел рядом со старушкой и рассказал о Кайнене.

— Моя жена поехала торговать за линию фронта за несколько дней до конца войны, и с тех пор мы ее не видели.

Старушка пожала плечами:

— Когда-нибудь вы все узнаете.

На другой день, по дороге в Лагос, Ричард вспомнил ее слова и решил не рассказывать Угву о гибели Эберечи. Когда-нибудь он узнает. А пока не стоит разрушать его мечту.

В Лагос он въехал под дождем. По радио в машине в тысячный раз передавали речь Говона: «Нет ни победителей, ни побежденных». На проезжей части сновали торговцы с газетами, завернутыми в полиэтилен. Газет Ричард больше не читал, потому что в каждой натыкался на

объявление, размещенное родителями Кайнене, — с фотографией Кайнене у бассейна, под заголовком «Пропала без вести». Объявление казалось навязчивым, как и слова тети Элизабет: «Мужайся»; голос ее по телефону дрожал, словно ей было известно больше, чем Ричарду. Незачем мужаться. Кайнене не пропала без вести, она просто медлит с возвращением домой.

Мать Кайнене обняла его. «Ты не голоден, Ричард?» — спросила она просто и ласково, как мать у сына, забывающего о себе позаботиться. Повиснув на Ричарде, она повела его в скудно обставленную гостиную, и Ричард подумал с торжеством и неловкостью, что она держится за него, потому что видит в нем частичку Кайнене.

Отец Кайнене сидел с Маду и еще двумя земляками из Умунначи. Ричард пожал всем руки и подсел к ним. Пили пиво, обсуждали декрет об иностранных инвестициях, безработицу среди государственных служащих. Говорили вполголоса, словно боясь, что у стен есть уши. Ричард встал, поднялся по лестнице в бывшую комнату Кайнене, но там ничто уже не напоминало о ней. Стены были утыканы гвоздями — видно, жилец-йоруба вешал в комнате фотографии.

Подали рагу — сплошные креветки; Кайнене не понравилось бы, и она непременно съязвила бы, наклонившись к его уху. После обеда Ричард и Маду вышли на веранду. Дождь прекратился, и омытая зелень стала ярче.

— За границей говорят о миллионе погибших, — сказал Маду. — Неправда.

Ричард медлил с ответом. Его не тянуло вступать в разговор вроде тех, что вели повсюду биафрийцы, сваливая вину на других, приписывая себе несуществующие подвиги. Лучше вспомнить, как они, бывало, подолгу стояли здесь с Кайнене, глядя в серебро бассейна.

— Миллион — это слишком мало! — Маду тянул пиво, — Ты возвращаешься в Англию?

Вопрос почему-то разозлил Ричарда.

— Нет. Буду работать в новом Институте африканистики в Нсукке.

— Что-нибудь пишешь?

— Нет.

Капельки воды на бокале Маду сверкали крохотными прозрачными камешками.

— Почему мы так ничего и не узнали о Кайнене? Хоть убей, не пойму, — сказал Маду.

Ричарду не понравилось его «мы». Подойдя к перилам балкона, он глянул вниз, на высохший бассейн; сквозь тонкий слой дождевой воды виднелось дно, выложенное светлым полированным камнем. Ричард

повернулся к Маду:

— Ты ее любишь?

— Конечно, люблю.

— Ты с ней спал?

Ответом был короткий, резкий смешок.

— Ты с ней спал? — повторил Ричард, и для него Маду вдруг сделался повинен в исчезновении Кайнене. — Спал?

Маду поднялся. Ричард схватил его за руку. «Иди сюда, — хотелось ему сказать, — иди же и сознайся, касался ты ее хоть раз своей грязной черной лапой?» Маду вырвался. Ричард ударил его по лицу и ощутил, как в ладони пульсирует кровь.

— Болван, — удивленно сказал Маду, слегка пошатнувшись.

Ричард видел, как взвилась в воздух рука Маду. Удар пришелся в нос, и боль отозвалась во всем лице, а тело, став легким-легким, осело на пол. Ричард дотронулся до носа — на пальцах осталась кровь.

— Болван, — повторил Маду.

Ричард не мог подняться. Он вынул носовой платок; руки дрожали, и он испачкал кровью рубашку. Маду, холодно поглядев на него, взял его лицо в широкие ладони и осмотрел нос. Из рта Маду пахло креветками.

— Перелома нет, — сказал Маду и выпрямился.

Ричард прижал к носу платок, на него навалилась тьма, а когда рассеялась, он понял, что никогда больше не увидит Кайнене, что жить ему отныне в вечном полумраке, словно в тускло освещенной свечами комнате, лишенной всех красок мира.

Оланна то жила надеждой, что Кайнене вернется домой, то терзалась болью потери; то, воспрянув духом, тихонько напевала, то вновь теряла веру и, рухнув на пол, плакала, плакала. Заходила мисс Адебайо, что-то говорила о горе — красивые, пустые слова: горе — высшее проявление любви, кто способен глубоко скорбеть, тот имел счастье любить по-настоящему. Но не горе испытывала Оланна, а нечто большее. Нечто непонятное. Она не знала, где сестра. И неоткуда было узнать. Она казнила себя за то, что не встала пораньше в то утро, что не заметила, в чем была тогда одета Кайнене, что не поехала с ней сама, решив, что Инатими известно, куда ее вести. Она злилась на весь мир, когда садилась в автобус или устраивалась в машине рядом с Оденигбо или Ричардом и ехала искать

Кайнене в переполненных больницах, но так и не находила.

Когда она наконец увиделась с родителями, отец назвал ее Олам, «Золотце», и Оланне стало стыдно — она чувствовала себя недостойной.

— Я даже не повидалась с Кайнене перед ее отъездом. Проснулась, а ее уже нет, — призналась она родителям.

— *Anyi ga-achota ya*, мы ее найдем, — сказала мать.

— Мы ее найдем, — эхом отозвался отец.

«Да, найдем», — вторила им Оланна, и ей казалось, будто все они в отчаянии скребут ногтями непробиваемую стену. Они делились историями о тех, кто нашелся, кто вернулся домой спустя долгие месяцы. И молчали о тех, кого до сих пор не нашли, о семьях, хоронивших пустые гробы.

Когда ворвались двое солдат и съели ее рис джоллоф, Оланна кипела от гнева. Лежа на полу в гостиной, она молилась, чтобы не нашли ее биафрийские фунты. После ухода солдат Оланна достала свернутые банкноты из конверта, который прятала в туфле, вышла во двор, под лимонное дерево, и поднесла к ним спичку. Оденигбо следил за ней. Оланна знала, что ему это не по душе — сам он до сих пор хранил в кармане брюк биафрийский флаг.

— Ты сжигаешь память, — упрекнул ее Оденигбо.

— Нет. Память у меня в сердце.

Память — не в вещах, которые могут вынести из дома чужие люди.

Шли недели, снова дали воду, в сад вернулись бабочки, а волосы Малышки стали черными как смоль. Оденигбо получал из-за границы посылки с книгами. «Коллеге, пострадавшему от войны, — говорилось в записках, — от братьев-математиков, почитателей Дэвида Блэкуэлла». Оденигбо целые дни проводил над книгами. «Взгляни, а у меня ведь было первое издание», — то и дело повторял он.

Эдна присылала книги, одежду, шоколад. На фотографиях она казалась совсем чужой — американка из Бостона. Не верилось, что Эдна когда-то жила по соседству на Элиас-авеню, и еще больше не верилось, что усадьба на Одим-стрит некогда была средоточием ее жизни. Проходя по улицам университетского городка, мимо теннисных кортов и площади Свободы, Оланна размышляла о том, каким быстрым был их отъезд и каким долгим стало возвращение.

Ее банковского счета в Лагосе больше не было. Ее будто раздели, будто кто-то украл всю ее одежду, оставив ее дрожать на холоде. И все же Оланне виделся здесь добрый знак. Раз она лишилась всех сбережений, то не могла потерять и сестру — вершители судеб не так жестоки.

— Почему тетя Кайнене до сих пор за линией фронта? — без конца

спрашивала Малышка, глядя на Оланну с подозрением.

— Отстань от меня, несносный ребенок! — сердилась Оланна. А сама в расспросах Малышки тоже видела знак, хоть пока и не могла понять его смысл. Оденигбо твердил: перестань всюду выискивать знамения. Оланна злилась: как смеет он не соглашаться, если она видит знаки возвращения Кайнене? — но тут же мысленно благодарила его: если бы он и вправду думал, что Кайнене исчезла навсегда, то молчал бы.

Когда Оланну навестили родные из Умунначи и предложили обратиться к дибии, Оланна попросила поехать дядю Оситу. Дала ему бутылку виски и денег на козу для оракула. Поехала на Нигер и бросила в реку снимок Кайнене. Съездила в Орлу и трижды обошла вокруг дома сестры. А потом ждала неделю, как велел дибиа, но Кайнене так и не вернулась.

— Может, я где-то ошиблась? — спросила Оланна у Оденигбо.

— Кончилась война, но не голод, нкем. Твой дибиа просто-напросто истосковался по козлятине. Как ты можешь верить в эту чепуху?

— Еще как могу. Чему угодно поверю, лишь бы вернуть сестру. — Оланна подошла к окну. — Все мы возвращаемся, — сказала она. — У нас в народе верят в переселение душ, ведь так? *Uwa m, uwa oso.*^[99] В следующей жизни Кайнене снова будет мне сестрой.

Оланна тихонько плакала. Оденигбо обнял ее.

8. Книга: Мир молчал, когда мы умирали

Угву заканчивает книгу посвящением: «Хозяину, другу моему».

От автора

В основу книги легли события войны 1967–1970 гг. между Нигерией и Биафрой. Прототипами некоторых персонажей послужили реальные люди, но сами персонажи и события их жизни вымышлены. Ниже перечислены книги, которые помогли мне при сборе материалов (в большинстве из них «игбо» пишется «ибо»). Большое спасибо их авторам. В частности, «Закат на восходе» Чуквуэмеки Ике и «Больше никогда» Флоры Нвапа были незаменимы при описании настроений биафрийской интеллигенции; жизнь Кристофера Окигбо и его поэтический сборник «Лабиринты» вдохновили меня на создание образа Океомы, а книга Александра Мадьебо «Нигерийская революция и биафрийская война» легла в основу образа полковника Маду.

Кроме того, я не написала бы эту книгу, если бы не мои родители. Мой отец, профессор Нвойе Джеймс Адичи, замечательный, мудрый человек, многие свои рассказы заканчивал словами *agha ajoka*, что в переводе значит «война отвратительна». Он и моя преданная, любящая мама, миссис Ифеома Грейс Адичи, всегда старались внушить мне, что главное — не испытания, которые им выпали, а то, что они остались в живых. Я благодарна им за их рассказы и за многое, многое другое.

Посвящаю эту книгу моему дяде Маю, Майклу Э. Н. Адичи, который был ранен, сражаясь в двадцать первом батальоне биафрийской армии, и делился со мной воспоминаниями, с юмором и изяществом. Также посвящаю книгу светлой памяти моего дяди Ки (Киприана Одигве, 1949–1998), сражавшегося в биафрийских войсках особого назначения, моего двоюродного брата Паули (Паулинуса Офили, 1955–2005), который рассказывал мне, как жил в Биафре тринадцатилетним подростком, и моего друга Оклы (Околомы Мадузеси, 1972–2005), который уже не сунет эту книгу под мышку, как мою предыдущую.

Спасибо моим родным: Токсу Оремуле и Аринзе Мадука, Чисому и Амаке Сонни-Афозкелу, Чинедуму и Камеи Адичи, Иджеоме и Обинне Мадука, Уче и Сонни Афозкелу, Чуквунвике и Тинуке Адичи, Ннеке Адичи Океке, Окечукву Адичи и особенно Кенечукву Адичи; всем Одигве из Умунначи и Адичи из Аббы; моим «сестрам» Уренне и Уджу Эгону и «братишке» Оджи Кану за веру, что я лучше, чем есть.

Спасибо Иваре Эсегё; спасибо Биньяванге Вайнайна за тонкие замечания; Амечи Авуруму за то, что научил меня вере; моим друзьям Ике

Аня, Мухтару Бакаре, Марен Чамли, Лоре Бреммон-Гуд, Мартину Кеньону и Ифеачо Нвоколо за чтение черновиков; Сьюзен Бушан за фотографии, снятые в Биафре; Вермонтской студии — центру за то, что дали мне место и время; профессору Майклу Дж. К. Эчеруо, своими блестящими, умными замечаниями вдохновившему меня на поиски второй половины солнца.

Благодарю своего незаменимого агента Сару Чалфант, вселившую в меня уверенность, и Митци Энджел, Анджали Сингх и Робина Дессера, моих блестящих, взыскательных редакторов.

Пусть память навсегда останется в наших сердцах.

Произведения, использованные автором при написании этой книги

- Чинуа Ачебе, «Девушки на войне» и другие рассказы
Элечи Амади, «Закат в Биафре»
Дж. Л. Брандлер, «Без Нигерии»
Роберт Коллис, «Нигерия в борьбе»
Джон де Сент-Джорр, «Гражданская война в Нигерии»
Герберт Экве-Экве, «Война Нигерии и Биафры и ее последствия»
Киприан Эквензи, «Врозь мы выстоим»
Бучи Эмечета, «Пункт назначения — Биафра»
Осси Энекве, «Пусть грянет гром»
Фредерик Форсайт, «История Биафры»
Герберт Голд, «Прощай, Биафра»
Чуквуэмека Ике, «Закат на восходе»
Эдди Иро, «Сирена в ночи»
Дэн Джейкобс, «Жестокость наций»
Антония Кану, «Разбитые жизни» и другие рассказы
Александр Мадьебо, «Нигерийская революция и война в Биафре»
Майкл Мок, «Биафрийский дневник»
Рекс Нивен, «Война за единство Нигерии»
Хилари Нджоку, «Трагедия без героев»
Артур Агвунча Нванкво, «Рождение нации»
Флора Нвапа, «Больше никогда»
Флора Нвапа, «Жены на войне»
Бенард Одогву, «Некуда бежать: кризисы и конфликты в Биафре»
Кристофер Окигбо, «Лабиринты»
Ике Оконта и Оронта Дуглас, «Там, где пируют грифы»

Джозеф Окпаку, «Нигерия: дилемма нации»
Калу Окпи, «Биафрийский завет»
Воле Шойинка, «Человек умер»
Джон Д. Стремлау, «Международная политика гражданской войны в Нигерии»
Ральф Увечуэ, «Размышления о гражданской войне в Нигерии»
Альфред Обиора Узокве, «Выживание в Биафре»

notes

Примечания

1

Пусть они покоятся с миром. — Здесь и далее примеч. перев.

2

Быстро-быстро.

3

Вы его привели.

4

Ладно.

5

Слышишь?

6

Акпу — пюре из маниоки, подается к супу.

Убе — вид груши с мелкими, продолговатыми плодами; растет в тропиках.

Катанга — провинция Конго, долгое время боровшаяся за независимость. В 1960 г. провозгласила себя независимым государством, что привело к вооруженному конфликту с центральными властями страны.

Мунго Парк (1771–1806) — шотландский исследователь Центральной Африки.

«Иди, иди, могучий слон...» (маршевая песня, прославляющая мощь шагающего слона).

Оквума — масло масляного дерева (*Butyrospermum parkii*).

Меня зовут Джомо

Моиз Чомбе (1919–1969) — конголезский политик, премьер — министр Конго в 1964–1965 гг. В 1960–1963 гг. был правителем самопровозглашенной республики Катанга.

Дружище.

15

Как дела?

Джоллоф — рис с томатным соусом и пряностями.

Хайлайф — музыкальный стиль, возникший в англоязычной Западной Африке в начале XX века, достиг расцвета в -1960-е годы; соединял гитарную группу с джазовыми духовыми и, африканские национальные ритмы с западноевропейскими. Среди наиболее известных исполнителей — Рекс Лоусон, Бобби неон, Виктор Увайфо, Осита Осадебе.

Подождите!

Пожалуйста.

Абубакар Тафава Балева — нигерийский политический деятель, в 1960 г. возглавил первое правительство независимой Нигерии.

Агдада — яркая просторная мужская национальная одежда.

Св. Викентий де Поль, Винсент де Поль (1581–1660) — католический святой, основатель конгрегации лазаристов и конгрегации дочерей милосердия.

Верховный комиссар — представитель одной из стран Содружества в другой стране Содружества.

Высший класс!

Нне — ласкательное обращение к женщине.

Период развития британского империализма начиная с битвы при Ватерлоо в 1815 г. и до окончания Первой мировой войны.

Земляки!

Сабон-Гари (в переводе с языка хауса «новый город») — кварталы в городах Северной Нигерии, где жили выходцы с Юга.

Старшая дочка.

Хорошо выглядишь!

31

Знаешь.

Не может быть!

Выражение удивления.

Спасибо (хауса).

Красивее.

Карл Адольф Эйхман (1906–1962) — немецко-фашистский военный преступник, непосредственно ответственный за уничтожение миллионов евреев. В 1960 г. схвачен агентами израильской разведки, на процессе в Иерусалиме приговорен к смертной казни.

Гереро — народ, живущий в основном в Намибии, а также в Ботсване и Анголе. В 1904–1907 гг. немецкими войсками уничтожено около 65 000 человек (80 %) из племени гереро.

Кваме Нкрума (1909–1972) — президент Ганы, сторонник панафриканизма.

Харматтан — сухой северо-восточный ветер на западном побережье Африки, дующий из Сахары в сторону Гвинейского залива в сухое время года (ноябрь — март).

Колдун, знахарь.

Альфред Эдвард Хаусман, «Из той далекой стороны», перевод Марины Боролицкой.

Сэндхерст — Королевская военная академия Великобритании, самое престижное военное учебное заведение в мире.

Роберт Браунинг, «Пестрый дудочник», перевод Марины Бородицкой.

Мой-мой — пудинг из бобов, готовится на пару.

Что случилось?

Приветствие.

Дружище.

Безобразие!

Как по-твоему?

Выражение нетерпения, гнева на языке хауса.

Суйя — жареное мясо на шпажках.

Чин-чин — сладкое блюдо из теста, жарится в масле.

Удачи!

Уква — семена хлебного дерева.

Счастливого пути.

Сардауна — традиционный почетный титул Ахмаду Белло (1910–1966), первого премьер-министра Северной области Нигерии (1954–1966).

Это красивее.

Все хорошо?

Якубу Говон (р. 1934) — нигерийский диктатор (1966–1975). С июля 1966 г. — главнокомандующий нигерийской армией и фактический глава государства. Проводил курс на федерализацию Нигерии. Свергнут в 1975 г.

Окра — экзотический овощ, незрелые плоды растения семейства мальвовых.

Клич солидарности.

Вы знаете игбо.

Удачи.

Оскорбительное наименование для игбо на языке хауса.

Подумать только!

Кwenu, kwezuenu — обращение выступающего на собрании к народу.

Выражение досады.

Слышишь?

Суп с острым перцем и рыбой.

Только ты.

Блюдо из тапиоки.

Быстро!

Злой дух в мифологии игбо.

Перестань.

75

Скажи ей.

Огири — пряность с резким, неприятным запахом.

До свидания.

Выражение презрения, гнева.

Хорошая моя.

У нее вши.

Полностью.

«Чике и река» — детская книга классика нигерийской литературы Чинуа Ачебе (р. 1930), история одиннадцатилетнего нигерийского мальчика Чике, который переезжает из крохотной Деревни в большой город Оничу.

Джулиус Камбарадже Ньерере (1922–1999) — политический деятель Африки в период деколонизации, основатель и первый президент Танзании (1964–1985).

Ты что, глупый?

Вид тяжелой дистрофии, развивающийся у детей раннего возраста при недостаточном содержании в пище белка. Встречается в странах с тропическим и субтропическим климатом (Центральная и Южная Америка, Африка, Индия).

Кто победит? Биатра победит, игбо!

Честное слово.

Что это?

Вставай, Биафра! Иди войной на Нигерию!
Мы разгромили язычников-хауса.
Разрази их, сокруши их
И возьми в плен Говона.

Старик.

Теofilус Данджума — нигерийский военачальник и политик.

Испугался!

Как дела?

Козел-хауса!

Ведьмак!

Нчоколо — настольная игра; вместо фишек используются камешки или косточки.

Ладно.

Он шутит.

В этой жизни и в следующей.